

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ**

Сборник материалов четвертой Всероссийской
молодежной научной конференции

НОВОСИБИРСК
2015

ББК 63.3(2Р5)0

*Сборник утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН*

И 905 Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: Сборник материалов четвертой Всероссийской молодежной научной конференции. Новосибирск: Параллель; Институт истории СО РАН, 2015. 288 с.

ISBN 978-5-98901-173-5

Редколлегия:

канд. ист. наук Р.Е. Романов (*ответственный редактор*),
канд. ист. наук Т.И. Морозова (*ответственный секретарь*),
канд. ист. наук П.А. Афанасьев, канд. ист. наук Е.В. Бородина,
канд. ист. наук Н.С. Коробейникова, канд. ист. наук М.В. Котляров,
канд. ист. наук Т.А. Кузнецова, канд. ист. наук В.Л. Портных,
И.А. Шипилов.

Рецензенты:

канд. ист. наук А.А. Долголюк
канд. ист. наук В.М. Рынков
канд. ист. наук С.В. Дмитриев

Настоящее издание представляет собой сборник материалов четвертой Всероссийской молодежной научной конференции, проведенной Институтом истории СО РАН совместно с Новосибирским национальным исследовательским государственным университетом и научно-образовательным центром «Историческое сибиреведение» 20–22 августа 2015 г. Включенные в издание статьи посвящены различным вопросам историографии, религии и идеологии, взаимоотношения власти и общества, государственного управления, военного дела, социально-экономического развития, демографическим процессам, проблемам развития современной исторической науки, сохранения и актуализации исторической памяти.

Сборник рассчитан на историков, краеведов, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

ISBN 978-5-98901-173-5

© Институт истории СО РАН

Всемирная и отечественная история с X до середины XIX века

* * *

С.А. Егоров

Представления об истории в картине мира болгарских богомилов (X в.)

Целью статьи является реконструкция представлений об истории средневековой христианской ереси богомилов. В статье анализируются общие представления о характере и динамике исторического процесса, выявляется разница в восприятии различных периодов библейской истории, выделяются основные категории, описывающие историческое мышление богомилов. Представления об истории включаются в общую картину мира болгарских богомилов.

Ключевые слова: ереси средневековые, дуализм, время, пространство, история.

Богомилы являлись приверженцами неортодоксального («еретического») течения в христианстве, зародившегося в Первом Болгарском царстве в X веке. В основе религиозного учения богомильства лежал принцип дуализма, то есть представление о существовании двух богов, олицетворявших этико-метафизические категории добра и зла. Подобное разделение это относилось и к категориям субстанциональным. Благой Бог был создателем и управителем всего духовного, а его противник – Сатана – творцом материи, греховной по определению. На этом фундаменте строилась вся картина мира болгарских богомилов, получившая отражение исторических источниках, прежде всего, в так называемых «Вопросах Иоанна» («Тайная книга богомилов»). Важную роль в этих представлениях об окружающем мире (не только физическом, но и социальном, и культурном) играло восприятие истории, в частности, как определенных исторических эпох, так и характера, и смысла исторического процесса в целом. Данная тема ранее не получила освещения в историографии богомильской ереси. Вместе с тем, в исследования, посвященных описанию общих черт богомильского вероучения, отдельные элементы этих представлений упоминались, хотя и в другом контексте¹.

---

¹ Из последних крупных работ см. *Ангелов Д.* Богомилство в България. София, 1969; *Obolensky D.* The Bogomils: A Study in Balkan Neo-Mahichaeism (1946) – нами

Характеризуя образы истории, бытовавшие в сознании людей X в., необходимо определить типичные для этого времени рамки понятия «история», отличающиеся от современных. Античное и, во многом, раннесредневековое представление об истории можно описать термином «*res gestae*» – «*деяния людей*». Например, в христианской картине мира историей является направленный процесс, протекающий во времени и пространстве от точки начала (Грехопадение и начало «самостоятельной» жизни первых людей в земном Мире) до точки конца (Судный день и возвращение человечества к изначальному «эдемскому» состоянию). В историю, таким образом, не включаются божественные деяния. Хотя они и имеют определяющее значение, но относятся к явлениям иного порядка. Применительно к имеющимся у нас источникам уместно использовать данное понятие истории, призванное отделить собственно «историю» от других элементов общей картины мира¹.

Представление об истории как *res gestae* предполагает наличие пространственно-временных рамок, системы координат, в которой и разворачивается исторический процесс. Складывание этой системы относится к «до-историческому» периоду божественных деяний. Предвечно существующий духовный небесный мир структурирован, а именно упорядочен (состоит из нескольких небес²) и иерархизирован (ангелы представлены как слуги Бога, Сатана – как управитель ангелов³). Замыслив «поставить трон над облаками и стать подобным Всевышнему», Сатана выступил как нарушитель установленного порядка. После изгнания из духовного мира, Сатана, утративший ангельскую сущность, «никому не мог создать покой, и так же тем, кто был с ним» (*hoc hullum requiem poterat facere, neque hi qui cum eo erant*)⁴, так как сам оказался вне какого-либо структурированного пространства. Используя оппозицию «космос – хаос», можно сказать, что «складывается оппози-

---

использовался перевод Оболенски Д. Богомилите. Студия върху балканското новоманихейство. Пер.: С. Риболов. София, 1998.

¹ Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М., 2010. Т. 1. С. 164.

² «... Бога Отца Невидимого, который оберегал ту славу, которая была над всеми небесами» (... *Dei invisibilis patris, et custodiebat illas glorias, quae erant supra omnes coelos*). Тайната книга // Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1970. С. 74.

³ «И сказал я: «Господи, прежде, чем пал Сатана в преисподнюю, какую славу имел он подле Отца»? И сказал он: [пребывал он между] доблестями небес и подле трона Отца невидимого и [был] управитель над всеми» (*Et dixi: Domine, antequam Sathanas cecidisset, in qu gloria assistebat apud Patrem? Et dixit: in virtutibus coelorum et in trono Patris invisibilis, et ordinator erat omnium*). Там же. С. 73–74.

⁴ Тайната книга... С. 76–77.

ция: пространство в Космосе (в центре) – отсутствие пространства в Хаосе, занимающем по отношению к Космосу пространственно периферийное положение»¹. Сатана спрашивает у Бога позволение сотворить мир из уже существующих стихий (вода, воздух, суша), то есть создать структурированное пространство. Последнее представляет собой материальный мир, для которого образцом выступает духовный, хотя и отличающийся от него, присущим по определению, онтологическим несовершенством. Кроме структурированного пространства здесь отмечаются точки начала и конца царствования Сатаны в земном мире: «Отец, имевший милосердие, сделал это и дал покой [Сатане] делать, что пожелает, вплоть до седьмого дня» (*Pater misertus est ejus et dedit ei requiem facere quod voluerit usque ad diem septimum*)². В этом заданном временном отрезке и происходит история. Кроме того, в «Вопросах Иоанна» уточняется: «И спросил я, изучающий, Господа: «Доколе будет царствовать в этом мире Сатана над сущностью людей»? И сказал мне Господь: «Отец мой позволил ему править семь дней, которые есть семь веков». (*Et interrogavi Dominum, discens: usque quo regnabit Sathanas in hoc mundo super essentia hominum? Dixitque mihi Dominus: Pater meus permisit illi regnare VII dies, qui sunt septem saecula*)³. Использованное здесь латинское «saeculum» может быть переведено не только как «век» (100 лет), но и как «поколение» (33 года), и как «эпоха» или «время»⁴.

Таким образом, ключевую особенность представлений богомилов о пространственно-временной структуре мира можно определить как разделенность. Субстанциональная разделенность мира (на духовное и материальное) проявляется в разделении двух «миров» в категориях времени и пространства. Духовный мир Бога локализуется на небесах. Материальный мир Сатаны ограничен видимой частью неба: «И тогда сел [Сатана] над твердью небесной» (*Et tunc sedit super firmamentum*)⁵. Духовный мир пребывает в вечности, так как никаких указаний на временные категории по отношению к нему нет. Период существования земного мира, напротив, четко определен «семью днями», что свидетельствует о наличии времени.

Текст «Вопросов Иоанна» по своей структуре является своеобразным комментарием к Библии. Его роль состоит в том, чтобы дать

---

¹ Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 234.

² Тайната книга... С. 77.

³ Там же. С. 80.

⁴ См. Latin Dictionary by Ch. T. Lewis, Ch. Short. Oxford: Clarendon Press. P. 1613–1614.

⁵ Там же. С. 77.

«правильную» интерпретацию, обеспечить прочтение Библии в дуалистическом духе. В нем освещаются события с восстания Сатаны против Бога и последующего творения мира и человека, через ветхозаветную и новозаветную историю к Судному дню. Данные события представлены достаточно бегло, в форме заполнения «пробелов» библейской истории. Именно эти комментирующие и разъясняющие отрывки могут послужить материалом для реконструкции общих представлений богомилов об истории, ее характере и смысле.

В «ортодоксальной» христианской историософии история представляется как процесс возвращения человека в состояние, существовавшее до Первородного греха. Ее началом является само событие Грехопадения. Богомилы, исповедуя отличную от «официальной» антропологию, объявляли человека так же, как и мир, разделенным на душу и плоть: «И задумал [Сатана] создать человека в рабство себе, и поднял грязь с землей и создал человека, подобного себе. И приказал ангелу... войти в тело [из] глины» (*Et cogitavit facere hominem in servitio sibi, et tulit de limum terra et fecit hominem similem sibi. Et praecepit angelo... introire in corpus luti*)¹. Концепция грехопадения отсутствует в богомильском учении, так как первые люди не отступались от Бога. Они были ангелами, падшими вместе с Сатаной и насильно заключенными им в тела из враждебной материи: «Ангелы сильно расплакались, [когда] увидели на себе образы смертные в различных формах» (*Angeli ploraverunt multum videntes super se formam mortalem esse in divisivis formis*)². Подобно тому, как душа насильно заключена в материальном теле, так и человек от рождения вынужден находиться во враждебном ему греховном материальном мире.

Ветхозаветный период истории (от сотворения первых людей до пришествия в мир Христа) представлялся богомилами как период абсолютной власти Сатаны над земным миром и людьми. Бог, описанный в Ветхом Завете, объявлялся богомилами дьяволом. Так характеризуется это время в «Вопросах Иоанна»: «С тех пор, как Дьявол отпал от славы Отца и собственной славы возжелал, сел он над небесами и послал слуг своих... вниз к людям от Адама до Еноха, служителя [своего]. И послал слугу своего и взял он его [Еноха] на твердь небесную и явил ему божественность свою, и повелел ему взять перо и чернила, и пока сидел, написал 76 книг. И приказал ему взять их на землю. Взял с собой Енох книги и передал сыновьям и научил их совершать обряды и устанавливать места для обрядов, и сделали так и закрыли Царствие небесное для людей» (*Ex quo cecidit Diabolus de gloria Patris et propriam*

---

¹ Тайната книга... С. 78.

² Там же.

*gloriam voluit, sedit super nubes et misit ministros suos... ad homines infra ab Adam usque ad Enoch ministrum. Et misit ministrum suum et assumpsit eum supra firmamentum et ostendit illi deitatem suam, et praecepit illi dari calamum et atramentum, et sedens, scripsit septuaginta VI libros. Et praecepit ei eos deferri in terram. Detulit autem Enoch libros et tradidit filiis et docuit facere formam sacrificiorum et locum sacrificiorum, et fecerunt ita et clausurunt regnum coelorum ante homines)*¹. От сотворения мира и до пришествия Христа люди поклонялись ложному Богу – Сатане, не имея знания о существовании истинного Бога (в данном контексте интересно наименование Бога в богомильской традиции «Отцом Невидимым»).

В этом «закрытом» мире история протекает по особым законам. Сатана посылает к очередным поколениям людей своих лжепророков «от Адама до Еноха». В его честь люди совершают обряды на земле. Персонажи ветхозаветной истории смешиваются между собой: «послал он [Сатана] ангела своего Илию пророка, крестившего в воде, которого называли Иоанн Креститель» (*Misit angelum suum Elyam prophetam baptizantem in aqua, qui vocatur Johannes Baptista*)². Объяснить это можно как невежеством или невнимательностью (в первом автора «Вопросов Иоанна» трудно упрекнуть), так и намеренным пренебрежением к событиям ветхозаветной эпохи, обладавшим одной сутью и повторявшим друг друга. Здесь просматривается не христианское линейное восприятие истории, а близкое к «мифологическому» циклическое восприятие времени³. «В циклическом времени мифа события непрерывно повторяют исконный порядок вечного Цикла... Такой тип сознания обращает мысль не к концу – результату, а к началу – истоку»⁴. Таким истоком, центральным событием для всего ветхозаветного периода в восприятии богомилов представляется заключение души в человеческое тело. Этот акт «пленения» души произошел не только с первыми людьми, но каждый раз повторяется вновь: «Господи, каким образом появляется человек от духа в теле плотском»? И ответил мне Господь: «Падшие духи небесные входят⁵ в тела женские глиняные, и плоть принимают от вождения плоти, и рождается дух от духа и плоть от плоти, и так заканчивается правление Сатаны в этом мире» (*Domine, quomodo in cipitur homo despiritu in corpore carnali? Dixitque mihi Dominus: de*

¹ Тайная книга... С. 80–81.

² Там же. С. 82.

³ Время культуры // Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб., 1998. С. Т. 1. 391–395.

⁴ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб., 2014. С. 355.

⁵ *Ingrediuntur* – глагол в инфинитиве настоящего времени, то есть действие происходит постоянно (в настоящее время).

*lapsis spiritibus coelorum ingrediuntur in corpora feminea lutosa et carnem accipiunt de concupiscentia carnis, et nascitur spiritus de spiritu et caro de carne, et ita finitur regnum Sathanae in hoc mundo)*¹. «Пленение», вызывающее конфликт несовместимых друг с другом духа и материи, является «нервом» всей человеческой истории. Акт насильственного «пленения» происходит всякий раз при появлении на свет человека, когда очередной падший ангел входит в тело человека. Богомилы считали греховными любые интимные отношения: «Последователи Иоанна – женатые и замужние, последователи, идущие за мной – и неженатые и незамужние, и они подобны ангелам Бога на небесах в Царствии небесном». И сказал я: «Если грех с женщинами [совершается], то нет пользы от женитьбы» (*Discipuli Johannis nubunt et nubuntur, discipuli autem mei non nubunt nec nubuntur, sed sunt sicut angeli Dei in coelo on regno coelorum. Et ego dixi: si ita est peccatum cum mulieribus, non expedit nubere*)². К такому греху были склонены дьяволом Адамы Ева, и рождение людей, подразумевающее заключение в плоть новых душ, лишь воспроизводит первый акт греха: «и оба обнаружили себя в разнузданном вожделии вместе за порождением³ детей Дьявола и змея вплоть до исчезновения мира» (*Et ambo inventi sunt on concupiscentia luxuria simul generando filios Diaboli et serpentis usque ad consummationem saeculi*)⁴. Взгляд на историю обращен в начало, исток человеческих страданий, история же представляет собой лишь бесконечное повторение страданий первых людей.

Нигилистическое отношение к ветхозаветной истории имеет последствия и в иной плоскости. «Древняя» история Ветхого Завета дает определенные религиозные ориентиры, формирует пространственно-временную систему координат сакрального. Ими являются «святые места» и «священная история», далеко отстоящие как во времени, так и в пространстве, но служащие определенным образцом поведения. Отрицание всей истории до Христа как периода владычества Сатаны над миром подразумевает десакрализацию прошлого (истории). Любые события «священной истории» теряют свой смысл, так как совершаются по воле дьявола. Например, один из ключевых эпизодов ветхозаветной истории, в частности, исход народа Израиля, лишь упоминается в «Вопросах Иоанна» и в однозначно негативном контексте: «Когда узнал Сатана, что я приду в этот мир, он послал ангела своего и взял [части] от трех деревьев и отдал их пророку Моисею, чтобы распять

---

¹ Тайната книга... С. 80.

² Там же. С. 83.

³ Generando – глагол в герундии, то есть обозначает длящийся процесс (незавершенный).

⁴ Тайната книга... С. 79.

меня, и дерево это хранится для меня поныне. И возвестил он божественность свою и закон сынам Израиля, и затем вывел их по суше через море» (*Cum autem cognovisset Sathanas, quod descenderem in hunc mundum, misit angelum suum et accepit de tribus arboribus et dedit Moysi prophetae ad crucifigendum me, quae ligna mihi custodiuntur usque nunc. Et ipse annuntiabat ei deitatem praecepitque et legizare filiis Israel, et ita eduxit eos per siccum per medium maris*)¹. Десакрализация пространства осуществляется, в том числе, посредством отрицания культа святых. Проиллюстрировать это можно отрывком из антибогомильского трактата Козмы Пресвитера, бывшего современником появления ереси: «Бѣси бояться кости и праведникъ Божиих не смѣюште приближитии къ ковчегомъ в них же лежить бесцѣнное сокровиште даное христианом на избавление всякоя бѣды. Еретици ж ругают ся им и нам смѣются видяштены кланяюшта имъ, и просяште от них помощи... и Божия чюдеса охуляютя же творят святыхихъ мошти силою святааго духа»². Культ святых включает в себя не только почитание мощей или икон, но и разного рода святых мест (отмеченных какими-либо значимыми событиями жизненного пути святого и тоже приобретающих свойство святости), вместе составляющих сакральную «ментальную карту». В богомильском учении, отрицательно относившемся к земному миру вообще, происходит своего рода деконструкция этих ментальных установок. В истории важно лишь начало, приведшее к нынешнему трагическому положению человека во враждебном, греховном мире. Все случившееся после является лишь воспроизведением первоначальных событий.

Рубежом эпох является пришествие Христа. В рамках богомильского учения оно обладает иной ролью, нежели в доктринах православной или католической церкви. В силу своего дуалистического мировоззрения богомилы в вопросе о природе Христа придерживались доктрины докетизма. Сын Божий не мог воплотиться в греховную материю и сошел на землю лишь в духовной форме: «Когда задумал Отец мой послать меня в этот мир, послал передо мной ангела своего через Духа Святого, чтобы принять меня, который назывался Мария, мать моя, и я сошел [на землю] через ее ухо, вошел и вышел» (*Quum cogitavit Pater meus mittere me in mundum istum, misit ante me angelum suum, per Spiritum sanctum, ut reciperet, qui vocabatur Maria, mater mea, et*

¹ Тайная книга... С. 81–82.

² Слово с-того Козмы Пресвитера на еретики... // Попруженко М.Г. Козма Пресвитеръ. Болгарскій писатель X века. Български старини. София, 1936. Кн. 12. С. 5.

ego descendens per auditum introivi et exivi)¹. Христос является посланником Бога в земной мир, «чтобы явить имя мое людям и чтобы познали Его (Бога) и злого Дьявола» (*ut manifestem nomen meum hominibus, et ut cognoscant eum et malitiosum Diabolum*)², то есть призван передать людям знание об истинном Боге и ложной божественности Сатаны. «Закрытый» от контактов с истинным Богом мир открывается им же «снаружи», так как сами люди не в состоянии сделать этого. Однако пришествие Христа не только открывает людям истину, но и создает условия для высвобождения из «пленения» и окончания властвования Сатаны в мире. Только получив «истинное» крещение (войдя, тем самым, в общину богомилов), человек мог обрести спасение: «И снова я, Иоанн, спросил Господа: «Может человек обрести спасение через крещение Иоанна»? «Без моего крещения, которое есть крещение для отпущения грехов, говорю одно, что никто не сможет обрести спасение Божие, ибо я есть хлеб жизни, спустившийся с седьмого неба» (*Et iterum ego Johannes interrogavi Dominum: potest homo habere salvationem per baptismum Johannis? Sine meo baptismo, quo baptizo in missionem peccatorum, inquam solum, nullus potest habere salvationem Dei, ex quo ego sum panis vitae descendens de septimo coelo*)³. И далее: «И снова спросил я Господа: «Каким образом весь мир принял крещение Иоанна, а твое не каждый принимает»? Ответил мне Господь: «Потому, что дела их злы и не идут они к свету» (*Et iterum interrogavi Dominum: quomodo totus mundus accepit baptismum Johannis, tuum autem non omnes accipiunt? Respondit mihi Dominus: ideo, quia opera eorum mala sunt et non veniunt ad lucem*)⁴. Это, в свою очередь, и является условием для окончания власти Сатаны в мире. В «Вопросах Иоанна» Христос объявляет, что Судный день начнется, «когда сравняется число праведников с числом павших венков» (*Et erit cum consummabitur numerus justorum secundum numerum coronarum cadentium*)⁵. Данное событие становится возможным лишь после его пришествия и передачи истинного знания людям. С момента «открытия» мира истинное знание распространяется и количество праведников неотвратно увеличивается, а значит и исторический процесс неотвратно движется к концу. Здесь восприятие истории устремлено уже не точку начала, а на точку окончания, то есть она приобретает линейный вид и конкретную направленность. Конечным итогом истории должно стать «освобождение» людей из многовекового

¹ Тайната книга. С. 82.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 83.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Там же. С. 84.

плена материи: «И по воле Отца, наконец, и освободятся души неверующих из темниц» (*Et per licentiam Patris, exibunt de carcere spiritus increduli aliquando*)¹.

Таким образом, внешне исторический процесс в представлении богомилов является направленным от начала к концу. Но внутри он неоднороден, так как отчетливо выделяются два периода, имеющие различный характер. История до Христа (ветхозаветный период) циклична и ориентирована на точку начала². История после Христа (новозаветный период) линейна и направлена к точке конца. Новозаветный период является полноценной историей в силу своего линейного и динамичного характера. События не воспроизводят, а сменяют друг друга, по мере движения к конечной цели. Рамки истории сжимаются (началом является пришествие Христа). Сама она устремляется к концу и становится более динамичной (ожидания скорого Судного дня). Такое двойственное понимание исторического процесса прямо выводится из дуалистических представлений богомилов. Если первый период является эпохой абсолютного господства Сатаны, то второй проходит в ожидании скорого триумфа духовного мира в лице Бога над миром земным. Таким образом, категория «разделенности» представляется как основная в восприятии истории. Ветхозаветный период может быть описан в категориях «закрытого» мира и «пленения» человека, новозаветный период – «открытия» этого мира и «высвобождения» человека из «темниц» материи и, одновременно, земной власти Дьявола, под которой пребывает человек.

---

¹ Тайная книга... С. 86.

² Подобное восприятие ветхозаветной истории появляется лишь в рамках богомильской интерпретации, противореча в целом линейной концепции истории, выраженной в Ветхом Завете: например, в книгах пророков, исполненных ожиданиями скорого прихода Мессии.

Военное дело служилых татар в XV в.

Статья посвящена едва затронутой в историографии теме военного дела российских служилых татар XV в., то есть первых десятилетий существования этой этно-сословной группы служилых людей Московского государства. Малочисленность сведений по этому вопросу стала причиной того, что большинство историков, занимавшихся служилыми татарами, обошли ее стороной. Тем не менее, имеющиеся источники позволяют сделать определенные выводы на этот счет. Отмечена специфика XV в. в истории военного дела служилых татар, заключающаяся в сохранении реликтов золотоордынской военной традиции, а также в самом образовании данного слоя и вхождении его в формирующееся поместное войско. Выявлены вероятные источники пополнения арсенала служилых татар, что позволило с определенной уверенностью представить особенности их оружейного комплекса.

Ключевые слова: служилые татары, военное дело, Московское государство XV в.

В настоящей статье рассматривается военное дело российских служилых татар XV века. Такая важная и знаковая часть культуры служилых татар, как военное дело в историографии получила слабое освещение, хотя отдельные аспекты его (численность, основные задачи татар на театре военных действий) затрагивались с XIX века¹. Только в последние годы стали появляться специальные исследования по данной теме². Однако начальный период существования этой служилой корпорации оставался на обочине исследований, что связано с фрагментарностью источни-

---

¹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 430–445; 1866. Ч. 3. С. 22–33; Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russia common wealth» как исторический источник. СПб, 1891. С. 334–347.

² Например: Бобров Л.А. Кольчатые доспехи в комплексе вооружения воинов Западной Сибири конца XVI–XVII вв. // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. Новосибирск, 2013. Т. 12. Вып. 7. С. 213–222; Бобров Л.А., Багрин Е.А. О некоторых особенностях эволюции костюма и комплекса вооружения татарской служилой элиты Западной Сибири конца XVI – XVII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 7: Археология и этнография. С. 124–130; Илюшин Б.А. Военное дело российских служилых татар XV–XVII вв. в историографии // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сборник материалов III Всероссийской молодежной конференции (21–24 августа 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 46–54; Илюшин Б.А. Военное дело российских служилых татар XV–XVII вв. // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 21: Материалы VII международной конференции Источники по истории кочевников средневековой Евразии. М., 2014. С. 145–160.

ков по военному делу служилых татар (что характерно и для военного дела Руси XV в.), представленных лишь несколькими нарративами и немногочисленным документальным материалом. Кроме того, полное отсутствие достоверных материальных источников по служилым татарам XV в. делает изучение их военного дела гораздо сложнее, чем современного ему русского. Поэтому особенности военного дела служилых татар XV в. известны гораздо хуже, чем особенности военного дела более поздних времен, от которых дошел гораздо более представительный материал.

Для истории служилых татар и их военного дела XV в. специфичен уже в силу того, что именно в середине этого столетия начала складываться данная группа служилых людей. Также XV в. – время затухания золотоордынских традиций, в том числе в военном деле, начало нового этапа развития военного дела народов Восточной Европы, а также период складывания поместной системы в Московском государстве. Кроме того, особенность XV в. в истории служилых татар определяет и то, что в их состав еще не вошли воины Казанского ханства, а многие известные территориальные группы (типа арзамасских, курмышских или алатырских татар) еще не сложились.

Причины возникновения слоя служилых татар и их участие в военной истории Москвы рассматривал Н.П. Павлов, хотя само военное дело служилых татар в его статье затрагивается лишь косвенно. Как отметил автор, татары были нужны великим князьям из-за малочисленности и ненадежности собственных войск (особенно в то время, когда значительная их часть состояла из подданных удельных князей), в качестве вспомогательного недорогого войска. Возглавлявшие татарские отряды Чингисиды номинально имели очень высокий статус, но на деле не обладали самостоятельностью и зависели от князя московского. Несмотря на частое участие татарских отрядов в военных действиях между Москвой и ее противниками (в основном с русскими князьями и Новгородом), их военное значение было невелико. С Литвой и степью в тот период служилые татары сталкивались еще реже¹.

Участие служилых татар в походах русских войск при Иване III, а также некоторые аспекты их тактики затрагиваются в фундаментальном исследовании Ю.Г. Алексеева². Не решенный в историографии вопрос об участии служилых татар в Шелонской битве

---

¹ Павлов Н.П. Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Красноярск, 1957. Т. 9. Вып. 1. С. 165–177.

² Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 464.

1471 г. подробно разобрал М.А. Несин¹, в статье которого кратко рассмотрена история изучения вопроса. Автор приходит к выводу об участии и значительной роли татар Данияра в Шелонской битве.

В монографии А.В. Белякова перечислены случаи участия дворов служилых Чингисидов и служилых татар вообще в войнах Руси второй половины XV века. Автор отмечает сохранение автономии военных отрядов Чингисидов на русской службе и утрату ее к XVI в., нахождение татар чаще всего в передовом полку (что «обуславливалось какими-то военно-тактическими соображениями, смысл которых ускользает от нас»)².

Таким образом, военное дело служилых татар XV в. не становилось объектом изучения, несмотря на то, что ряд аспектов этого вопроса попал в поле зрения историков в связи с изысканиями по истории служилых татар и войн Московии.

Существует несколько художественных реконструкций внешнего вида служилых татар XV века. Выполнены они, однако, без каких-либо ссылок на источники; и являются, скорее, общим взглядом на оружейный комплекс восточноевропейских татар того времени.

Первая из них является иллюстрацией к научно-популярной статье по истории касимовских татар и изображает касимовского хана и рядового воина³. Хан имеет традиционное золотоордынское вооружение, которое уже испытало иранские и турецкие оружейные традиции: тюрбанный шлем с глухой кольчужной бармицей, двойной доспех из простой кольчуги и надетого поверх нее колонтаря, а также стальные двустворчатые наручи, слабоизогнутая сабля и лук. Второй же вооружен в соответствии с тогдашней тактикой маневренного дистанционного боя – лук и стрелы, а также тегильяй и цельнокованный шлем-шишак.

Другая реконструкция – две черно-белые иллюстрации А.В. Красникова к статье М.А. Несина⁴. На первой конный татарин вооружен слабоизогнутой широкой саблей, очевидно, турецкого типа, луком и стрелами. Для защиты корпуса используется пластинчато-нашивной доспех позднезолотоордынского времени. На голове – цельнокованный шлем со сплошной кольчужной бармицей. На другой иллюстрации – татарский конник одет в куяк. Никаких пояснений к иллюстрациям нет.

---

¹ Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. IV. С. 464–482. URL: <http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin> (дата обращения: 27.03.2014).

² Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 180–189.

³ Васин П. Касимовские татары // Империя истории. 2006. №4. С. 99.

⁴ Несин М.А. Шелонская битва.

Из складывающегося слоя служилых татар в XV в. выделялись лишь касимовские, или мещерские. Другие территориальные группы возникли уже в следующем веке. У служилых татар сохранялось традиционное сословное деление на казаков (простых воинов), мурз и князей, царевичей и «царей». Первые десятилетия татарские отряды оставались в полном подчинении Чингисидов¹, хотя при тех уже появляются приставы из русской знати. Служилые татары, не соотносимые в источниках с какой-то устойчивой татарской группой, изначально возглавлялись русскими².

Татары вошли в состав вооруженных сил Московского княжества в период, когда на смену совокупности великокняжеской дружины, дружин удельных князей, городских ополчений приходит более эффективная организация, основу которой составило поместное ополчение детей боярских и дворян. Как и другие служилые «по отечеству» татары для службы наделялись землей, хотя поначалу татары служили, судя по всему, за жалование и часть добычи³.

Состав оружейного комплекса служилых татар XV в. установить затруднительно уже в силу однобокости имеющихся источников – достоверные вещественные и изобразительные материалы по этому вопросу отсутствуют. Остаются только письменные – нарративы и актовый материал. Но и они весьма лаконичны.

Ввиду этого важным является вопрос о вероятных источниках поступления предметов вооружения. Те, кто только выехал на цареву службу, могли привозить свое вооружение. Его же могли использовать их потомки, однако, все же, доспехи и оружие рано или поздно приходили в негодность, а стрелы нужно было пополнять во время походов регулярно. Поэтому нужно учитывать особенности вооружения татар Большой орды и Крыма, а также тенденции в военном деле народов Восточной Европы и исламских стран. В XV в. золотоордынский комплекс вооружения выходит из употребления. К XVI в. для тюркских народов Восточной Европы становится характерным почти полное отсутствие у основной массы воинов доспехов из металла и активное использование доспехов импортного (османского и иранского) производства у знати. Произошло это из-за утраты западными кочевниками навыков массового производства вооружения в степных условиях и при разрушении городских центров Золотой орды⁴.

---

¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. / Ред. В.И. Буганов. М., 1966. С. 86.

² Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 87; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 48–49.

³ *Беляков А.В.* Чингисиды... С. 263–265.

⁴ *Горелик М.В.* Монгольская латная конница и ее судьба в историческом персептиве // Военное дело Золотой орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордын-

Татары, будучи подданными Московского государства, могли быть среди покупателей предметов вооружения, которые в определенном количестве ввозились преимущественно из мусульманских стран. Известно, что в XVI в. на Руси ценились качественные, изящно выполненные иранские сабли¹. Меньше ввозилось из Османской империи и Ирана иных видов оружия (включая парадные щиты). Луки и стрелы закупались также в Крыму². Павел Йовио о крымских татарах, например, сообщал, что при подготовке к набегу на европейские страны их правители закупают у персов железные шлемы, брони и сабли³, т.е. правомерно предполагать наличие у знатных выходцев из Крыма предметов вооружения османского и иранского производства и тех видов, что были распространены в тот период там. Служилые татары начинали пользоваться оружием русского производства, которое, как известно, в тот период производилось по восточным образцам. Арсенал мог пополняться за счет военных трофеев. Известно, что меццерские казаки (татары) совершали набеги на ногаев и татар. Менгли-Гирей в 1493 г. предъявлял Ивану III достаточно большой список награбленного меццерскими казаками, что требовалось вернуть, в том числе данные ханом ограбленному «царевичу» Мамишеку панцирь, шлем, тегияль и саблю, а также саадаки и сабли восемнадцати его спутников⁴. Отдельно стоит сказать о стрелах. В силу специфики использования, стрелы разных форм гораздо легче распространяются и перемешиваются, вне зависимости от локальных традиций. Растроченные после боя стрелы не все можно собрать, а часто их запас пополняли из колчанов убитых врагов. Особенно это касается условий маневренного боя и стремительных передвижений конных отрядов.

Вопрос об обеспеченности служилых татар XV в. защитным вооружением сложен. Известно, что ко второй половине XV в. происходит изменения в военном деле народов Восточной Европы и тяжеловооруженная конница окончательно пропадает с полей

ского Форума. Казань, 2011. С. 56–57.

¹ *Фехнер М.В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956. С. 92.

² Там же.

³ *Йовий, Павел.* Книга о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 289.

⁴ Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Ивану Васильевичу // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Ч. I. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией. Ч. I. (годы с 1474 по 1505). Спб., 1884. С. 175–176.

сражений, а также то, что в XVI в. доспехи были нехарактерны для служилых татар¹.

Во время войны с новгородцами в 1456 г. в Русе было побито 50 москвичей и татар. Многие новгородские воины, войдя в Русу, спешились и начали грабить убитых «шестноков и Татаров», снимали «платье и доспехи»². Участие служилых татар в войнах против Новгорода (что подробнее рассмотрено ниже), опять же, говорит о том, что среди них имелись воины в доспехах, способные атаковать в контактном бою новгородские полки. Использование крымскими татарами тегиляев и «пансырей» (очевидно, кольчатых), говорит о том, что и состоятельные служилые татары (особенно выходцы из Крыма) могли иметь такие же доспехи.

Однако уже Контарини в 70-х гг. XV в. описывал ордынских татар как слабо вооруженных, но смелых, воинов, лишь 2000 из которых якобы имели луки и сабли³. Не стоит понимать буквально такое заявление, которое и сам Контарини не отмечает как абсолютно достоверное. Но, судя по всему, это свидетельство снижения значения тяжелой конницы в военном деле тюркских народов Восточной Европы.

Известно, что в XVI в. татары практически не пользовались щитами, и на Руси они тоже выходят из употребления. Сведений о щитах у татар в XV в. нет, но если они еще использовались, то это были типичные круглые небольшие щиты «монгольского» типа⁴.

Лук и стрелы – мощное оружие дистанционного боя – было традиционным для кочевников, и после окончательного исчезновения тяжелой конницы в Восточной Европе; стало основным для татар и дворянской конницы. Интенсивная стрельба из лука уже в XV в. была, по-видимому, наиболее опасным и эффективным средством атаки (о чем говорят походы против Новгорода).

Однако, еще сохранялось большое значение контактного боя с использованием копий и клинкового оружия. Атаки татар на новгородские полки, вооруженные копьями и другим оружием, вряд ли могли иметь какой-то эффект в отсутствие копий. В ближнем

---

¹ *Илюшин Б.А.* Вооружение и тактика служилых татар Московского государства (XV–XVII вв.) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 6. (2013–2015). Казань, 2015. С. 15–26.

² *Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки* // Полное собрание русских летописей. Т. 16. М., 2000. С. 195.

³ *Контарини, Амброджо.* Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XVI в. Л., 1971. С. 223.

⁴ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 168; *Богоявленский С.К.* Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. 1938. № 4. С. 260; *Горелик М.В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 260.

бою татары (по крайней мере, состоятельные) могли использовать сабли и палаши, хотя конкретных сведений по ним почти нет. Также на вооружении у татар встречались шестоперы (короткодревковое оружие ударного типа)¹.

Из летописей можно получить некоторые сведения о тактике служилых татар.

В походе против Новгорода в 1456 г. на Русу была послана изгонная рать (в пять тысяч), включавшая «Татарскую силу» царевича Момотьяка. Новгородцы вскоре выбили ее из Русы, и принялись грабить убитых. Тут подошли новые низовые силы, и «Татарове начаша стреляти кони» у новгородцев, а потом ударили сзади и со сторон, и «смутиша» новгородскую силу².

В летописи, как правило, скупой на подробности в описании боевых действий, видимо, специально отмечены действия татар: они стреляли по лошадям, дабы лишить противника ударного потенциала, мобильности, смутить его. Это очень напоминает тактику монголов, описанную еще в конце XIII в. Марко Поло³. Далее татары и русские, произведя обход с фланга и тыла, ударили по потерявшему ударный потенциал противнику.

Сведения об участии татар в битве на р. Шелонь в 1471 г. в источниках разнятся. Одни источники дают повод усомниться в участии татар в самой битве, но отмечают, что татары потеряли 40 человек «в загоне»⁴. Другие, напротив, говорят в пользу участия татар: именно их рать ударила неожиданно по новгородцам и решила исход битвы⁵. В любом случае тут можно отметить одну интересную деталь: тактика московских войск, смутившая превосходивших численно новгородцев интенсивной стрельбой по коням, а также ложное отступление и удар засадной рати, схожа с татарской, описанной выше, и является недавним (неожиданным для новгородцев) заимствованием от степняков. Это отмечает и Ю.Г. Алексеев⁶.

Кроме того, по источникам следующих веков известно, что для всех татар был характерен такой традиционный тактический прием номадов, как «хоровод» – кольцевидный строй кочевников для ведения лучного боя на средней и малой дистанции, представлявший собой замкнутое кольцо конных лучников, поражающих

---

¹ Пековские летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 86–88.

² Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // Полное собрание русских летописей. Т. 16. М., 2000. С. 195.

³ Поло, Марко. Книга Марко Поло / ред. С.Н. Кумкес. М., 1956. С. 91.

⁴ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 122; Софийская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 6. СПб., 1853. С. 193.

⁵ Несин М.А. Шелонская битва. С. 464–482.

⁶ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 132.

врагов стрелами на полном скаку. Кольцо могло быть собрано как напротив вражеского войска, так и вокруг него. «Хоровод» позволял нанести противнику максимальный урон на значительной дистанции, сведя к минимуму свои потери, но требовал слаженности действий и четкого командования, а также мог быть разогнан ударом вражеской конницы¹.

Непосредственное участие в боевых действиях, судя по всему, изначально являлось основной задачей служилых татар. Это видно по сообщениям летописей, важности роли татар в военных действиях, зачастую самостоятельности этих действий, при отсутствии упоминаний о других видах службы, характерных для более позднего времени. С середины XV в. татары участвовали в войнах с Новгородом (о чем уже говорилось) и Шемякой, с Большой ордой² и самостоятельно отбивали набеги ордынцев³. О том, что первоначально двory служилых Чингисидов рассматривались именно как военная сила, пишет и А.В. Беляков⁴.

Как видим, немногочисленные источники позволяют предположить служилых татар XV в. как значительную военную силу на службе великих князей. Их основной задачей было непосредственное участие в битвах и отражение набегов номадов. Фрагментарность источников не позволяет однозначно определить оружейный комплекс татар, однако можно уверенно предполагать сохранение (по крайней мере первые десятилетия) ордынских традиций, что выражалось в использовании защитного вооружения, копий и нанесении копейного удара по вражеским полкам. Однако в течение этого же времени, к XVI в. тяжелая конница исчезает, и служилые татары впредь составляют легкую конницу, использующую луки и связанные с этим традиционные приемы дистанционного боя, параллельно теряя значение ударной военной силы.

---

¹ Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV–XVI веках // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 г. СПб., 2013. Ч. I. С. 233–237.

² Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. С. 103; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 146–162.

³ Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство. С. 101; Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII вв. С. 282; Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб., 1901. С. 75; Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. С. 210; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 266, 311–317; Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство. С. 122–123.

⁴ Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков. С. 257–258.

Русская и «иноземческая» присяга российскому государю в Сибири в XVII в.*

В статье рассматривается проблема происхождения, функционирования и эволюции публично-правовых актов, с помощью которых в Московском государстве XVII в. оформлялось подданство сибирских народов. Выделены основные компоненты условного формуляра шертоприводных записей и проведен их сравнительный анализ с формулярами крестоцеловальных. Автор делает вывод о трансформации дипломатической формы общения с сибирскими иноземцами от двухстороннего соглашения (шертного договора) к форме присяги на верность. Выявленное формальное сближение шертоприводных записей с крестоцеловальными приводит автора к предположению, что в XVII в. дискурс Московского государства содержал акцент на безусловности подданства всего населения.

Ключевые слова: Сибирь; русско-аборигенные отношения; подданство; присяга; шертоприводные записи.

Присоединение Сибири к России затрагивало целый комплекс важных этносоциальных и социокультурных процедур. Как правило, «маркером» присвоения территории было обложение сибирских иноземцев данью-ясаком и взятием с них аманатов – заложников из числа вождей, «лучших людей» и их детей. Аманаты должны были обеспечивать лояльность подчиненных родов и гарантировать уплату ясака. Однако помимо пополнения «государевой» казны, московские власти также ставили перед собой задачу инкорпорации сибирских территорий и народов в систему российской государственности. Важнейшим способом, обеспечивающим решение этой задачи, являлось приведение «иноземцев» в подданство Российского государства, или в понятиях того времени – «в вечное холопство» «государю, царю и великому князю всеа Русии самодержцу». Для оформления подданства русская власть обратилась к известному ей опыту шертования.

Понятия «шерт», «шертные записи» и «шертные грамоты» (от араб. «шарт» – условие, договор, соглашение) появились в русском политическом лексиконе в XV в. и использовались для обозначения соглашений между московским государем и правите-

---

* Работа выполнена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом научного проекта № 13-01-00027

лями некоторых владений к востоку от российских рубежей¹. Оформление договоренности с представителями нехристианской веры выглядело так: российская сторона подтверждала положения договора целованием креста, вторая сторона удостоверяла действительность соглашения через обряд (если договаривающийся стороной были язычники) или апелляцию к Корану (в случае договора с мусульманами). Таким образом, процедура состояла из двухстороннего «клятвенного» удостоверения положений шерстной записи.

Первое упоминание «шерстного ярлыка» (грамоты) в российской дипломатической практике относится к 1474 г., когда был заключен договор между Московским государством и Крымским ханством. Подтверждение договора в тексте грамоте выглядит следующим образом: «Ярлык или шерстная (клятвенная) грамота, данная Великому князю Иоанну Васильевичу, от крымского царя Менгли Гирея пред Российским послом боярином Никитою Беклемишевым и крестным Великому князю целованием перед крымским послом Довлетек Мурзою»². В свою очередь правители и дипломаты мусульманских стран подтверждали дипломатические документы апелляцией к Аллаху и Корану.

Двухстороннее оформление шертоприводных обязательств также фигурирует в документальном свидетельстве о шертовании остяков 1484 г., опубликованным С.В. Бахрушиным³. Обрядовое действие, сопровождавшее оглашение текста шертоприводной записи исполнялось обеими сторонами, в результате чего получился «синтез» православного поклонения кресту и языческой клятвы. Символику обрядовой церемонии, культовую атрибутику и ритуальное поведение, сопровождавшее «шерть кодских и югорских князцов 1484 г.» подробно изучила Е.В. Перевалова, отметив сохранение отдельных элементов описанной клятвы вплоть до конца XIX века⁴. Общей чертой упомянутых шертей является наличие предварительных посольских переговоров, в которых обсуждались условия обязательств, даваемых обеими сторонами.

С началом присоединения Россией Сибири процедура шертования в отношении местных народов, которых включали в российское политико-правовое пространство, видоизменяется и приобретает значение безусловной присяги на верность с фиксацией

---

¹ *Трепавлов В.В.* «Шертные» договоры: российский прообраз протектората // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. III Междунар. науч. конф.: Тез. докл. / Челябин. гос. ун-т. Челябинск, 1995. Ч. 1. С. 28.

² *Андреев А.Р.* История Крыма. М., 2002. С. 49.

³ *Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества. Л., 1935. С. 86–87.

⁴ *Перевалова Е.В.* Шерть, «Медвежья присяга» и пляска с саблями // Уральский исторический вестник. 2013. № 4 (41). С. 120–131.

вечного характера подчиненного статуса¹. Такое подданство аборигенного населения Сибири российскому государю оформлялось через оглашение положений шертоприводных записей. Причем к шерты приводили не только предводителей крупных этнотерриториальных объединений, глав «родов» и «лучших людей», но и порой рядовых «улусных людей», попавших в плен либо прибывших на переговоры. По мере укрепления своей власти русская администрация стремилась охватить шертованием всех взрослых мужчин – глав семей².

На широкое распространение процедуры шертования на территории Сибири неоднократно указывалось в исследовательской литературе, однако содержание положений шертоприводных записей становилось предметом исследования историков чаще всего лишь в контексте русско-аборигенных отношений на материале какого-либо конкретного этносоциума.

Специальный анализ шертоприводных записей проводился А.П. Уманским при изучении русско-телеутских отношений в XVII веке. На основе анализа текстов шертоприводных записей автор пришел к выводу, что «подданство» Телеутской земли в XVII в. русскому царю по характеру и форме представляло собой военно-политический союз, скрепленный договором (шертью)³. Схожая оценка шертоприводным записям также давалась М.О. Акишиным. При помощи методов юридической науки исследователь по формальным признакам отнес шерты к категории неравноправных международных договоров⁴. На материале русско-якутских отношений в XVII в. шертоприводные записи исследовал В.Н. Иванов, заключив, что в якутском обществе XVII в. шерть выполняла функции основного регулятора отношений между отдельными племенами или их объединениями и являлась важным юридическим актом, оформлявшим принятие российского подданства народами Якутии⁵.

Тенденцию к расширению проблематики изучения шертоприводных записей продемонстрировал А.Ю. Конец. Поставив вопрос о происхождении и эволюции этой разновидности публично-пра-

---

¹ *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 136–137.

² См., например: Шертоприводная книга 1683 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 817. Д. 2. Л. 84–137 об.

³ *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 18.

⁴ *Акишин М.О.* Шертование народов Сибири при присоединении к России. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 5: Археология и этнография. С. 233–241.

⁵ *Иванов В.Н.* Принятие российского подданства народами Якутии в XVII веке // Якутский архив. 2009. № 2. С. 3–6.

вовых актов, автор четко развел два варианта шертования: как процессуально-ритуальной формы доказательства невиновности, и как присяги на верность. Историк также отметил, что шертные записи «в широком смысле» имели «то же юридическое значение, что и крестоцелование – присяга православных подданных»¹. На схожесть двух типов публично-правовых актов – крестоцеловальной записи и шертоприводной записи – также было указано в публикации А.С. Зуева и В.А. Слугиной². Выявление связей между этими двумя типами актов, юридически оформлявших подданство в Московском государстве в XVII в., представляется достаточно перспективным. Сопоставление двух типов присяг – крестоцеловальных записей, предназначенных для русского православного населения, и шертоприводных записей, разрабатываемых для аборигенного населения Сибири, – позволит не только выявить формальные и содержательные стороны источников, но и приблизиться к пониманию характера подданства народов Сибири в контексте политического дискурса Московского государства.

Исходя из принадлежности шертоприводных и крестоцеловальных записей к актовым источникам, изучение внутренней структуры и стилистических особенностей их текстов можно осуществить посредством дипломатического (формулярного) анализа. Используя методологические разработки С.М. Каштанова, тексты актов можно разделить на статьи, обороты и элементы³. Проведение сравнительного формулярного анализа позволит воссоздать фрагментарно сохранившийся источник как явление культуры своего времени и выявить формальные условия подданства сибирских народов, зафиксированные в шертоприводных записях, а также сопоставить их с условиями подданства православного (русского) населения, изложенными в крестоцеловальных записях.

Следует особо отметить, что формуляр шертоприводных записей сложился только к началу XVII в. одновременно с формализацией текстов крестоцеловальных записей. Образцы шертоприводных записей разрабатывались в Сибирском приказе и отправлялись в Сибирь местным воеводам чаще всего вместе с наказной памятью и образцом крестоцеловальных записи. Исходя из этого, именно на материалах XVII в. возможно проведение сравнительного анализа шертоприводных и крестоцеловальных записей.

---

¹ *Конев А.Ю.* Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI – XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 172.

² *Зуев А.С., Слугина В.А.* «Служити мне государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичю» // Исторический архив. 2011. № 2. С. 183–189.

³ *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 29–30.

Источниковой базой исследования являлись шертоприводная запись Василию Шуйскому 1605 года¹, образец шертоприводной записи «братских князцов» 1642–1645 годов², крестоцеловальная запись Алексею Михайловичу 1645 года³, шертоприводная запись для тунгусов 1645 года⁴, образец шертоприводной записи якутов второй половины 1640-х годов⁵, образец «шертной записи», «по которой клялись магометанского закона подданные...» 1648 года⁶, а также образец «присяги русских всяких чинов людей» 1651 года⁷ и шертоприводная запись Алексею Михайловичу для юкагиров 1650/1651 г.⁸ и др. В центре нашего внимания оказались образцы шертоприводных записей, относящихся к тем территориям Сибири, где имелся достаточный административный ресурс, позволявший действительно «управлять» пространством проживающего этносоциума. Вне поля данного исследования остались шертоприводные записи, предназначенные для кочевников Южной Сибири – телеутов, кыргызов, монголов. Сложный характер взаимоотношений с ними русской власти обусловил заметную специфику параметров их шертований.

В общем виде формуляр шертоприводной и крестоцеловальной записи состоит из оборота «яз имярек» (интитуляция), инскрипции (обозначения адресата, в данном случае титул царя) и диспозиции (перечисления статей, излагающих перечень обязательств присягающего); санкция присутствует только в крестоцеловальной записи Василия Шуйского 1605 г.⁹ и в шертоприводных записях Сургутского¹⁰ и Верхотурского уездов¹¹ 1646 года. В данной статье мы сконцентрируемся на анализе статей диспозиции шертоприводных записей в сравнении со статьями крестоцеловальных.

---

¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 199. Оп. 1. №133. Ч. 1. Д. 19. Л. 56–57.

² Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Сб. док. под ред. Я.П. Алькора и Б.Д. Грекова. Л., 1936. С. 10–11.

³ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. №133. Ч. 3. Д. 224. Л. 115–116.

⁴ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 645. Л. 21–22.

⁵ Материалы по истории Якутии XVII века (документы ясачного сбора). М., 1970. Ч. 3. С. 967–969.

⁶ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1822. Ч. 3. С. 440–442.

⁷ Зуев А.С., Слугина В.А. «Служите мне государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичю» // Исторический архив. 2011. № 2. С. 187–188.

⁸ Там же. С. 188–189.

⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 19. Л. 56–57.

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 256–257.

¹¹ Там же. Л. 106–110.

В первую очередь обратим внимание на то, что некоторые статьи присяги иноземцев полностью цитировали текст крестоцеловальной записи. Дословно совпадали два обязательства:

1. «Служить и прямить» государю, не иметь сношений и связей с неприятелями и «изменниками» России и не защищать их; не «отъезжать» в «немирные» земли и не призывать других государей на Московское царство.

2. По приказу царя «ходить» с российскими войсками против неприятелей России; на войне служить «без измены», подчиняясь воеводам и начальным головам.

Эти обязательства содержат перечень реалий – имен, названий географических объектов и названий этносов. Упоминаемые в шертоприводных записях реалии можно разделить на два типа. Первые относятся к описанию понятий, актуальных скорее для европейской части государства; они содержатся и в крестоцеловальных записях. Например, перечень государств, из которых «нельзя призывать» на московский престол царей, королей и королевичей, включает Польское и Литовское «царства» и «Немецкие реши (государства. – *В.С.*)». Этот перечень едва ли был понятен «иноземцам», находившимся за тысячи километров от этих государств. Второй тип реалий представлен названиями, относящимися непосредственно к территории Сибири. Некоторые из таких реалий, например, имя внука Кучума Девлет Гирея, названия этносов (кыргызы, якуты, калмыки), перечисляемые среди государевых «недругов», содержатся как в крестоцеловальных, так и в большинстве шертоприводных записей. Однако порядок перечисления неясных сибирских народов не был адаптирован к конкретному социально-политическому контексту шертования.

Несмотря на схожесть формуляров и отдельных статей, шертоприводная запись не приравнивала иноземцев к русскому (православному) населению. Некрещеные иноземцы в конце XVI–XVII в. имели в определенном роде статус внешнего «иноземного элемента». Хотя, конечно, присутствовала существенная разница в статусе «иноземца» – иностранца, прибывшего в Россию и обладавшего правом, по крайней мере де-юре, свободного въезда и выезда из нее, – и «ясашного иноземца», попавшего в «вечное» подданство и платящего ясак московскому государю. Специфика такого положения отражена в устойчивой формуле – «вечное прямое ясачное холопство», которая встречается в тунгусской¹ и якутской шертоприводных записях².

---

¹ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 645. Л. 24.

² Материалы по истории Якутии... С. 967.

Выплата ясака являлась одним из главных показателей подданства и признания русской власти. В текстах шертоприводных записей большое внимание уделяется обязательствам выплачивать ясак и поминки «сполна», «без недобору» и «по все годы». Однако отсутствие в шертоприводных записях описания размера платежей говорит о важности самого факта ясачного обложения, который носил явный политический характер. Народы, не включенные в даннические отношения, назывались «немирными», «неясашными» и фигурировали в шертоприводных записях в качестве «изменников» и «врагов», т. е. «не подданных»¹.

Помимо заверений о выплате ясака, в диспозиции шертоприводных записей также присутствуют статьи, «отговаривающие» контрагента, его «родичей» и «улусных людей», от «шатости» – предательства. Это выражается в следующих обязательствах:

1. Не грабить, не убивать и не брать в плен ни служилых людей, ни подданных России (т. е. объясаченное население).

2. Не производить набегов на российские города, остроги, села и деревни; сообщать о возможной «измене» и «заговоре» и всячески им препятствовать.

Аналогичные обязательства зафиксированы и в крестоцеловальной записи Алексею Михайловичу 1645 г.: «Тако ж мне самоволством скопом и заговором ни на ково не приходити и никово неграбити и не побивати, и по ссылкам воровских делех сказывать»².

Причины включения указанных обязательств в формуляр вполне понятны. Вооруженные восстания и нападения иноземцев на русских служилых и торговых людей в Сибири XVII в. не были редкостью. Кочевники часто отгоняли у подданных «белого царя» скот и лошадей. Царские грамоты предписывали в таких случаях смирять «шатость» «ратным боем», заставляя «изменников» «добить свою вину», а потом простить им ее и вновь приводить их к шерти. Однако в условиях открытого или скрытого противодействия русским со стороны иноземцев шертные обязательства уже не ограничивались устойчивым формуляром, а дополнялись реалиями конкретной ситуации.

Эти дополнения были делом рук непосредственных исполнителей «воли государя» – воевод, служилых людей и толмачей. Вполне осознавая, что предыдущая шерть не смогла остановить иноземцев от «измены», местные администраторы сами формулировали санкцию. Так, в статейной речи якутского воеводы П. Головина аманатам «братцких людей» 1645/46 гг. излагается впол-

---

¹ Материалы по истории Якутии... Л. 21.

² РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. №133. Ч. 3. Д. 224. Л. 116.

не конкретная форма наказания в случае измены: «...и велят за ту вашу измену самих вас и ваших жон и детей и улусных людей, и не токмо вас и скот ваш побивать и разорять и юрты ваши огнем пожигать без пощады, а в полон иметь и на выкуп отдавать не велят, а которых и возьмут, и тех вашу братью велят вешать и смертью казнить...»¹.

Кроме введения санкции, царская администрация также могла и «сгладить» безусловный характер обязательств «иноземцев», даровав им некоторые «права», что видно из текста государева «жалованного слова». Это «слово» в самом общем виде гарантировало иноземцам «правый суд и сыск, и расправу» над их обидчиками. Оно также предписывало беречь во всем ясачных людей, чтобы они жили «в покое и тишине» и «промыслами своими промышляли», а государю во всем добра хотели «по своей шерти». Кроме того, оговаривалась возможность выдачи «царского жалования» в обмен на информацию о готовящихся «изменах» и «шатостях»².

Сибирская администрация имела довольно большие полномочия в формулировке прав и обязанностей иноземцев, вплоть до самостоятельного составления шертоприводных записей на основе крестоцеловальных записей и наказных памятей³. Однако сибирские воеводы, вероятно, пользовались правом дополнения и расширения положений шертоприводных записей (по крайней мере, в письменной форме) не часто. Сравнительный анализ статей и оборотов шертоприводных записей, относящихся к разным регионам, показал многих формулярных элементов-формул, реалий и описаний, что указывает на слабую территориальную и социокультурную адаптивность данного типа документов. Можно предположить, что такая слабая вариативность шертоприводных записей являлась следствием стремления российской власти императивно интегрировать сибирских иноземцев в состав Московского государства без учета их отличительных социокультурных характеристик, границ их проживания, политического контекста их взаимодействия с соседними народами, потестарно-политических особенностей и т. д. Во внимание принималось лишь различие в вероисповедании, и то только потому, что это было необходимо для совершения ритуала шертования: мусульмане клялись на Коране, язычники – по «своей вере».

В Сибири в XVII в. шертование не сочеталось с одновременным крестоцеловальным удостоверением с русской стороны.

¹ Колониальная политика Московского государства... С. 231.

² Кулешов В.А. Наказы сибирским воеводам в XVII веке: Исторический очерк. Изд. 2-е. Болград, 1894. С. 14–16.

³ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1822. Ч. 3. С. 418–420.

Присяги, хоть и осуществлялись отдельно в «русской» и «иноземческой» среде, одинаково закрепляли поданных в вечной «холопской» преданности российскому государю. С другой стороны, сходство шертоприводных и крестоцеловальных записей XVII в. показывает трансформацию дипломатических форм двухсторонних соглашений, имевших место в шертных грамотах предшествующего времени, в сторону безусловного подданства аборигенного населения. Шертоприводные записи, предназначенные сибирским иноземцам, содержали только их односторонние обязательства, в связи с чем являлись присягами, а не двухсторонними соглашениями и уж тем более не международными договорами. Царская администрация, практикуя повсеместно в Сибири шертование, использовала шертоприводную запись для инкорпорирования местного населения в социально-политическую систему Московского государства, настаивая при этом на вечном характере подданства. Положения присяги–шерты также разъяснялись и дополнялись в «государевом жалованном слове». Оформление подробного перечня обязательств, которые должны были выполнять сибирские народы в отношении российской власти, в единый (цельный и непротиворечивый) документ – шертоприводную запись – свидетельствует о том, что она выступала в качестве официального юридического подтверждения прав русского царя на сибирские территории и новых подданных.

Традиции составления старообрядческих сборников: историография вопроса

В представленной работе автор затрагивает вопрос о степени изученности процессов комплектования старообрядческих сборников в современной исторической науке. В статье анализируются взгляды исследователей книжной культуры староверов на такие существенные проблемы, как причины составления сборников, их структура, а также взаимодействие отдельных текстов внутри компиляций. Среди результатов проделанной исследователем работы необходимо назвать сведение фрагментарных данных о составлении сочинений в единый текст, установление сходных и отличных мнений ученых по различным аспектам изучаемого предмета, а также попытку формирования согласованной концепции построения староверческих сборников.

Ключевые слова: сборник, компиляция, старообрядческая книжность, археография.

История старообрядчества на всех этапах его существования была тесно связана с книжной культурой, имевшей особое значение для представителей этого религиозного течения. Книга для староверов была и остается единственным авторитетом, регламентирующим не только их религиозную, но и бытовую жизнь¹. В некоторых старообрядческих общинах существовал культ книги, основными проявлениями которого были коллекционирование, хранение и переписывание фолиантов. Староверы нередко предпринимали попытки выкрасть ценную книгу в случае возникновения сомнений относительно ее сохранности². Наиболее значимые экземпляры хранились вместе с иконами, натирались ладаном, использовались в качестве оберега³. Книга выступала основой культуры старообрядчества и являлась носителем как общехристианских истин, так и древнерусских мотивов.

Особое место в этой системе занимали компилятивные сборники, имевшие широкое распространение в среде староверов. Бу-

---

¹ *Бахтина О.Н.* Книга и слово в старообрядческой системе ценностей (о своеобразии старообрядческой литературы) // Мир старообрядчества. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. М., 1998. Вып. 4. С. 170.

² *Юхименко Е.М.* О книжной основе культуры Выга // Мир старообрядчества... С. 158.

³ *Грицевская И.М.* Структура старообрядческих сборников: Соловецкий и Пустозерский циклы в сборнике из Нижегородской областной библиотеки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 4. С. 289.

дучи средством изложения богословских и актуальных политических воззрений, они оказывали значительное влияние на мировоззрение рядовых старообрядцев. В современных условиях актуальным научным направлением становится изучение особенностей комплектования старообрядческих сборников. Настоящая работа ставит своей целью проанализировать накопленный исследовательский опыт и выяснить полноту раскрытия указанной проблемы в научных публикациях.

Принципиально значимой в этом отношении необходимо считать работу И.М. Грицевской, посвященную изучению структуры рукописного сборника конца XVIII века. В своей статье исследовательница приводит доводы в пользу того, что комплектование сборников не имело характера хаотической выборки из всех имевшихся у составителя произведений, а подчинялось строго регламентированным нормам. Об этом, по утверждению автора, свидетельствует то, что внутри каждого сборника произведения сохраняли строгую последовательность. И.М. Грицевская также указывает на преобладание в сознании старообрядческих писателей композиционного принципа построения произведений, свойственного средневековой литературе¹.

О таком принципе говорится в некоторых научных работах, посвященных книжной традиции XVI века. По мнению Н.Ю. Бубнова, старообрядческие произведения были во всех отношениях сходны со средневековой русской книжностью². В рамках данного исследования крайне интересным представляется прибегнуть также к изучению особенностей формирования дониконовских сборников, элементы которых наверняка были восприняты культурой старообрядцев.

Л.И. Журова в статье, посвященной изучению компиляции второй четверти XVI в., подчеркивает, что в соответствии со средневековой традицией количество собранных чужих мнений ставилось в заслугу автору произведения³. Еще раньше сходную идею применительно к сочинениям староверов второй половины XVIII в. высказала Н.С. Гурьянова. Она полагает, что старообрядческие произведения исходно воспринимались не как размышления конкретного автора, а как сборник авторитетных текстов⁴.

---

¹ *Грицевская И.М.* Структура старообрядческих сборников... С. 288, 289.

² *Бубнов Н.Ю.* Программа исследований старообрядческой письменности в библиотеке Российской Академии наук // Мир старообрядчества... С. 51.

³ *Журова Л.И.* «Сборник» Митрополита Даниила и культура проповеди в Московской Руси XVI в. (постановка проблемы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 43.

⁴ *Гурьянова Н.С.* О восприятии старообрядцем эсхатологических построений предшественника // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 59.

Л.И. Журова считает, что появление компилятивных сочинений в древнерусской традиции стало следствием ограничения самостоятельности взглядов автора под давлением Священного писания¹. О.Д. Журавель, рассматривая деятельность старообрядческих агиографов XX в., пришла к выводу, что литературный дар авторов все же предохранял книжность от превращения в шаблоны².

Крайне любопытной для нас представляется работа Л.И. Журовой «Сочинения Максима Грека в системе Алтайского (Сибирского) сборника» (XVI в.)», в которой отмечено, что многими специалистами не осознается концепция построения книжных компиляций. По мнению Л.И. Журовой, это происходит в результате внешней несвязности произведений и ошибочного суждения авторов относительно их случайного сочетания. Исследовательница находит, что на основании анализа содержания текстов можно установить определенную логику в их подборке³. С Л.И. Журовой солидарна Н.С. Гурьянова, по заключению которой сборники – «результат воплощения осознанной авторской концепции, а не случайная подборка сочинений»⁴.

Интересно, что этот вывод Н.С. Гурьянова сделала в статье, посвященной старообрядческим сборникам, составленным во второй половине XVII века. Не трудно заметить сколь схожими в работах специалистов представляются концепции построения дониконовских и более поздних старообрядческих компиляций. Это в свою очередь дает нам основания утверждать, что традиции составления сборников были в значительной степени заимствованы староверами у книжников предшествующих веков.

Более подробно специфика комплектования сочинений описана в трудах Е.Е. Дутчак, Н.С. Гурьяновой и Ю.Д. Рыкова. Проанализировав полемические сборники начала XVIII в., Н.С. Гурьянова высказывает предположение о том, что основанием для помещения некоторых произведений в рукописные компиляции являлось желание сохранить их для последующих поколений⁵. Более того, Е.Е. Дутчак, изучив старообрядческие книжные собрания XVI–XX вв., утверждает, что основанием для подобной выборки в ряде случаев служила региональная специфика той

¹ Журова Л.И. «Сборник» Митрополита Даниила... С. 42.

² Журавель О.Д. О некоторых принципах работы старообрядческих агиографов XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 81.

³ Журова Л.И. Сочинения Максима Грека в системе Алтайского (Сибирского) сборника // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 11.

⁴ Гурьянова Н.С. О предисловиях к старообрядческим сборникам // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 46.

⁵ Гурьянова Н.С. Старообрядческие сборники и миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в начале XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 25.

местности, где комплектовались книги¹. Немаловажными представляются выводы Ю.Д. Рыкова, настаивающего на том, что, несмотря на нелинейность повествования в старообрядческих произведениях XIX в., они имеют «центральный [тематический] стержень». Структура сборников, по мнению исследователя, выстраивалась таким образом, чтобы определить их эсхатологическую направленность². Итог в данной области исследования подводит Н.С. Гурьянова. Она пишет о наличии в старообрядческих сочинениях второй половины XVIII в. определенной идеологической структуры, каждая из статей которой направлена на формирование конкретных идеологических взглядов³. Данные рассуждения необходимо дополнить трудами Л.И. Журовой, где показано, что составление сборников в XVI в. отражало также потребности эпохи и конкретного составителя⁴.

Последующие разыскания продолжают последовательно формировать взгляд на структуру старообрядческих сборников. Особое значение в этом отношении имеют труды Н.А. Старухина, посвященные изучению сборников второй половины XIX в. По его мнению, идея сведения сочинений в единый сборник имела место еще на этапе составления текстов. На это указывает тот факт, что произведения чаще всего не сводились в единый сборник при наличии повторов или отсутствии ссылок. Н.А. Старухин также отмечает, что работы, имеющие концептуальное значение, помещались в начале сборника⁵. Подобного взгляда придерживается и Н.С. Гурьянова, основанием для которого послужило изучение ею сборников первой половины XVIII в. Исследовательница считает, что произведения, находящиеся в начале компиляции, подготавливают читателя к восприятию остальных сочинений, а некоторые элементы текста для составителей более значимы, нежели другие. Последнее, в частности, свойственно и заголовкам, определяющим как эмоциональный фон произведений, так и отношение к ним читателя⁶. М.В. Першина определила специфику использования структуры старообрядческих компиляций в полемических целях. Она пи-

---

¹ *Дутчак Е.Е.* Кириллические книжные собрания и их владельцы: сравнительный анализ конфессиональных стратегий староверия // Вестник РУДН. 2011. № 4. С. 81.

² *Рыков Ю.Д.* Неизвестный писатель XIX в. Петр Юродивый и его эсхатологические сочинения // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): сб. науч. Трудов / Отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М., 1999. С. 149.

³ *Гурьянова Н.С.* Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма // Старообрядчество в России... С. 145.

⁴ *Журова Л.И.* Сочинения Максима Грека в системе Алтайского (Сибирского) сборника // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 11.

⁵ *Старухин Н.А.* Проблема изучения творческого наследия старообрядческого писателя Г.А. Страхова // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 114.

шет, что писатели-староверы из филипповского согласия конца XIX в. могли представлять разные точки зрения в сборнике, но расположение текстов должно было указывать на то, какому из них они отдают предпочтение¹.

Изыскания о значении последовательности произведений для старообрядческих сочинений продолжает О.Д. Журавель. Она приходит к выводу, что в старообрядческой книжности первой половины XVIII в. вторая часть издания направлена на изъяснение целей автора². Н.С. Гурьянова подробно проанализировала данный феномен применительно к сборникам второй половины XVII века. По ее мнению, ввиду того, что компиляции являлись главным образом полемическими произведениями и преследовали своей целью утверждение читателя в вере, подборка произведений должна была максимально доходчиво доказывать авторскую позицию. Так, в первой части сборников доказывается незаконность никонианских обрядов, а во второй приводятся аргументы в пользу старообрядческой точки зрения. Части сборника в данном случае дополняют друг друга и воспринимаются как единый текст³.

Большой интерес вызывает статья Л.В. Титовой, где обосновывается тезис о взаимодополнении глав внутри компилятивных сборников первой половины XVIII века. В частности, Л.В. Титова предполагает, что текст сочинений подвергался правке в зависимости от содержания соседних глав. Так, глава могла дополняться концовкой исторического содержания, в случае, если до или после нее не было исторических произведений⁴. Применительно к древнерусским компиляциям Л.И. Журова высказывает интересные гипотезы касательно «парного сочетания» сочинений, в соответствии с которым произведения в сборнике попарно скрепляются смысловой связью и взаимодополняют друг друга⁵.

И.Н. Никаноров, в свою очередь, обратил внимание на хронологию написания произведений, вошедших в сборники второй половины XIX в., а также на их жанровую принадлежность. По мнению историка, помещение произведений в сборнике не по хронологическому принципу является верным указанием на зна-

---

⁶ Гурьянова Н.С. Старообрядцы и рукописное наследие Древней Руси // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 38.

¹ Першина М.В. Филипповская община г. Тюмени и Братский двор // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 23.

² Журавель О.Д. «Походим умными очима...» (к изучению традиции поминовения в литературе старообрядчества) // Уральский сборник: история, культура, религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. Ч. 2. С. 136.

³ Гурьянова Н.С. О предисловиях к старообрядческим сборникам... С. 43.

⁴ Титова Л.В. К вопросу о происхождении «Ответа православных» дьякона Федора Иванова // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 4.

⁵ Журова Л.И. Сочинения Максима Грека... С. 12.

чимось тех из них, которые помещены в начале компиляции. И.Н. Никаноров также выделил две основных группы сочинений, находивших отражение в сборниках: исторические и правовые. Первые были необходимы для убеждения читателей в истинности старообрядческого вероучения за счет прославления мучеников за веру, в то время как вторые имели своей целью их дополнение и доказательство посредством привлечения догматических рассуждений и документов церковного права¹.

Подводя итоги, мы должны заключить, что исследователи книжной культуры староверов выявили значительное количество положений, регламентировавших структурное построение старообрядческих сборников на протяжении XVII–XX веков. Так, было решительно доказано, что сборники не являлись результатом хаотической выборки, но, напротив, имели в своей основе некий тематический стержень. Далее было установлено, что каждая часть компиляции преследовала своей целью формирование в уме читателя конкретных идеологических взглядов, а также взаимодействовала с другими сочинениями внутри собрания. Немаловажным необходимо считать и тот факт, что большую роль играла последовательность входящих в сборник произведений, наиболее значимые из которых помещались в начале книги.

Однако, несмотря на наличие большого количества публикаций, касающихся проблематики комплектования старообрядческих сборников, данная тема остается все же недостаточно освещенной. Многие исследователи затрагивают ее лишь вскользь и в русле более крупных исследований по археографии и этнографии, либо в небольших по объему статьях. Фундаментальные работы по интересующей нас теме отсутствуют. Стоит, однако, признать немаловажные заслуги Н.С. Гурьяновой, Л.И. Журовой, Н.А. Старухина, Л.В. Титовой, О.Д. Журавель, И.Н. Никанорова и других исследователей в стремлении пролить свет на вопросы, касающиеся структурного формирования старообрядческих компиляций. Между тем изыскания этих ученых нуждаются в продолжении. Так, совершенно неясным остается, были ли принципы комплектования сборников общеприменимыми для всех старообрядческих согласий. Не менее важным необходимо считать вопрос о том, какие изменения претерпевала концепция построения сборников на протяжении XVII–XX веков.

---

¹ *Никаноров И.Н.* Постановление легендарного старообрядческого собора и сборник «Отеческие завещания» // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 69–71.

Е.В. Бородина

Социальная структура горнозаводского Урала в 1720-е – 1730-е годы: границы и маркеры стратификации*

Статья посвящена вопросам формирования основных социальных групп, проживавших на территории Среднего Урала на ранних этапах становления горно-металлургических комплексов, активное создание которых приходится на период проведения реформ Петра Великого. В поле исследовательского внимания попали мастеровые и рабочие люди Екатеринбургского завода и их родственники по мужской линии – дети, родители, братья и свойственники. На основе анализа материалов внутреннего делопроизводства Сибирского обер-бергамта автор приходит к выводу об отсутствии четких границ между мастеровыми и рабочими людьми и иными социальными группами, населявшими регион в это время. В частности, основным двигателем социальной подвижности населения Екатеринбурга являлась школа, открывавшая своим ученикам перспективы получения новой профессии.

Ключевые слова: социальная история, социальная мобильность, стратификация, история Урала, Сибирский обер-бергамт, мастеровые и рабочие люди.

История Урала неразрывно связана с развитием горно-металлургической промышленности, изучение истории которой составляет значительный историографический пласт работ. Ученые, занимающиеся региональными исследованиями, обращают внимание на факт, что создание промышленности оказывало огромное влияние на прочие процессы жизнедеятельности общества. В частности отмечается, что появление крупных горнозаводских комплексов воздействовало на сельское хозяйство и кустарные промыслы¹.

Еще одной областью, подвергшейся серьезным трансформациям, являлась сфера социальных отношений. Общественная конфигурация видоизменялась параллельно складыванию и эволюции как системы управления уральскими заводами, так и промышлен-

---

* *Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.».*

¹ Екатеринбург. Исторические очерки. (1723–1998). Екатеринбург, 1998. С. 41; Черкасова А.С. Социально-экономические связи горнозаводских центров и деревень Урала в середине XVIII в. // Черкасова А.С. Рождение индустриальной цивилизации Урала. XVIII век. Исследования 1961–1991 гг. Екатеринбург, 2012. С. 332–350.

ных комплексов. По замечанию С.В. Голиковой, «заводы творили вокруг себя собственный, особый «новый» мир», а «требования экономического развития, интересы самого государства делали границы горнозаводской общности весьма растяжимыми, включая в нее новые социальные категории»¹.

Следует заметить, что вопросы формирования и развития социальных структур Среднего Урала уже попадали в поле зрения историков. В первую очередь ученых интересовали социальные процессы, происходившие на Урале под влиянием модернизационных процессов, вызванных преобразованиями Петра Великого² и либеральными реформами 1860–1870-х годов³.

Безусловно, оба эти периода в истории значимы и являются переломными для нашей страны. В рамках данной статьи мы обратим внимание лишь на один из них, связанный со временем правления первого российского императора, и первыми годами после его смерти. В центре нашего внимания оказалась проблема складывания такой социальной общности, как мастеровые и рабочие люди, которая уже в начале XVIII в. заложили основы для формирования одного из крупнейших «отрядов мануфактурных рабочих России»⁴.

Данный вопрос уже находил отклик в исследовательской среде как в трудах по истории горнозаводской промышленности, так и в работах по истории Урала. В сочинениях советских историков тема рассматривалась преимущественно с точки зрения изучения процессов складывания пролетариата в России⁵. Наибольший вклад в раскрытие проблемы внесли такие ученые, как В.Я. Кривоногов, А.Г. Козлов и А.С. Черкасова. Результаты их трудов были представлены в ряде статей и тематических монографий⁶. Указан-

---

¹ Голикова С.В. «Люди при заводах»: Обыденная культура горнозаводского населения Урала XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2006. С. 6, 8

² История Урала с древнейших времен до 1861 года. М., 1989. С. 299–339; Очерки истории Свердловска (1723–1973). Свердловск, 1973. С. 36–41 и др.

³ Алферова Е.Ю. Социально-экономическое развитие городов Урала в 60–90-е гг. XIX в. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992; Анкаримова Е.Ю. Сословные корпорации в городах Урала (конец XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2004; Тимофеев А.А. Строительство Транссиба и динамика социальной структуры населения на Южном Урале (1891–1914 годы) // Вестник ЮУрГУ. 2007. № 8 (80). С. 40–42 и др.

⁴ История Урала... С. 312.

⁵ Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М., 1953; Панкратова А.М. Формирование пролетариата в России. М., 1963; История Урала... С. 312–326.

⁶ Кривоногов В.Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. Свердловск, 1959; Козлов А.Г. К вопросу о составе и численности рабочих кадров на казенных предприятиях Урала в середине XVIII в. // Вопросы истории Урала. Вып. 9. Свердловск, 1969. С. 7–14; Черкасова А.С. Ревизские сказки

ные авторы обращали первоочередное внимание либо на характеристику горнозаводского населения Урала в целом, либо представления обобщенные данные о «рабочих специалистах» Урала или отдельных заводов региона. При этом они подчас не акцентировали внимание на основных источниках формирования группы мастеровых и работных людей. За последние годы крупных исследований по избранному вопросу не наблюдалось.

Несмотря на то, что на сегодняшний день произведены реконструкция и анализ социальной структуры населения ряда горно-металлургических заводов Среднего Урала, исследования о начальном этапе формирования группы мастеровых Екатеринбургских заводов практически отсутствуют. Кроме того, уделялось мало внимания вопросам стабильности социальных групп и степени открытости границ между ними. Целью нашей статьи является рассмотрение вопроса формирования кадров мастеровых на начальных этапах становления этой далеко не однородной социальной категории. Территориальные границы исследования охватывают Екатеринбургские заводы, создание которых приходится на последние годы правления Петра Великого.

В историографии утвердилось мнение, что первоначально основным источником формирования группы мастеровых и работных людей Урала являлись мастера подмосковных, тульских и олонечских заводов, иностранные специалисты, а также местные рудознатцы, плавильщики и кузнецы¹. Кроме того, заводские штаты комплектовались за счет приписки пришлых крестьян и рекрутских наборов из числа местных жителей².

По сведениям историков, в июне 1723 г. на строительстве будущего Екатеринбургского завода работало 1351 крестьян, в том числе 428 плотников, 297 чернорабочих с лошадьми и 626 пеших. Отмечается, что точных данных о социальном составе населения Екатеринбургского завода конца 1720-х – начала 1740-х годов нет³.

Отсутствие конкретной информации о численности и составе населения не случайно и обусловлено характером используемых источников. Материалы делопроизводства, переписи и ревизские

как источник по истории формирования горнозаводского населения // Уральский археографический ежегодник за 1970 год. Пермь, 1971. С. 71–87; Черкасова А.С. О характере закрепления горнозаводских кадров на Урале в первой половине XVIII века // Черкасова А.С. Рождение индустриальной цивилизации Урала. С. 155–172; Черкасова А.С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985.

¹ История Урала... С. 313.

² Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 123. Л. 6–7; Сафронова А.М. Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. Екатеринбург, 2002. С. 19.

³ Очерки истории Свердловска (1723–1973). С. 36–37.

сказки не отличаются полнотой. Тем не менее, ряд документов Сибирского обер-бергамта позволяют составить представление о путях становления корпуса мастеровых и работных людей, одним из которых являлось переселение местных специалистов из других заводов ближе к Екатеринбург¹.

Одним из важных источников, содержащих интересующие нас сведения, является «Перепись 1727 года октября от 26 числа колико при здешних Екатеринбургских заводах имеетца у разных чинов и у мастеров подмастерьев и работников, учеников и у жителей и бобылей детей и родственником, которые ни у каких дел и о праздных обретаютца и сколки оные лет как следует². В условиях необходимости постоянного контроля за перемещениями населения из-за нехватки квалифицированных кадров и вспомогательного персонала создание переписи преследовало рабочие цели. Учет трудоспособного населения, не занятого в производственном процессе, был важным инструментом для организации подготовки кадров и способствовал своевременному пополнению штатов, занятию «убылых» мест.

Документ состоит из четырех колонок, в которых были отражены наиболее важные для местных администраторов детали: информация об именах детей и иных родственников «служителя» с указанием его социального статуса (в большинстве случаев – профессии), возраст перечисленных родственников и род их занятий.

В переписи оказалось зарегистрировано 496 человек, из них детей мастеровых и работных – 328 человек, детей «жителей и бобылей» – 168. Как и во многих других источниках первой трети XVIII в., в переписных списках нашла отражение информация только о лицах мужского пола в возрасте от полугода до 80 лет. Таким образом, в перепись попали как младенцы и дети, так и старики. Кроме того, в документах были зафиксированы не только данные о находившихся «ни у каких дел», но и информация о «школьниках», а также о родственниках и детях, уже занятых в работах.

В качестве членов семьи были зарегистрированы не только сыновья и пасынки, но также отцы, братья, шурины и родственники. Данное обстоятельство свидетельствует о сохранении большой, традиционной семьи в качестве основной ячейки организации уральского общества первой трети XVIII века. Кроме того, следует отметить небольшой процент семей, созданных в результате второго брака, когда дети вдовы, вышедшей повторно замуж, входили в состав семьи ее нового мужа.

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 122. Л. 141, 274–275об.

² Там же. Л. 284–296.

Анализ социального состава работников и их детей показывает, что наиболее многочисленную группу мастеровых составляли молотовые мастера и подмастерья (46 человек), иные группы «рабочих» представлены гораздо слабее (в среднем от одного до пяти человек). Кроме того, в одну группу с переписанными мастеровыми вошли канцелярские служащие (канцеляристы, подканцеляристы, копиисты). Их общее число равнялось 11 человек.

Несмотря на то, что лица «разных чинов» в переписной документации представлены очень неравномерно, а сами списки не отличаются полнотой, материалы «переписи» позволяют говорить о возможностях социальной мобильности внутри рассматриваемого горнозаводского сообщества. Это оказывается возможным благодаря сопоставлению списка с перечнем профессий канцеляристов, рабочих, мастеровых и иных служащих со списком их взрослых детей и иных родственников, в котором нашла отражение сфера деятельности «младших родственников».

Нами было выявлено 28 случаев упоминаний о профессиональной принадлежности родственников глав домохозяйств. Среди последних – учитель словесной школы, церковный староста, припасной сторож, кузнец, плотник, жестяной работник, литейщик, молотовые, укладные, доменные, якорные, угольные, окладные, фурмовые мастера и подмастерья и другие. Сопоставление профессий детей и родителей, братьев и свойственников демонстрирует частое несовпадение занятий как представителей одного поколения, так и членов семьи из разных поколений. В частности, некоторые из сыновей оказались заняты в работах, непосредственно не связанных с производственным процессом. Например, сын учителя словесной школы Я. Попова Трифон жил в Екатеринбурге в должности подканцеляриста. Среди копиистов, служивших при заводах, были сыновья (один) и пасынки (двое) молотовых мастеров. Лишь в восьми случаях из 28 (29 % рассматриваемой выборки) мы видим прямое наследование сферы профессиональной деятельности.

Как можно заметить по спискам, среди взрослых работоспособных членов домохозяйств мастеровых и иных работников встречались лица, не участвующие в производстве. «Переписью» зарегистрировано 24 человека в возрасте от 15 до 32 лет, не занятых ни в каких делах. Списки также указывают на лиц, непригодных ни к каким работам. В документах зафиксирована информация о стариках 70–80 лет, а также больных и увечных: «У молотового подмастерья Василья Иванова по подворе нищей Емельян Калинин сын Чигин слеп», «у салдата Феоктиста Лопаницына на подво-

ре нищей Никифор Рыбкин хвор и без ног» и др.¹ Как можно заметить, такие «подворники» охарактеризованы как «нищие», не способные ни к какой заводской работе. Чаще всего они не являлись членами семей и были вынуждены жить подаением.

В некоторых случаях работоспособные сыновья не были заняты в горнозаводском производстве ввиду учебы. В «переписи» особо отмечаются те, что пошли «в школьники» «самоохотно». Следует обратить внимание, что школьники встречаются не только в кругах детей мастеровых, но и среди родственников бобылей и иных екатеринбургских «жителей». В анализируемом документе насчитывается девять школьников, из них один человек был зарегистрирован в группе «жителей и бобылей» (сын плотника). Средний возраст учащихся составил 13 лет. На момент переписи самому младшему из них было 10 лет, а старшему – 17.

Вследствие ряда региональных и центральных указов 1721–1726 гг. получение образования детьми мастеровых и работных людей становится обязательным². Таким образом, часть навыков, необходимых для работы на предприятиях горнодобывающей и перерабатывающей отраслей, молодые люди приобретали в школах при заводах. Одним из мотивов для получения знаний были регулярные выплаты жалования ученикам³. Кроме того, школа являлась важным социальным институтом, благодаря которому оказывалось возможным изменить род занятий, отточив навыки грамотного письма и счета. Умение чисто и разборчиво писать было важным условием для занятия должности копииста в какой-либо заводской конторе или даже в самом Сибирском обер-бергамте.

Наиболее старательные школьники могли также направляться для перенимания новой профессии у иноземных специалистов. Так, например, летом 1727 г. взамен неспособного к «обучению лечению» московского школьника А. Иванова к лекарю И. Шпринцелю был отправлен школьник «Екатеринбургских заводов» А. Рудаков. Не справившийся с медицинской наукой А. Иванов был определен «к платным екатеринбургским делам на убылое место по табелю с надлежащим табелным окладом в форлауферы»⁴.

Вследствие указанных причин не только дети мастеровых, но и представители других социальных категорий, проживавших на Урале, стремились воспользоваться случаем, чтобы получить полезные умения и иметь возможность занять пустующие места в той или иной социальной нише. Так, например, 22 октября 1726 г. в

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 122. Л. 293об., 294.

² Сафронова А.М. Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. С. 19.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 122. Л. 105–105об.; Сафронова А.М. Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. С. 18.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 122. Л. 194, 195, 201.

Сибирский обер-бергамт было подано доношение от О. Голенищева о выплате причитающегося ему школьного жалования. Его отец, происходивший из Верхотурских детей боярских, не имел возможности содержать сына, так как «не у каких дел не определен и жалованья ему ниоткуда не определено ж»¹.

По данным А.М. Сафроновой, начавшиеся с 1725 г. систематические переводы в число школьников зачисленных в рекруты приписных крестьян заложили основы для регулярной практики их перевода в мастеровые².

Приведенные выше факты позволяют сделать вывод о значимости роли, которую играли Сибирский обер-бергамт и формирующаяся благодаря деятельности его руководителей система учреждений образования в процессе конструирования социальной конфигурации Среднего Урала на начальных этапах становления горно-металлургических комплексов. Несмотря на значительное влияние государства на процессы социального структурирования, Урал как специфический, транзитно-протоиндустриальный регион обладал рядом особенностей развития. Это не только большая подвижность населения и роль военного элемента, необходимого для дальнейшего освоения края³, но и существование стабильных лифтов социальной мобильности, действовавших на легальной основе и создававших возможности для быстрого перемещения из одной социальной группы в другую. Это хорошо видно на примере такой социальной категории, как мастеровые и работные люди, границы которой были весьма условны ввиду существования тесных родственных связей с иными сословно-классовыми группами и разнородностью ее состава. Пожалуй, единственным социальным маркером, отличавшим мастеровых от иных социальных общностей, являлась профессиональная подготовка и специализация труда, только начавшая зарождаться на заводах Среднего Урала.

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 122. Л. 107.

² Сафронова А.М. Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. С. 19.

³ Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов. Екатеринбург, 2011. С. 176.

Этнографические материалы вспомогательного персонала экспедиции Биллингса–Сарычева (1785–1795 гг.) как источник по истории изучения народов крайнего северо-востока Сибири

Статья посвящена мало изученным в историографии этнографическим материалам представителей вспомогательного персонала экспедиции Биллингса–Сарычева о коренных народах крайнего северо-востока Сибири. Сравнительный анализ дневников помощника натуралиста Д. Мейна, штурмана А. Батакова, геодезиста А. Гилева, переводчика И. Кобелева, рисунков художника Л. Воронина показал, что они содержат точную информацию о местах расселения, внешнем виде, одежде, жилищах, хозяйстве, религии, обычаях, обрядах чукчей и азиатских эскимосов, сохранявших в то время культурную и этническую самобытность. На этом основании сделан вывод, что этнографические материалы вспомогательного персонала экспедиции являются ценным источником по истории изучения индигенного населения крайнего северо-востока Сибири.

Ключевые слова: экспедиция Биллингса–Сарычева, вспомогательный персонал, этнографические материалы, народы крайнего северо-востока Сибири, чукчи, азиатские эскимосы.

Экспедиция Биллингса–Сарычева, или Северо-Восточная географическая и астрономическая экспедиция (далее – СВГИАЭ) стала крупнейшим российским научным и политическим путешествием последней четверти XVIII столетия в Сибирь, на Дальний Восток, в северную часть Тихого океана и на северо-запад Америки. В этих регионах участники экспедиции произвели географические, естественнонаучные и этнографические исследования.

Для истории изучения народов Сибири особое значение представляют описания путешественников по этнографии аборигенов азиатского северо-востока, прежде всего чукчей и эскимосов, которые в указанный период в отличие от других сибирских этносов еще не приняли российского подданства и вследствие этого детальная информация об их расселении, внешнем облике, материальной и духовной культуре отсутствовала. Такая информация была получена участниками СВГИАЭ, главным образом во время похода от залива Лаврентия по побережью и внутренним районам Чукотки до Якутска, продолжавшегося с августа 1791 по апрель 1792 года.

Этнографические работы капитана-командора И.И. Биллингса и натуралиста К.Г. Мерка, возглавлявших отряд, совер-

шивший путешествие по крайнему северо-востоку Сибири, уже изучены¹. Специальное исследование материалов по этнографии чукчей и азиатских (сибирских) эскимосов, собранных в ходе этого вояжа помощником натуралиста Д. Мейном, штурманом А. Батаковым, геодезистом А. Гилевым, переводчиком чукотского и эскимосского языков казачьим сотником И. Кобелевым, художником Л. Ворониным, составлявших вспомогательный персонал отряда, не проводилось. Восполним этот пробел.

По сведениям Д. Мейна², И. Кобелева и А. Гилева чукчи непрерывно перемещались со своими семьями и стадами оленей от Анадырского залива и мыса Дежнева до Чаунской губы и Нижнеколымска, а эскимосы проживали в прибрежных областях Чукотки от залива Креста до Восточного мыса и от последнего до селения Рыркайпий³. К началу XX в. сибирские эскимосы населяли только Берингоморское побережье Азиатского континента, а аборигены береговых районов Чукотского моря в течение XVIII–XIX вв. были полностью ассимилированы чукчами⁴.

Представители вспомогательного персонала СВГИАЭ называли чукчей и азиатских эскимосов единым этнонимом «чукчи», отмечая шедший процесс смешения этих народов. Для демонстрации сохранявшейся в это время разницы в образе жизни и основах хозяйства этих этносов они прибавляли к наименованию собственно чукчей «оленные, или кочевые», указывая на их кочевой образ жизни и оленеводство как хозяйственную доминанту, а применительно к эскимосам – «сидячие, или пешие», имея в виду оседлых охотников на морского зверя и рыболовов, разводивших ездовых собак⁵.

Путешественники отметили общие и особенные черты внешнего облика представителей обоих этносов. В своем дневнике

---

¹ Обзор отечественной и зарубежной историографии см.: *Шпилов И.А.* Источники по истории изучения народов Сибири, Дальнего Востока и северной части Тихого океана (материалы М. Сауера) // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 127.

² Дневник Д. Мейна сохранился лишь в составе книги секретаря и переводчика СВГИАЭ М. Сауера.

³ *Sauer M.* An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia performed by commodore Joseph Billings in the years 1785–1794. London, 1802. P. 324; [Гилев А.] Журнал Чукотской земли от бухты Св. Лаврентия до Ангарской крепости, веденный с 11 августа 1791 г. по 17 февраля 1792 г. // Этнографические материалы Северо-восточной географической экспедиции. 1785–1795 гг. Магадан, 1978. С. 157; [Кобелев И.] Журнал о путешествии вторично в Чукотскую землю. 1789–1791 гг. // Там же. С. 162.

⁴ *Меновицков Г.А.* Эскимосы // Народы Сибири. М, 1956. С. 934–936.

⁵ [Гилев А.] Журнал Чукотской земли... С. 156; [Кобелев И.] Журнал о путешествии вторично в Чукотскую землю... С. 164; *Sauer M.* An account... P. 320, 324.

Д. Мейн указал на антропологическую близость эскимосов и чукчей, но справедливо заключил, что последние в среднем выше и физически развитее первых¹.

В августе 1791 г. Д. Мейн посетил эскимосские поселения Кышы (Лаврентия) и Мечигма (Масик), где описал традиционные зимние жилища аборигенов типа нын'лю, которые уже в первой половине XIX в. стали редкостью, а к середине столетия вышли из употребления². Согласно данным Мейна, это были полусферические каркасные постройки высотой 2,7 м в центре с углубленным на 1,8 м в землю полом и жилым помещением прямоугольной формы площадью около 20 м². На входе такой юрты находились небольшие «сени» из костей кита, напоминавшие «караульную будку». Остов жилища также составляли китовые кости, покрытые снаружи шкурами морских зверей и присыпанные землей. Внутри, вдоль стен имелись нарты и пологи – спальные места, закрытые кожаными занавесками. Пол был застлан досками, часть которых закрывала вход в подвал, где хранились запасы продуктов. В некоторых юртах вместо очага использовались большие чаши, наполненные жиром животных. В других жилищах в центре находился каменный очаг, в котором из-за дефицита дерева туземцы жгли кости морских млекопитающих, используя для розжига и поддержания пламени жир этих животных³. Дневниковые записи А. Гилева свидетельствуют о том, что на крайнем северо-востоке Сибири полуземлянки эскимосского типа, наряду с ярангами, имели береговые чукчи, которые проживали в близком соседстве или в смешанных с эскимосами острожьях. У эскимосов из таких населенных пунктов получило распространение наземное каркасное жилище цилиндро-конической формы, покрытое шкурами оленя и/или морских животных, напоминающее чукотскую ярангу⁴.

Костюм чукотских мужчин, по сообщению Д. Мейна, состоял из парки, сшитой из шкур различных животных (олений, диких баранов, волков, морских млекопитающих), плотных штанов из оленьей и сапог из тюленьей кожи. Чукчанки обычно носили комбинезон, представлявший собой сшитые вместе парку и штаны, и сапоги из оленьей кожи мехом наружу. Женскими украшениями были бусы и серьги из бисера, железные или медные браслеты, а также «аккуратные» татуировки на руках и лице. Мужчины имели татуировки на руках и ногах. Число таких изображений

---

¹ *Sauer M.* An account... P. 320.

² *Соколова З.П.* Жилище народов Сибири. (Опыт типологии). М., 1998. С. 83–86.

³ *Sauer M.* An account... P. 319–320.

⁴ [Гилев А.] Журнал Чукотской земли... С. 155.

обозначало количество взятых ими в плен или убитых противников, а рисунок имел определенное ритуальное значение¹. Это сообщение Мейна справедливо отнести и к азиатским эскимосам².

В материалах вспомогательного персонала экспедиции Биллингса–Сарычева имеются сообщения о семейно-брачной обрядности чукчей и эскимосов. В вопросе об отношении аборигенов к браку и супружеской верности у путешественников нет единого мнения. Так, по сведениям И. Кобелева, чукчи «как оленные, равно пешие [эскимосы – *И.Ш.*] между собою по согласию женами меняются»³. Суждения казачьего сотника не разделяет Д. Мейн, который считает, что обыкновение одалживать своих супругов кому-либо имеют эскимосы, а чукчи очень привязаны к своим женам и не позволяют им вступать в «какие-либо сношения с незнакомыми людьми»⁴. Этнографы и историки, суммировав данные источников XVIII–XIX вв., пришли к выводу, что «мена жен» имела место и у чукчей, и у эскимосов, и между ними. Этот факт свидетельствует о сохранении у названных этносов в обозначенный период пережитков родового строя – группового брака, многоженства, левирата и сорората, которые также были отмечены членами СВГИАЭ⁵. Эти институты родового общества обеспечивали взаимную материальную и общественную поддержку семей, связанных родственными отношениями⁶.

Свадебные обряды чукчей и азиатских эскимосов, как сообщает И. Кобелев, сводятся к сватовству, в котором сначала участвует сват от жениха, а затем его отец, мать и один из родственников. Если родители молодых договорятся, на следующее утро «невестин отец запрягает в санки оленей и дает невесте в руки [вожжи], с тем и поедут к жениху» и более «никаких церемоний, ни плача [калыма – *И.Ш.*], ни придан не бывает»⁷. Действительно калым за невесту у чукчей не выплачивался, но существовала обязательная отработка за нее женихом в доме тестя⁸.

Более подробно представители вспомогательного персонала экспедиции Биллингса–Сарычева описали языческие обряды чукчей и эскимосов. Д. Мейн и А. Батаков запечатлели в своих дневниках церемонии, которыми чукчи встречали участников экспедиции. Мейн пишет: «...Сначала они были против нашей вы-

---

¹ *Sauer M.* An account... P. 320–321.

² Народы Северо-Востока Сибири. М., 2010. С. 600–601.

³ [Кобелев И.] Журнал о путешествии вторично в Чукотскую землю... С. 165.

⁴ *Sauer M.* An account... P. 330.

⁵ [Кобелев И.] Журнал о путешествии вторично в Чукотскую землю... С. 163.

⁶ Богораз В.Г. Чукчи. Л. 1934. Ч. 1. С. 135–141.

⁷ [Кобелев И.] Журнал о путешествии вторично в Чукотскую землю... С. 165.

⁸ Народы Северо-Востока Сибири. С. 551.

садки на берег... кричали и бросали камни в море. После того... появился вождь (которого звали Имлерат) с несколькими стариками и развел два костра, а затем он взял нашего командира за руку, провел его через один из костров; снял собственную парку, и одел ее на капитана Биллингса, который, в свою очередь, одел свою чистую рубашку на тойона: этот обмен платьем рассматривался, как знак дружбы и взаимной гарантии. Такая церемония была проведена для каждого из нас, всего нашего багажа и провианта... После чего вождь поставил перед нами большие и очень жирные куски вареной оленины, чтобы показать свое гостеприимство, мы дали ему табак, бисер и иголки»¹.

Следует отметить, что чукчи кричали и бросали камни в воду навстречу путешественникам не для выражения своей неприязни к ним, как предполагал Мейн, а, наоборот, для демонстрации готовности их принять, поскольку таким или подобным образом аборигены всегда встречали гостей, прибывших издалека. Криком и бросанием камней туземцы старались отогнать злых существ, которые, по их мнению, могли проникнуть в лагерь вместе с приежжими². С этой же целью проводился описанный Мейном обряд окуривания путешественников и всех их вещей, так как чукчи признавали огонь главным защитником людей, жилища и хозяйственных животных, а дым от него – очистителем от всех вредных существ³. Как верно отметил А. Батаков, эта церемония являлась самобытным способом дезинфекции, позволявшим предотвращать эпидемии и эпизоотии⁴.

В продолжении своих дневников А. Батаков и Д. Мейн описывают религиозные обряды чукчей, которые они наблюдали в августе 1791 г. на ежегодном чукотском празднике, посвященном завершению летнего пастбищного сезона и возвращению оленьих стад в стойбище. Это торжество проходило в несколько этапов. Путешественники верно подметили ведущую роль чукотских женщин на первом, подготовительном этапе праздника, символизовавшем присоединение стада к дому⁵. Именно чукчанки развели костры и «окурили» оленей поодаль от лагеря, затем пригнали животных в загон. Они же привезли от юрт к загону и расставили друг против друга мужские, женские, грузовые нарты и крытые кибитки, используемые для перевозки матерей с детьми; на сани

---

¹ *Sauer M.* An account... P. 324.

² *Богораз В.Г.* Чукчи. Л. 1939. Ч. 2: Религия. С. 75.

³ *Вдовин И.С.* Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера: (2-я половина XIX – начало XX в.). Л., 1977. С. 133–134.

⁴ [*Батаков А.М.*] Журнал описания Чукотской земли от губы Св. Лаврентия до Ангарской крепости 1791 г. // Этнографические материалы... С. 158.

⁵ Об этом см.: *Богораз В.Г.* Чукчи. Ч. 2. С. 75.

чукчанки поместили черепа и кости «прошлогодных оленей», а рядом разложили копыя для совершения ритуальных убийств. После этого мужчины приступили к следующему этапу праздника – жертвоприношениям¹.

При жертвоприношениях, сообщает Д. Мейн, чукчи особое внимание уделяли тому, как упадет олень: «если на правую сторону [головой на восток или юг – *И.Ш.*] и умирает легко, они полагают, что это предвещает удачу и успех в их делах, но если он падает на левую сторону, [на рану и головой на север – *И.Ш.*], или бьется в конвульсиях, это плохая примета»². По наблюдениям Мейна и Батакова, столь же большое значение направлениям аборигены придавали при ритуальном разбрызгивании жертвенной крови, неизменно начиная с востока, продолжая югом и западом, и заканчивая севером³. В этих обрядовых действиях отражены традиционные религиозные представления чукчей, согласно которым каждая сторона света отождествлялась с божествами (силами, духами, явлениями) определенного уровня (мира) и характера. Восточное и южное направления ассоциировались аборигенами с благосклонными к людям божествами верхнего мира (Творцом, Природой, Рассветом, Полднем, или Зенитом неба, Полярной звездой и Созвездием орла), которым они посвящали свои главные торжества, включая описанное Мейном и Батаковым, с «настоящими жертвоприношениями» (убийствами животных), символизировавшими благодарность за пособничество в прошлом и плату за содействие в будущем. К северной стороне они относили вредоносных существ (кэле – ед. ч., кэльэт – мн. ч.) нижнего мира (подземелья, тьмы), которым жертвовали животных лишь в особых случаях, в частности, во время болезни человека, но не на указанном выше празднике⁴. Для того чтобы жертва дошла до адресата, как полагали туземцы, она должна лежать в нужном направлении. Поэтому чукчи заботились, чтобы олени не упали головой на север, а их души не достались кэльэт. Последние, как показано в дневниках Мейна и Батакова, также получали свою часть от жертвы в ходе разбрызгивания ее крови по сторонам –

---

¹ [*Батаков А.М.*] Журнал описания Чукотской земли... С. 158; *Sauer M.* An account... P. 322.

² *Sauer M.* An account... P. 322.

³ *Sauer M.* An account... P. 322–323; [*Батаков А.М.*] Журнал описания Чукотской земли... С. 158.

⁴ *Sauer M.* An account... P. 325–326; [*Батаков А.М.*] Журнал описания Чукотской земли... С. 159.

обряде угощения, или кормления божеств¹. Такой обряд, по данным И. Кобелева, был распространен и у сибирских эскимосов².

Этнографы отмечают, что чукчами и азиатскими эскимосами сравнительно мало создано наглядных изображений объектов культа. В данном контексте особое значение имеют рисунки Л. Воронина, на которых представлена роспись потолочных балок чукотской полуземлянки. Художником СВГИАЭ изображены Полярная звезда в реалистичном виде, созвездие «Пэгиттин» (звезды Альтаир и Таразед в созвездии Орла) и солнце в антропоморфных формах. Созвездие «Пэгиттин» написано в виде двух человеческих фигур, от голов которых в стороны расходятся лучи, а солнце нарисовано с обозначением глаз, носа, рта и множества лучей³.

Угостив и задоблив сверхъестественные силы, чукчи, как сообщают А. Батаков и И. Кобелев, проводят церемонию помазания жертвенной кровью, во время которой «муж у жены мажет лоб и брюхо, а жена у мужа и детей те же места», что делается «для излечения [и предотвращения – *И.Ш.*] недугов или болезней»⁴. Согласно представлениям аборигенов, выполненные кровью рисунки символизировали семейных духов-охранителей, которые скрывали людей от причиняющих им боль и страдания кэльэт⁵. Подобная церемония проводилась и эскимосами⁶.

По завершении жертвоприношений и сопутствующих обрядов, пишет Д. Мейн, чукчанки снимают шкуру с животных и разделяют мясо. После чего с помощью деревянных огнив с вырезанными на них человеческими лицами разводят костры в тех местах, где был убит каждый олень. На кострах варят мясо, а стоящие рядом огнива, которые называют «гыргыр» и почитают за семейных покровителей, «кормят», смазывая их лица, костным мозгом⁷.

На заключительном этапе чукотского праздника его участники переместились в свои жилища. обстоятельное описание того, что происходило в яранге главы чукотского племени Имлерата, составил А. Батаков. Он сообщает, что данная стадия торжества была посвящена «обращениям» аборигенов к божествам с различными просьбами. В частности, чукчи просили у «земных» и

---

¹ Богораз В.Г. Чукчи. Ч. 2. С. 21–22, 71, 73, 75–76.

² [Кобелев И.] Журнал о путешествии вторично в Чукотскую землю... С. 165.

³ Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей. С. 119, 126.

⁴ [Батаков А.М.] Журнал о путешествии вторично в Чукотскую землю... С. 158; [Кобелев И.] Журнал о путешествии вторично в Чукотскую землю... С. 164.

⁵ Богораз В.Г. Чукчи. Ч. 2. С. 64, 69.

⁶ Sauer M. An account... P. 176, 178.

⁷ Ibid. P. 323.

«вышних» богов здоровья и удачи в поездках и на промысле¹. Показательно, что культовую практику вели не шаманы, как это было у большинства других сибирских народов, а все находившиеся в юрте туземцы, начиная с Имлерата и чукотских старейшин. Они били в бубны, ходили, бегали и плясали вокруг двух огней, пели и кричали, затем ненадолго останавливались и продолжали вновь. Как объяснили чукчи Батакову, они так «шаманили»².

Таким образом, как отражено в дневнике А. Батакова, на заключительном этапе своего праздника чукчи проводили «коллективное, или поголовное шаманство», при котором каждый взрослый абориген самостоятельно выполнял шаманские действия³. Данное явление в исследуемый период также было распространено у эскимосов, коряков и кереков⁴. Поголовное шаманство, как считают исследователи, свидетельствует о более низком уровне развития культуры этносов, практикующих его, чем народов, исповедующих индивидуальный (профессиональный) шаманизм, который возник на базе первого и эволюционировал из него⁵.

Представители вспомогательного персонала СВГИАЭ отметили наличие у чукчей и эскимосов и профессиональных шаманов, которые выделялись не особой атрибутикой, а специфическими функциями, сводившимися к общению со злыми духами для предотвращения и излечения болезней, прекращения неудач в промысле и хозяйственной деятельности⁶. Однако индивидуальное шаманство у коренных жителей крайнего северо-востока Азии в конце XVIII в. было менее развито, чем у других аборигенов Сибири.

Чукотский похоронный обряд, согласно описанию И. Кобелева, состоял в следующем. Покойника в лучшей одежде, с оружием и другими вещами клали на нарты и отвозили на ближайшее возвышенное место, где разводили костер и сжигали тело вместе с санями и всеми принадлежностями. Двух оленей из похоронной упряжки приносили в жертву, мясо употребляли в пищу, а кости и рога оставляли на могиле. Впоследствии, как пишет казачий сотник, родственники периодически посещают место кремации и проводят поминки: «...Возят оленье рога и становятся в одно

---

¹ [Батаков А.М.] Журнал описания Чукотской земли... С. 159.

² Там же. С. 159–160.

³ Богораз В.Г. К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии // Этнографическое обозрение. 1910. Т. 84–85. Кн. 1–2. С. 7–8.

⁴ Sauer M. An account... P. 176; Богораз В.Г. Чукчи. Ч. 2. С. 105–106.

⁵ Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1986. С. 171–172.

⁶ Sauer M. An account... P. 325–326; [Батаков А.М.] Журнал описания Чукотской земли... С. 160; [Кобелев И.] Журнал о путешествии вторично в Чукотскую землю... С. 165.

место над самым мертвым, и кладут небольшой огонь, и бросают в него олений жир, и сами себе в пищу употребляют; а когда случится табак, малую часть кладут в огонь и говорят: "На те[бе] табак, покури" – и сами при том курят»¹. На примере поминальной церемонии Кобелевым проиллюстрирована связь огня и культа предков у чукчей.

Утверждение И. Кобелева о том, что похороны азиатских эскимосов проходят подобным образом справедливо, но с одной оговоркой – у эскимосов трупосожжение не было распространено, тело покойника оставляли в неглубокой нише в каменных насыпях, просто на земле, обложив вокруг камнями, или в снегу².

Сравнительный анализ этнографических материалов Д. Мейна, А. Батакова, А. Гилева, И. Кобелева и Л. Воронина показывает, что они содержат весьма точные сведения о географии расселения, внешнем виде, одежде, жилищах, хозяйстве, обрядах, иных компонентах материальной и духовной культуры чукчей и азиатских эскимосов. Тот факт, что перечисленные представители вспомогательного персонала экспедиции Биллингса–Сарычева посетили и описали чукчей и эскимосов в то время, когда процесс ассимиляции вторых первыми только набирал обороты, и эти народы сохраняли этническую и культурную самобытность, делает работы названных участников СВГИАЭ ценным источником по истории изучения индигенного населения крайнего северо-востока Сибири.

---

¹ [Кобелев И.] Журнал о путешествии вторично в Чукотскую землю... С. 165.

² Крупиц И.И. Похоронная обрядность. Эскимосы // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. М., 1980. С. 207–215.

Д.С. Бобров

Оценка М.И. Венюковым лимогенеза Российской Империи на юге Западной Сибири в XVIII веке*

В публикации рассматривается специфика оценки одним из ведущих военных аналитиков XIX века. М.И. Венюковым лимогенеза (генезиса государственной границы) Российской империи на юге Западной Сибири в XVIII веке. Автор статьи приходит к выводу о том, что дореволюционным исследователем применительно к Верхнему Обь-Иртышью впервые были сформулированы постулаты доктрины «стратегической границы», показаны цели и задачи крепостных линий в функционировании государственной границы.

Ключевые слова: М.И. Венюков, лимогенез, Российская империя, военная аналитика, естественные пределы (границы), стратегическая государственная граница, крепостные линии, юг Западной Сибири, Джунгарское ханство, Верхнее Обь-Иртышье.

На протяжении различных этапов истории одним из ключевых аспектов государственной политики любой страны является проблема границ, причем не только внутренних административно-территориальных, но особенно – внешних рубежей. В лимнологии (специальной научной дисциплине, занимающейся изучением границ) под государственной границей понимается линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющая пределы государственной территории¹. Для Российской империи периода ее становления вопрос государственной границы был напрямую связан с присоединением и инкорпорированием не только западных, но также и восточных окраин. Подчиненность колонизационных процессов в Сибири и на Урале экономическим и военно-стратегическим задачам приводила к своего рода «спорадическому», то есть несистемному, нерегулярному (с большими временными промежутками между этапами) освоению, что, в свою очередь, детерминировало динамику границ осваиваемых регионов, их фронтирность².

---

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации проекта № 15-11-22005а(р).*

¹ *Дмитриева С.И.* Лимнология: учеб. пособие. Воронеж, 2008. С. 5, 88.

² См., например: *Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Побережников И.В., Зубков К.И.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX в. М., 2004. С. 39–65, 206–217; *Бобров Д.С.* Идея «фронтира» – один из взглядов на процесс освоения Алтая как периферийного пространства // Каби-

Экспансионистская активность имперского центра на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. оказала принципиальное влияние на генезис государственной границы (лимогенез¹) в регионе. Главным геополитическим конкурентом России в Верхнем Обь-Иртышье являлось Джунгарское ханство². Демаркированная граница между странами отсутствовала³. Параллельно происходили два процесса, которые, согласно лимологической теории, должны последовательно сменять друг друга: размещение (изначальный политический раздел территории между двумя государствами) и делимитация (подробное описание прохождения линии границы и ее нанесение на карты)⁴. Российская административная элита различными способами пыталась легитимировать свой суверенитет фактически над всем Верхним Обь-Иртышьем, в том числе над районами истока Иртыша и юго-восточными предгорьями Алтая⁵. Однако вплоть до гибели Джунгарского ханства в 1758 г. признаков демаркации границы и завершения лимогенеза не наблюдалось.

Обозначенные обстоятельством актуализируют необходимость изучения как самого западносибирского участка государственной границы России в XVIII в., так и обращение к опыту осмысления «вопроса границ» административной элитой, научной и военной интеллигенцией в качестве важного фактора эволюции в сознании имперской элиты стратегии и тактики пространственно-территориального укрупнения. Результатом подобных исследовательских и военно-аналитических экспертиз являлось формирование своеобразного набора рациональных и идеалистических, оригинальных и архетипичных оценок и характеристик, которые в своей совокупности составляли тот или иной вариант образа⁶ (доктрины или концепции) границы. Данные образы, изначально эклектичные и не выстроенные структурно, постепенно обрастали уточняющими деталями и становились своего рода катализаторами осмысления и

нетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XVIII – начале XX в.: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.Н. Соболева. Барнаул, 2011. С. 7–17; *Побережников И.В.* Использование модернизационной парадигмы при изучении региональной истории России (XVIII – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 37–41.

¹ *Дмитриева С.И.* Лимология ... С. 5.

² *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства 1635–1758. М., 1983. С. 211–252; *Моисеев В.А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. Барнаул, 1998. С. 11–118.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736. Д. 1. Л. 30 об., 32 об.

⁴ *Дмитриева С.И.* Лимология ... С. 23–24.

⁵ РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595–1736. Д. 1. Л. 17 об., 19; Оп. 1. 1716. Д. 1. Л. 12.

⁶ *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006. С. 92–94.

формирования геополитического рельефа Азии¹. Если в отношении российско-китайской границы существует целый ряд соответствующих дореволюционных трудов², то применительно к Верхнему Обь-Иртышью список специальных работ, известных нам значительно уже. В основном динамика государственной границы и режимов ее охраны фрагментарно рассматривались в контексте общеисторического развития региона³, или как составная часть своеобразной «джунгарской проблемы»⁴. На этом фоне самостоятельного исследования заслуживает концепция установления государственной границы России в XVIII в. М.И. Венюкова.

Михаил Иванович Венюков (1832–1901) – известный военный писатель и географ, генерал-майор, выпускник Николаевской (Императорской) академии Генерального штаба (1856)⁵. В течение 40-х – 60-х годов XIX в. побывал в различных приграничных районах Российской империи. В 1859–1860 гг. М.И. Венюков посетил Алтай и Тянь-Шань. Находясь в Западной Сибири, он занялся подготовкой материалов для военного обозрения Российской империи, разработал программу военно-статистического описания Западной Сибири, носившую комплексный характер и включавшую «военно-исторический взгляд на страну»⁶. Несмотря на то, что М.И. Венюков не создал трудов по истории отдельных районов или окраин Российской империи, его перу принадлежат

---

¹ *Бандурист А.В.* Средняя Азия в представлении военной элиты России (вторая половина XIX–XX вв.) // Пятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. Иркутск, 2011. Т. 1. С. 110.

² См., например: Извлечения из донесений Генерального штаба полковника Вогака // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1895. Вып. LX; Записки о Маньчжурии полковника Барабаша и Матюнина // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. I.

³ Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1849. Т. XVII. Ч. 1–2; Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Омск, 1893. Кн. XIV; Материалы для географии и статистики России, составленные офицерами Генерального штаба. СПб., 1868. Т. 16. Область сибирских киргизов. Ч. 1.

⁴ *Костенко Л.Ф.* Джунгария. Военно-статистический очерк // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1887. Вып. XXVIII.

⁵ Военная энциклопедия / под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого. СПб., 1911. Т. 5. С. 313; *Глинноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 86 (приложение).

⁶ *Ремнев А.В.* У истоков российской имперской геополитики: азиатские пограничные пространства в исследованиях М.И. Венюкова // Исторические записки. 2001. № 4 (122). С. 347–348.

фундаментальные сочинения о возникновении и эволюции государственных границ в Азиатской России¹.

Специальная литература, посвященная М.И. Венюкову достаточно обширна. По проблемно-тематическому принципу в ней рационально выделить две группы работ: первая связана с комплексным исследованием авторской концепции внешней политики Российской империи в широком хронологическом промежутке XVII–XIX веков², вторая – с изучением взглядов военного аналитика на центральноазиатскую и дальневосточную политику России во второй половине XIX века³. Между тем в научной среде еще не предпринималась попытка вычленить и проанализировать взгляды М.И. Венюкова на лимогенез в южных районах Западной Сибири в качестве важного катализатора осмысления в военной среде и административной элите итогов пространственно-территориального расширения Российской империи в XVII–XVIII веках.

В самом начале своей ставшей хрестоматийной работы «Опыт военного обозрения русских границ в Азии» М.И. Венюков подчеркивает программно-аналитический характер своих изысканий, указывая в качестве объекта исследования «предметы, которые могут интересовать военного человека на каждом стратегически отдельном театре войны»⁴.

---

¹ *Венюков М.И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии / Военно-ученый комитет Главного штаба. СПб., 1873; Он же. Поступательное движение России в Средней Азии. СПб., 1877; *Он же.* Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868; *Он же.* Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб., 1877; *Он же.* Седьмой участок. Чжунгарский // Военный сборник. 1872. № 10. С. 171–205; Он же. Шестой участок. Урянхайский или Алтае-саянский // Военный сборник. 1872. № 9.

² *Есаков В.А.* Михаил Иванович Венюков. 1832–1901 / отв. ред. А.В. Постников. М., 2002; *Кузнецова А.В.* М.И. Венюков: международные отношения и внешняя политика России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002; *Ремнев А.В.* «Естественные границы» империи и степь в геополитической конструкции М.И. Венюкова // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX в.): II Междунар. науч. конф. Омск, 2001. С. 3–8; *Он же.* У истоков российской имперской геополитики: азиатские пограничные пространства в исследованиях М.И. Венюкова // Исторические записки. 2001. № 4 (122). С. 344–369; *Шиловский М.В.* Пассионарии евро-азиатского фронта: Г.А. Колпаковский, Г.Н. Потанин, М.И. Венюков, Ч.Ч. Валиханов // Уральский исторический вестник. 2012. № 3(36). С. 61–65.

³ См., например: *Кузнецова А.В.* Дальний Восток в концепции естественных рубежей М.И. Венюкова // Историческое сознание и власть в зеркале России XX в. Научные доклады / под ред. А.В. Гладышева, Б.Б. Дубенцова. СПб., 2006. С. 65–72; *Она же.* Теория и практика русской колонизации на Дальнем Востоке (по материалам М.И. Венюкова) // Проблемы истории Сибири накануне XXI в.: материалы Дуловских чтений 2000 г. Иркутск, 2000. С. 22–23.

⁴ *Венюков М.И.* Опыт военного обозрения... С. 2.

Непосредственно ретроспективный анализ М.И. Венюков начал с общей этнополитической характеристики сибирского населения, по своим чертам во многом архетипичной, и не выходящей за рамки общепринятой для военно-аналитических работ модели. В пределах Верхнего Обь-Иртышья им были выделены две этнические общности: калмыки, причем они оказались отождествлены с теленгутами и локализованы в бассейнах верхних Оби и Иртыша вплоть до района Барнаула; а также «предки нынешних киргизов» – разноплеменные общности казахов, этническая принадлежность которых М.И. Венюкову была непонятна.

Важным элементом в попытке своего рода системного анализа стало обращение к транспортно-гидрологической структуре Сибири, которая была представлена в максимально схематичной форме делением условно общей гидронимики Сибири на три зоны: северная (устья рек Оби, Енисея, Лены и др.), «срединная» (районы средних течений Иртыша, Оби, Кети, Енисея, Ангары) и «южная» (верховья Иртыша до озера Зайсан и Оби вплоть до гор северного Алтая)¹.

Интенсивное освоение Верхнего Обь-Иртышья в первой четверти XVIII в. М.И. Венюков рассматривал как исключительное проявление государственной (правительственной) политики колонизации. Интерес концентрировался здесь на верховьях Иртыша, кратко упоминалось об экспедициях И.Д. Бухгольца и И.М. Лихарева, указывалось на достижение озера Зайсан. Отдельно военный историк обратился к развитию Иртышской оборонительной линии, выделив в качестве ее южной точки Усть-Каменогорскую крепость. Анализируя общий характер расположения укрепленных объектов, М.И. Венюков пришел к выводу о его соответствии границе. Тем самым генерал-майор не только полностью отождествил контур Иртышской линии с пределами государственных рубежей, но и невольно заложил соответствующую историографическую традицию, актуальную и в современном историческом сибиреведении. Смерть Петра I лишь завершила очередной этап проникновения Российской империи на юг Западной Сибири, граница в этот период установилась следующим образом: «по рекам Уралу, Миасу, на Курган к Омску, отсюда по Иртышу, потом по предгорьям Алтая южнее Бийска, севернее Телецкого озера и мимо вершин Абакана»².

Вариант установления линии государственных рубежей, предложенный М.И. Венюковым, при детальном рассмотрении выглядит чрезвычайно схематичным. В тексте обозначены лишь

---

¹ Венюков М.И. Опыт военного обозрения... С. 4.

² Там же. С. 9.

ключевые точки, через которые в Верхнем Обь-Иртышье якобы проходила граница: Омск – Иртыш – Телецкое озеро. Иными словами, в монографии очерчены только приблизительные контуры, а не сама граница. Рассуждая о прохождении лимнологической линии в районе Телецкого озера и междуречья Бии и Катуня, М.И. Венюков в качестве успехов имперской политики освоения южно-сибирских окраин в XVIII в. не отметил активное проникновение в Верхнее Приобье, основание Бикатунского острога и Белоярской крепости¹. При этом определение границы севернее Телецкого озера шло вразрез с картографической традицией XVIII в. (на абсолютном большинстве чертежей граница проходила южнее «озера Алтын»²) и соотносилось только с «Картой с проектом ... границам Российской империи с китайским и зенгорским владениям» 1746 года³.

Именно эти, достигнутые в конце первой четверти XVIII в. рубежи освоения, М.И. Венюковым характеризовались как «естественные пределы нашей территории»⁴. Система аргументации выстраивалась вокруг принадлежности присоединенных областей к бассейнам рек, впадающих в Северный Ледовитый океан. Подобный взгляд применительно к периоду конца XVII – первой половины XVIII в. наиболее точно соответствовал официальной позиции имперской элиты в приграничном споре с Джунгарией, в ходе которого российская сторона стремилась легитимировать свой суверенитет над Верхним Прииртышьем, ссылаясь на соответствующий характер устьев Оби и Иртыша.

Приемники Петра I (Екатерина I и Петр II) лишились самостоятельности в проведении Азиатской политики и ключевую роль здесь, как утверждал М.И. Венюков, стал играть Х.А. Миних. Анна Иоанновна удостоилась отдельного упоминания в монографии в связи с началом присоединения казахских племен, а фактически единственным заслуживающим внимания событием периода правления Елизаветы Петровны явилось окончательное присо-

---

¹ Булыгин Ю.С. Выход русских к реке Бии и основание Бикатунской крепости // Города Алтай эпохи феодализма и капитализма: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул, 1986. С. 3–24; Огурицов А.Ю. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2007. Вып. 9. С. 40–67.

² Бородаев В.Б. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI в.). Барнаул, 2006. С. 58–63, 68–69; Эксплуатация природных ресурсов Алтай императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.) / Т.Н. Соболева, П.А. Афанасьев, А.Е. Кухаренко, Д.С. Бобров. Барнаул, 2012. С. 99–107.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 424. Оп. 1. Д. 12.

⁴ Венюков М.И. Опыт военного обозрения ... С. 25.

единение к России после распада Джунгарии Прииртышской области от истоков Ульбы и Бухтармы до верховий Бии и Катуня¹. Заслугой Екатерины II стала стабилизация государственных рубежей, связанная в том числе с рациональной переменой тактики и переходом к гибкому лавированию между интересами отдельных казахских этнополитических общностей. Кроме того, по мнению М.И. Венюкова, акцент сместился в сторону выстраивания административной вертикали на уже освоенных землях: «Мудрая императрица [Екатерина II – прим. Д.Б.] предпочитала заниматься гражданскими улучшениями в приобретенных уже тут землях, чем делать завоевания вновь»².

Однако М.И. Венюков не ограничился ретроспективным обзором пространственного расширения Российской империи в Азиатской России и обратился к вопросу охраны границ как самостоятельному и важнейшему элементу функционирования государственной границы. Этот структурный элемент своей концепции военного аналитик выстроил через систему бинарной оппозиции. Характеризуя аборигенное население южной Сибири и северных районов Средней Азии, М.И. Венюков использовал архетипичную терминологию, имевшую явно негативную коннотацию, в частности, такие категории как «дикари» и «хищники»³. Нерегулярные и при этом многочисленные набеги таких «хищников» детерминировали строительство в Верхнем Обь-Иртышье укрепленных линий. Сформированная таким образом оппозиция условно выглядела следующим образом: «дикари – защита». Примечательно, что за такой, несколько упрощенной оценкой следуют ключевые положения развертывания военной теории. Цели создания Иртышской, Колывано-Кузнецкой, затем Бийской и др. укрепленных линий в трактовке М.И. Венюкова изначально были недостижимы и никогда не могли быть претворены в жизнь в силу огромных расстояний между укрепленными пунктами. Реальные функции крепостных линий заключались в поимке возвращавшихся с территории России после грабежа и разбоев джунгар и казахов⁴. Приведенные выше суждения показывают, что М.И. Венюков на примере Верхнего Обь-Иртышья описал барьерную и фильтрующую функции государственной границы в полном соответствии с современной лингвистической теорией, хотя сами функции военный аналитик не назвал⁵.

---

¹ Венюков М.И. Опыт военного обозрения... С. 10.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 16–17.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Дмитриева С.И. Лингвистика ... С. 16; Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало

Важнейшим выводом М.И. Венюкова является то, что максимальной эффективности функционирования границы можно добиться лишь в условиях сопряжения укрепленной линии с «каким-нибудь трудно-проходимым препятствием»¹, то есть природной, естественной преградой: крупной рекой, горным хребтом. Тем самым М.И. Венюковым еще в середине XIX в. применительно к южным районам Западной Сибири был сформулирован концепт стратегической государственной границы, который в начале XX в. определялся военными аналитиками следующим образом: «... Наиболее обеспечена граница [государственная – прим. Д.Б.] от вторжения тогда, когда она проходит по пустыне, по значительным горным цепям, по значительным болотным пространствам ... то или другое сочетание этих рубежей, расположенных вдоль границы, составляет условную, так называемую стратегическую границу. Естественную сильную стратегическую границу не имеет ни одно государство, поэтому все государства в целях обороны применяют сочетание естественных рубежей с искусственно укрепленными пунктами (крепости, форты)»². Следовательно, краткая формула идеи стратегической границы имеет следующий вид: сильные естественные рубежи + сильные искусственные укрепления.

Касаясь геостратегического и оборонительного потенциала естественных рубежей южных районов Западной Сибири, М.И. Венюков пришел к выводу о существовании трех «ворот» – участков приграничного пространства, наиболее уязвимых для инвазивного проникновения на территорию Российской империи представителей коренных традиционных сообществ. Первый из своеобразных коридоров пролегал от предгорий Большого Алтайского хребта (в современной геоморфологической характеристике – часть Монгольского Алтая³) до озера Зайсан и Черного Иртыша, вторые «ворота» простирались от озера Зайсан до хребта Тарбагатай, и, наконец, последние – от южных склонов Тарбагатая до Алатау и гор «Барлунских»⁴. Нетрудно заметить, что все «ворота» примыкали друг к другу, представляя собой в сущности три смежных локальных области (очага), через которые с разной степенью было возможно осуществление военного прорыва.

Таким образом, М.И. Венюковым впервые было высказано несколько ключевых идей относительно установления и функцио-

---

XXI в.). Владивосток, 2011. С. 57–59.

¹ Венюков М.И. Опыт военного обозрения ... С. 17.

² Военная энциклопедия ... СПб., 1912. Т. 8. С. 451.

³ Подробнее о геоморфологической природе Большого Алтая см.: Лузгин Б.Н. Морфогения Большого Алтая // Геоморфология. 2002. № 4. С. 14–21.

⁴ Венюков М.И. Седьмой участок. Чжунгарский // Военный сборник. 1872. № 10. С. 172–183.

нирования государственной границы в Верхнем Обь-Иртышье. Применительно к первой половине XVIII в. в названном локальном районе им были отождествлены оборонительные укрепления Иртышской линии и государственная граница. Кроме того, военным аналитиком подробно охарактеризованы барьерная и фильтрующая функции границы. Наконец, на примере Верхнего Обь-Иртышья в полном соответствии с имперской административной практикой М.И. Венюковым обоснована доктрина «стратегической границы», то есть рациональное, осознанное стремление имперской элиты в конце XVII – первой половине XVIII в. установить государственную границу по ключевым физико-географическим объектам региона: Иртышу, юго-восточным предгорьям Алтая, Телецкому озеру.

Отечественная история с середины XIX до начала XX века

* * *

Д.Ю. Плотников

Война и коммерция в Восточной Анатолии: причины русской политики в отношении британской торговли в 1854–1855 гг.

Статья посвящена выявлению причин пассивной русской политики в отношении английской торговли в Восточной Анатолии в 1854–1855 гг. в условиях Крымской войны. Возможность нанести урон торговле враждебной державы, полученная в ходе боевых действий, так и не была реализована русской стороной. Автор выделяет три вероятные причины такого хода событий – получение разведанных от караванов с английскими товарами, важность непрекращающейся торговли для экономического благополучия российского Закавказья и нежелание осложнять отношения с Персией – и намечает дальнейшие перспективы их изучения.

Ключевые слова: Крымская война, торговля, Великобритания, Россия, Персия.

Крымская война 1853–1856 гг. стала первым крупным вооруженным конфликтом великих держав со времени Наполеоновских войн. Спустя сорок лет, новое столкновение сильнейших европейских государств приняло формы не только политического и собственно военного, но и экономического противостояния. Методы новой «экономической войны» изменились в связи с иными реалиями – распространением доктрины свободной торговли и усиливающейся конкуренцией становящихся индустриальных держав, – но она продолжала оставаться неотъемлемой и важной частью межгосударственной борьбы. Учитывая это, изучение экономического противостояния в годы Крымской войны, безусловно, необходимо для исторического анализа крупнейшего политического события середины XIX века.

Говоря об экономической борьбе в ходе Крымской войны, чаще всего подразумевают действия союзников, направленные на нанесение урона российской экономике. Это вполне справедливо, учитывая выдающиеся преимущества, которыми, благодаря господству на море, располагали в этом отношении англичане и французы. Но нечасто уделяется внимание единственному району,

где, напротив, английская торговля оказалась под угрозой из-за действий русских войск, – Восточной Анатолии в 1854–1855 годах.

Чаще всего в историографии авторы затрагивают этот сюжет вскользь, упоминая возможность русских войск повлиять на торговлю в регионе. Первым из русских исследователей это отметил М.И. Богданович¹. А.М. Зайончковский указал, что угроза торговым путям всерьез воспринималась самими англичанами². Как первую серьезную угрозу ближневосточным коммерческим интересам Англии Крымскую войну обозначил Ф.Э. Бэйли³. Он же достаточно подробно описал роль торговых путей Восточной Анатолии как части одного из маршрутов в Индию⁴. С.К. Бушуев, даже рассматривая войну в Малой Азии через призму интересов английской торговли, не стал развивать тему, удовлетвоваввшись общими положениями⁵. Л. Горев пошел дальше, не только упомянув возможность пресечь транспортировку британских товаров, но и справедливо констатировав, что «на ходе военных действий это не отразилось»⁶. В очередной раз вышеозначенную угрозу английской торговле упомянул Х.М. Ибрагимбейли, чем и ограничился⁷. В.В. Дегоев также обозначал опасность, созданную для британских интересов⁸, уточнял, что она имела значение для связи с Индией⁹ и задался вопросом «почему то, что явилось предметом панической озабоченности англичан, выпало из стратегических расчетов Петербурга»¹⁰.

Таким образом, историография единодушна в том, что русские войска в 1854–1855 гг. могли нанести урон английской торговле в регионе. Учитывается, что значение торгового пути, на котором действовали русские войска, не исчерпывалось Турцией и Персией – он

---

¹ *Богданович М.И.* Восточная война 1853–1856 годов. Т. 2. СПб., 1876. С. 172.

² *Зайончковский А.М.* Восточная Война 1853–1856 гг. Т. 1. СПб., 1908. С. 1165.

³ *Bailey F.E.* British policy and the Turkish reform movement. London, 1942. P. 233.

⁴ *Ibid.* P. 232.

⁵ *Бушуев С.К.* Крымская война 1853–1856 годов. Героическая оборона Севастополя. М., 1946. С. 14, 37.

⁶ *Горев Л.* Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955.

⁷ *Ибрагимбейли Х.М.* Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М., 1971. С. 226.

⁸ *Княгиня Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.). М., 1984. С. 165.

⁹ *Дегоев В.В.* Британская политика на Кавказе в 30-е – 50-е годы XIX в. (По материалам парламентских дебатов) // Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003. С. 119.

¹⁰ *Он же.* Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М., 2009. С. 260. Конечно, в первую очередь речь идет об угрозе Карсу и Эрзеруму, но формулировка применима и к возможным действиям против британской торговли в регионе.

играл свою роль в сообщениях с Индией. Есть упоминания о неиспользовании указанной возможности. Но чаще всего английской торговле отводится роль очередного трофея, а не фактора, способного при правильном использовании повлиять на ход войны, и русская политика в ее отношении не рассматривается подробно. Причины этой политики также не исследованы в достаточной мере. Настоящая статья – попытка в некоторой степени восполнить этот пробел.

Крупнейшим торговым путем региона была Эрзерумская торговая дорога. По этому маршруту, начинавшемуся в Трапезунде, европейские (преимущественно английские, поскольку Великобритания к середине XIX в. почти монопольно господствовала на турецком и персидском рынках) товары следовали через Эрзерум и Баязет в персидский Тебриз, а оттуда – в Тегеран или к Персидскому заливу и далее в Индию. Объем экспорта в один только Трапезунд достигал в описываемый период 1,5 миллионов фунтов¹. В Персию по этому маршруту еще задолго до войны уходило английских товаров на 1,5 миллиона², а конкретно в 1855 г., несмотря на военное время – 1,8 миллиона³. Конечно, даже совокупный экспорт в Восточную Анатолию и Персию, превышающий 3 миллиона, составлял лишь малую часть общего английского вывоза, достигавшего в том же 1855 г. 242 миллионов фунтов⁴. Но, как упоминалось выше, Эрзерумская дорога была на тот момент (до появления Суэцкого канала) еще и частью имперских коммуникаций, связывающих метрополию с Индией⁵, что соответствующим образом повышало ее значение для Великобритании. В целом, можно заключить, что ко времени Крымской войны регулярное и безопасное следование товаров по территории Восточной Анатолии было достаточно важным для английской политической элиты. О том, как к этой теме относились в британском Парламенте, речь пойдет ниже, а пока можно отметить, что русские офицеры, со своей стороны, не сомневались во влиянии английских торговых интересов на ведение Турцией войны в Закавказье⁶.

Три дня спустя после победы над турецким Баязетским корпусом в Чингильском сражении 17 (29) июля войска русского Эри-

---

¹ *Duncan Ch.* A campaign with the Turks in Asia. London, 1855. V. 1. P. 22; *Sandwith H.* A narrative of the siege of Kars. London, 1856. P. 20.

² *Crawley C.W.* Anglo-Russian relations, 1815–1840 // Cambridge Historical Journal. V. III. P. 67. Цит. no: *Bailey F.E.* British policy... P. 120.

³ *Ubcini M.A.* Letters on Turkey, translated by lady Easthope. V. 1. London, 1856. P. 352.

⁴ *Page W.* Commerce and industry, tables of statistics for the British Empire from 1815. London, 1919. Table 23. P. 70.

⁵ *Bailey F.E.* British policy... P. 115, 232; *Дегоев В.В.* Британская политика... С. 119.

⁶ *Лухутин М.Д.* Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. СПб., 1863. С. 13; *Карсаков А.С.* Из записок генерал-адъютанта Муравьева о войне 1855 года в Малой Азии. // «Русский вестник». 1862. № 1. С. 322.

ванского отряда заняли Баязет. Под их контролем оказался участок Эрзерумской дороги, что давало возможность «сильно влиять на торговые дела Персии с Турцией, а, пожалуй, и всего Востока»¹. Персидские погонщики, водившие караваны по дороге, утверждали, что перевозимые ими товары английского производства² принадлежат персидским купцам и ни в коем случае не союзникам, но «не имели при себе никаких письменных видов, свидетельствующих о действительной принадлежности их»³, а перехватываемая разъездами частная переписка, пересылавшаяся не с караванами, а отдельно и, по возможности, секретно, содержала сведения об отправке товаров европейскими торговыми компаниями в Тебриз на имя иностранных консулов⁴. На основании этого начальник штаба Эриванского отряда М.Д. Лихутин пришел к выводу, что союзники «ведут торговлю под именем персидских купцов»⁵.

Попытки помешать этой торговле предпринимались. В августе казаки задержали два таких каравана, отправив изъятые товары в Эривань. Однако вскоре после этого последовал интенсивный обмен мнениями между Россией и Персией, подданные которой перевозили задержанные товары. По итогам переговоров войска отряда получили распоряжение вернуть конфискованные грузы перевозившим их погонщикам и впредь не мешать следованию караванов и не изымать грузы (исключение было сделано для военной контрабанды – оружия, продовольствия, пороха и свинца)⁶. На этом практика действий против британской торговли в Восточной Анатолии, фактически, завершилась. В следующем, 1855 г. новый командующий Отдельным Кавказским корпусом Н.Н. Муравьев наводил справки о возможных мерах против нее, но, получив соответствующую информацию⁷, ничего предпринимать не стал.

Между тем, британский Парламент воспринимал возникшую угрозу довольно серьезно. В 1855 г., после осмысления итогов прошедшей кампании в Малой Азии, члены обеих палат неоднократно обращались к этой теме. Само собой, больше всего она интересовала оппозицию как повод упрекнуть правительство. В целом ряде выступлений акцентируется внимание на потенциальной угрозе ан-

---

¹ *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год // «Русская старина», 1894, № 7. С. 26.

² *Лихутин М.Д.* Русские... С. 182.

³ Там же. С. 175.

⁴ Там же. С. 181–182.

⁵ Там же. С. 315.

⁶ Там же. С. 180.

⁷ Доклад кн. Бебутова ген. Муравьеву, от 8-го августа 1855 года, № 928 // Акты Кавказской археографической комиссии (далее – АКАК). Т. XI. Тифлис, 1888. Документ 556. С. 537–540.

глийской торговле¹, а некоторые депутаты, греша против истины, даже заявляли о полном прекращении торговли по Эрзерумской дороге² – чего не сделаешь ради политических задач партии.

Итак, в 1854–1855 гг. русские войска получили возможность действовать на английских торговых путях, снабжавших товарами Малую Азию, Персию, и, в какой-то степени, Индию. Известную серьезность этой угрозы подтверждают обращения к ней в ходе английских парламентских дебатов. Однако, реализации эта возможность не получила, и для более полного понимания хода противостояния необходимо установить причины такого исхода.

Во-первых, необходимо учитывать, что пути транспортировки товаров совпадали на Кавказском театре военных действий с маршрутами передвижения войск, а торговые и перевалочные центры – с пунктами их сосредоточения. Караваны, следующие от Трапезунда (порта, в котором неизбежно высаживались любые прибывшие на восток Малой Азии союзные или турецкие войска) через Эрзерум (ключевой военно-стратегический пункт на театре военных действий вообще) были источником ценных (хотя и неизбежно искаженных) сведений о происходящем непосредственно на вражеской территории и за пределами Восточной Анатолии. Что немаловажно, такие свидетельства часто прибывали быстрее, чем по официальным каналам – например, известие о смерти лорда Раглана, командовавшего английскими экспедиционными войсками в Крыму, было получено «через проезжающих от Эрзерума купцов»³. Официальные источники во многом опирались на те же известия от караванов – русский генеральный консул в Тебризе Аничков сообщал о снабжении Эрзерума боевыми припасами и провиантом, равно как и о предполагаемой высадке в Трапезунде французских войск, по свидетельствам, доставленным «тавризскими купцами из Эрзерума и Трапезунда»⁴. При всей своей преувеличенности и искаженности, сведения караванщиков учитывались командованием при планировании боевых действий – например, незадолго до предполагаемой кампании 1856 г. среди источников о численности и расположении вражеских войск фигурировал «грек, прибывший с товарами из Константинополя и проходивший через Трепизонд»⁵. При таких условиях препятствовать следованию караванов было невыгодно с

---

¹ Hansard's Parliamentary Debates, 3rd series. V. 136. London, 1855. P. 1608. V. 138. P. 475, 1257, 1672.

² Ibid. V. 139. P. 1301. V 141. P. 1602, 1606.

³ Письмо ген. Муравьева к кн. М.Д. Горчакову, от 12 июля 1855 года, № 27 // АКАК, Т. XI. Документ 376. С. 372.

⁴ Рапорт генерального консула в Тавризе, д.с.с. Аничкова, кн. Воронцову, от 23-го февраля 1854 года, № 167 // Там же. Документ 497. С. 505.

разведывательной точки зрения. Но эта причина имела значение только вкуче с более весомыми – русские офицеры собирали сведения через караванщиков, чтобы извлечь хоть какую-то пользу из положения, которое не могли изменить, но, не задумываясь, пожертвовали бы ими ради действительной возможности действовать во вред противнику на его торговых сообщениях¹.

Более важной причиной была забота об экономическом положении в губерниях русского Закавказья. Не секрет, что часть английских товаров, прибывавших в Трапезунд, шла затем в русское Закавказье². Но куда интереснее то, что эти торговые сношения продолжали существовать и в годы войны. Так, осенью 1854 г. некто Вернудаки, управляющий тифлисской конторой торгового дома, обратился в русское таможенное ведомство с просьбой позволить провезти в Эривань европейские товары, прибывающие для его конторы в Трапезунд, напрямую через контролируемый русскими войсками Баязет, а не кружным путем через Тебриз – и получил соответствующее разрешение от генерала Н.А. Реада³. Об устойчивых торговых отношениях с неприятельскими территориями (а учитывая полное господство английских товаров на рынках Восточной Анатолии – то почти наверняка и по поводу произведенных неприятелем товаров) свидетельствует письмо Н.Н. Муравьева М.Т. Лорис-Меликову в Тифлис, где он недвусмысленно требует прекратить торговлю с Эрзерумом и Арданучем, поскольку «от этих близких сношений с неприятельскими городами может произойти большое зло»⁴. На это, вместо немедленного исполнения, М.Т. Лорис-Меликов пообещал «иметь честь войти – по важности этого предмета – с особым докладом»⁵. Нарушение регулярного движения караванов в регионе должно было нанести известный урон и русскому Закавказью тоже, и как минимум для некоторых представителей русской власти это было серьезным аргументом против подобных действий.

Любопытно, что с этой точки зрения положение дел в Закавказье почти полностью повторяло ситуацию, сложившуюся у англичан. Последним также было известно, что русские предприниматели перевозят свои товары под прикрытием иностранных (пре-

---

¹ Отношение ген. Муравьева к кн. Долгорукову, от 25-го марта 1856 года, № 23 // Там же. Документ 245. С. 270.

² *Лихутин М.Д.* Русские... С. 314.

³ *Sandwith A.* A narrative... P. 20.

⁴ Отношение д.с.с. Дюкруази к ген. Реаду, от 30-го октября 1854 года, № 2927 // АКАК, Т. XI. Документ 823. С. 835.

⁵ Письмо ген. Муравьева к полк. Лорис-Меликову, от 17-го декабря 1855 года, № 46 // Там же. Документ 175. С. 193.

⁶ Письмо полк. Лорис-Меликова к ген. Муравьеву, от 2-го января 1856 года // Там же. Документ 196. С. 209.

имущественно датских и тосканских) торговцев, существовала и возможность конфискации этих грузов. Однако чрезмерное усердие в таких действиях отрицательно влияло бы на судоходство в соответствующих районах в целом, что было бы невыгодно самой Великобритании как стране, чье благополучие зиждилось на международной морской торговле. Русская политика в отношении английской торговли в Закавказье также выглядит калькой с политики британской – англичане тоже смотрели сквозь пальцы на транспортировку товаров враждебной державы, препятствуя лишь военной контрабанде¹. Предположить, что зеркальное соответствие предпринятых мер обусловлено следованием неким общепризнанным нормам, не выйдет – напротив, политика терпимого отношения к неприятельской торговле в военное время только формировалась в рассматриваемый период, и Крымская война стала, фактически, первым пробным камнем для этих новых подходов².

Можно допустить, что обе стороны устранили заданный градус экономического противостояния, эскалации которого они не желали. При таком допущении необходимо подробнее рассмотреть риски для обеих держав. С одной стороны, Великобритания располагала более обширными возможностями для нанесения урона российской экономике. С другой – русская экономика уже терпела урон из-за сократившегося экспорта и разрушения сложившихся экономических связей, а при таком подходе ничем не могла ответить на него даже при наличии возможности. Отрицательные последствия решительной политики также различались: сокращение коммерческого судоходства и само по себе было для Великобритании куда более серьезной угрозой, чем «товарный голод» в Закавказье – для России. Сверх того, последняя, как экспортер сырья, рисковала лишь убытками, в то время как в случае с Великобританией – ведущей индустриальной державой – потенциальное замедление экономического роста давало фору странам-соперницам и в перспективе грозило утратой экономического лидерства в мире. Для англичан следование фритредерским принципам было вполне утилитарной мерой, для русской же стороны могло оказаться не лучшим выбором. В целом, вопрос требует более пристального изучения; пока же можно отметить, что нежелание навредить экономике закавказских губерний также можно выделить в качестве причины русской политики в отношении британской торговли.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов такую принципиально важную причину, как отношения с Персией. Ее положение как тре-

---

¹ Об этом см.: Anderson O. Economic Warfare in the Crimean War // The Economic History Review. New Series, V. 14. 1961, №. 1. P. 34–47.

² Ibid. P. 34.

тьей закавказской державы, способной оказать непосредственное влияние на ход действий, как в азиатской части Османской империи, так и в русском Закавказье, на протяжении всей войны вызывало пристальное внимание к ней с русской и английской сторон. Недаром всякий реальный или гипотетический успех русских войск, будь то Чингильское сражение¹ или взятие Эрзерума,² оценивался, в том числе, по возможному влиянию на персидскую политику.

Российские политические позиции при шахском дворе, в отличие от английских, не были основаны на прочном экономическом фундаменте³, порождая серьезный риск присоединения колеблющейся Персии к лагерю противников России. Этим объясняется видная невооруженным глазом уступчивость русской стороны в переговорах, последовавших за инцидентом с задержанными караванами, которые вели, как мы помним, персидские подданные. Несмотря на спорность некоторых аргументов, были удовлетворены все претензии шахского правительства, и подобная линия поведения легла в основу дальнейших отношений в том, что касалось торговли. Командовавшему тогда Отдельным Кавказским корпусом генералу Н.А. Реаду предписывалось «действовать по ближайшему своему усмотрению, имея в основании устранение столкновений с Персией»⁴. Такое решение, вероятно, связано с ранее поданной им самой просьбой «о предоставлении ему, во избежание, при нынешних политических обстоятельствах, всяких неприятных столкновений, действовать во всем со снисходительностью и не стесняясь насчет требований персидского правительства относительно торговли Персии с Турцией»⁵. Однако, известен пессимизм Н.А. Реада и его впечатлительность в отношении угроз русской власти в Закавказье – считается, что они стали причиной его замены на Н.Н. Муравьева⁶. Поэтому, не сомневаясь в реальной угрозе персидского недовольства, ее масштаб и возможную роль необходимо изучить подробнее.

Отнюдь не претендуя на исчерпывающее исследование проблемы, можно заключить, что в вопрос о причинах русской политики в отношении английской торговли в 1854–1855 гг. внесена некоторая ясность. Однако предложенные причины сами требуют дальнейшего изучения. В случае с заботой об экономике русского

---

¹ Лихутин М.Д. Русские... С. 131.

² Карсаков А. Из записок... С. 332.

³ Об этом см. напр.: Маркс К. Действительно спорный пункт в Турции // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 9. М., 1957.

⁴ Доклад кн. Бебутова ген. Муравьеву, от 8-го августа 1855 года, № 928 // АКАК, Т. XI. Документ 556. С. 538.

⁵ Там же.

⁶ Allen W.E.D and Muratoff P. Caucasian battlefields. Cambridge, 1953.

Закавказья стоит проанализировать очень близкое совпадение российской политики с английской, руководимой сходными соображениями и оценить в контексте этого сопоставления риски и выгоды как следования такой политике, так и отказа от нее. Говоря о потенциальном ухудшении отношений с Персией нужно точнее выяснить, какие формы могла принять политическая реакция шахского правительства на экономическую угрозу в лице прекращения торговли с Великобританией и какими рисками, соответственно, была чревата. Ответ на эти вопросы станет достаточно ценным вкладом в изучение действий в Закавказье в 1854–1855 гг. и Крымской войны в целом.

**Организационные особенности ревизионного
контроля в Алтайском округе
в конце XIX – начале XX в.**

Статья посвящена рассмотрению организационных особенностей поездок руководителей Кабинета в Алтайский округ в конце XIX – начале XX века. Автор выделяет причины их интенсификации, важнейшей из которых стала транспортная доступность региона к Петербургу. Основное внимание уделяется анализу процедуры осмотров региона, включавшей составление и выбор маршрутов поездки, организацию встреч и сопровождений столичных сановников, а также степень глубины их ознакомления с регионом. Автор приходит к выводу, что с начала второго десятилетия XX века произошло усиление формализации осмотров, которые вместо понятия «ревизия» в делопроизводстве стали именоваться термином «командировка по делам службы», что отражало их превращение в регулярный механизм управления регионом.

Ключевые слова: Кабинет его императорского величества, Алтайский округ, ревизия, поездки чиновников, Е.Н. Волков.

Ревизионный контроль, практиковавшийся Кабинетом его императорского величества в отношении Алтайского горного округа, после ликвидации горнозаводского производства с середины 90-х годов XIX в. превратился из чрезвычайного в периодический механизм контроля¹. Изучение целей, особенностей реализации и результатов каждой из ревизий, предпринятое автором статьи в отдельной монографии, дает возможность подробно остановиться на организации этих мероприятий. В исторической литературе данный аспект не получил должного освещения. Историки, как правило, интересовались только организацией поездок по стране высочайших особ. Из наиболее близких заявленной теме сюжетов наиболее разработанными являются организационные особенности поездки в Сибирь П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина в 1910 году². Между тем, изучение организации ревизионных поездок на Алтай в конце XIX – начале XX в. поможет понять специфику этой формы контроля в период радикальной трансформации кабинетского хозяйства в регионе.

---

¹ Афанасьев П.А. Ревизионный контроль в кабинетском хозяйстве Западной Сибири в XIX – начале XX в. Барнаул, 2014. С. 258–259.

² Фоминых С.Ф. П.А. Столыпин в Томске // Вестник Томск. гос. ун-та. История. 2012. № 1 (17); Шиловский М.В. Столыпин П.А. и Кривошеина А.В. поездка в Сибирь в 1910 г. // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3.

С 1895 г. до начала 1917 г. состоялось восемь поездок руководителей Кабинета и их помощников в Алтайский округ. Никогда ранее осмотры кабинетского региона не проводились с такой интенсивностью. С конца XIX в. это стало возможным после строительства Сибирской железной дороги. Беспересадочное движение по ее западносибирскому участку началось с 17 марта 1896 года. Железная дорога способствовала установлению «сравнительной быстроты оборота» между районами Сибири, располагавшимися вблизи нее, и Европейской Россией¹. Благодаря появлению нового средства сообщения путь от Петербурга до Барнаула, занимавший в XIX в. один-полтора месяца, сокращался до нескольких дней, а сама поездка становилась более комфортной. Такое «приближение» округа к Петербургу открывало широкие перспективы для руководителей Кабинета, позволяя осуществлять осмотры сибирских владений императора не только в чрезвычайных ситуациях, как это было ранее. Особенно заметно сокращение пути в сравнении с организацией первой из рассматриваемых поездок. В 1895 г. руководитель Кабинета П.К. Гудим-Левкович впервые в истории ведомства отправлялся «лично на осмотр» удаленных регионов. Поскольку Сибирская железная дорога еще не была закончена, то П.К. Гудим-Левкович «поехал морем во Владивосток, а оттуда уже в Нерчинск и на Алтай», находясь в поездке почти пять месяцев².

В новых условиях в отличие от предшествующего времени в конце XIX – начале XX века. Алтайский округ посетили почти все управляющие Кабинетом, кроме Н.Д. Оболенского, а также все непосредственные руководители региона в структуре Кабинета – заведующие его земельно-заводским отделом, присутствовавшие в составе всех групп, посетивших Алтай. В официальном ведомственном делопроизводстве Кабинета термин «ревизия» с конца XIX в. практически вышел из употребления, уступив место формуле «командировка по делам службы»³. Это свидетельствовало, что поездки в Алтайский, а также Нерчинский, округ становились для руководства ведомства мероприятиями ординарного характера.

Отчетливо прослеживается трехлетняя периодичность поездок, не поддержанная лишь в 1901 г. и нарушенная в 1912 г. Регулярность посещений Алтайского округа чинами Кабинета стала особенно заметной с 1907 г., после прихода к управлению Кабинетом Е.Н. Волкова. По-видимому, он рассматривал периодический контроль со стороны высшего руководства как средство

¹ Азиатская Россия. Спб., 1914. Т. I. С. 190.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 23. Д. 397. Л. 1, 63; *Кривенко В.С.* В Министерстве двора. Воспоминания. Спб., 2006. С. 190.

³ РГИА. Ф. 468. Оп. 25. Д. 288. Л. 114 об.; Д. 335. Л. 123 об.

предотвращения некомпетентного управления регионом. Актуальность такого подхода после 1907 г. была обусловлена изменением финансово-экономического положения Министерства императорского двора. С 1906 г. было введено его фиксированное ежегодное содержание из бюджета. Кабинет как финансово-хозяйственный орган всего министерства был вынужден обратить пристальное внимание на увеличение доходности своего хозяйства. В этих условиях относительно частое использование ревизионного механизма позволяло ведомственному руководству точнее определять наиболее важные направления деятельности округа и периодически отслеживать их реализацию. Контроль со стороны руководства Кабинета через небольшие промежутки также способствовал поддержанию постоянной активности местной администрации в решении поставленных перед ней задач.

Каждый приезд руководителей Кабинета на Алтай сопровождался предварительной разработкой маршрута поездки. Главное управление и начальник Алтайского округа заранее составляли несколько вариантов объезда региона с рекомендацией наиболее интересного пути. Окончательный выбор маршрута осуществлял сам ревизор¹. Так, в 1910 г. А.П. Половцов из трех предложенных вариантов избрал путь, позволявший «всесторонне ознакомиться с округом» и увидеть его различные хозяйственные районы, включая Киргизскую и Кулундинскую степи и «большое число лесов»². Маршрут, кроме перечня населенных пунктов, мог содержать краткие описания справочного характера каждого из них³. Конечно, подобная процедура создавала ситуацию предопределенности, позволяя заранее подготовиться к осмотру намеченных районов. В тоже время утверждаемые маршруты не могли учесть всех нюансов поездки, поэтому пути передвижения подвергались частичной корректировке. Нередко руководители Кабинета сами не были до конца уверены в возможности своего посещения некоторых районов округа или сокращали маршрут под влиянием экстраординарных происшествий, например, такого как эпидемия сыпного тифа в Риддерске в 1904 году.⁴ Сопоставление планировавшихся и реально осуществленных маршрутов осмотров 1910 и 1913 гг. показывает, что при следовании намеченному пути могли осуществляться «вылазки в сторону»⁵.

---

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 30. Д. 755. Л. 17–18; Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 127. Л. 2, 4, 21; Д. 368. Л. 1–3.

² ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 368. Л. 1–1 об., 2 об.

³ Там же. Д. 127. Л. 12–14 об.

⁴ Там же. Д. 127. Л. 100; Д. 254. Л. 74, 75, 101, 104; Д. 300. Л. 21, 22; Д. 368. Л. 30; Д. 522. Л. 116, 117, 141, 143, 183.

⁵ Там же. Д. 368. Л. 8–9, 84–88; Д. 456. Л. 1; Д. 457. Л. 25–25 об.

Особо тщательно к составлению маршрута начальник Алтайского округа В.П. Михайлов подошел в 1913 году. Лесничие предлагали разные варианты путей передвижения по лесным дачам, стремясь при этом сохранить возможность ознакомления сановника с «интересными местами» лесного и земельно-арендного хозяйства¹. Разработка маршрута осложнялась тем, что в качестве средства передвижения по округу управляющий Кабинетом избрал автомобиль, который на специальной платформе должны были доставить по железной дороге. Поэтому при выборе путей поездки приходилось учитывать состояние дорог и их пригодность для проезда автомобиля. Были составлены специальные описания дорог с указанием их качества, возможной скорости движения и ссылками на уже осуществлявшееся по ним автомобильное движение. Все это, ускоряя передвижение по округу, нередко ограничивало возможности осмотра, т.к. в ряде случаев проезд мог быть осуществлен «только по указанным маршрутам» из-за наличия на лесных дорогах нерасчищенных и увлажненных мест. Об этом же предупреждал управляющего Кабинетом и В.П. Михайлов, особо отмечая, что мешать проезду автомобиля по лесным дорогам могут пни². Выбранный способ передвижения едва не подвел уже в ходе осмотра, когда неожиданно один из двух автомобилей сломался, и сопровождавшие Е.Н. Волкова сановники решили отказаться от продолжения осмотра округа. Однако неожиданная поломка быстро была исправлена и не повлияла на ход осмотра³.

Сопоставление маршрутов всех поездок показывает, что они, в основном, охватывали одни и те же районы. Традиционными объектами внимания ревизоров были юго-западная часть округа, междуречье Алея и Чарыша, районы от Усть-Калманки до Бийска к югу от Оби, центр и северо-восток округа. В 1904 и 1910 гг. в маршруты осмотров были включены предгорья Алтая и часть Горного Алтая. В 1916 г. ревизор уделил пристальное внимание только горнопромышленным районам на юго-западе и северо-востоке округа. Кроме хозяйственно специализации округа на лесоэксплуатации, выбор районов осмотра зависел от имевшейся в округе сети путей сообщения и избранных способов передвижения. В то же время, близость маршрутов поездок по округу в определенной степени укрепляла ревизионный механизм: учитывая мало менявшийся состав командированных на Алтай групп, у них имелась реальная возможность проследить изменения на отдельных территориях.

---

¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 456. Л. 4, 23–25, 32–37 об.; Д. 457. Л. 28–28 об.

² РГИА. Ф. 468. Оп. 30. Д. 755. Л. 59; ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 456. Л. 4.

³ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 457. Л. 36, 37.

Последний вывод напрямую связан со степенью ознакомления столичных сановников с Алтайским округом. Первоначально во время каждой ревизии представители Кабинета на границе подведомственных территорий встречали управляющее имениями. Они представляли руководителям Кабинета почетный рапорт о состоянии имения, содержащий самые общие сведения о нем. В дальнейшей поездке по отдельным участкам имений сановников сопровождали помощники управляющего имением и объездчики. На них возлагалась ответственность, «чтобы заминок и задержек, а тем более беспорядка не было». Видимо, такой распорядок проведения осмотров вполне удовлетворял окружное начальство, о чем свидетельствует прямое указание с его стороны в 1904 г. на опыт организации предыдущей ревизии¹.

Описанная процедура была рассчитана на первоначальное ознакомление с ревизуемым районом, дополняемое затем его непосредственным посещением. Сохранились факты, свидетельствующие о внимательном отношении ревизоров к выполняемым поручениям. Так, в 1910 г. управляющий Томским имением А.Г. Киюц с волнением предупреждал своих помощников и лесных смотрителей, что А.П. Половцов «подробно интересуется лесным и арендным хозяйством в округе и требует подробных докладов управляющих имениями, помощников их, лесных смотрителей и объездчиков старших и младших»². Предельно внимательно отнесся к своим обязанностям и Е.Н. Волков в 1907 г., о чем свидетельствуют некоторые его замечания, сделанные на итоговых заседаниях.

Усиление формального характера ревизий наблюдалось в 1913 и 1916 годах. Этому отчасти способствовала реформа 1911 г., увеличившая количество низовых административно-хозяйственных единиц Алтайского округа с 12 имений до 50 лесничеств и арендных районов. В новых условиях, при ограниченности ревизоров во времени и их традиционном внимании к определенным местам округа, осмотр уже не мог охватить значительную часть центров новых низовых управлений. Кроме этого, предпосылкой формальности ревизий являлось использование при осмотрах в качестве средств передвижения по региону автомобиля, пароходов и железной дороги. Новые транспортные средства ограничивали возможность знакомства ревизоров с хозяйством округа, поскольку опорными точками осмотров служили пристани и станции. В изменившихся условиях встреча ревизора низовыми руководи-

---

¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 127. Л. 7–7 об., 10–10 об., 97–98 об.; Д. 254. Л. 12–13, 14–14 об., 18–18 об., 36–37 об.; Д. 300. Л. 7; Д. 368. Л. 19 об; Ф. 146. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 16, 60–60 об., 47–48 об.

² ГААК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 9. Л. 12–12 об.

телями в пределах подведомственной им территории трансформировалась в процедуру представления ему лесничих. Она предусматривала проезд группы руководителей нескольких близлежащих лесничеств в одно заранее определенное место к моменту прибытия туда столичного сановника. Там теперь происходила подача ревизору почетных рапортов «общепринятого образца», карт лесничеств, планов лесных дач и оброчных статей, а также сообщались иные «сведения, освещающие хозяйство лесничества»¹. Впервые этот способ ревизии округа был использован в 1913 г. и вызвал сетования В.П. Михайлова, сокрушавшегося об отсутствии в автомобилях ревизоров свободных мест. Их наличие позволило бы, по мнению начальника округа, «по всему пути перебрать массу служащих, беря их на полчаса или час, и проэкзаменовать их в пути по карте, по почетному рапорту и. т. п. Без этого у Вас [Е.Н. Волкова – П.А.] не будет времени для разговоров»². Но Е.Н. Волков, по-видимому, не принял этого совета, и руководители нескольких лесничеств должны были съезжаться в определенное место к моменту прибытия туда столичного руководителя, о чем низшие администраторы заранее оповещались телеграммами. Такая процедура позволяет утверждать о переходе к достаточно беглому и поверхностному знакомству управляющего Кабинетом с регионом. В 1916 г. такой подход к осмотру уже получил полное господство. Используя для передвижения водный и железнодорожный транспорт, встреча с лесничими происходила на пристанях и станциях, где они представляли управляющему Кабинетом документы «освещающие хозяйство лесничества»³. Такой порядок осмотра вполне устраивал приезжих чиновников и их руководителей. Едва прибыв в округ, они заявили, что «главное – ускорение поездки», и требовали «устранить сидение [на] пристанях»⁴. Видимо, подробный осмотр округа изначально не входил в их задачи и вряд ли рассматривался в качестве основы для последующего принятия решений.

Изменение процедуры осмотров округа переносило акцент на почетный рапорт, форма которого с 1912 г. изменилась в направлении специализации и детализации представляемых в нем сведений⁵. С одной стороны, рост объема информации в ра-

---

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 30. Д. 755. Л. 58; ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 300. Л. 8, 10, 24–27; Д. 424. Л. 7; Д. 456. Л. 2 об.–3, 19, 21; Д. 457. Л. 3, 14, 16, 18, 19, 21–23, 27; Д. 522. Л. 23, 93–95, 98, 103, 104, 130–130 об, 136а, 138, 144, 153а.

² РГИА. Ф. 468. Оп. 30. Д. 755. Л. 57 об.

³ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 522. Л. 23, 93–95, 98, 103, 104, 130–130 об, 136а, 138, 144, 153а.

⁴ Там же. Л. 166.

⁵ ГААК. Ф. 126. Оп. 1. Д. 18. Л. 235.

порте при уменьшении площади описываемой им территориальной единицы был следствием развития и усложнения кабинетского лесного и арендного хозяйства. С другой стороны, последняя по времени форма почетного рапорта по характеру преподносимой ревизору информации скорее напоминала обычный отчет, вполне позволявший составить представление об основных тенденциях развития лесничеств. Вместе с тем, это отражало возросшую роль лесничих, превращенных реформой 1911 г. в ответственных руководителей и исполнителей, обязанных знать свой объект хозяйствования¹. Такие условия поставили осмотры в зависимость от личного фактора – компетентности лесничих, их владения информацией, предоставленной ревизору, а также их добросовестности. Поэтому в данной ситуации сам осмотр уже не имел как раньше прямой связи с подаваемым ревизору почетным рапортом, а был направлен преимущественно на знакомство с заслуживающими внимания и действительно интересными хозяйственными объектами округа. Проявление описанных тенденций наблюдалось, главным образом, в ревизиях, осуществленных Е.Н. Волковым. Возможно, что личные качества этого волевого и решительного человека также сказались на формализации ревизий округа, наиболее полно проявившейся в 1916 году.

Другим методом, компенсировавшим формализацию осмотра округа управляющим Кабинетом, стала предварительная отправка в регион специалиста определенной отрасли для ее тщательного изучения. Его результаты затем становились основой для осмотров региона руководителями Кабинета и принятия важнейших решений. Такие предварительные ревизии были осуществлены в 1907, 1913 и 1916 г., освобождая Е.Н. Волкова от ревизионной рутины. Благодаря этому данные ревизии стали значимыми вехами в развитии кабинетского хозяйства на Алтае.

Независимым от степени формальности осмотров Алтайского округа был завершающий этап поездок – итоговые совещания в Барнауле. По-видимому, приезжие сановники прибегали к такому способу завершения осмотров региона только в случаях особой значимости – три из восьми раз, в 1907, 1910 и 1916 годах. Итоговые совещания должны были продемонстрировать важность принятых решений, подчеркивая их обусловленность местными обстоятельствами. Но при формальном и быстром посещении округа эти совещания далеко не всегда были местом действительной разработки принятых решений, исходивших не только от впечатле-

---

¹ См.: *Соболева Т.Н.* Управление Алтайского (горного) округа и Змеиногорского края в 1861–1917 гг. // *Серебряный венец России. 2-е изд., испр. и доп.* Барнаул, 2003. С. 262.

ний, полученных в поездке, но и от представлений руководителей о целесообразности алтайского хозяйства.

Приезды руководства Кабинета в Алтайский округ всегда являлись важнейшим событием для местных чинов ведомства. Независимо от характера посещения и степени занятости столичных сановников, при их приезде в Барнаул обязательно проводилось представление части чинов окружного управления петербургскому руководству. Как правило, оно проходило в доме начальника округа, куда приглашенные являлись в полной парадной форме¹. Для населения Алтайского округа приезды в регион руководителей Кабинета, как и любая поездка высоких чиновников, являлась возможностью подать им свои прошения. Сохранившиеся прошения и их перечни за 1895, 1898, 1904, 1910 и 1913 гг. крайне неравномерно рассредоточены между этими датами. Наибольшее количество обращений к ревизорам – 143 – зафиксировано в 1904 году. Этому не помешало даже указание одного из организаторов поездки В.К. Болдырева, запрещавшее встречи ревизоров с населением². По-видимому, местная администрация также стремилась предупредить подачу прошений, что совпало с желанием руководства Кабинета. Так, в 1913 г. Е.Н. Волков прямо выразил В.П. Михайлову свое желание «иметь наименьшее сношение с населением при проезде», прося начальника округа не распространять никаких сведений о предстоящей поездке и ее маршруте³. В.П. Михайлов учел просьбу управляющего Кабинетом, и в секретной записке чиновнику особых поручений К.Н. Миротворцеву, занятому подготовкой поездки, поручил, чтобы в ходе нее «не было суеты, толкотни, шума и задержки», а лесничие имели «наготове сведения по ходатайствам, которые... предвидят»⁴. Возможно, эти распоряжения имели свои результаты, поскольку Е.Н. Волков отметил, что к нему «обращалось по землеустройству более чем ограниченное количество крестьян и с жалобами совершенно несущественными», а в материалах поездки содержится только одно прошение, связанное с земельным утеснением в ходе землеустройства⁵. Возможно, что подобные распоряжения имели свои результаты, поскольку нам известны только единичные случаи подачи прошений приезжавшим в округ руководителям Кабинета в 1910-х годах.

---

¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 424. Л. 6; Д. 522. Л. 196.

² Там же. Д. 254. Л. 22, 197 об.

³ РГИА. Ф. 468. Оп. 30. Д. 755. Л. 21.

⁴ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 456. Л. 2 об.-3.

⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1553. Л. 59 об.; ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3451. Л. 159–159 об., 165.

В целом, анализ организации ревизионных поездок руководителей Кабинета на Алтай свидетельствует об устойчивости их основных компонентов. Вместе с тем, неотъемлемой чертой осмотров региона являлась достаточная формальность ревизионного механизма. Зависимые от способов передвижения и трасс путей сообщения, ревизионные поездки редко выходили за пределы традиционных маршрутов. Использование новых технических средств, ускоряя сам осмотр, делало его еще более формальным, что стало особенно заметным в начале второго десятилетия XX века. Главным для столичного руководства Алтайского округа теперь становилось не тщательное знакомство с регионом, а сам факт его посещения. Поэтому укоренение в делопроизводстве вместо понятия «ревизия» термина «командировка по делам службы» наиболее полно отражает эволюцию в организации поездок руководства Кабинета на Алтай. Из редкого способа контроля в чрезвычайных условиях они превращались в регулярный и в какой-то степени обычный механизм высшего управления регионом.

И.С. Козлова

Повседневные практики работы сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX века с текстами для периодических изданий

Статья посвящена характеристике практик повседневной работы сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX в. с текстами для периодических изданий. Анализ источников личного происхождения известных авторов сибирских органов печати позволил определить, что для литераторов представлялось важным выбрать актуальную тему статьи, найти источники для написания текста, а также создать свою работу так, чтобы она отвечала требованиям того или иного издания. Случалось, что выполнение выше озвученных условий не давало гарантии публикации текстов журналистов в периодических изданиях.

Ключевые слова: история сибирской журналистики, история повседневности, повседневные практики, сибирская периодика.

Создание различного рода текстов для периодических изданий является показателем профессиональной деятельности журналиста. Тематика и содержание публикаций отражают мировоззрение деятеля печати, его взгляды на общественно-значимые вопросы. Вместе с тем, посредством журналистского текста автор воздействует на читающую публику с целью просвещения и информирования о значимых с его точки зрения событиях, явлениях.

Следует отметить, что специалисты по истории сибирской прессы в большинстве случаев анализировали тематическую и идейную содержательность печатных изданий¹. За пределами исследований оставалось то, как создавался журналистский текст, каким образом представитель печати готовил свой труд для публикации. В данной статье мы попытаемся восполнить этот пробел, охарактеризовав повседневные практики работы сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX в. с текстами для периодических изданий. Под повседневными практиками вслед за А. Людтке мы понимаем поведение, посредством которого люди осваиваются с условиями жизни².

В качестве источников нами использовано эпистолярное и мемуарное наследие сибирских журналистов. В числе востребо-

---

¹ *Ермолинский Л.Л.* Сибирские газеты 70–80-х гг. XIX в. Иркутск, 1985; *Любимов Л.С.* История сибирской печати: учебное пособие. Иркутск, 1982; *Жилякова Н.В.* Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск, 2011.

² *Людтке А.* История повседневности Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 59.

ванных: письма Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, Г.Д. Гребенщиков, А.В. Адрианова¹; воспоминания И.И. Попова, И.П. Белоконского, П.Н. Лепешинского². Также объектом нашего внимания стал сборник воспоминаний современников о «Сибирской газете»³. В него вошли эго-тексты видных общественных деятелей, публицистов, писателей, а именно С.Л. Чудновского, Е.А. Некрасовой, В.М. Крутовского, С.П. Швецова. Выбранные нами источники насыщены представлениями журналистов о своей профессиональной деятельности, а также содержат сведения о специфике литературного быта в Сибири.

Как отмечает С.И. Гольдфарб, «газета – это механизм создания умонастроения, орудие манипуляции общественным мнением»⁴. Периодическое издание должно успешно функционировать в обществе. Показателем этого является количество подписчиков, а также заинтересованность читательской аудитории в обсуждении актуальных вопросов, затронутых печатным органом. Для реализации вышеприведенных задач от редакции требовалось умение сформулировать номер так, чтобы баланс между общественно-полезным и развлекательным компонентами в газете соблюдался. В свою очередь, для журналистов представлялось важным выбрать такую тему для статьи, которая освещала бы актуальные проблемы текущей жизни. Нередко представители печати предлагали различные сюжеты друг другу, советуя написать о злободневных вопросах действительности. Кроме того, чтение работ других литераторов в периодических изданиях подталкивало журналистов к написанию статей на схожие проблемы. Г.Н. Потанин писал: «Дома только пью чай, а завтракать и обедать ухожу к редактору "Вост[очного] об[озрения]", где нахожу вороха газет, как столичных, так и со всех концов России. Таким

---

¹ Письма Николая Михайловича Ядринцева Г.Н. Потанину (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) // Сибирские записки. Красноярск, 1918. Вып. 1; Письма Г.Н. Потанина: В 5 т. / сост.: А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск, 1987–1992; *Потанин Г.Н., Васильева М.Г.* «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: Переписка / сост. Н.В. Васенькин, Г.И. Колосова. Томск, 2004; Гребенщиков Г.Д. и Потанин Г.Н.: Диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / сост. Т.Г. Черняева. Барнаул, 2008; Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г.Н. Потанину / сост., публ. Н.В. Васенькин. Томск, 2007.

² *Попов И.И.* Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989; *Белоконский И.П.* Дань времени: воспоминания. М., 1928; *Лепешинский П.Н.* На повороте (от конца 80-х годов к 1905 г.) Л., 1925; *Фарафонтова Т.М.* Черты из жизни сибирского патриота. К 80-летию юбилею Г.Н. Потанина // Русская мысль. 1915. № 9. С. 144–155.

³ «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и ком-мент. Н.В. Жиликовой; науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004.

⁴ *Гольдфарб С.И.* Газетное дело в Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск, 2002. С. 7.

образом, ежедневно *an courant* [в курсе] всех политических новостей. Все это сильно, наркотически возбуждает, подмывает писать на возникающие темы, хочется делиться с сотрудниками темами»¹.

Зачастую редактор периодического издания предлагал своим сотрудникам специальные темы для статей. Это осуществлялось с целью придания газетному или журнальному номеру единой идейной направленности. Случалось и так, что редакторы в силу собственных предпочтений настаивали на излюбленных сюжетах. Н.М. Ядринцев с горечью отмечал: «Писать на заказ, подделываться к любимым темам редакторов, к их коньку, брать забористые и современные темы по вопросам, о которых ничего не скажешь нового, и которые трактуются на тысячу ладов, мне решительно не по нутру, да я и не в состоянии. [...] Ни с того, ни с сего он (*редактор – И.К.*) задает темы сам»².

Написание специальных статей по определенным вопросам было характерно для сотрудников редакции, которые заведовали тем или иным отделом в газете. В таком случае журналист находился в ситуации, когда круг тем был заранее ограничен. С.Л. Чудновский, работавший в «Сибирской газете», отмечал, что «специального передовика в газете не было. А между тем чувствовалась потребность в разработке общих вопросов социально-экономического характера [...] я всецело отдал себя этому симпатичному для меня делу»³.

Журналисты серьезно подходили к созданию текста, ведь это было способом заявить свое авторское «я». Выбрав тему очередной статьи, литературный деятель должен был собрать для этого материал. Нередко это были различного рода книги. Кроме того, журналисты порой обращались друг к другу в письмах с просьбой отправить материал по интересующему их сюжету. Вместе с тем, для редакторов было типично заимствование некоторых сюжетов для собственных работ из многочисленных писем друг к другу. К примеру, это было характерно для переписки Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Причем оба настаивали на том, чтобы каждый использовал те идеи и мысли, которые могли бы улучшить их статьи. «Всеми вашими поэтическими сравнениями воспользуюсь, как всегдашний вор

---

¹ Потанин Г.Н., Васильева М.Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»... С. 35.

² Письма Николая Михайловича Ядринцева Г.Н. Потанину (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) // Сибирские записки. Красноярск, 1918. Вып. 1. С. 24.

³ Чудновский С.Л. «"Сибирка" для них была святыней и храмом ... (воспоминания С.Л. Чудновского о работе в "Сибирской газете")» // «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Жилляковой; науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 59.

вашей фантазии»¹. Следует учитывать, что журналисты сами порой высылали найденную ими информацию в письмах, зная при этом, над какой проблематикой работает их адресат. Бывали случаи, когда представители печати отдавали собственные литературные труды друг другу для дальнейшего изменения, дополнения текста и отправки в редакцию. Своеобразным источником для написания статьи были беседы с людьми, из которых можно было почерпнуть материал для фельетона, заметки в газету. А.В. Адрианов писал, что «вел беседу с самыми разнообразными субъектами, так что эти разговоры послужили [...] материалом к написанию небольшой статейки»².

Особый интерес представляет поиск информации для создания текстов политическими ссыльными. П.Н. Лепешинский, сотрудник газеты «Сибирская Жизнь», так описывал литературный быт ссыльных: «Кто-то из политических [...] получил дружеское послание от Цедербаума с описанием условий жизни в Туруханске. Арефьев не упускает случая утилизировать это письмо, и в течение 10–15 минут готова уже по адресу томской газеты "Сибирская Жизнь" корреспонденция из Туруханска. А.А. Якубова получила письмо из Парижа, и на страницах той же "Сибирской Жизни" появляется хроникерская заметка из Парижа»³.

Итак, выбор темы актуальной для общества и поиск информации, которая бы послужила источником для написания статьи, являлись неотъемлемыми повседневными практиками журналистов.

Литературному деятелю в результате подбора различного рода информации, необходимо было написать такую статью, которая бы отвечала стандартам периодического издания. Тексты, предназначенные для газет, отличались от тех, которые адресовались в журналы. Первые были по объему намного меньше, чем последние. Специфика сибирской периодики заключалась в том, что собственных журналов на данной территории долгое время почти не издавали. В связи с этим, в местных газетах приходилось помещать труды этнографического характера, статистические очерки и исследования, имеющих научно-популярный смысл, одновременно с материалами о русской и иностранной общественной, политической жизни, а также корреспонденции, фельетоны. Редакция сибирской газеты должна была грамотно распределять место в очередном номере, чтобы осветить как можно больше проблем. Поэтому от литератора требовалось умение представить информа-

---

¹ Письма Николая Михайловича Ядринцева Г.Н. Потанину (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) // Сибирские записки... С. 16.

² Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...». С. 7.

³ Лепешинский П.Н. На повороте... С. 71.

цию в статье емко, но одновременно содержательно. Это было показателем профессионализма журналиста.

Помимо этого, для литературного деятеля особое значение имела своевременная сдача собственной статьи в редакцию в целях поддержания успешного сотрудничества с органом печати. Журналисты заранее узнавали сроки написания текстов. Так, А.В. Адрианов, перед тем как начать свою работу, пришел к выводу, что «месяц уйдет на переписку и собирание материалов, месяц придется употребить на чтение, а затем написать недолго, в месяц окончу»¹.

Качество литературных работ было определяющим для профессиональной деятельности журналиста. Важно было совершенствовать навыки своего письма, чтобы вероятность публикации работы не вызывала сомнения. Одним из таких способов улучшения своей работы была отправка коллегам по цеху своих текстов. С помощью «дружеской критики» можно было улучшить, дополнить статью. Н.М. Ядринцев в письме Г.Н. Потанину указывал на то, что «у вас образность, блестящий язык, художество в полном смысле, а у меня только местами немного страсти и лирики, остальное проза. Вот почему я постоянно упираюсь и постоянно требую у вас самого строгого и беспощадного критического разбора моего заказного виршеплетства»².

Характерно, что собственные тексты журналистами иногда читались в кругу близких друзей. Так, в воспоминаниях Е.С. Некрасовой о пребывании К.М. Станюковича в Томске мы читаем следующий сюжет: «Он (*К.М. Станюкович – И.К.*) никогда не ограничивался одной редакцией, а всегда каждую вещь переписывал по нескольку раз, исправлял написанное и часто, переписав набело, прочитывал повесть разным слушателям, прежде чем отправить рукопись в редакцию»³. Представители печати также сталкивались с редакторскими и цензурными исправлениями текста. Нередко смысл статьи мог быть изменен, на что жаловался Н.М. Ядринцев. Его статью «в "Деле", как и следовало ожидать, Благосветлов обрезал жестоко, а местами исказил. Так что к ней надо писать комментарии. Конец о будущей колониальной политике – вычеркнут и заменен»⁴.

---

¹ Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»... С. 35.

² Письма Николая Михайловича Ядринцева Г.Н. Потанину (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) // Сибирские записки... С. 151.

³ Некрасова Е. «Разумеется, сочувствие порядочных людей на стороне "Сибирской газеты"» (К.М. Станюкович «в местах не столь отдаленных») // «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Жиликовой; науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 104.

⁴ Письма Николая Михайловича Ядринцева Г.Н. Потанину (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) // Сибирские записки... 1. С. 113.

Журналисты при разборе текстов друг друга сосредотачивались на корректировке авторского стиля написания статьи. Так, И.И. Попов отмечал особое умение сотрудников газеты «Восточное обозрение» писать театральные рецензии. Он констатировал то, что «личных отношений в них не было, не было и общих фраз, а всегда указывалось на факты»¹. Г.Н. Потанин возмущался языковым стилем, преобладающим в столичных журналах. По его мнению, для него характерна чистота и гладкость, образцовая внешность статей, а также преобладание фактических данных над жизненными реалиями².

Для журналиста особую значимость имела та аудитория, для которой создавался текст. Важно было понимать специфику того или иного сообщества, для того, чтобы литературный труд был принят и оценен читающей публикой. Кроме того, по замечанию самих журналистов, читательские вкусы со временем «растут». А.В. Адрианов с досадой констатировал: «Я уже не могу теперь написать такой вещи, которую с удовольствием читали 5 лет назад. На моих глазах вырос читатель, развил охоту и вкус к чтению»³.

Следует отметить, что сибирские журналисты сотрудничали не только в сибирской периодике, но и в столичной. Характерно, что работы для московских, петербургских органов печати проходили более серьезную проверку на качество, так как уровень литературных текстов там был значительно выше.

Поддержка отношений с редакциями периодических изданий имела особую важность для журналиста. Спецификой условий работы сибирского деятеля печати являлась отдаленность от редакций, с которыми он сотрудничал. В связи с этим возникал ряд трудностей по передаче собственной статьи в печатный орган. Как отмечала Т.М. Фарафонтова: «Жить в маленьком городке и писать на расстоянии много неудобств. Во-первых, в большом центре видите местные вопросы, заметные интересы переживаемого момента; кроме того, газетному сотруднику приходится иметь дело с провинциальной цензурой, и тут, на месте, около редакции небольшим изменением статьи всегда легче устранить затруднения»⁴. Кроме того, для сибирского журналиста представляло определенную трудность поддержание сотрудничества со столичными периодическими изданиями. К.М. Станюкович по воспоминаниям

---

¹ Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 74.

² Письма Г.Н. Потанина: Т. 2 / сост.: А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск, 1988. С. 127.

³ Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»... С. 72.

⁴ Фарафонтова Т.М. Черты из жизни сибирского патриота. К 80-летию юбилею Г.Н. Потанина // Русская мысль. 1915. № 9. С. 144.

Е.С. Некрасовой писал, что «ежемесячные фельетоны писать отсюда неудобно»¹. Выходом из сложившейся ситуации была передача различного рода материалов в газеты, журналы посредством переписки.

Взаимоотношения с редакциями периодических изданий были подвержены влиянию личных взаимоотношений внутри профессионального сообщества. Так, Г.Н. Потанин писал М.Г. Васильевой, что «мои связи с изданием совершенно прерваны, а потому говорить с П.И. Макушиным на счет помещения Ваших стихотворе[ни]й мне не придется. Но если хотите, присылайте их мне, и я буду проводить в "Сибирск[ом] вестн[ике]", который издается если не моими единомышленниками, то все же друзьями»².

Материальный фактор также влиял на выбор редакции для публикации собственной работы. Г.Д. Гребенчиков писал, что «очерки свои я печатаю все же в "Алтайской газете", которая первая просила меня об этом и [...] более других аккуратна в своевременном выпуске их и оплате»³. Политический ссыльный И.П. Белоконский отмечал, что сибирские газеты, в которых было легче и удобнее сотрудничать, не могли выплачивать гонорар надлежащим образом⁴. В связи со стремлением к получению большего заработка, И.П. Белоконский старался поддерживать сотрудничество со столичными изданиями, где вероятность получения большей суммы не вызывала сомнения.

Следует отметить, что не все статьи журналистов могли быть приняты редакциями к публикации. В таком случае журналисты обращались в периодическое издание с целью вернуть свою работу, по причине того, что копии не всегда имелись у автора. Если статья была отправлена в столичные издания, то благодаря связям внутри профессионального сообщества, они обращались друг к другу с просьбой забрать свои статьи из редакции и подыскать для них другое печатное издание. А.В. Адрианов писал Г.Н. Потанину: «Я давно послал свою статью в "Отеч[ественные] Записки" и написал, чтоб они передали ее Вам через Елисеева в случае ненапечатания. Пожалуйста, не забудьте выручить ее, чтоб они ее не

---

¹ Некрасова Е. «Разумеется, сочувствие порядочных людей на стороне «Сибирской газеты» (К.М. Станюкович «в местах не столь отдаленных») // «Сибирская газета»... С. 108.

² Потанин Г.Н., Васильева М.Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью». С. 101.

³ Гребенчиков Г.Д. и Потанин Г.Н.: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / сост. Т.Г. Черняева. Барнаул, 2008. С. 51.

⁴ Белоконский И.П. Дань времени... М., 1928. С. 266.

истребили, и передать в "Восточное Обозр[ение]", если они ее захотят печатать»¹.

Случалось так, что отказ в публикации мог способствовать глубокому разочарованию журналиста в его собственной профессиональной компетентности, что могло привести к перерыву в литературной деятельности. Приведем цитату из письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину для того, чтобы показать желаемую реакцию литератора на отказ редакции от принятия работы к печати. «Ради Бога, не сокрушайтесь от этих неудач. Это дело обыкновенное, и у меня статьи возвращались из «Отеч[ественных]. Записок» [...] Пишет, пишет человек и трах! Все потеряно. Я говорю, это вещи обыкновенные. Не удалось, надо начинать снова, на другую, на третью, на четвертую тему»².

Следует отметить, что некоторые статьи могли теряться в редакциях. Кроме того, литературные работы долгое время могли оставаться неопубликованными и не были возвращены авторам. Тогда в случае, нехватки информации для очередного номера отложенными статьями заполняли пробелы. Н.М. Ядринцев предостерегал Г.Н. Потанина, что его литературный труд долгое время не будут печатать. «Вы пишете, что "Люты дни" прошли в "Отечественные Записки"; что сделано, то сделано. Боюсь только, что они долго продержат рукопись до печати, как сделали со мной, протянули полгода»³. А.В. Адрианов писал, что публикацию статьи в «Сибирской газете» нужно ждать до двух месяцев⁴.

Таким образом, написание текстов для органов периодики являлось необходимым условием принадлежности к профессиональному сообществу журналистов. От литераторов требовалось, во-первых, умение выбрать актуально значимую тему. Нередко они сами предлагали друг другу злободневные сюжеты текущей жизни, либо это мог сделать редактор издания. Во-вторых, важно было подобрать источники для написания текстов, которыми могли стать книги, беседы с различными лицами, сюжеты из переписки. В-третьих, журналистам необходимо было создать текст так, чтобы он соответствовал стандартам издания. В их числе объем и содержательность. Особое внимание редакции уделяли качеству литературного письма. В связи с этим, литераторы нередко отсылали друг другу тексты для «дружеской критики», а также читали их в кругу близких друзей. В-четвертых, поддержание отношений с органом печати являлось непосредственным условием

¹ Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»... С. 37.

² Письма Николая Михайловича Ядринцева Г.Н. Потанину (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) // Сибирские записки... С. 116.

³ Там же. С. 80.

⁴ Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»... С. 25.

публикации собственных статей. Успешное сотрудничество с изданием зависело от умения следить за изменениями в обществе, а также в способности ответить на злободневные вопросы времени. Однако не всегда статьи могли быть приняты. Их могли потерять в редакции, либо отложить на время их публикацию. В случае отказа, журналисту было актуально получить свой текст обратно.

Труд журналистов сочетал в себе одновременно две черты: творческий и рутинный характер. Им приходилось одновременно успевать работать над множеством статей, при этом придавая им собственный индивидуальный стиль. Имеющиеся в нашем распоряжении источники пока не позволяют дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, насколько выявленные нами повседневные практики были характерны для большинства штатных сотрудников сибирских периодических изданий. В данной статье мы сосредоточили свое внимание на профессиональной деятельности наиболее известных сибирских журналистов. Можно предположить, что их повседневные практики являлись примером и для их коллег.

Компаративный анализ идеала православного священника-миссионера на территории Российской Империи второй половины XIX – начала XX века

В статье представлена попытка сопоставить идеал миссионера, формируемый официальными изданиями РПЦ с образом, конструируемым самими священнослужителями, что позволит определить, как идеал реализовывался на практике, и выявить роль священнослужителей в конструировании идеала проповедника. Регулярно освещая деятельность сибирских миссий, и публикуя рекомендации и инструкции для миссионеров, центральный печатный орган РПЦ формировал представление об идеале священника, несущего христианскую религию населению имперских окраин. Региональная религиозная печать дополняла конструируемый идеал представлениями священников, которые на своем опыте знали, какими телесными, духовными и профессиональными качествами необходимо обладать, чтобы эффективно выполнять свою деятельность. Взгляды проповедников имели как точки соприкосновения с идеалом, представленным главным печатным церковным органом, так и отступали от него. Анализ публикаций столичных и сибирских религиозных изданий позволил определить не только региональную специфику конструирования идеала, но и выявить разнообразие образов священника-миссионера внутри региона.

Ключевые слова: Сибирь, священник-миссионер, идеал, православная религиозная периодика.

Российская империя с XIX в. активно проводила государственную политику, направленную на инкорпорацию представителей разных этноконфессиональных сообществ в единое административное, социокультурное, социально-экономическое пространство государства. Используя в качестве инструмента миссионерскую деятельность, государство регламентировало основные составляющие работы священнослужителей, заключающиеся в ненасильственном характере деятельности и проявлении веротерпимости к исповедующим иную, не православную веру¹. Миссионерская деятельность, осуществляемая среди автохтонов Российской империи, была не однородна и имела специфические особенности в разных регионах государства. В связи с отсутствием специальных исследований по теме был предпринят историографический анализ научных трудов, посвященных изучению духовных миссий в Сибири второй половины XIX – начала XX в., которые позволили выявить существую-

---

¹ О язычниках из инородцев Сибирских и Архангельских // СЗРИ. Т. 11. Ч. 1. Кн. 7. С. 232. Ст. 1287; С. 232. Ст. 1290–1291.

щие в историографии представления о сибирских миссионерах и определить роль миссий в конструировании идеала. В досоветской историографии, представленной работами православных историков Н.А. Абрамова, В. Бирюкова, В.Н. Герасимова, Е. Елисеева, иеромонаха Иринарха, З. Козлова, С. Ландышева, А.И. Сулоцкого и др. доминировала точка зрения, согласно которой миссионеры путем мирного воздействия способствовали просвещению аборигенов. Представители сибирского областничества (С.С. Шашков, А.П. Щапов, Н.М. Ядринцев) отмечали поверхностность миссионерской деятельности, угрожающей утратой самобытной традиционной культуры коренных народов Сибири. Согласно исследованиям досоветского периода, миссионер должен был быть образованным, знать язык и нравы местного населения, завоевать любовь и уважение аборигенов и использовать в своей деятельности только мирные способы приобщения к православию. В советской историографии (А.Г. Базанов, С.В. Бахрушин) деятельность духовных миссий получила негативную оценку, что связано с осуждением церковной политики государства по отношению к коренному населению Сибири. В исследованиях советских историков миссионерская деятельность характеризовалась как принудительная, а миссионеры выступали в качестве средства освоения территорий Сибири и русификации местного населения. В 1940-х – 1960-х гг. появляются исследования Ф.А. Кудрявцева, И.И. Огрызко, Н.А. Свешникова, содержащие как негативные, так и позитивные оценки миссионерской деятельности в Сибири. Отказ от однозначно негативной интерпретации миссионерской деятельности в отношении коренного населения региона был связан, на наш взгляд, с большей лояльностью государственной идеологии в отношении РПЦ после Великой Отечественной войны и влиянием «оттепели» на отечественную историческую науку. В 1970-е гг. выходят исследования Л.М. Дамешека, Н.А. Миненко, Л.П. Шорохова, которые в оценке деятельности РПЦ в Сибири фиксировали преобладание ненасильственных методов работы миссионеров. В целом в советской историографии миссионеры выступали в качестве орудия царизма, «грабили, угнетали и русифицировали» аборигенов.

Для российской историографии конца XX в. характерен отход от доминирования марксистско-ленинской методологии и от интерпретации роли церкви с негативных оценочных позиций (В.С. Глаголев, А.Б. Ефимов, Е.И. Кочеткова, В.А. Федоров и др.). Изменение общественно-политического строя повлияло на все сферы общества, в том числе на историческую науку. В начале 1990-х гг. активизировался интерес к изучению духовных миссий

в Сибири. В.Н. Асочакова, Ю.А. Крейдун, А.А. Ипатьева, Г.Ш. Мавлютова, Н.В. Расова, В.Ю. Софронов, З.А. Шагжина, И.И. Юрганова подробно изучили деятельность миссий, функционирование на территории Сибири. Особенно тщательно исследована история, деятельность, структура, состав Алтайской духовной миссии (А.П. Адлыкова, А.П. Бородавкин, В.В. Ерошов, К.Ю. Иванов, Д.В. Кацюба, Ю.А. Крейдун, Б.И. Пивоваров, Н.Ю. Храпова). Такое внимание исследователей обусловлено признанием миссии как одной из самых эффективных, выработавшей, по замечанию В.В. Ерошова, новые основы миссионерского дела, заключавшиеся в изучении миссионерами языков коренного населения, его мировоззрения и образа жизни. В современной историографии представлена точка зрения, согласно которой миссионеры действовали мирными способами, а в своей деятельности руководствовались желанием приобрести союзников. Среди функций миссионеров называется освоение новых территорий, помощь в устройстве хозяйственного быта аборигенов, медицинская помощь, сохранение и развитие местных языков, помощь в создании письменности. Проповедники, как отмечал В.А. Федоров, являлись энтузиастами, действовавшими с апостольской ревностью и знанием местных языков. При этом ряд современных исследователей (А.В. Дулов, А.П. Санников) отмечают, что миссионеры выступали в качестве инструмента русификации аборигенов и в своей деятельности порой использовали насильственные методы крещения.

Выявить представления об идеале миссионера в общественном сознании позволит религиозная пресса второй половины XIX – начала XX века. Центральная официальная печать РПЦ, например, «Церковные ведомости» не только конструировали ядро идеала миссионера, но и служили ориентиром для остальной религиозной периодики (региональная, миссионерская), выполняли функцию поддержки государственной политики. Идеал священника-миссионера, являясь воображаемым конструктом, предоставлял ориентиры для профессионального сообщества, с которыми стремилось идентифицировать себя духовенство. Транслируемый со страниц религиозной православной периодической печати идеал способствовал консолидации священнослужителей и выработке коллективной идентичности.

Формируемый представителями РПЦ в официальной периодической печати идеал миссионера состоял из нескольких компонентов, касающихся как личностных, так и профессиональных качеств священнослужителей. Авторы центрального печатного органа РПЦ сходились во мнении, что миссионер должен обла-

дать кротостью, смирением, терпением, самоотверженностью, готовностью пострадать ради других и основываться в своей деятельности только на мирном, ненасильственном взаимодействии с местным населением¹.

Выявить региональную специфику деятельности священника-миссионера позволяют миссионерские записки и миссионерские отчеты, опубликованные в центральной, региональной официальной религиозной периодике, миссионерских изданиях. Отобранные для периодической печати записки миссионеров, с одной стороны, являлись примером, образцом для других священнослужителей, с другой – содержали в себе повторяющиеся сюжеты, на основе которых мы можем выявить представления священнослужителей об идеале проповедников в Сибири. В Сибирском регионе тип священнослужителя конструировался миссионерами, которые на своем опыте знали, какими телесными, духовными и профессиональными качествами необходимо обладать, чтобы эффективно выполнять свою деятельность. Одной из показательных в Сибири была Алтайская духовная миссия, активно повлиявшая на конструирование идеала сибирского миссионера и заложившая основы «нового миссионерства»². Эти основы, как отмечают В.В. Ерошов и В.М. Кимеев, заключались в изучении миссионерами местных языков, мировоззрения, образа жизни и предполагали опеку новокрещенных в освоении православной культуры. Д.В. Кацюба пишет, что архимандрит Макарий (Глухарев), возглавивший в 1828 г. Алтайскую духовную миссию, разработал программу проведения миссионерской деятельности на Алтае. Она заключалась в том, чтобы не просто крестить население, но сделать его оседлым, грамотным и заставить перейти к более культурному и рентабельному способу ведения хозяйства, что требовало знание миссионером языка алтайцев, медицины и знание ведения сельского хозяйства³.

Сформированный идеализированный образ миссионера соотносился с идеалом священнослужителя, конструируемым рекомен-

---

¹ Внебогослужбная беседа преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского, с воспитанниками семинарии // Церковные ведомости. Прибавления. 1892. № 26. С. 919–924; Наставления высокопреосвященного Иннокентия, бывшего архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского, Нушагакскому миссионеру иеромонаху Феофилу // Церковные ведомости. Прибавления. 1900. № 3. С. 97–107; О миссионерстве вообще и в рижской епархии особенно (духовенству Рижской епархии от архиепископа Арсения) // Церковные ведомости. Прибавления. 1897. № 3. С. 77–90;

² *Ерошов В.В., Кимеев В.М.* Тропоею миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. Кемерово, 1995. С. 5.

³ *Кацюба Д.В.* Алтайская духовная миссия: вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово, 1998. С. 17.

дациями и инструкциями для миссионеров, опубликованных на страницах центральной официальной печати РПЦ. Представления проповедников имели как точки соприкосновения с идеалом, так и отступали от него. В текстах, публикуемых в церковной печати, миссионеры подробно описывали все невзгоды и трудности, тем самым подчеркивая, что деятельность в отдаленных районах страны подразумевала страдание ради тех, кому проповедовали православие, что соответствовало формируемому центральной официальной религиозной печатью идеалу. При описании пути следования миссионеры акцентировали внимание не столько на готовности преодолеть большие расстояния, что отмечалось в инструкциях в качестве составляющей идеала архиепископом Арсением, сколько на тех качествах и умениях, которые способствовали совершить этот путь благополучно¹. Таким образом, священнослужитель должен был, по их мнению, быть не просто «страннолюбив», но и обладать крепким здоровьем, физической силой и уметь обращаться с различными транспортными средствами передвижения.

Достаточно широко миссионерами интерпретировалось проявление терпимости к коренному населению Сибири. Согласно идеалу, транслировавшемуся со страниц официальной периодической печати, священнослужитель в своей деятельности должен был руководствоваться любовью, терпением и уважением к аборигенам, их обычаям и традициям. Но наряду с миролюбивым характером миссионерской деятельности, записки, например, И. Смольяникова, В. Вербицкого, Акакия и других отражали и обратные тенденции. Миссионеры, убежденные в превосходстве православной веры над язычеством, исламом и ламаизмом, стремились убедить в этом местное население и склонить к принятию христианства. В отдельных случаях проявление нетерпения к вере коренного населения могло проявляться не только на словах, но и в действиях. Миссионер Акакий, разъезжая по селениям аборигенов, сжигал встречающиеся на его пути так называемые «обоо» – кучи хвороста, возле которых происходило камлание². Уверенность в превосходстве православной веры над вероисповеданиями коренного населения, а также стремление быстро осуществить русификацию аборигенов приводили к обратным тенденциям – критике образа жизни и традиций, уничтожению элементов местной культуры, настойчивому призыву к смене веры на православие.

---

¹ О миссионерстве вообще и в рижской епархии особенно (духовенству Рижской епархии от архиепископа Арсения) // Церковные ведомости. Прибавления. 1897. № 3. С. 77–90.

² *Акакий*. Записки миссионера Черноауньского отделения Алтайской духовной миссии иеромонаха Акакия, за четыре с половиной месяца 1866 г. // Душеполезное чтение. 1867. Ч. 1. № 1. С. 18.

Неоднозначным было отношение миссионеров к использованию языка местных жителей для знакомства и обучения основам православной веры. Ряд священнослужителей признавал, что использование языка аборигенов будет способствовать более глубокому пониманию ими православия, другие проповедники настаивали на использовании только русского языка, преследуя цель обрусения населения.

К началу XX в. произошла постепенная коррекция идеала священника-миссионера, которая была ответом на возникающие потребности миссионерских институтов. Ядро идеала оставалось неизменным, в начале XX в. миссионерам рекомендовались те же инструкции, что и во второй половине XIX века. Эволюция идеала произошла из-за невозможности миссионеров воплотить его на практике. Неготовность священнослужителей к трудным природно-климатическим условиям и ландшафтным особенностям Сибири привела к пониманию, что более эффективно было готовить миссионеров из аборигенов. Обращение к представителю местного населения как к воплощению идеала миссионера было связано, в том числе с трудностями, возникающими при освоении языка аборигенов духовными лицами из Европейской части страны.

Идеал сибирского миссионера имел разночтения внутри самого региона, детерминированные взглядами начальников миссий и их сотрудников на сущность христианизации и русификации аборигенов. Иную точку зрения на работу миссионеров в Сибири имели деятели Иркутской и Забайкальской миссий. Архиепископ Вениамин (Благодравов), который занимал во второй половине XIX в. должности епископа Иркутского и Нерчинского, епископа Камчатского, и епископа Селенгинского, по замечанию «Иркутских епархиальных ведомостей», был убежденным сторонником обрусения «иностранцев»: православие должно было вести борьбу не только с чужой верой, но и с чужой национальностью, нравами и привычками, что исключало использование миссионерами языка аборигенов. Взгляд архиепископа, перенимали и его подопечные, «кто только имел соприкосновение с миссионерским делом»¹. Вениамин (Благодравов) в своих письмах к Н.И. Ильминскому объяснял свою точку зрения. Архиепископ считал, что необходимо как можно скорее крестить бурят, не уделяя времени их образованию. Просвещение коренного населения, отмечает он, менее всего ведет к христианству, вместо этого крещению должно сопутствовать русификация «иностранцев»². Миссионеры, по мнению

---

¹ *Иоанн*. О предстоящем миссионерском съезде // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1909. № 18. С. 479.

² *Харлампович К.* Н.И. Ильминский и Алтайская миссия. Казань, 1905. С. 8.

Архиепископа Иркутского и Нерчинского Вениамина, были обязаны вести борьбу не просто с чужой верой, но и с чужой национальностью, для чего необходимо убеждать коренное население в превосходстве русской культуры. Христианизация оборачивалась политикой обрусения. Несмотря на разночтения, епархиальная религиозная периодическая печать, откликаясь на конкурирующие версии идеала, стремилась сохранить устоявшийся взгляд на миссионерство, представленный в столичных изданиях.

Разночтения идеала миссионера существовали не только внутри региона, но и в целом на всей территории Российской империи. Для священнослужителей Казанской епархии первоочередным стоял вопрос просвещения. Вице-губернатор И.П. Розов, высказал мнение, что в деле распространения православия и прекращения отпадения в мусульманство, самым действенным и вместе с тем мирным средством должно быть православно-русское образование¹. Н.И. Ильминский, занимающийся миссионерской деятельностью среди татар считал, что для обращения аборигенов в христианство нужны мирные способы христианизации, имеющие систематический, образовательный характер. По мнению Николая Ивановича, главным средством миссионерского воздействия на татар была школа, основанная на религиозных началах, где преподавание и богослужение проводились на родном для местного населения языке². Отсюда вытекала потребность перевода и издания священных, богослужебных и школьных книг на татарском и других языках. Основными направлениями деятельности миссионеров в Казанской епархии назывались перевод священных, церковных, нравоучительных и общеобразовательных книг и их издание; обучение детей и распространение между крещеными татарами грамотности; летние миссионерские поездки для опыта проведения проповеди; издание религиозного положения татар и испытание меры к их убеждению³. Создание системы первоначального образования инородцев и его распространение между крещеными татарами в скором времени была распространена на других «инородцев», заселяющих как Казанскую, так и соседние с нею губернии.

Содержание деятельности священнослужителей, сформулированное в частности Н.И. Ильминским, распространялась не только на татар, но и на других аборигенов Казанской губернии. Одним из тех, кому стремились подражать, был священник

---

¹ *Н.К.* Казанское братство святого Гурия // Православный благовестник. 1893. № 3. С. 17.

² *S.* Переводческая комиссия при братстве св. Гурия в Казани и ее деятельность // Православный благовестник. 1893. № 4. С. 14.

³ *Износков И.* Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края // Православный благовестник. 1893. № 4. С. 28.

с. Шапкилей А.Д. Альбинский, работавший с черемисами⁴. Он не ограничивался в своей деятельности только исправлением треб, но и учил свою «инородческую» паству православной вере. Вел с жителями беседы на их родном языке, учил первоначальным молитвам и убеждал ходить в приходскую церковь к богослужению, которое вел на черемисском языке. Он открыл в своем доме школу, перевел на черемисский язык св. Евангелие от Матфея, начатки христианского учения и деяния св. Апостолов. Примеру А.Д. Альбинского последовал священник соседнего села Пернягаш П.Г. Урусов. Впоследствии этим священникам старались подражать их приемники и священники соседних приходов. Таким образом, для казанских священнослужителей, в отличие от сибирских, первоочередной была не способность преодолевать большие расстояния и наличие крепкого здоровья, что обуславливалось природно-климатическими особенностями сибирского региона, а способность к языку, переводческой и преподавательской деятельности. В то же время формируемый идеал священнослужителя в Казанской епархии соответствовал образу миссионера, конструируемого центральной официальной печатью РПЦ, предполагающий ненасильственный характер распространения православия.

Идеал священника-миссионера не был однороден на всей территории Российской империи во второй половине XIX – начала XX века. Конструируемый центральной официальной периодикой РПЦ идеал имел целью предоставить для священнослужителей одобряемый государством и церковью образец для подражания. Осуществляя миссионерскую деятельность в разных регионах Российской империи, священнослужители трансформировали его в зависимости от условий работы, учитывая социокультурные и природно-климатические особенности региона своей деятельности.

---

⁴ *Изюсков И.* Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края // Православный благовестник. 1893. № 4. С. 30.

А.К. Кожухова

Образ Европейской России в сибирской печати конца XIX – начала XX века: историографические условия для разработки проблемы

В статье ставится вопрос о возможности и целесообразности изучения образа Европейской России в сибирской печати конца XIX – начале XX века. Анализируется литература, посвященная образам регионов Российской империи, истории периодической печати. Автор приходит к выводу, что в исторической науке не освещен вопрос о наборе образов-представлений территории Европейской России в среде сибирских интеллектуалов конца XIX – начала XX века.

Ключевые слова: образ Европейской России, образ Сибири, сибирская печать, областничество.

Как отмечает Л.П. Репина, «во второй половине прошлого века произошло беспрецедентное расширение взаимодействия истории с другими социальными и гуманитарными науками, возникли новые объекты и методы исторического исследования, был вовлечен в научный оборот колоссальный массив новых источников, выработан целый ряд новых подходов к анализу источников традиционных, появились новые эффективные способы обработки информации»¹. В этот же период происходит заимствование историей некоторых категорий, в том числе и категории «образ», понятия являющегося составной частью философского, социологического и психологического дискурсов. Категория «образ» активно используется в нескольких проблемных полях – при изучении образов исторической личности, образов исторического события, образов врага, образов «другого», образов региона. Под образом региона нами понимается совокупность ярких, характерных сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих реальные пространства. В нашем случае – конкретный регион Европейской России.

На сегодняшний день достаточно полно на материалах периодической печати исследован образ Сибири. Работы по региональной идентичности интересны тем, что пресса конца XIX века являлась катализатором формирования сибирской самобытности. Развитие идей областничества являлось проявлением региональной идентичности. Под ней нами понимается системная совокупность культурных отношений, связанная с конструированием осо-

---

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 12

бости своей «малой родины». Региональная идентичность является одним из типов коллективной идентичности. Коллективная идентичность, по мнению Е.О. Труфановой¹, является не столько осознанием определенным сообществом людей самого себя, сколько приписываем ему извне определенным значением. В структуре региональной идентичности выделяется индивидуальный и социальный уровни. Индивидуальный уровень представляет собой набор персональных характеристик, делающих индивид уникальным, а социальный уровень предполагает идентификацию индивида с нормами и ожиданиями социальной среды. При столкновении с группой «других», коллективная идентичность довлеет над индивидуальной. Эти замечания Е.О. Труфановой помогут нам при изучении вопроса о формировании образа Европейской России. Вопрос о коллективной идентичности тесно связан с вопросом образа «другого». Этим «другим» для Сибири выступала Европейская Россия.

В определенной степени образ Сибири формировался и существовал не обособленно, а в рамках общеимперского пространства, определяемый относительно других территорий, в первую очередь европейской части страны. В путевых заметках, письмах, газетных статьях авторами зачастую использовался конструкт противопоставления Сибири и России. Особое географическое положение региона, его удаленность от политического центра создавала ментально-географические образы Сибири. Поэтому, отталкиваясь от исследований об образе Сибири, мы предположили, что в сибирском обществе также могли существовать собственные представления о Европейской России. В связи с тем, что самыми массовыми были газетные издания, и именно они являлись трансляторами областнических идей, нам кажется целесообразным привлечь их как основной источник изучения образа Европейской России. Однако нужно отметить, что на данный момент специальные исследования, касающиеся образа Европейской России в сибирской прессе, отсутствуют. Поэтому, приступая к изучению этой проблемы, представляется необходимым исследовать историографические традиции и наработки, сложившиеся в изучении образа Сибири на материалах сибирской периодики. Анализ данной проблемы позволяет определить условия и возможные направления для последующего изучения «обратного» образа – образа Европейской России – по материалам сибирской прессы.

---

¹ Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей. // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13–19.

Одним из первых категорию «образ» к историческому исследованию применила Н.Н. Родигина¹. По ее мнению, именно данная категория является наиболее адекватной для описания коллективных и индивидуальных представлений о составных частях геоэкономического, административного, культурного, этнографического «тела империи». В отношении образа Сибири Н.Н. Родигиной сделаны выводы, которые важны для дальнейшей работы в изучении категории «образ региона». Он воспринимается в журнальной прессе как борьба различных интеллектуальных проектов региона. Содержание этих проектов детерминировалось двумя группами факторов: 1) факторы, связанные с образом издания; 2) факторы, зависящие от объекта общественного сознания, – от изменений самой сибирской реальности. Несмотря на то, что выявлены данные факторы на примере журнальной прессы, они могут применяться и при изучении газет.

Среди исследований, посвященных образу Сибири, также хотелось бы выделить статью В.В. Шевцова². Изучая образ Сибири на страницах официальной и частной дореволюционной прессы, автор отмечает важные сюжеты, касающиеся темы конструирования «особости», самобытности Сибири и ее населения: 1) отсталость Сибири по отношению к Европейской России и Западу, включая Америку; 2) негативные характеристики прошлого и настоящего Сибири и описание будущих перспектив развития; 3) особые черты в характере сибиряков и в ранней сибирской истории; 4) объединение различных категорий населения, ее различных регионов в категорию «мы».

Важность раскрытия данных сюжетов для нашего исследования заключается в том, что самобытность сибирского региона формировалась в тесном взаимодействии с центральным регионом. В.В. Шевцовым отмечается, что образ России для Сибири выступал в виде отца, старшего брата, обладающего сакральной силой. Этим замечанием, автор делает важный вклад в наше исследование, замечая одно из символических представлений сибиряков о Европейской России.

Изучение образа Европейской России в сибирской прессе нельзя представить без работ, раскрывающих контекст эпохи. К этой группе мы отнесем работы, исследующие историю сибирской периодической печати. В данной группе выделяются три пе-

---

¹ Родигина Н.Н. Другая Россия: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006.

² Шевцов В.В. Образ Сибири на страницах официальной и частной дореволюционной печати // Известия Уральского университета. 2011. № 3. С. 92–99

риода изучения: дореволюционный, советский и современный российский.

Изучение истории сибирской печати начинается во второй половине XIX века. Это связано с бурным ростом частных периодических изданий на территории Сибири и с попыткой проследить исторические корни формирования печатного дела в Сибири. Исторические обзоры на данную тему появляются на страницах печатных изданий, таких как, газеты «Сибирь», «Сибирский вестник», «Сибирская газета», «Восточное обозрение». Авторы газетных статей пытались осветить историю появления и развития сибирской печати, подводили краткосрочные итоги ее развития (например, в год столетия сибирской печати). Кроме этого, авторы пытались сформулировать задачи сибирской печати, отмечая ее окраинное положение и совершенно иные функции, чем у печати в центральной части империи. Важно отметить, что газетные заметки писались людьми, принимавшими активное участие в становлении сибирской прессы, например, Н.М. Ядринцевым¹. Тем самым, данные исторические обзоры интересны нам не только, как материалы по истории сибирской прессы, но и как источник трансляции идей сибирской образованной общественности об истории и развитии прессы в регионе.

В советский период внимание исследователей сибирской прессы второй половины XIX века было сосредоточено на истории развития отдельных печатных изданий. Пресса Сибири рассматривалась в общероссийском контексте. Авторов волновала политическая подоплека издания газет, авторский корпус и, в первую очередь, авторы-революционеры и их оппозиционные взгляды.

Тема сибирской прессы рассматривалась многими исследователями, но нами выделяются две работы – Л.Л. Ермолинского² и Л.С. Любимова³, так как в них была предпринята попытка обобщения истории газетного дела в Сибири. Л.Л. Ермолинский в своей монографии «Сибирские газеты 70–80-х годов XIX века» в первую очередь уделяет внимание губернской официальной прессе, ее месту в общероссийской системе печати, а также обращается к истории первых сибирских газет, отмечая их значимость в формировании сибирского общества. Кроме этого, автор анализирует и дает характеристику политической и социально-экономической позиций прогрессивных газет. Следует отметить, что прогрессивность газеты в монографии напрямую связана с ее напряженными взаимоотношениями с официальной властью.

---

¹ Ядринцев, Н.М. Судьба Сибирской печати // Сибирь. – 1875. – № 4

² Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70–80-х гг. XIX века. Иркутск. 1985.

³ Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1982.

Работа Л.С. Любимова «История сибирской печати» охватывает период возникновения сибирской печати с конца XVIII до 90-х годов XIX века, представляя собой общий обзор истории печати и характеристика первых сибирских газет. Также в работе проводится анализ статей и исследуется специфика отношения прессы к конкретным проблемам развития края. В целом, работы советского периода интересны тем, что они первыми предприняли попытку обобщения истории сибирской печати XIX в. и наметили пути ее исследования.

На современном этапе исследование истории сибирских газет продолжается. Авторов интересует не только история развития прессы, направленность изданий и авторский корпус, но также привлекает внимание организация самого издательского и типографского дела в Сибири в конце XIX – начале XX века. Одной из важных работ этого периода является монография С.И. Гольдфарба¹, посвященная изучению газетного дела в Сибири первой половины XIX – начала XX века. Автор в своем исследовании затрагивает все аспекты развития газетного дела в Сибири. В первую очередь это экономическое положение газетного дела: газетный рынок, типографское дело, тиражная политика и распространение газет, розничная продажа, инвестиции в газетное дело, реклама и объявления. Кроме экономического блока С.И. Гольдфарбом было рассмотрено правовое положение газет, цензурная политика властей по отношению к сибирской прессе, классификация сибирских газет. Исследователем отмечалось, что сибирские частные газеты возникли не как источник прибыли, а как орган, объединяющий людей по взглядам и идеологии. Именно это утверждение привело нас к мысли обратиться к частной прессе, как к основному органу формирования общественного мнения в Сибири, хотя, безусловно, мы отмечаем, что официальная пресса оказывала влияние на течение общественной мысли. О коммуникации власти и общества на материалах официальной прессы – «Губернских ведомостей», написана работа Н.Н. Морозовой². В этом исследовании рассматривается проблема сотрудничества и противостояния администрации и общественности в деле издания газет. Н.Н. Морозова делает вывод, что существование губернских ведомостей сыграло важную роль в пробуждении общественной активности образованной части сибирского населения. Выработанная за этот период привычка к чтению периодической печати была

---

¹ Гольдфарб С.И. Газетное дело Сибири: первая половина XIX – начало XX в. Иркутск, 2002.

² Морозова Н.Н. Коммуникация власти и общества (по материалам «Губернских ведомостей» Западной Сибири 1857–1866 гг.). Новосибирск, 2012.

особенно важна для появившейся через несколько лет местной частной печати.

О развитии неофициальной части губернских ведомостей и их влияния на формирование общественного мнения в Сибири написано несколько статей В.В. Шевцова¹. Работы освещают отношения официальной власти и зарождающейся сибирской печати. Публикации В.В. Шевцова помогают нам проследить истоки формирования общественного мнения в Сибири, варианты функционирования сибирской прессы до начала изданий частных газет, пути становления некоторых авторов-журналистов, которые начав свой путь в официальном издании, позже активно сотрудничали с частной прессой.

Для нашего исследования интерес представляет также работа Ю.Л. Мандрики «Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири»². Автор приходит к выводу, что становление сибирской печати – это долгий путь идей властников, пытавшихся сделать газету товаром, отличавшимся контентом от столичных изданий. Именно поиск последнего отличает сибирскую прессу конца XIX – начала XX века от периодики Европейской России. Следует отметить различие точек зрения на сибирскую прессу. Если Ю.Л. Мандрика отмечает, что газета в первую очередь товар, хотя имеет и идейную подоплеку, то С.И. Гольдфарб утверждает, что частная газета возникла не как источник прибыли, а как орган, объединяющий людей по взглядам, идеологии.

Статья Л.С. Любимова «История газеты «Восточное Обозрение»³ представляет интерес тем, что освещает историю развития конкретного издания. В этой работе автор отмечает, что им выполнен поиск авторского корпуса газеты, что помогает нам определить личностные и идейные предпочтения авторов одной из самых популярных газет Сибири в интересующий нас период.

Изучение истории сибирской периодической печати является пересечением двух предметных областей – истории и журналистики. Существует ряд работ, написанных филологами по истории сибирской прессы. Для нас представляет интерес статья Н.В. Жи-

---

¹Шевцов В.В. Неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» в 1857–60 гг. как орган Восточносибирской генерал-губернаторской власти. // Вестник ТГУ. «История». 2012. № 2 (18). С. 37–44; Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» в деле «сибирских сепаратистов» (1863–1865). // Гуманитарные науки Сибири. 2010. № 2. С. 88–91

²Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень, 2007.

³Любимов Л.С. История газеты «Восточное обозрение» // Российская провинциальная частная газета. Тюмень, 2004. С. 147–165.

ляковой, в которой автор анализирует историю изучения сибирской журналистики XVIII – начала XX века¹. Историографический анализ, предпринятый автором, указывает нам на продланную работу в области исследований истории сибирской журналистики и предлагает варианты расширения этой исследовательской темы. В дальнейшем исследовании нам будут полезны авторские выводы о этапах развития сибирской прессы. Кроме этого Н.В. Жиликова указывает на важность наполнения такого термина как «сибирская журналистика», которых в перспективе нами также будет разработан и дополнен.

Таким образом, анализ литературы, посвященной развитию сибирской прессы, позволяет отметить, что достаточно подробно изучены вопросы появления, развития и функционирования сибирских газет конца XIX – начала XX века. Авторами четко обозначены границы различия между частной и государственной печатью. Установлен ряд авторов, постоянно публиковавшихся на страницах сибирских газет. Все эти выводы, позволяют приступить к работе над анализом газетных статей и поиска истоков формирования образа Европейской России в сибирской прессе.

В целом, историографический анализ свидетельствует о наличии достаточных условий для изучения образов Европейской России в пореформенный период на материалах сибирской прессы. Авторами полно раскрыты вопросы, носящие подготовительный характер для исследования заявленной проблемы. В частности изучена история сибирской печати дореволюционного периода, рассмотрена история отдельных изданий второй половины XIX – начала XX века. Сибирская печать исследована как в общероссийском, так и в провинциальном контекстах. Продолжает изучаться тема образа Сибири, вклад в разработку которой вносят не только историки, но и филологи. Существующие работы по региональной идентичности Сибири помогут нам рассмотреть феномен формирования образа региона с новой позиции. В рамках системного подхода, используемого нами в будущем изучении образа Европейской России, эти работы помогут составить полную картину развития сибирской прессы, настроений сибирской интеллектуальной элиты второй половины XIX – начала XX века. Предпринятый историографический обзор показал, что само понятие «образ Европейской России» является новым для исторической науки и требует всестороннего изучения.

---

¹ Жиликова Н.В. История дореволюционной журналистики в Сибири: этапы исследования, новые направления. // Вестник ТГУ. «Филология». – 2011. – № 3 (15). – С. 126–132.

**«Это был товарищ, так же страстно, как и я,
влюбленный в свободу, в свободную Россию»:
восприятие свободы российскими журналистками
рубежа XIX–XX веков**

В статье подвергается деконструкции корпус представлений журналисток о свободе в их эго-текстах. Исследование такой категории как «свобода» влечет за собой и изучение ее антиподов – зависимости и рабства. Поэтому нам представляется важным раскрыть характеристики последнего для сотрудниц периодики исследуемого периода. В результате анализа автор пришел к выводу о том, что для журналисток высокая значимость свободы обеспечивалась наделяемыми ее характеристиками, а также определялась ее запретностью.

Ключевые слова: свобода, власть, зависимость, рабство, журналистки.

Как утверждает Ю.М. Лотман, «вопрос о русской интеллигенции – это, в первую очередь, вопрос о свободе»¹. Эту характеристику интеллигенции можно с уверенностью экстраполировать и на входившее в нее журналистское сообщество. Значение, которое женщины рубежа XIX–XX вв. придавали свободе, трудно переоценить. Эпоха женского освободительного движения, эпоха революций в России и мире не могла не наложить свой отпечаток и не обеспечить «жажду» свободы, которую, безусловно, испытывали многие в то время. Данные факторы, естественно, оказали свое влияние на восприятие свободы журналистками.

На сегодняшний день существуют исследования, посвященные выявлению смыслового поля концепта «свободы» в русской культуре, его этического наполнения и трансформации под влиянием тех или иных факторов². Уже становились объектом научно-

---

¹ Лотман Ю.М. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. Материалы международной конференции, Неаполь, май 1997. Россия / Russia. Новая серия под ред. Н.Г. Охотина. Вып. 2. М., 1999. С. 122.

² Щеголева И.Б. Функционирование и развитие концептов *свобода, власть и вызов* в русской языковой картине мира (на материале художественных текстов): дис. ... канд. фил. наук. Ростов н/Д, 2008; Мальцева С.Г. Этический анализ концепта свободы в русской литературно-философской мысли конца XIX – начала XX в.: дис. ... канд. фил. наук. СПб., 2010; Варзин А.В. «Свобода» в словарной фиксации XIX – начала XX в.: отражение трансформации смыслов под влиянием либеральной идеологии. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-v-slovarnoy-fiksatsii-xix-nachala-xx-veka-otrazhenie-transformatsii-smyslov-pod-vliyaniem-liberalnoy-ideologii> (дата обращения – 1.06.2015).

го анализа представления интеллигенции о свободе¹. В качестве задачи данного исследования ставится характеристика восприятия свободы российскими журналистками рубежа XIX–XX веков. Это тем более актуально, что в исследуемый период происходил процесс профессионализации журналистики. Ряды литераторов интенсивно пополняли и русские женщины². Однако их вклад в историю журналистики, по нашему мнению, остается недостаточно изучен. Нет специальных работ, посвященных реконструкции их картины мира. В то же время, исследование социокультурных представлений мужчин-журналистов уже началось, эту проблематику развивают Н.Н. Родигина и Т.А. Сабурова³.

В качестве источника для реализации обозначенной задачи послужила автобиографическая проза сотрудниц периодики: А.В. Тырковой, Э.К. Пименовой, Л.А. Авиловой, Е.А. Дьяконовой, Л.Я. Гуревич и О.А. Шапир⁴. Эго-тексты, по мнению А.В. Беловой, служат «дисплеем женской субъективности»⁵. Благодаря этому они обладают особой ценностью при изучении картины мира женщин.

На восприятие женщинами свободы оказал значительное воздействие образ власти. Это происходило потому, что, по мысли М.И. Свешникова (автор статьи о власти в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона) обычно «под именем власти сильной разумеется [...] та, которая не допускает свободы и не благоприятствует разви-

---

¹ *Лотман Ю.М.* Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // *Русская интеллигенция...* С. 122–141; *Бакиштова Е.К.* Отношение к свободе и дискурс либерализма российской интеллигенции. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-k-svobode-i-diskurs-liberalizma-rossiyskoj-intel-ligentsii> (дата обращения – 1.06.2015).

² *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской культуры. М., 2009. С. 254.

³ *Родигина Н.Н., Сабурова Т.А.* Время, пространство, память в мемуарах русских журналистов конца XIX – начала XX вв. А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича // *Автобиография*. 2014. № 3. С. 61–92.

⁴ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н.И. Канищева. М., 2012; Пименова Э.К. Дни минувшие. М.-Л., 1929; *Авилова Л.А.* Рассказы и воспоминания. М., 1984; Дьяконова Л.А. Дневник русской женщины. М., 2006; *Гуревич Л.Я.* История «Северного Вестника» // *Русская литература XX века. 1890–1910* / под ред. С.А. Венгерова. М., 2004. С. 141–159; *Гуревич Л.Я.* Автобиография // Ф.Ф. Фидлер. Первые литературные шаги. СПб., 1911. С. 181–198; *Шапир О.А.* Борец за старые идеалы / Публицист-гражданин. Литературный сборник, посвященный памяти Григория Константиновича Градовского. Пг., 1916. С. 41–47; *Шапир О.А.* Автобиография // *Фидлер Ф.Ф.* Первые литературные шаги. СПб., 1911. С. 46–56.

⁵ *Белова А.В.* Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // *Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сборник статей* / отв. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева. М., 2013. С. 53.

тию личных прав»¹. Данные представления распространялись на семейно-брачные отношения. Соответствующий раздел законодательства отличался строгостью в Российской империи. Следствием таких представлений было то, что свой образ свободы сотрудницы периодики конструировали часто по принципу «от обратного» – используя концепты «зависимость», «рабство». Следует отметить, что в указанном словаре обозначено несколько определений свободы. Это свобода политическая, мысли и слова (или печати), личности и воли². Нашим героиням были присущи все эти трактовки.

Некоторые женщины, которым в будущем было суждено связать свою судьбу с прессой и литературой, страдали в детстве и юности от родительского гнета. Особенно яркие картины этого можно почерпнуть из воспоминаний Л.А. Авиловой и дневников Е.А. Дьяконовой. Первая отмечала: «мне слишком памятно впечатление страха. Оно стало даже привычным. Я боялась бабушку, отца, мать и наших бесчисленных, постоянно сменяющихся гувернанток. В то время было очень принято кричать. Не в споре, а выражая свой гнев на человека, который обязан был слушать этот крик *молча, покорно, без возражений и объяснений*. Часто у этих людей дрожали колени, искажалось от страха лицо: они были *подчиненные, зависимые*»³. В ее случае любое сопротивление было невозможно. Пространство дома у Л.А. Авиловой ассоциировалось с «духотой» и «затхлостью», что любопытно, потому что в эго-текстах журналисток эти слова обычно входят в смысловое поле концептов «зависимости» и «рабства». От такой обстановки она спасалась, выбираясь тайком на улицу: «И вот я накидывала платье, брала в руки обувь, осторожно спускалась по лестнице и пробиралась по коридору к передней. Здесь опасаться было уже нечего, и я выскакивала на крыльцо. Ах, это *весеннее утро!* Этот *чистый воздух, прохлада, свобода!* Как жизнь могла быть прекрасна! Я осмелела до того, что *вытаскивала из дома две клетки с канарейками и пару горшков с растениями*, расставляла все на крыльце и воображала, что *доставляю радость не одной себе*»⁴. Представляется неслучайным, что и далее в ее воспоминаниях чувство свободы обычно описывается именно на фоне весеннего пейзажа. Также примечательно, что будущая журналистка считала нужным освободить из «домашнего рабства» не только себя, но и других живых существ. Интересно и то, что свобода здесь ассоциируется с радостью. В ее воспоминаниях

---

¹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона / под ред. проф. И.Е. Андреевского. Т. 6а. СПб., 1896. С. 674.

² Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона / под ред. проф. И.Е. Андреевского. Т. 29. СПб., 1900. С. 163–174.

³ *Авилова Л.А.* Рассказы. Воспоминания. М., 1984. С. 192.

⁴ Там же. С. 194–195.

данное понятие соотносилось с «простором» (быть может, благодаря ее принадлежности к рядам пишущей братии, зачастую именно простором мысли). Это характерно и для других соотрудниц периодики исследуемого периода. Противоположностью свободе в данном тексте выступали «тесные рамки», в которых загоняли мысль, отсутствие самостоятельности, «стенка», которая ее изолировала. В целом Л.А. Авилова признавалась, что тогда она жила словно в «тесной клетке», от которой в некоторой степени освободилась, только когда поступила в гимназию.

Другая журналистка – Е.А. Дьяконова – страдала от гнета матери, имевшей деспотичный характер. От нее она тоже хотела спастись учебой – поступить на Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге. Ей пришлось многое для этого преодолеть и пережить, долго бороться и завоевывать эту «свободу». Примечательны в данном плане следующие строки из ее дневника: «Вместе с тем я чувствую себя иногда так *легко, дышится так вольно...* Хочется разом увидеть весь мир, и глубокое-глубокое *отрадное чувство свободы* переполняет всю душу. Да, и я – *свободна*, и я могу *ехать, куда хочу, делать – что хочу, поступать – как хочу*, и меня уже более *не связывают эти цепи рабства...* Ведь это – правда? Я – учусь... Я – на курсах»¹. Хочется подчеркнуть, что для нее свобода – это то, где (или с чем?) легче дышится, можно даже уподобить ее воздуху. Вместе с тем, она «освобождалась» именно от власти «чужой воли», «цепей рабства», для того, чтобы иметь право жить так, как она считает правильным, стремилась получить «свободу воли». В связи с такой высокой ее ценностью, Е.А. Дьяконова «поступиться своей свободой не согласна ни на шаг»².

Важно отметить, что поступать на Высшие женские курсы планировали в то время многие из женщин, жаждущих свободы. Э.К. Пименова, которая на них поступала еще в 1870-е гг., когда вышеуказанные курсы только открылись для подготовки «ученых акушеров», так описывает день сдачи экзамена для поступления на них: «Тут оказались приезжие из разных мест, которые так же, как я, были *одержимы ясным стремлением на простор*. Одна из них была красивая женщина лет тридцати [...]. Она томилась в узких рамках провинциальной жизни, а детей у нее не было: «Ведь это *единственная дверь, которая для нас приоткрылась, и мы все, жаждущие движения воды, устремились сюда*. [...] Я уверена, что здесь очень мало найдется таких, которые чувствуют истинное признание к медицине»»³. Таким образом, учебу на вышеуказанных

---

¹ Дьяконова Е.А. Дневник русской женщины. М., 2006. С. 330.

² Там же. С. 522.

³ Пименова Э.К. Дни минувшие. М.-Л., 1929. С. 97.

курсах, женщины использовали для того, чтобы иметь возможность высвободиться из уже тесных для них рамок семьи, а свобода здесь вновь ассоциируется с простором. Конечно, сама по себе учеба не обеспечивала свободу. Л.Я. Гуревич, обучавшаяся на этих курсах, вспоминала об этом времени: «Казалось мне *тесно* и *глухо* в моей *девической жизни* и *проклинала* я себя за то, что я женщина, не могу повсюду ходить, сталкиваться с самыми разнообразными людьми, впитывать в себя всем существом все, что есть самого существенного и важного в жизни»¹. Таким образом, правовой статус незамужней женщины делал для ее недоступной свободу воли, отсюда и те ощущения тесноты и глухоты. Понятны чувства, испытываемые Е.А. Дьяконовой, которая писала: «я дорожу этим правом – *свободно располагать своею личностью!* Бог один знает, какое оно для меня *недоступное сокровище*»². Из приведенной цитаты видно, что ценность свободы, ее «жажда» в большей степени объясняется тем, что она воспринималась в качестве некоего «запретного плода», была «недоступным сокровищем», которое в связи с его «недоступностью» искали везде.

Кроме того, следует учитывать, что подчас будущим журналисткам приходилось наблюдать, как тоже от гнета, только уже супружеского, бедствовали их матери. Ярким примером этому служит судьба матерей Э.К. Пименовой, О.А. Шапир, Л.А. Авиловой. Смерть «главы семейства» способна была «освободить» жену из под «гнета» мужа. Зачастую, из этого проистекали и перемены в воспитании и положении детей в семье. К примеру, О.А. Шапир отмечала: «Бог вещь, что вышло бы из меня, если бы я родилась не последней, а в первых рядах семьи, и испытала на себе *гнет отцовского деспотизма*. Но отец умер скоропостижно от удара 48 лет, жертвой своего бурного темперамента, – а после его смерти поразительным контрастом *расцвело гуманное* – скажу даже философски углубленное – *свободолюбие* нашей кроткой благородной матери. Правда, никаких педагогических теорий или приемов она не ведала, а только в каждом видела и берегла человеческую душу. Была проникнута вниманием и уважением к врожденным способностям и вкусам своих детей и *страшилась* одного насилия, от которого сама столько выстрадала»³. Благодаря такому воспитанию она не была стеснена в выборе жизненного пути, что считала особенно важным.

Недаром некоторые из них считали, что брак для женщины всегда является «рабством». Естественным в таком случае пред-

---

¹ Гуревич Л.Я. Автобиография // Фидлер Ф.Ф. Первые шаги современных русских писателей... С. 190.

² Дьяконова Е.А. Дневник русской женщины. М., 2006. С. 72.

³ Шапир О.А. Автобиография // Фидлер Ф.Ф. Первые литературные шаги. СПб., 1911. С. 48.

ставляется их нежелание его заключать. Е.А. Дьяконова подобным образом реагировала на советы «свах и кумушек» выйти замуж: «О, я не так глупа, как думаете вы [...]. Лучше вынести эту домашнюю тюрьму три года, и потом получить свободу, нежели из-за минуты отчаяния заплатить целой жизнью»¹.

Другие не собирались вступать в «фактический» брак, предпочитая ему фиктивный. Сложность здесь заключалась, конечно, в том, чтобы найти на это согласного мужчину. Но и такой «союз» грозил стать «фактическим». Следовательно, не избавлял, а создавал новые, по словам журналисток, «оковы». Символичным в данном случае звучит напутствие, которое друг Э.К. Пименовой давал ей перед ее отплытием из Ашур-Адэ к «настоящей» жизни и «фиктивному» мужу: «Я выпускаю вас на простор. Сохраните себя!»². Как она поняла позднее: «Он знал, что семья подрежет мне крылья, пригнет меня к земле»³.

Как для журналисток, для наших героинь характерно острое понимание свободы как свободы слова, мысли. Только государство, в котором это является свершившимся фактом, они считали свободным. Этим объясняется их стремление подробно описать политику правительства в отношении прессы, ее положение в государстве.

По мнению журналисток, без различных мнений, без «многоголосия», не бывает и свободы в полном смысле этого слова. Быть может, поэтому для Г.К. Градовского, судя по воспоминаниям О.А. Шапир, было «свыше сил не закончить каждую речь неизменно одним и тем же тостом: "За свободу печатного слова!", в какой бы натяжке это ни было с беззаботным юбилейным настроением, а, пожалуй, и с темой только что произнесенной речи»⁴. Даже молчание, когда нужно говорить, для них являлось признаком рабства. При этом свободно говорить означало иметь возможность говорить открыто в прессе. Так, для А.В. Тырковой большим шагом вперед являлось появление смелых, для того времени, требований конституции в газетах в 1905 года, после убийства В.К. Плеве и перед «кровавым воскресеньем». Отсутствие же до этого времени требований, она называла «рабым молчанием»⁵. Говоря об убийстве Плеве, она называет его «деспотом, топтавшим

---

¹ Дьяконова Е.А. Дневник русской женщины. М., 2006. С. 72.

² Пименова Э.К. Дни минувшие. М.–Л., 1928. С. 93.

³ Там же. С. 107.

⁴ Шапир О.А. Борец за старые идеалы // Публицист-гражданин. Литературный сборник, посвященный памяти Григория Константиновича Градовского. Пг., 1916. С. 42.

⁵ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 68.

*все живое и желающее жить»*¹, то есть все, что рвалось к свободе. И тогда всю «думающую Россию», людей, радующихся его смерти, она сравнивает с рабами, которых какая-то внешняя сила избавила от хозяина.

По мнению журналисток, чтобы быть готовым к «наступлению» свободы, нужно самим ее добиваться, говорить открыто, подкрепляя слова поступками. Отсюда то отрицательное отношение к людям, не показывающих открыто своего сочувствующего отношения к борьбе за свободу. Рабы, по словам А.В. Тырковой – «подслеповатые создания реакционной эпохи», «привыкшие, как и ночные птицы, жить во мраке»². С этим связаны и представления о том, что без «свободы внутренней» невозможна «свобода политическая». Так, Л.Я. Гуревич отмечает, что «без "свободы внутренней" и "борьба с насилием" казалась мне ошибочной»³. Это отражает и факт влияния толстовских идей в обществе, и факт того, что, по мнению некоторых женщин, необходимо сначала «освободить» себя, перестать быть «рабом», быть готовыми к наступлению «свободы политической». Следовательно, свобода, по мнению журналисток, это человеческая потребность, которую должно отстаивать, а если не умеешь этого делать, то нужно смириться со своим состоянием раба.

Сотрудницы периодики именуют «темными», «рабскими» те периоды истории, когда нет такого рода свободы. Например, А.В. Тыркова, говоря о петровских преобразованиях, времени, когда *«что-то пробуждается в долго спавшем русском сознании»*, характеризует его подобным образом: *«Это еще не весна, но зима уже исчезает. Сквозь черные тучи мелькают первые, робкие лучи солнца»*⁴. Здесь между строк явственно читается подтекст пробуждения свободного мышления, общества стремящегося к свободе. Вместе с тем последняя здесь вновь принимает вид света, солнца, весны. Примечательно, что отсутствие свободы связывалось с периодом зимы и с тьмой, «черными тучами».

Подчас сотрудницы периодики ассоциировали рабство не только с мраком, зимой, но даже с тем сонным состоянием, которое человек испытывает, перед тем, как умереть от холода. Это состояние стагнации, что-то абсолютно недвижимое, находящееся в безнадежном сне, нечто удушающее: «Этот выстрел словно *вско-*

---

¹ Там же. С. 65–66.

² Там же. С. 52.

³ Гуревич Л.Я. История «Северного Вестника» // Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. С.А. Венгерова. М., 2004. С. 142.

⁴ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 48.

лыкнул застывшую душную атмосферу русской жизни и разбудил от ленивой безнадежной спячки»¹.

Можно сказать, что свобода для журналисток являлась высшей ценностью, ради которой можно было все стерпеть, и оставаться абсолютно счастливым. Так, Э.К. Пименова была готова пережить гнев деспотичного отца, но не связывать себя узами брака. Когда ей стало известно, что ее жених больше не претендует на ее «руку и сердце», она жила одним чувством: «Я была свободна! Одна эта мысль делала меня счастливой»². Примечательны в этом плане строки дневника А.В. Тырковой, относящиеся к первым дням февральской революции 1917 г.: «Два дня тому назад телеграфист принес пакет депеш от английских общественников. И, как всегда это бывает, разговорились. *Худой, бледный, щеки ввалились, а глаза счастливые.*

– Я прямо счастлив. Ну, даже не верю себе, что все кончилось, что я теперь свободный человек. Я человек больной. У меня пятеро детей. Жалованья 55 рублей. Хлеб едим черный, да и то едва достаем. Ну, я все, решительно все готов перетерпеть. Даже 12 часов в сутки работать и ничего не кушать, только бы новый порядок удержать. *Ведь если они опять вернуться, ведь тогда ложись и умирай.* Ведь это уже не стерпеть.

И мне было хорошо от этих слов, от этих глаз. Это был товарищ, так же страстно, как и я, *влюбленный в свободу, в свободную Россию*»³.

Таким образом, свобода для журналисток являлась одной из базовых потребностей и высших ценностей. Такое значение она приобретает в связи с ее «недоступностью», и ее восприятием в качестве некоего «запретного плода». Однако женщины считали, что ее нужно не просто «получить», а «взять», «завоевать», и помочь в этом другим. Свобода для них ассоциировалась со всем, что было лучшего, по их мнению, в жизни – со светом, с весной, со свежестью и воздухом, простором. Ее образ они строили как антитезу «зависимости», «рабству». Последнее связывалось в их сознании с мраком, тьмой, зимой, тисками, теснотой. В своих эго-текстах они делали акцент на своей «жажде» свободы, показывая, что уже готовы были ее добиться и стряхнуть «путы рабства».

---

¹ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 54.

² Пименова Э.К. Дни минувшие. М.–Л., 1928. С. 83.

³ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 177.

Иллюстрированные журналы для детского и семейного чтения как фактор гендерной социализации детей в России второй половины XIX – начала XX века*

Статья посвящена выявлению роли иллюстрированных журналов для детского и семейного чтения в процессе гендерной социализации детей в России второй половины XIX – начала XX века. Впервые в историографии проанализированы способы и приемы формирования гендерной идентичности детей, использованные на страницах журналов. Сделан вывод, что публикации в данных изданиях транслировали читателям нормы и модели поведения, свойственные той половозрастной группе, для которой эти издания были предназначены. На основании текстовых и визуальных материалов, представленных на страницах изученных нами изданий, выделен комплекс социальных норм, особенностей поведения, предпочтений и внешних качеств, которые приписываются обществом для представителей того или иного пола.

Ключевые слова: иллюстрированные журналы, гендерная идентичность, гендерная социализация, история детства.

Детство, являясь междисциплинарным феноменом, принадлежит к числу старейших объектов исследований в области педагогики, психологии, этнографии, социологии и истории. В разработку истории детства внесли вклад несколько поколений исследователей. Первые исследования в этой области появились сразу после прихода к власти большевиков и касались в основном вопросов воспитания и психологических особенностей детей и подростков¹. Значительно меньше детство охвачено вниманием историков. Изучение истории детства преимущественно связано с историей советской повседневности. Комплексных исследований, посвященных истории и проблемам детства в России второй половины XIX – начала XX века крайне мало². Детство изучается через призму семьи и семейных отношений, в том числе воспитания,

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке некоммерческой организации «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)», договор №АМ – 34/15 от 10.04.2015.

¹ См., например: *Рыбников Н.А.*, Память, ее психология и педагогика. М., 1930; *Он же.* Язык ребенка. *Он же.* Введение в изучение ребенка. Минск: Государственное издательство Белоруссии, 1921.

² См., например: *Синова И.В.* Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX в.: проблема социализации, девиантности и жестокого обращения. М., 2014.

но проблемы социализации детей, в том числе гендерной, остаются вне поля зрения исследователей-историков.

По мнению специалистов в области гендерной психологии, важную роль в процессе гендерной социализации и становлении гендерной идентичности человека играют средства массовой информации, которые не только воспроизводят, но и формируют культурные и социальные мифы и традиции своего общества¹. Цель нашего исследования – выявить роль российских иллюстрированных журналов для детского и семейного чтения второй половины XIX – начала XX века в формировании гендерной идентичности их читателей.

Работая с журнальной прессой как с историческим источником, мы опираемся на концепцию «текста-источника», сформулированную в работах М.П. Мохначевой². Согласно этой концепции, периодические издания представляют собой единый текст, в создании которого принимали участие авторы, редакторы, читатели. Таким образом, каждая публикация на страницах издания становится неотъемлемой частью этого текста. Материалы, публикуемые на страницах детских журналов, являются процессом коллективного творчества и отражают состояние общества, одновременно являясь как инструментом формирования общественного мнения, так и его продуктом.

В качестве источников нами были выбраны иллюстрированные журналы для детского и семейного чтения. При отборе изданий для исследования мы учитывали популярность журналов среди читателей, установить которую можно, опираясь на постоянный тираж издания. Выбранные нами журналы охватывали читательскую аудиторию разных возрастов. Как правило, редакторы журналов указывали на обложках или титульных листах изданий возраст предполагаемой читательской аудитории. Журналы для младшего возраста (например, «Тропинка» П.С. Соловьевой) предназначались для детей 5–12 лет. Журналы для среднего и старшего возрастов издавались для детей от 10–12 до 17 лет. Такое разделение несколько не совпадает с периодизацией детских возрастов в соответствующих разделах законодательства Российской империи³, но отражает многие возрастные особенности физического и психического развития детей, в том числе и гендерной со-

---

¹ Козлов В.В. Гендерная психология. СПб., 2010. С. 148–149.

² Мохначева М.П. Провинциальная историография и историческое краеведение: предметные поля и дисциплинарные полномочия. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/75> (дата обращения: 04.05.15).

³ Законы о детях: сб. постановлений действующего законодательства, относящихся до малолетних и несовершеннолетних с приложением Свода разъяснений по кассационным решениям Сената / сост. Я. А. Канторович. СПб., 1899. С. 63.

циализации ребенка, которая происходит в 5–7 лет. Среди журналов для среднего и старшего возраста нами был выбран журнал «Задуманное слово», выходящий с 1877 по 1918 г. в издательстве М.О. Вольфа. Журнал имел огромный успех, издавался тиражом в 12–15 тысяч экземпляров. Включить в данное исследование иллюстрированные журналы для семейного чтения нам позволил тот факт, что редакторы «семейных» журналов понимали и осознавали, что в состав читающей семьи, а соответственно, и читательской аудитории входят дети. Нами был выбран один из наиболее многотиражных и популярных журналов изучаемого периода – «Нива», которая позиционировала себя как журнал именно для семейного чтения. Ориентация не только на взрослую, но и на детскую аудиторию подтверждается оформлением и обращением редакции к читателям. Редакция подчеркивала, что «Нива» является журналом для семейного чтения, и признает, что «семья составляет постоянное и тесно связанное общество, которого члены постоянно передают друг другу понятия и опыт жизни [...], а журнал – рассказчик о жизни и работах человечества»¹. Семья является учительницей своих новых членов, в том числе и детей, то есть выполняет воспитательную функцию, а задача журнала – помочь ей в этом. Исходя из этого, редакция «Нивы» обязуется не допускать на страницах журнала ничего противного религии и нравственности, как незыблемых основ русского семейного начала².

Ключевыми понятиями нашего исследования являются гендерная социализация и гендерная идентичность. Под гендерной социализацией личности, вслед за В.В. Козловым, нами понимается процесс усвоения норм, правил поведения, установок в соответствии с социокультурными представлениями о роли, положении и предназначении мужчины и женщины в обществе³, а также способах их взаимодействия – предписываемых обществом и фактических. Одним из результатов успешной гендерной социализации является формирование гендерной идентичности личности, то есть самоидентификации индивида с тем или иным гендером.

Важный гендерный стереотип, транслируемый девочкам с детства, состоял в том, что женщинам свойственно следовать в первую очередь за благополучием людей, составляющих их круг общения. Это нашло свое отражение на страницах детских и семейных журналов. Редакция «Нивы» публиковала на страницах журнала тексты и гравюры, посвященные отношениям между дочерью и матерью: например, изображение под названием «В город

---

¹ Нива. 1870. № 1. С. 1.

² Там же. С. 1.

³ Козлов В.В. Гендерная психология... С. 127.

на работу», где изображены мать с маленькой дочерью, пробирающиеся сквозь метель и снег в город, чтобы заработать себе средства к существованию¹. Обращает внимание одежда обеих путниц, свидетельствующая об их бедности. В комментарии к гравюре указывается на то, что снег валит уже несколько часов к ряду, и путь до города становится необычайно трудным, особенно для малютки. Но оставить ребенка дома мать не может, так как присмотреть за девочкой будет некому, и женщина не сможет чувствовать себя полноценной матерью для своей дочери. Также в качестве примера можно привести небольшой рассказ Германа Гейберга «Оторванная от семьи». Сюжет рассказа состоит в том, что глава обнищавшей семьи вынужден отдать старшую дочь двенадцати лет на воспитание и содержание своим обеспеченным родственникам за соответствующую плату. Он убеждает в этом и жену, и дочь, и сделка совершается. Но... в приемной семье девочка несчастна. Она становится замкнутой, не идет на контакт со своими приемными родителями. Это расстраивает и приемную мать, она понимает, что девочка скучает по дому и, самое главное, по матери. В это время родная мать девочки от горя начинает болеть, и приемные родители решают вернуть ребенка в семью. К счастью, история заканчивается благополучно: чтобы все же помочь семье вырастить своих детей, обеспеченный родственник отдает во владение беднякам постоянный двор, который поможет им прокормить детей.

В том же ключе написан рассказ «Кушать нечего» П.Д. Боборыкина², действие которого разворачивается на Литейной улице в Петербурге. Завязка проста: девочка просит милостыню, повторяя одну и ту же фразу: «Кушать нечего... Копеечку...». Дама с пятнадцатилетней дочкой после долгих уговоров приводят ее в дом, угощают едой, но нищенка почти не ест, и дама с дочкой начинают подозревать, что девочка врет, особенно когда девочка начинает прятать куски еды под кацавейку. Расспрашивая девочку, дама узнает, что девочке действительно нужны деньги, потому что это единственный источник существования для тяжело больной матери нищенки. Отправляться в приют девочка отказывается, потому что некому будет заботиться о матери. На этом рассказ обрывается, и читатель поневоле задумывается о том, а что могло быть после описываемых событий, чем закончилась эта история на самом деле.

Для данного исследования также представляет интерес помещенная в «Ниве» серия «Силуэтов из военной жизни» молодого художника, подписавшегося инициалами М. Ф. Первая часть

---

¹ В город на работу (изоматериал) // Нива. 1892. № 4. С. 81.

² Боборыкин П.Д. Кушать нечего. // Задушевное слово. 1885. Т. 10. № 1. С. 8.

«Силуэтов» вышла в феврале 1892 года¹. Данная серия изображает сюжеты из военно-педагогической и офицерской жизни. Рисунки представляют собой сцены из жизни кадетского корпуса, военного училища, роты и офицерского полкового сообщества. Фигуры выразительны, хорошо видны детали военной формы взрослых и детей, отношения между детьми и педагогами, внешние особенности и манеры держаться у героев зарисовок. Такого рода иллюстрации формировали в читательской среде представление о военной службе как о неотъемлемой части образа мальчика, юноши, мужчины.

Журналы для младших возрастов использовали в основном визуальные образы, иллюстрируя поведение и занятия мальчиков и девочек, особенно во время игр. В силу специфики читательской аудитории иллюстрации занимали примерно тот же объем, что и текстовые материалы, а содержание текста сводилось к описаниям различных игровых ситуаций – ожившие игрушки, общение между ребенком и игрушками, ребенком и родителями по поводу игр и т. д. Гендерные роли читателей формировали не только иллюстративные материалы, но и художественные произведения, основной сюжет которых сводился к играм и досугу. Как правило, девочки в этих текстах играли роль заботливых хозяйшек и матерей, воспитывающих своих кукол. В то же время мальчики в таких играх не участвовали, за исключением ролей приглашенных к чаю или балу кавалеров. Большую часть игр мальчиков занимали подвижные игры: военные действия, драки и охота. Фотографии, картины и гравюры изображают мальчиков, играющих в военные или шумные групповые игры². Драки и девиантное поведение также чаще приписывается издателями и художниками мальчикам, чем девочкам. Примеры такого поведения можно встретить на иллюстрациях в журнале «Жаворонок», чем в остальных журналах. Несмотря на то, что редакция расценивает их как вполне возможные в мальчишеской среде, она относится к ним неодобрительно и с насмешкой. Одной из причин такого отношения может являться ориентация журнала в первую очередь на воспитание подрастающего поколения.

Нами замечено количественное преобладание изображений и текстов о мальчиках и мужчинах над «женскими» материалами. Представительницы женского пола, как правило, изображаются занятыми домашним хозяйством, шитьем или воспитанием детей, реже в ситуации отдыха или развлечений. Если речь идет о пред-

---

¹ М.Ф. Силуэты из военной жизни (изоматериал) // Нива. 1892. № 9. С. 206–207.

² См., например: Кто кого? [Изоматериал] // Жаворонок. 1913. № 4. С. 112; Из-за яблока [Изоматериал] // Жаворонок. 1913. № 3. С. 88.

ставительницах дворянского сословия, то девочки и женщины могут быть изображены за светской беседой или сплетнями друг о друге или представителях противоположного пола, в чем проявляется полярность гендерной идентичности. Такова картина Эрдмана «Выданная тайна»¹, помещенная в журнале «Нива» за 1870 г. и сопровождающаяся кратким текстовым пояснением. Предыстория изображенных событий такова: однажды в тенистом саду один молодой человек назвал 16-летнюю девицу «своею милою», и это было необходимо держать в секрете, чтобы не запятнать честь девицы. Но девушка по секрету доверилась сестре, сестра же с наказом хранить тайну рассказала обо всем своим четырем кузинам и шести подругам, а потом проболталась и дядюшке. На картине главная героиня пытается остановить сестру, но вся история уже рассказана дяде на ушко, и героиня испытывает стыд, когда дядюшка укоряет ее в таком поведении.

На основании текстовых и визуальных материалов, представленных на страницах изученных нами изданий, можно сделать вывод, что публикации в иллюстрированных журналах для детского и семейного чтения транслировали своим читателям определенные нормы и модели поведения. Как и в изданиях для семейного чтения, в специализированных детских журналах, за исключением «Тропинки» для младшего возраста, текстовые материалы преобладали над иллюстрациями. Конечно, не все материалы журналов транслировали своим читателям гендерные роли. Имелись публикации, универсальные для обоих полов – рассказы о путешествиях, новостные колонки, загадки и т. д. Также можно выделить комплекс социальных норм, особенностей поведения, предпочтений и внешних качеств, которые приписываются редакциями для представителей того или иного пола. Необходимо отметить, что наиболее четко гендерные роли разграничены среди девочек и мальчиков именно из городских семей – тех, кому и были адресованы данные журналы. В зависимости от возраста читательской аудитории гендерные различия становятся все более отчетливыми. Если журналы для младших возрастов иногда изображают мальчиков и девочек, занятых одним и тем же делом, то в журнале для старшего возраста такое практически не встречается. Но все же большинство характеристик, предпочтительных для того или иного гендера, практически не различались, так как были актуальны для любой возрастной группы. К типично мужским характеристикам отнесены такие характеристики, как стремление к независимости, самоутверждению, целеустремленность, подвижность и даже агрессивность. Типичный набор женских характери-

---

¹ Эрдман. Выданная тайна (изоматериал) // Нива. 1870. № 15. С. 238.

стик включал в себя аккуратность, чистоплотность, разговорчивость, хозяйственность и религиозность.

В отличие от городских детей, мир детей-крестьян и их гендерные характеристики на страницах изученных нами изданий практически не раскрываются. Это связано в первую очередь с ориентацией на читательскую аудиторию. Редакторы журналов считали, что для воспитания детей нужно использовать наиболее понятные и близкие образцы поведения, максимально похожие на тех читателей, которых представляли себе редакторы – товарищи по учебе и играм, сверстники. Крестьянские дети крайне редко становились примером гендерных ролей для читателей привлеченных нами журналов. По этой же причине в качестве примеров предпочтительного гендерного поведения практически не привлекались и иностранные герои.

Важно понимать, что редакторами большинства изученных нами журналов были мужчины, что значительно влияло на содержание помещаемого в журнале материала. Характер большинства публикаций, недостаточное внимание к проблемам девочек и женщин, отражал гендерные противоречия российского социума второй половины XIX – начала XX века. и женское неравноправие даже в детском возрасте. Поэтому иллюстрированные журналы как фактор гендерной социализации, являясь методом социокультурного конструирования различий между мужчинами и женщинами, в итоге транслировали гендерные стереотипы, принятые в обществе. Однако культурные коды, сформированные и транслируемые читателю издателями и авторским коллективом издания, могли не отражать или отражать не в полной мере действительные реалии детской жизни. Важнейшим фактором был состав читательской аудитории, зависевший от грамотности, дохода родителей и их социального положение. Также необходимо учитывать не только тираж и, соответственно, охват читательской аудитории, но и степень распространенности журналов, место того или иного издания в круге детского чтения, что является темой для отдельного исследования.

Женский вопрос в газетной публицистике Сибири в конце XIX – начале XX века (по материалам «Сибирской газеты» и «Сибирской жизни»)

Автором проанализированы материалы по женскому вопросу, опубликованные в 1880–1903 гг. на страницах газет «Сибирская жизнь» и «Сибирская газета», издававшимися в Томске, но охватывающими жизнь всей Сибири. В сферу внимания автора включены обсуждаемые публицистами вопросы положения женщины в семье и в обществе, женского образования и женского труда. Изучение дискуссий по женскому вопросу в периодической печати Сибири поможет обозначить понимание этого важного вопроса на региональном уровне и выявить его отражение на страницах ведущих сибирских изданий.

Ключевые слова: «Сибирская газета», «Сибирская жизнь», женский вопрос, публицистика, сибирская пресса, гендерная история, интеллектуальная история.

В настоящее время наблюдается стабильный интерес к гендерной истории и, в частности, к женскому вопросу в России во второй половине XIX – начале XX века¹. Однако до сих пор не появилось специального исследования, предметом которого было бы отражение общественного мнения по женскому вопросу в сибирской периодической печати конца XIX – начала XX века. Исходя из этого, была поставлена задача охарактеризовать дискуссии по проблемам семьи, женского образования и труда в сибирской публицистике и выявить их влияние на общественное мнение в Сибири. В качестве источника мы остановили свой выбор на двух периодических изданиях – «Сибирской газете» и «Сибирской жизни», частных западносибирских изданиях, выпускаемых молодой либеральной сибирской интеллигенцией. Обе газеты издавались в Томске, но охватывали жизнь всей Сибири. Эти обще-

---

¹ *Гончаров Ю.М.* Женщины фронта: сибирячки в региональном социуме середины XIX – начала XX в. URL: <http://zaimka.ru/goncharov-siberians/> (дата обращения: 14.04.2015), *Гончаров Ю.М.* Социальный статус и гендерные роли женщин Сибири во второй половине XIX – начале XX века. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/conf2007/07.html> (дата обращения 15.05.2015); *Дегальцева Е.А.* Участие женщин в социокультурной жизни городов дореволюционной Сибири // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2002. № 2 (8); *Матханова Н.П.* Женщины Сибири в общественно-политической жизни середины XIX века URL: <http://history.nsc.ru/kapital/project/modern/013.html#tn14> (дата обращения 21.05.2015); *Доллидович О.М.* Женщины Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: (демографический, социальный, профессиональный аспекты). Красноярск, 2008. и др.

ственно-политические газеты отражали взгляды двух идейных направлений: «Сибирская газета» придерживалась либерального направления с областническим уклоном, «Сибирская жизнь» придерживалась, скорее, демократического направления. Таким образом, мы имеем дело с двумя «версиями» женского вопроса.

Публикации по женскому вопросу в «Сибирской газете» и «Сибирской жизни» условно можно разделить на три группы (по географическому признаку). В первую группу вошли статьи, написанные на сибирском материале. В них обсуждались теоретические вопросы о месте женщины в обществе, давались сведения о женских учебных заведениях в Сибири, рассказывалось о конкретных женщинах, женских общественных объединениях. Во вторую группу мы отнесли сведения о деятельности женщин в столице или других российских городах. Третью группу составили материалы о положении женщин за рубежом. Статьи двух последних групп, как правило, перепечатывались из периодических изданий, издаваемых в Санкт-Петербурге. В обеих газетах преобладают материалы первой выделенной группы, из которой большей частью занимают регулярно публиковавшиеся сообщения учебных заведений (отчеты о деятельности, объявления о вновь открывающихся курсах, гимназиях, школах и т.п., обращения к гражданам с просьбой о финансовой поддержке конкретного учебного заведения) и попечительских обществ. Аналитические статьи преобладают в «Сибирской жизни».

В основном все материалы, связанные с женским вопросом, были подготовлены мужчинами, женскому авторству принадлежит только малая часть статей и опубликованные письма в редакцию, в которых женщины-учителя, женщины-врачи делились рассказами о своей жизни и трудностях, с которыми они столкнулись на профессиональном поприще. Кроме того, в газетах женщины публиковали объявления о поиске работы, из которых можно узнать, в каких профессиональных сферах они были востребованы.

Анализ материалов сибирской печати по женскому вопросу начнем с характеристики аналитических статей, освещающих положение женщин и состояние женского вопроса в Сибири и в мире в целом. Ярким примером такого рода материалов является статья Н.П. Малиновского «Кое-что по женскому вопросу», опубликованная в «Сибирской жизни» за 1899 год¹. Автор отмечает, что эта тема была актуальна для всего общества: «Женский вопрос – один из важных социальных вопросов нашего времени»². Делая обзор работ предшественников, автор описывает мировые дости-

---

¹ Малиновский. Кое-что по женскому вопросу // Сибирская жизнь. 1899. 28 мар.; 30 мар.

жения в области женского образования, характеризует положение женщин-буддисток и европейских женщин, наглядно показывая, какое место может занять женщина в религии и политике.

Особое внимание автор уделяет положению женщин в Великобритании, подчеркивая, что английским женщинам стала доступна не только сфера ручного труда, но и умственного, поскольку у них есть возможность получать соответствующее образование: «Мы видим удивительное разнообразие женского труда в Англии, в той стране, где существуют школы даже для прачек и поломоек»¹. Что стоит за этим удивлением?! Ограниченность в выборе жизненных сценариев российских женщин! Важное уточнение – всех женщин: и женщин дворянского происхождения, и женщин из третьего сословия. Автор подчеркивает, что в мире уже осознана полезность и социальная значимость получения женщинами образования и применения полученных ими знаний на практике. Вот к какому выводу подводит читателей автор: «Широкое распространение разнообразных знаний между женщинами будет способствовать большему разнообразию в большей производительности женского труда»².

Автор с сожалением констатирует, что в России в пореформенное время и даже в конце XIX в. успешный опыт английских женщин не был учтен. Это позволяет сделать вывод о том, что статья была задумана как поучительная, в ней был заложен призыв российским читательницам к занятию профессиональной деятельностью и борьбе за равноправное положение в обществе. Все приводимые в статье Н.П. Малиновского примеры свидетельствуют о необходимости женского образования как основы дальнейшей успешной социализации женщины: «Лишь тогда можно будет сказать, что все способности известного народа и государства утилизированы без исключения, когда и женщина будет иметь такой же легкий и свободный доступ ко всем видам образования, как и мужчина»³.

В своей статье Н.П. Малиновский затронул болезненную для российского общества тему: вопрос о распространении женского образования, как начального, так и среднего, а также борьбу за доступ женщин в высшие учебные заведения. Получение женщинами достойного образования давало возможность усилить их роль в жизни общества, и, воздействуя изнутри, добиться расширения политических и гражданских прав.

---

² Малиновский. Кое-что по женскому вопросу // Сибирская жизнь. 1899. 28 мар. С. 1.

¹ Там же. С. 2.

² Там же.

³ Там же.

Редакция сибирских периодических изданий старалась привлечь внимание читателей к женскому вопросу, не только размещая на страницах своих изданий авторские аналитические статьи, но и публикуя тексты публичных лекций университетских профессоров на эту тему. В 1901 г., редакция «Сибирской жизни» напечатала пересказ прочитанной накануне публичной лекции профессора Томского университета М.Н. Соболева на тему «Женский труд в народном хозяйстве XIX века»¹, сопроводив его следующим комментарием: «В виду важности затронутого лектором вопроса и той обстоятельности, с которой он был разработан, мы позволим себе в общих чертах воспроизвести содержание этой интересной лекции»². В своей лекции М.Н. Соболев доказывал, что стремление женщин к самостоятельной трудовой деятельности вызвано не только материальными потребностями, но желанием стать независимыми. Эта возможность, по мнению автора, появляется у них с конца XVIII в., с введением в промышленность машин, устранившим в значительной степени физический труд. Постепенно промышленный труд был условно поделен на мужскую и женскую сферу. Первыми странами, в которых началось движение женщин к свободным профессиям, были Австралия, Англия и США. Примечательна ремарка профессора: «Но на континенте Европы женщинам еще и теперь приходится бороться с предрассудками и эгоизмом мужчин в достижении равенства в области интеллигентного труда»³.

Далее М.Н. Соболев затрагивает тему условий труда, оставляющих желать и добиваться лучших, и неравной оплаты труда мужчин и женщин. По его мнению, эти проблемы можно решить, объединившись в союзы и организации. Однако автор оговаривает, что «в большинстве государств предстоит еще завоевывать и само право на этот труд»⁴. М.Н. Соболев считает экономическую деятельность женщины первым этапом в изменении ее судьбы и отношения к ней. Вот как он представляет этот процесс: как только женщина начинает своим трудом зарабатывать средства к жизни, «отношения ее к мужчине делаются более достойными: в брак она уже вступает не по расчету, а по искреннему чувству любви и уважения. Участвуя в процессе народного производства и внося лепту в народное богатство, женщина основательно заявляет право на участие в распоряжении этим богатством, — требует себе политических прав. Далее, приобретая средства к жизни собственным трудом, она, естественно, добивается, чтобы закон признал за

---

¹ [Ред. ст.] // Сибирская жизнь. 1901. 6 февр.

² Там же. С. 2.

³ Там же.

⁴ Там же.

нею право на ее имущество, право совершать имущественные сделки, – добивается гражданских прав»¹. По сути, в лекции Соболева была изложена программа решения женского вопроса, каждый этап которой решал определенную проблему. И первым этапом этой программы было получение женщинами образования. Образованная, экономически самостоятельная, независимая от воли отца и мужа женщина всегда добьется для себя большего – равных с мужчиной политических прав. Новая женщина станет уважаемой в обществе.

Публикуя подобные материалы, редакторы сибирских изданий стремились подготовить общество к решению женского вопроса. Не зря народная мудрость гласит, что только зерно, упавшее на подготовленную почву, даст ростки. Все общество, и мужчины, и женщины смогут решить «женский вопрос», если сочтут это необходимым, поймут его важность и узнают возможные пути решения. Именно поэтому так важна просветительская функция прессы.

Кроме аналитических статей и конспектов публичных лекций в томских газетах публиковались сообщения о конкретных женщинах, сыгравших важную роль в политической, общественной, культурной, социальной жизни сибирских городов. В исследуемых нами изданиях такие материалы представлены, однако, некрологами. Например, в одном из номеров «Сибирской газеты» за 1888 г. был опубликован некролог женщине-врачу Марии Петровне Грабовской, ординатору Тобольской городской больницы и преподавательнице Тобольской повивальной школы². Текст некролога был перепечатан из «Тобольских губернских ведомостей», по признанию редакторов, с опозданием – в связи с незнанием этого события ранее. Вот что говорится в некрологе об отношении общества к женщине-врачу: «Тобольск полюбил свою первую женщину-врача; между трехсотлетним старцем и юною силою, служившею ему, установились хорошие, полные доверия, отношения. Тобольск привык к Марии Петровне и оценил ее»³. Факт публикации некролога в томской газете говорит о признании заслуг М.П. Грабовской не только жителями Тобольска, но и других сибирских городов.

В соответствие с жанровыми особенностями некролога, в нем сообщались биографические подробности о жизни М.П. Грабовской, ее профессиональной и общественной деятельности, признании ее заслуг обществом и подчеркивались высокие моральные качества личности: «Все корреспонденты говорят о ее

---

¹ [Ред. ст.] // Сибирская жизнь. С. 2.

² Скрябин. Некролог [М.П. Грабовская] // Сибирская газета. 1888. 5 мая.

³ Там же. С. 3.

[М.П. Грабовской] полезной деятельности, как врача и преподавателя; но еще больше – морализующее значение этой личности. У нас была женщина-врач, которая доказала нам, что хороший человек на этом месте может сделаться истинным благодетелем и другом всех страждущих и добрым примером для остальных»¹.

В некрологе автор поднимает и животрепещущий вопрос о необходимости развития женского образования в России: «Пусть усопшая останется убедительным доказательством того, как высоко может стоять на общественной деятельности женщина, облеченная во всеоружии научного знания, – и что в этом последнем отношении, т. е. в отношении научного развития, она не только может не отставать от мужчины, но и благородно соревновать ему, оставляя подчас многих позади себя в развитии»². При всем вышесказанном мы не должны забывать, что жанр некролога подразумевает идеализацию образа, поэтому он позволяет составить представление не столько о конкретной женщине, сколько об общественных идеалах того времени.

Подобные некрологи о выдающихся сибирских женщинах публиковались и в других изданиях, например, в «Восточном обозрении» за 1893 г. был помещен некролог путешественнице, исследовательнице малоизвестных частей Центральной Азии Александре Викторовне Потаниной, написанный Н. Ядринцевым. По данным некрологов мы можем судить о том, что у сибиряков сформировалось уважительное отношение к женщинам, получившим образование, состоявшимся в профессии и приносящим пользу обществу.

Проблема женского образования на страницах «Сибирской газеты» и «Сибирской жизни» поднималась также в рубрике, посвященной отчетам о деятельности учебных учреждений. В первом номере «Сибирской газеты» за 1885 г. говорится об организации Общества для пособия нуждающимся сибирякам и сибирячкам, желающих получить образование в Москве³. Идея о создании «Общества для пособия нуждающимся сибирякам и сибирячкам, учащимся в учебных заведениях г. Москвы» принадлежит В.И. Дрейеру. Анализ отчетной документации показал, что к основным направлениям деятельности общества относились: 1. Выдача стипендиальных пособий (за 25 лет на сумму 58 973 руб.). 2. Организация бесплатных обедов при Московском университете, на что уходило до 2000 руб. в год; 3. Помощь учебными пособиями, которые находились в библиотеке общества.

---

¹ Скрябин. Некролог [М.П. Грабовская] // Сибирская газета. 1888. 5 мая. С. 4–5.

² Там же. С. 3.

³ Сибирская газета. 1885. 6 января. С. 18.

Туда же поступала и сибирская пресса, присылаемая редакциями бесплатно. Источники финансирования деятельности общества были достаточно типичными для XIX в. – членские взносы, пожертвования, концерты, возврат пособий, проценты с капитала¹.

В одном из летних номеров «Сибирской газеты» за этот же год упоминается об открытии с 1 августа в Енисейске первого начального женского училища на средства общества попечения о начальном образовании². Подобные сообщения свидетельствуют о том, что редакции стремились информировать сибирское население о женских учебных учреждениях и благотворительных организациях, оказывавших содействие в получении образования.

Еще одной важной функцией сибирских периодических изданий было оказание практического содействия женщинам в поиске работы. Анализ опубликованных в «Сибирской газете» и «Сибирской жизни» объявлений о поиске трудоустройства свидетельствует о том, что в основном женщины искали работу в сфере образования и медицины.

Таким образом, материалы по женскому вопросу, выявленные в сибирских либеральных газетах за 1880–1903 гг., представлены разнообразными жанрами: аналитическими статьями сибирских публицистов и общественных деятелей, публикациями текстов публичных лекций университетских профессоров на эту тему, рассказами о выдающихся современных женщинах (в жанре некролога), информационными сообщениями об открытии женских учебных заведений и деятельности благотворительных организаций по содействию женщинам в получении образования, объявления о поиске работы. В данной статье проанализированы только наиболее типичные публикации, иллюстрирующие разноплановость дискуссии. «Сибирская газета» и «Сибирская жизнь» старались привлечь внимание читателей к проблеме женского образования, трудовой деятельности, необходимости равноправного положения в обществе. Существенного различия во взглядах двух газет выявленные материалы не демонстрируют. Показательно, что как в столичных «толстых» журналах второй половины XIX в., так и в сибирской периодике основными инициаторами обсуждения выступали, как правило, мужчины.

Из-за весьма непостоянного внимания сибирской периодики к рассмотренной теме, можно допустить, что женский вопрос для Сибири на рубеже XIX–XX вв. имел меньшее значение по сравнению с Европейской Россией. Это предположение представ-

---

¹ Общество для пособия нуждающимся сибирякам и сибирячкам, учащимся в учебных заведениях г. Москвы. – М., 1910.

² Сибирская газета. 1885. 18 авг. С. 855.

ляется возможным опровергнуть, учитывая следующие обстоятельства. Во-первых, дискуссии по женскому вопросу были знакомы сибирякам по публицистике европейской части России – это подтверждается данными социологических анализов подписок на журналы и газеты. В связи с этим в сибирской прессе больше внимания уделялось местным проблемам, например инородческому вопросу и золотопромышленности. Во-вторых, малая освещенность совокупности проблем, именуемых «женский вопрос», не означает отсутствие интереса к данному вопросу, не снижает его значимости для Сибири и не отрицает практических действий. Так, в статьях, созданных по совершенно другому информационному поводу, мы встречаем утверждения такого плана: женщина должна быть активным членом общества, стремление к самостоятельному труду – естественная потребность, женщина может сама обеспечивать себя и жить достойно и т. д. Немало сообщений и о конкретной деятельности для решения «женского вопроса». В целом, материалы сибирской газетной публицистики позволяют сделать вывод о желании и попытках представить на их страницах «женский вопрос».

В.А. Сердюк

«Женщина – начальник станции»: общественная дискуссия по вопросам женского труда на железных дорогах России в начале XX века

Статья посвящена неизученному аспекту «женского вопроса» на железных дорогах России начала XX века – общественной реакции на возможность замещения женщинами должности начальника железнодорожной станции. На основе изучения периодической печати раскрыты позиции сторонников и противников расширения сферы применения женского труда, что позволило наглядным образом продемонстрировать социальные настроения российского общества в гендерном вопросе. Делается вывод, что в начале XX в. лишь за редким исключением женщин допускали к занятию должности станционных начальников, несмотря на признание полезности и широту применения женского труда на отечественных железных дорогах.

Ключевые слова: женщина, железная дорога, железнодорожная станция.

Существующая историография железнодорожного транспорта, на первый взгляд, представляется достаточно полной, освещающей большинство сторон его функционирования на протяжении двух столетий. Однако пристальный взгляд выдает наличие «белых пятен», среди которых – отсутствие комплексных исследований гендерной проблематики, раскрывающих вопросы трудовой деятельности женщин в железнодорожной отрасли дореволюционного периода. Попытки изучения данного вопроса предпринимались, но были немногочисленны. Среди современников одним из первых заговорил о железнодорожной службе женщины инженер путей сообщения И.И. Рихтер, упомянув в 1896 г. о труде переездных сторожих¹. В 1908 г. на прошедшем в Санкт-Петербурге I Всероссийском женском съезде докладчица А.А. Глинская кратко осветила экономическое положение железнодорожниц². Чуть позже инженер путей сообщения Н.П. Верховской посвятил параграф своей работы женскому труду на железных дорогах, однако стремление углубить имеющиеся сведения натолкнулось на противодействие со стороны Министерства путей сообщения

---

¹ См.: *Рихтер И.И.* Железнодорожная психология (материалы к стратегии и тактике железных дорог). СПб., 1896. С. 92.

² *Глинская А.А.* Служба женщин на железной дороге // Труды 1-го Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге 10–16 декабря 1908 года. СПб., 1909. С. 400–404.

(МПС), посчитавшего действия Верховского неправомочными¹. По сути, в дореволюционный период так называемый «женский вопрос» на железных дорогах России оставался неизученным, тогда как его актуальность осознавалась. В частности, А.А. Глинская, обращаясь к слушателям, заметила: «Опускаясь в мягкий диван вагона... мало кто из присутствующих знает, в чьих руках находится охрана и содержание пути, а вместе с тем в чьих руках находится отчасти и жизнь каждого пассажира. Она находится ни больше, ни меньше, как наполовину в руках женщины², – одиноко стоящей на переезде, с зеленым флажком и ночью, и днем, и в стужу, и непогоду»³. В советские годы обозначенная тематика оказалась обделена вниманием исследователей. Одной из работ, содержащих анализ динамики численности женщин-работниц в дореволюционной России, стал труд А.Г. Рашина «Формирование рабочего класса России» (1958 г.)⁴, до сих пор не потерявший своей актуальности. На современном этапе ретро-спекутивный взгляд на деятельность женщин приводится в научно-популярном издании А.Б. Вульфо⁵, статей А.В. Ковалевского, Н.И. Наумовой⁶, Л. Двоскиной⁷, на специализированных сайтах сети Интернет⁸. Тем не менее, множество аспектов данной проблематики до сих пор остаются нераскрытыми и среди них – анализ общественной реакции на расширение сферы применения женского труда на железных дорогах России в начале XX века. В нашей работе мы остановимся на отдельном вопросе – общественной дис-

---

¹ *Верховской Н.П.* Железнодорожная неразбериха. Terra incognita. Мысли практика по поводу беглых заметок "Не-техника" / Н.П. Верховской. СПб., 1911. С. 96–97.

² Подтверждением тому служат цифры: в 1913 г. на 40 дорогах общего пользования Российской империи несли вахту 34 403 сторожа и 26 223 сторожихи / Железнодорожный транспорт в 1913 г. (Стат. материалы) / Под ред. В.В. Рачинского, В.Н. Соколова, Е.Н. Спенглера. М., 1925. С. 158.

³ *Глинская А.А.* Служба женщин на железной дороге... С. 400.

⁴ *Рашин А.Г.* Формирование рабочего класса России. М., 1958.

⁵ *Вульф А.Б.* Повседневная жизнь российских железных дорог. М., 2007. С. 121–122.

⁶ См.: *Наумова Н.И.* Поляки-железнодорожники в освоении Транссибирской магистрали (первая четверть XX в.) // Человек – текст – эпоха: Сб. науч. ст. и материалов. Вып. 3: Социокультурные аспекты освоения Сибири / Ред. В.П. Зиновьев, О.Н. Бахтина, Е.Е. Дутчак. Томск, 2008. С. 147–148.

⁷ *Ковалевский А.В.* Женщины на железнодорожной службе // Путь и путевое хозяйство. 1999. № 7. С. 4–5; *Двоскина Л.* Первый инженер в юбке, или как женщины завоевывали железную дорогу // Магистраль [Всеукраинская транспортная газета]. 2011. № 16–17. С. 6–7.

⁸ См.: *Женщины на железной дороге* // Инновационный дайджест. URL: <http://www.rzd-expo.ru/history/railwaywomen>.

куссии о возможности замещения женщинами должности начальника железнодорожной станции в исследуемый период.

К началу XX в. использование женского труда на железных дорогах в России уже имело собственную историю. Ее отчет можно вести с 10 апреля 1863 г., когда на частной Московско-Нижегородской железной дороге дочь начальника ст. Вязники Ольга Степановна Кнушевицкая была утверждена в должности билетного кассира с личного разрешения главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий П.П. Мельникова (с 1865 г. преобразовано в МПС)¹. С этого момента при приеме на службу предпочтение отдавалось родственницам железнодорожников (женам, дочерям, вдовам), что являлось подспорьем для финансового благополучия семей служащих. Все решения о расширении сферы применения женского труда утверждались министрами путей сообщения². Создав условия для женской службы, МПС, по признанию современников³, в тот момент опередило многие ведомства, хотя первоначально прием женского персонала на службу осуществлялся бессистемно и в единичных случаях на частных железных дорогах. Постепенно данный процесс стал повседневной практикой, в том числе на казенных дорогах после перехода многих из них в 1890-е гг. в казенную собственность.

Новость о привлечении женщин к железнодорожной службе была благосклонно встречена периодической печатью, «дружно пожелавшей успеха» О.С. Кнушевицкой, а только что вступившему в должность директору дороги И.Ф. Кенигу выражалась «горячая благодарность за нововведение и за новый путь для женщин к самостоятельному труду»⁴. Среди сослуживцев-мужчин, однако, реакция была не столь однозначной. Первым женщинам пришлось столкнуться с откровенной недоброжелательностью, «усмешками и пошловатыми замечаниями»⁵, при этом они несли равную с остальными служащими ответственность, обладая полным комплексом прав, присущих занимаемой им должности. Преодолевая все препятствия, повседневным трудом они доказали

---

¹ Обзор печати // Железнодорожник. 1903. № 2. С. 12–13.

² Подробнее о правовом статусе женщин-железнодорожниц см.: *Сердюк В.А.* Труд женщин на железных дорогах Сибири в конце XIX – начале XX в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сб. материалов Междунар. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2014. С. 161–169.

³ *Верховской Н.П.* Железнодорожная неразбериха... С. 93; Доклад А.А. Глинской, читанный на 1-м Всероссийском Женском Съезде. Служба женщин на железной дороге // Железнодорожник. 1908. № 280–48. С. 3; Женщина на железнодорожной службе (письмо в редакцию) // Вестник Сибирской железной дороги. 1903. № 1–7. С. 10.

⁴ Обзор печати // Железнодорожник. 1903. № 2. С. 12.

⁵ Там же. С. 19.

свою полезность, и к 1905 г. на 25 казенных железных дорогах трудилось уже около 22 тыс. женщин¹, находившихся на самых разных должностях: барьерных сторожих, горничных при дамских уборных, обтиральщиц и поломоек, кассирш на станциях, счетоводов, телеграфисток, конторщиц, помощниц делопроизводителей и прочих.

Тем не менее, поскольку большая часть женского персонала трудилась на нетехнических должностях в службах Сборов и конторах Управлений дорог, где их работа мало чем отличалась от службы в канцеляриях иных ведомств, современники зачастую не воспринимали их как полноценных железнодорожниц². Возможно, этим можно объяснить отсутствие острой полемики по поводу привлечения женщин к железнодорожной службе – их труд долгое время оставался «в тени». Однако, когда в 1903 г. стало известно, что в недрах МПС обсуждается проект замещения женщинами должности начальника станции, новость вызвала оживленный отклик на страницах корпоративной периодической печати. Дело в том, что женщин, как правило, не допускали на должности по технической эксплуатации дорог (таких как дорожные мастера, механики, сигналисты, стрелочники, паровозная прислуга, составители поездов и др.), и среди прочего – на должность начальника железнодорожной станции, относящейся к службе Движения.

«Начальниками станций» официально именовались начальники остановочных пунктов, постов и пунктов разветвлений, самостоятельно распоряжавшиеся приемом, отправлением и пропуском поездов. К основным обязанностям начальника станции относили: а) общее или частичное заведование всей службой станции, находящейся в его подчинении: приемом, отправлением, составлением, разбором поездов, движением паровозов и подвижного состава в пределах станции; б) руководство действиями всех служащих по службе Движения, числящимися при станции, распределение служебных обязанностей между ними; распоряжение поездными кондукторскими и паровозными бригадами во время их пребывания на станции; надзор за соблюдением установленных правил всеми лицами, находящимися на станции³. Очевидно, что полноценное исполнение возложенных обязанностей было невозможным без помощников, часто заменявших начальника станции во время приема и отправления поездов, передвижения по-

---

¹ Женский труд на русских жел. дор. // Железнодорожное дело. 1905. № 9–10. С. 112.

² Т. Как живет // Железнодорожник. 1904. № 58. С. 3.

³ Правила технической эксплуатации железных дорог, открытых для общего пользования (Собр. узак. и расп. Правит. 1898 г., № 41). Изд. 2-е, изм. и доп. по 20 марта 1913 г. СПб., 1913. С. 46.

движного состава в пределах станции – в это время, находясь при исполнении указанных служебных обязанностей, начальник станции, либо его заместитель именовался «дежурным по станции/по посту».

Столь детальное описание должностных обязанностей представляется необходимым в связи с тем, что на частной Рязано-Уральской железной дороге усилиями начальника службы Движения, инженера путей сообщения А.А. Добровольского женщины были допущены к исполнению обязанностей *помощников* начальников станций¹. Уделив внимание данному нововведению, периодическая печать разделила начальников службы Движения на две категории: «на снисходительных, уступивших веяниям времени» (желающих «немножко американизировать»), и на «антагонистов, не признающих за женщинами способности трудиться в специальной области и решительно закрывающих им доступ в эту область»².

Действительно, периодические издания информировали читателей об успешной работе женщин в роли начальников станций в странах Западной Европы и США³, наталкивая на мысли об использовании передового опыта в России. Однако было бы преувеличением считать, что те из российских начальников, кто стал применять женский труд на подведомственных им линиях, действовали исходя из чувства некоего «снисхождения», «благотворительности» или слепо копировали западные образцы. Напротив, все железнодорожные предприятия преследовали в первую очередь коммерческие цели, и прием женщин на службу, труд которых оценивался на 25–40 % дешевле мужского, являлся вполне логичным. Кроме того, как уже упоминалось выше, таким образом местные Управления дорог способствовали улучшению финансового положения своих подчиненных, поскольку, как писал современник, «масса жен и дочерей служащих служат на дорогах, облегчая труд своих отцов и мужей, и внося свою лепту в домашний кошелек»⁴. Именно поэтому разделение начальников службы Движения на категории по указанным выше критериям представляется нам условным, а реальные взгляды руководителей и рядового состава железных дорог на исследуемый вопрос – сложнее.

---

¹ Т. Как живется // Железнодорожник. 1904. № 58. С. 4; Женщина – помощник начальника станций // Железнодорожное дело. 1901. № 37. С. 459–460.

² Т. Как живется // Железнодорожник. 1904. № 58. С. 4.

³ См.: Женщины в качестве начальников станций на железных дорогах // Журнал Министерства Путей Сообщения. 1898. Кн. 9. С. 182; О.Г. Начальник станции – женщина // Вестник Юго-Западных железных дорог. 1903. № 36. С. 16–17.

⁴ Верховской Н.П. Железнодорожная неразбериха... С. 93.

Известие о возможном допуске женщин к занятию должности начальника станции при наличии у соискательниц диплома о полном среднем образовании стало широко дебатироваться в журнале «Железнодорожник» в 1903 году. Своеобразным приглашением к беседе выступил импровизированный диалог двух железнодорожников¹, обозначивший существование противоположных точек зрения и предопределивший очертания будущей дискуссии: «за» и «против» предоставления женщинам возможности трудиться начальниками станций. Первоначально высказывались лишь мужчины, но достаточно скоро присоединились женщины, разделившиеся в своих взглядах, как и мужчины, на «два основных лагеря». Как и любой диалог, исследуемая нами дискуссия превратилась в сумму взаимосвязанных между собой аргументов и контраргументов, которые мы приводим ниже.

Точка зрения *противников* сводилась к следующему: присущий начальникам станций интенсивный и напряженный труд, высокая моральная и физическая нагрузка, требование постоянного контроля за деятельностью станционных служащих, неизбежно приведут к тому, что женщины не справятся со своими обязанностями в силу а) физиологической слабости в сравнении с мужчинами² («во всякую дурную погоду начальнику станции приходится стремглав лететь на паровозе на перегон, а то и отправиться пешком, за несколько верст, для спасения поезда, людей и грузов, проходя по пояс в снегу»³); б) детородной функции («в состоянии ли такой начальник [беременный] бегать по станции из конца в конец, когда поезд стоит каких-нибудь две минуты и начальника станции рвут на части и агенты, и публика?»⁴, «материнство трудно совместить со службой движущегося»⁵); в) неудобств женского гардероба, прежде всего юбки («неудобно будет прыгать на ходу на паровозы и лазить под буфера»⁶); г) недостатка специального образования и соответствующего опыта («ей [женщине] надо пройти все стадии линейной станционной службы, изучите ее практически и детально»⁷, «необходимо, чтобы женщины учились и

---

¹ Железнодорожник. 1903. № 5. С. 9.

² *Подлунный*. Среди своих (железнодорожные письма) // Железнодорожник. 1903. № 22. С. 25; *Д-в*. Отголоски железнодорожной жизни // Вестник Юго-Западных железных дорог. 1903. № 37. С. 18; *И. Попейко*. Два слова о женщине – начальнике станции // Вестник Юго-Западных железных дорог. 1903. № 40. С. 16.

³ Письмо в редакцию // Железнодорожник. 1903. № 17. С. 24.

⁴ *В. З-кая*. Письмо в редакцию // Железнодорожник. 1903. № 11. С. 23.

⁵ *Медведев*. О службе женщин // Железнодорожник. 1904. № 32. С. 19.

⁶ Письма в редакцию // Железнодорожник. 1903. № 16. С. 25.

⁷ *К. Балухов*. Письма с линии Юго-Западных железных дорог. Мысли по поводу вопроса о допусчении женщин на должности начальников станций и их по-

воспитывались с детства в общих пансионах и учебных заведениях вместе с мужчинами и нося их установленную форму»¹); в) морально-нравственных качеств («не любят, чтобы на них кричали, не любят грубости, чувствительны в мелочах... – мужчины к подобному отношению давно привыкли»², «будучи одарена чувствительностью и нежным здоровьем, она [женщина] не только способна к недомоганию, но и к впечатлительности, а потому требует спокойствия и того предупредительного к ней внимания, которых, без вреда для дела, железнодорожная служба допустить не может»³).

Отдельно необходимо упомянуть о традиционном (патриархальном) понимании роли женщины в социуме: стремление женщин к занятию должности начальника станции объясняли «неверно понимаемой ими равноправностью», увлечением «модными вопросами», отнимающими у женщины «так много дорогого времени для ее семейной педагогической деятельности»⁴. Наиболее откровенно в этом отношении высказался станционный начальник Иван Трофимов, который был не одинок в своем мнении: «Я прямо не понимаю, почему мужчины не лезут в область женского труда и почему так сильно прельщает женщин именно наш мужской труд... Вы бы лучше занялись, милые барыньки, воспитанием нам хороших женушек, чтобы они поменьше болтали, да побольше слушали и делом занимались, чтобы умели научить кухарку вкусные щи варить и пироги печь для муженьков...»⁵.

Сторонники считали вышеназванные «препятствия» вполне преодолимыми, обвиняя своих оппонентов в стремлении отвести женщине «кроме кухни и спальни еще детскую [комнату]»⁶. Поддерживая попытки женщин расширить свое поле деятельности за счет должности начальника станции, они, тем не менее, считали необходимым организацию специальных курсов для женщин ввиду нехватки у них профессиональных знаний⁷. Повышение уровня образования называлось первостепенным, поскольку в этом виделся залог будущей высокой степени организации работы на станции, умения координировать действия станционного персонала, а следовательно – снижения потребности в постоянном личном присутствии станционного начальника-женщины на том или

мощников // Вестник Юго-Западных железных дорог. 1903. № 39. С. 20.

¹ Письмо в редакцию // Железнодорожник. 1903. № 17. С. 23.

² Т. Как живет // Железнодорожник. 1904. № 58. С. 5.

³ О второй сессии Международного железнодорожного Конгресса, состоявшейся в Милане в сентябре 1887 года. СПб., 1888. С. 138.

⁴ Вестник Юго-Западных железных дорог. 1903. № 43. С. 18.

⁵ Письма в редакцию // Железнодорожник. 1903. № 16. С. 25.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ С. Румянцева. Письма в редакцию // Железнодорожник. 1903. № 7. С. 22.

ином участке («много таких начальников станций [мужчин], которые носятся как угорелые, когда у них поезд стоит и два часа, а дела около поезда – ровно минут на десять и пользы от их суетни совсем мало»¹). Признания физиологическую разницу между полами, сторонники утверждали, что с физической нагрузкой женщина справится, поскольку находящиеся в распоряжении начальника помощники выносят на себе основной объем работ², а в случае, «если нужда заставит, то придется справляться со всякими тяготами...»³. Неудобства женского костюма, затруднявшего движение при осмотрах станционных путей, стрелок и т. п. устранить было легче всего⁴.

Таким образом, как считали сторонники решения о предоставлении женщинам возможности трудиться начальниками станций, специально подготовленная, физически развитая и имеющая к тому желание женщина справилась бы с возложенными на нее обязанностями не хуже мужчин, для чего необходимо было лишь предоставить право занимать указанную должность.

В 1904 г. определенную черту дискуссии подвел главный редактор «Железнодорожника», назвав основной причиной недопущения женщин к занятию должности начальника железнодорожной станции «боязнь за собственное существование, боязнь встретить умного, деятельного конкурента, способного со временем оттеснить на задний план самого мужчину...»⁵. На фоне отсутствия соответствующего циркуляра МПС все остальные причины автор счел второстепенными по своему значению.

В конечном итоге, вопрос о службе женщин на железной дороге был решен реальной практикой, и к 1 ноября 1913 г. из 448097 железнодорожников России, учтенных по платежным ведомостям, количество женщин достигло 42399 человек⁶. И хотя противников женского труда с каждым годом становилось все меньше, на должность станционного начальника женщину допустили лишь в 1912 г., когда станцией Мурово стала заведовать Милли Тойкандер⁷. По всей видимости, это был исключительный случай, так как к 1 ноября 1913 г. на 40 дорогах Российской империи среди заведующих маневрами на станциях, составителей

¹ Феоктист Березовский. Письмо в редакцию // Железнодорожник. 1903. № 18. С. 23.

² Железнодорожник. 1903. № 5. С. 9.

³ Л. К-н. К вопросу о женщинах-начальниках станций // Вестник Юго-Западных железных дорог. 1903. № 42. С. 16.

⁴ О.Г. Начальник станции-женщина // Вестник Юго-Западных железных дорог. 1903. № 36. С. 17.

⁵ Т. Как живется // Железнодорожник. 1904. № 58. С. 5.

⁶ Рашии А.Г. Формирование рабочего класса России... С. 248.

⁷ Женщина – начальник станции // Рельсы. 1912. № 10. С. 145.

поездов (что относилось к должностным обязанностям начальников станций) женщин не числилось¹. В то же время, на различных должностях в службе Движения российских железных дорог состояло 4329 женщин, из которых 1380 чел. трудились непосредственно на станциях², что ярким образом демонстрировало полезность женского труда если не в должности станционных начальников, то в целом для железнодорожной отрасли.

---

¹ Железнодорожный транспорт в 1913 г... С. 159.

² Там же. С. 158.

Институт земских участковых начальников как важный элемент успешности в реализации столыпинской аграрной реформы на Урале (на примере Вятской и Пермской губерний)

В статье рассматривается практическая деятельность земских участковых начальников в проведении столыпинской аграрной реформы и ее влияние на процесс землеустройства. Выявлено, что на земских участковых начальников был возложен большой объем работ по реализации реформы. На Урале степень эффективности их деятельности была в прямой зависимости от больших территорий участков, плохого качества дорожной сети, загруженности делами по поземельному устройству горнозаводского населения, недостатка кадрового персонала и его постоянной ротации. Установлено, что земские участковые начальники руководствовались заложенным законодателем принципом добровольности, при этом большое значение играло их субъективное отношение к землеустройству. Общей тенденцией к 1915 г. явилась положительная динамика в работе чиновников.

Ключевые слова: земский участковый начальник, столыпинская аграрная реформа, Вятская губерния, Пермская губерния.

Столыпинская аграрная реформа (1906–1917 гг.) явилась одним из самых значимых явлений в Российской империи начала XX в. и оказала влияние не только на развитие крестьянского хозяйства, но и экономики в целом. Научные региональные исследования со всей очевидностью показывают, что огромную роль в итоговых показателях реформы сыграли не только позиция местного населения и общинной организации, но и деятельность государственного аппарата. На сегодняшний день практическая деятельность земских участковых начальников в реализации реформы до сих пор является малоизученной. Исследователи ограничивались лишь упоминанием о государственных структурах, вовлеченных в осуществление нового аграрного законодательства, при этом выводы по их деятельности были резко критическими¹. Региональные авторы основное внимание уделяли исключительно мероприятиям землеустроительных комиссий и деятельности Крестьянского

---

¹ См: *Дубровский С.М.* Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 164–168; *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992. С. 94–95; *Анфимов А.М.* Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 60; *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 86–93.

поземельного банка¹. Целью данной работы является рассмотрение практической деятельности земских участковых начальников в проведении столыпинской аграрной реформы в Вятской и Пермской губерниях и ее влияния на процесс землеустройства.

Кураторами аграрной реформы явились Земский отдел МВД (возглавивший все управление крестьянскими делами) и вновь созданное Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). Во время проведения реформы (особенно в первые годы ее реализации) непосредственная работа с населением была возложена на земских участковых начальников. В Пермской губернии к началу XX в. 12 уездов были разделены на 106, в Вятской 11 уездов – на 93 участка. В основание членения на участки были положены сведения о численности населения, его поземельном устройстве, территориальном положении, особых условиях и числе дел, бывших в производстве у мировых судей и дореформенных крестьянских учреждений. Это повлияло и на поуездную вариативность количества участков. В Вятской губернии в уезде их было от шести до 13, в Пермской – от пяти до 14. В участок входило от одной до 10 волостей. По подсчетам О.Н. Богатыревой, в Вятской губернии в среднем на участок приходилось три волости, в Пермской – пять².

Деятельность земских участковых начальников по новому законодательству заключалась в подготовительных действиях (агитация, разрешение предварительных споров) и юридическом оформлении «укрепления» и «выдела» участков в личную собственность отдельных домохозяев, а также составление постановлений в случае отказа сельского схода на согласительный приговор (ст. 6 Указа 9 ноября 1906 г.). Утверждение общественных приговоров и постановлений земских начальников, разбирательство жалоб на них осуществлялось уездным съездом земских начальников, решение которого считалось окончательным и приво-

---

¹ См: *Вакатова Л.П.* Столыпинская аграрная реформа в Пермской губернии // Из истории края. Сб. статей. Пермь, 1964. С. 135–153; *Мартынова М.М.* Аграрные отношения в Вятской губернии в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Свердловск, 1970. С. 11–21; *Костина Е.Г.* Реализация столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии (1906 – 1917 гг.). Автореф. дисс. Сыктывкар, 2005. С. 5.

² Пермская губерния // Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. (1890–1907). Ярославль, 1992. Т. 45. С. 335; Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1893 г. Вятка, 1892. С. 7–16; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1900 год. Вятка, 1899. С. 38–46; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1905 год. Пермь, 1905. С. 38–43; *Богатырева О.Н.* Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861–1917). Екатеринбург, 2004. С. 355.

дилось в исполнение сельским старостой или волостным старшиной (ст. 9 Указа)¹. Данные чиновники МВД также должны были выдавать проездные документы хождением и переселенцам и принимать участие в работе землеустроительных комиссий²; по ст. 23 и др. статьям Наказа землеустроительным комиссиям от 19 июня 1911 г. на них налагалась обязанность по подготовке дел в качестве землеустроителей; циркуляром ГУЗиЗ № 36 от 1 июня 1914 г. земский начальник также должен был содействовать «землеустроенному населению в получении необходимых документов на их усадебную оседлость»³.

Агитационные мероприятия были впервые произведены в конце 1907 – начале 1908 г. после требований вышестоящих органов в безотлагательном и подробном разъяснении крестьянам указа. Исполняющий обязанности губернатора В.И. Европеус в циркулярах уездным съездам и земским начальникам предупреждал, что «виновные в допущении по сим делам медленности или нерядаия будут подвергаться самой строгой дисциплинарной ответственности»⁴. При этом власти настаивали на изложении положений Указа «осторожно, тактично, без навязывания и косвенных понуждений»⁵. На практике пропаганда единоличной собственности проводилась в виде бесед с волостными старшинами, старостами и отдельными крестьянами. Уральские губернаторы рекомендовали активно осуществлять подобную деятельность. В частности, на закрытии Съезда земских начальников и непременных членов землеустроительных комиссий Пермской губернии в Екатеринбурге 23 августа 1909 г. губернатор А.В. Болотов выразил уверенность, «что земские начальники и председатели уездных съездов примут меры к устройству периодических Съездов волостных старшин и писарей»⁶. Проводилась также демонстрация плакатов, распространение агитационной литературы

---

¹ Указ 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» // ПСЗ III. Т. XXVI. № 28528.

² Согласно ст. 20 Закона 29 мая 1911 г. от земских начальников требовалось проверять на местах в течение 2-х недель составленные обществами и товариществами приговоры, излагающие условия землеустроительных работ в окончательной форме // ПСЗ III. Т. XXXI. № 35370.

³ Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий Пермской губернии на 1 января 1915 года. Пермь, 1915. С. 69, 71.

⁴ *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992. С. 95.

⁵ Циркуляр министра МВД от 27.01.1911 г. // Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. С. 137.

⁶ Труды порайонного съезда земских начальников и непременных членов землеустроительных комиссий Пермской губернии в г. Екатеринбурге 23 августа 1909 г. Пермь, 1909. С. 36.

ры. Встречались и случаи нестандартного подхода земских начальников к возложенным обязанностям. Например, в Красноуфимском уезде один из земских начальников «обязал сельских старост и писарей читать статьи из «Вестника землеустройства Северо-Восточного района» с отзывами крестьян о положительных моментах в землеустроенных хозяйствах», в результате чего пошел рост ходатайств¹.

Для стимулирования активных действий земских начальников правительство рассылало циркуляры губернаторам об их всемерной поддержке. Встал вопрос о повышении жалованья земским начальникам. Отмечалось, что земские начальники часто находились в «тяжелом материальном положении» и были вынуждены «жить за вычетом расходов по должности и разъездам на 50 руб. в месяц с семьей», что заставляло их искать лучше оплачиваемый труд². В результате активного лоббирования П.А. Столыпина и А.В. Кривошеиным Министерство финансов в 1912 г. дополнительно ассигновало на эту статью расходов более 500 тыс. руб. Жалованье земских начальников было увеличено в шесть раз (до 300 руб.). Кроме того, за усердие в реализации реформы предоставлялась надбавка 150–200 руб. в месяц³.

На деятельность земских начальников по реализации реформы в Уральском регионе оказал влияние ряд факторов, в том числе большие территории участков, плохое качество дорожной сети, недостаток кадрового персонала и его постоянная ротация. Значительные площади участков были характерны для всей территории Урала, но особенно для его севера, что требовало от чиновников совершать затратные по времени и силам переезды⁴. Это естественным образом задерживало развитие реформы, так как большинство «укреплений» совершалось по постановлениям земских начальников, и требовало, согласно закону, неременного их выезда на место жительства ходатайствующего. Активная землеустроительная практика в отношении мастеровых и сельских работников, совпавшая с аграрной реформой, также не позволила земским начальникам быстро и деятельно включиться в ход преобразований. Особенно это касалось Соликамского, Пермского

¹ Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий Пермской губернии. С. 69, 71.

² Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911. С. 155.

³ *Дубровский С.М.* Столыпинская земельная реформа... С. 168, 169.

⁴ Например, в Соликамском, Пермском и Верхотурском уездах расстояние от квартиры земского начальника до подведомственных ему волостных правлений составляло 100 и более верст, тогда как в Камышловском, Шадринском и Кунгурском уездах это расстояние измерялось десятками верст. // Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления... С. 379.

и Верхотурского уездов, где «к 1908 г. поземельное устройство еще не было завершено, причем в Верхотурском уезде окончательно не было устроено в земельном отношении почти 75 % мастеровых»¹.

Увеличение должностных обязанностей (в т. ч. осуществление подготовки дел в качестве землеустроителя) в ряде случаев мешало повышению работоспособности земских начальников. Так из отчета Пермской губернской землеустроительной комиссии за 1915 г. следовало, что гораздо важнее на последующих этапах развития реформы (характеризовавшихся, в т. ч., общим качественным и количественным увеличением работы землеустроительного персонала), и, прежде всего, дела землеустройства, являлось выполнение чиновниками по крестьянским делам своих прежних функций², в том числе пропагандистских и патерналистских³.

Большое значение в деле участия земских начальников в реализации реформы играло их субъективное отношение к землеустройству. Иногда имела место бездеятельность, обусловленная как полным несоответствием занимаемой должности, так и выжидательной позицией в начальный период. Очень яркий пример подобного отношения к работе представлен в воспоминаниях пермского губернатора Ивана Францевича Кошко. Сюжет касается карьерной судьбы нерадивого чиновника Благодравова, который в течение года, будучи на должности земского начальника в Пермском, а затем в Верхотурском уезде, не осуществил ни одного мероприятия по пропаганде единоличного землепользования, и «ни одного разу не выезжал в уезды», за что был уволен (подал прошение об отставке)⁴. Несомненно, что при сохраняющемся принципе сословности в распределении должностей «Благодравовы» нередко присутствовали в аппарате управления. Но ускоряющийся темп жизни, увеличение и усложнение задач, поставленных правительством перед чиновниками, требовали от них активной позиции в реализации намеченных мероприятий. Отметим, что в Вятской и Пермской губерниях таких «нерадивых» было меньшинство, что во многом было связано с особыми условиями формирования кадрового состава института земских начальников.

---

¹ Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления... С. 379.

² Более значимым, по мнению пермских землеустроителей, было своевременное исполнение земскими начальниками ст. 20 закона 1911 г., «так как несвоевременная проверка приговоров задерживает процессуальное течение дел по землеустройству» // Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий Пермской губернии. С. 69.

³ Речь шла о содействии «диалогу между выделившимися и общинниками в мелких недоразумениях», нравственной поддержке единоличников «при враждебном окружении общины» // Там же. С. 71.

⁴ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. Пермь (1911–1914) / Сост. Н.Г. Павловский. Екатеринбург, 2007. С. 94, 95, 96.

В условиях незначительного количества потомственного дворянства, большинство вакансий было занято выходцами из других губерний. Тем не менее, по мнению О.Н. Богатыревой, «нельзя сказать, что должности земских начальников и председателей уездных съездов замещались по принципу "что бог послал"». — «Губернаторы очень взыскательно подходили к назначению претендентов».

Спецификой было начало процесса вытеснения принципа сословности при утверждении на должность. Наиболее активно эта тенденция проявилась в Вятском крае, где «во втором десятилетии XX в. земскими начальниками все чаще становились местные уроженцы, получившие образование в губернии, в уездных училищах или городских гимназиях». На наш взгляд, наряду с тем, что по закону «они должны были обладать серьезной правовой подготовкой, элементарными сведениями по агрономии и знанием всех тонкостей крестьянского быта» на должность «крестьянского куратора» назначались лица близко знакомые со сложившимися особенностями развития крестьянского хозяйства региона, его субъективными характеристиками, что делало их деятельность более продуктивной¹. Последнее обстоятельство существенно повлияло на позицию местного управленческого аппарата в отношении заложенной законодателем возможности вариативной реализации реформы. Она регламентировалась циркулярами ГУЗиЗ и была обусловлена поиском оптимального пути по улучшению землепользования сельских обывателей в условиях нехватки технического персонала, наличия различного рода хатайств и учета наиболее острых проблем в надельном землевладении. В частности, в циркуляре № 7 от 1 января 1914 г. ГУЗиЗ обратило внимание «на нежелательность, как это наблюдалось в прошлых годах, включение в план работ значительного числа единичных выделов, развивающихся иногда в ущерб работам по устройству целых групп населения». Ввиду этого было предложено, чтобы в первую очередь «подлежали исполнению дела по завершению и исправлению работ прежних лет и по устройству крупных групп населения (разверстанию целых селений, разделу многоселенных и многодворных обществ, выделу значительной части домохозяйств селения, разверстанию внешней чересполосицы надельных земель и т. п.), а равно работ по единоличным выделам, если все подробности таковых выделов установлены в добровольном порядке»².

---

¹ Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления... С. 360, 361

² Журнал Пермской ГЗК от 1 апреля 1914 г. // Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 375. Оп. 1. Д. 381. Л. 16

В процессе работы Комиссии порайонного съезда земских начальников и непрременных членов землеустроительных комиссий зауральских уездов в 1909 г. «на основании имеющегося материала» о реализации нового аграрного законодательства встала необходимость «обратиться к обсуждению вопроса, [...] какая из форм землеустройства является в зауральских уездах наиболее подходящей по условиям местного крестьянского землепользования». Было высказано два взгляда на желательную форму землеустройства. Первый отстаивали те, кто видел конечной целью создание «хуторов» и «отрубов», а все предварительные стадии к ее достижению рассматривали как необходимые в случае невозможности их обойти. Представители другого взгляда, исходя из условий землепользования Шадринского и Камышловского уездов, признавали главной задачей землеустройства разверстание однопланнных селений с одновременным по возможности уничтожением и междуселенной чересполосицы; отвод же «хуторов» или «отрубов» считали возможным производить лишь [...], отдельным дворохозяевам¹.

Земские участковые начальники при реализации аграрного законодательства преимущественно руководствовались заложенным принципом добровольности. Губернатор И.Ф. Кошко в циркуляре от 19 апр. 1914 г. требовал: «Для успеха землеустроительных работ необходимо, прежде всего, твердое и сознательное согласие, как на самое землеустройство, так и на все его условия той группы населения, которая возбудила ходатайство, и разумное примирение разнообразных и часто встречаемых интересов той его части, для которой это землеустройство может явиться обязательным». Также он в жесткой форме запретил в случаях «возникновения недоразумений с населением на почве землеустройства (видя причины этого в недостатках исполнения работы» – *О.С.*)... землеустроителям, землемерам и их помощникам обращаться [...] к содействию полицейской власти и возлагать на нее восстановление спокойного течения дела», которое, по мнению губернатора, являлось «заботой и прямой обязанностью самих землемеров»².

Итоговые показатели землеустройства на Урале были невысокими. Полевые работы были выполнены для 47 238 пермских и 13 628 вятских домохозяев, что составило 23 % и 22 % от общего числа заявлений соответственно. А утвержденных проектов было и того меньше. Тем не менее, в отчете за 1907–1913 гг. было указано, что «землемерные чины уже освоились со своими задачами и

---

¹ Труды порайонного съезда земских начальников. С. 52.

² ГАСО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 381. Л. 24.

выполняют все быстрее, чем раньше»¹. Нами подсчитано, что если в среднем в год в Пермской губернии в 1907–1911 гг. подготовили дел для 4166 домохозяев, то в 1912 г. в три раза (12 700 домохозяев), в 1913 г. – в шесть раз больше (26 202). Рост был также обусловлен вступлением в силу закона 1911 г., по которому были расширены возможности УЗК улучшать землепользование больших групп населения. В отчетах указывалось, что «цифры (итоговые показатели по землеустройству – *О.С.*) свидетельствуют об успешности, планомерности и согласованности работ землеустроителей, землемерных чинов и УЗК. Все ходатайства будут рассмотрены постепенно – по мере доведения межевого состава до уровня возрастающих в нем требований»².

В дополнение скажем, что, по словам самих чиновников, выданные на руки крестьянам документы, подтверждающие право собственности, оказывали «огромное моральное значение на местное население», все споры прекращались «на основании предъявления одной из сторон этого документа»³.

Таким образом, деятельность земских участковых начальников по реализации столыпинской аграрной реформы осуществлялась на основаниях, заложенных законодателем, и во многом зависела от социально-экономических, правовых, природно-географических особенностей Урала. Немаловажную роль в количественных показателях выполнения реформы сыграли личностные характеристики чиновников (инициативность, предприимчивость, новаторство существовало наряду с медлительностью, ленью, халатностью, использованием служебного положения в личных целях, казнокрадством). Общей тенденцией к 1915 г. явилась положительная динамика в работе рассмотренных чиновников.

---

¹ Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий Пермской губернии. С. 54, 87.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 69.

К.А. Тишкина

Тема Первой мировой войны в произведениях Г.Д. Гребенщикова

Целью статьи является анализ отображения темы Первой мировой войны в произведениях писателя-сибиряка Георгия Дмитриевича Гребенщикова. С 1916 по 1918 гг. он находился в действующей армии в качестве санитаря, в свободное время работал над корреспонденциями для газеты «Русские ведомости». В своих очерках «Странички военного быта» писатель ярко представил картину окружающего его мира, осветил различные аспекты военного быта. Впечатления Г.Д. Гребенщикова, характерные ситуации военного времени впоследствии нашли отражение в отдельных частях романа-эпопеи «Чураевы». Автор статьи выделяет темы, наиболее интересовавшие Г.Д. Гребенщикова, и рассматривает их через описания, созданные участником и очевидцем событий. Данная информация способствует расширению представлений о повседневной жизни людей на фронте и в тылу в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, благотворительные организации, фронтовая жизнь, Г.Д. Гребенщиков.

В 2014 г. отмечалось 100-летие начала Первой мировой войны. Советская историография, называя этот мировой конфликт «империалистической войной», долгое время не уделяла должного внимания изучению его истории. Война представлялась как еще один вид угнетения жизни низших слоев населения высшими условиями¹. Воспоминания о событиях войны публиковались лишь эмигрантами из России².

В настоящее время, в связи с переосмыслением истории Первой мировой войны, все большее внимание уделяется выявлению и введению в научный оборот источников личного происхождения³, а также литературным произведениям, созданным в тот

---

¹ 20-летие империалистической войны: Серия фотоплакатов / сост. С.Б. Айзенварг; ред. А.Д. Копчушкин. М., [б.г.]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/13558-20-letie-imperialisticheskoy-voyny-seriya-fotoplakatov-m-bg#page/1/mode/grid/zoom/1>

² Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 4.

³ Агте В. «Вглядевшись, я понял, что это немцы...» // Родина. 2014. № 8. С. 53–57; Гроза 1914. Великая война в воспоминаниях очевидцев / Авт.-сост. О.Г. Гончаренко. М., 2014. 384 с.; Женское лицо Первой мировой войны // Культура. 2014. № 27. 1–14 августа. С. 4–5; Первая мировая: взгляд из окопа / Предисл., сост. и коммент. К.А. Пахалюка. М.; СПб., 2014. 216 с.; «Я искренне был убежден, что через три четыре месяца война будет окончена»: из воспоминаний Георгия Петровича Чистякова // Мир Музея. 2014. № 8. С. 45–46 и др.

период времени¹. Данные материалы совместно с официальными документами позволяют полнее реконструировать картину жизни на фронте и в тылу, передать мысли и чувства очевидцев той эпохи, выявить точки зрения различных слоев населения на то или иное общественное явление (действия правительства; работу благотворительных организаций; нехватку продовольствия в городах и т. д.). Одним из информативных источников по изучению военного быта являются произведения Георгия Дмитриевича Гребенщикова. В связи с эмиграцией писателя в советское время его творчество не изучалось. Это также сказалось на отсутствии полной биографии Г.Д. Гребенщикова. В кратких биографических справках информация об участии писателя в Первой мировой войне носит фрагментарный характер².

В конце 1970-х гг. творчество Г.Д. Гребенщикова для советских читателей открыл Н.Н. Яновский³. В 1980–1990 гг. были выпущены небольшие сборники с избранными произведениями автора. Активная публикация произведений писателя началась с середины 2000-х гг.⁴. В 2013 г. по заказу и финансовой поддержки Администрации Алтайского края в рамках Губернаторского издательского проекта был выпущен шеститомник трудов Г.Д. Гребенщикова. На сегодняшнее время это наиболее полное издание произведений писателя. В него, помимо романа «Чураевы», рассказов и повестей, вошли очерки о Первой мировой войне, а также часть писем.

Первая попытка рассмотрения темы войны в творчестве Г.Д. Гребенщикова была предпринята Н.Н. Яновским. Он отмечал, что произведения писателя 1914–1916 гг. содержат антивоенные мотивы, а очерки и рассказы, написанные позднее отображают оторванность писателя от идей революции. Исследователь Т.Г. Черняева рассматривает влияние войны как значимого фак-

---

¹ Книга павших. Поэты Первой мировой войны. Антология мировой поэзии / Сост., перевод, коммент. Е.В. Лукина. СПб., 2014; Первая мировая война в русской литературе. Антология / Сост.: Г.Н. Красников, К.К. Семенов. М., 2014. 592 с. и др.

² *Корниенко В.К.* Гребенщиков Георгий Дмитриевич // Барнаул: Энциклопедия. Барнаул, 2008. С. 89; *Росов В.А., Черняева Т.Г.* Гребенщиков Георгий Дмитриевич // Историческая энциклопедия Сибири. А-И. Новосибирск, 2009. С. 434–435; Гребенщиков Георгий Дмитриевич. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2,%D0%93%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B9%D0%94%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87> (дата обращения: 19.07.2015) и т. д.

³ *Яновский Н.Н.* На переломе. Из литературного прошлого Барнаула. Барнаул, 1978. 184 с.

⁴ *Казаркин А.* Возвращение Георгия Гребенщикова // Алтай. 2010. № 6. С. 166.

тора меняющего судьбы людей, на примере героев романа «Чураевы»¹. Иные попытки по рассмотрению произведений Г.Д. Гребенщикова по теме Первой мировой войны как отдельного этапа в жизни и творчестве писателя исследователями не предпринимались. Изучение очерков позволит восстановить пробелы в биографии писателя, а представленная в произведениях информация может быть использована как источник при изучение повседневной жизни людей на фронте и в тылу в годы Первой мировой войны.

Георгий Дмитриевич Гребенщиков родился 23 апреля 1883 г. в селе Николаевский Рудник Алтайского округа Томской губернии в семье горнорабочего². В 1894 г., не окончив сельской школы, он начал самостоятельную жизнь. Молодой человек сменил множество профессий: мойщик окон, ученик аптекаря, санитар, писарь, помощник фельдшера и так далее³. Богатый жизненный опыт Г.Д. Гребенщикова заложил основу его писательской карьеры. В 1905 г. в газете «Семипалатинский листок» под псевдонимом «Крестьянин Г.» Гребенщиков публиковал свои литературные произведения: стихи, очерки, рассказы. В апреле 1906 г. была напечатана его первая книга «Отголоски сибирских окраин». В 1909 г. молодого писателя пригласили на должность ответственного секретаря журнала «Молодая Сибирь». Издание было основано в Томске участниками литературного кружка под руководством видного общественного деятеля и просветителя Г.Н. Потанина. По его совету Георгий Дмитриевич поступил вольнослушателем в Томский университет. В 1910–1911 гг. он совершил путешествия по Алтаю с целью сбора бытовых наблюдений и этнографических материалов. Результатами поездок стали доклады в Томском обществе изучения Сибири, лекции в Санкт-Петербургском Сибирском собрании. В XI томе «Алтайского сборника» был опубликован очерк «Река Уба и убинские люди».

В начале 1912 г. по рекомендации Г.Н. Потанина Гребенщикова устроился редактором барнаульской газеты «Жизнь Алтая»⁴. В 1913–1914 гг. Георгий Дмитриевич написал ряд значительных произведений («Ханство Батырбека», «Волчья жизнь» и т. д.), подготовил к публикации первый том сборника рассказов и повестей

---

¹ Черняева Т. Георгий Гребенщиков и его роман «Чураевы». URL: <http://www.akunb.altlib.ru/files/LiteraryMap/Texts/Grebenschikov/074.htm> (дата обращения 19.07.2015).

² Онофрейчук А. «Страна великого будущего» Георгия Гребенщикова // Природа Алтая. 2014. № 4. Апрель. С. 4.

³ Казаркин А. Возвращение Георгия Гребенщикова // Алтай. 2010. № 6. С. 167.

⁴ Черняева Т.Г. 115 лет со дня рождения писателя Г.Д. Гребенщикова (1883?-1964) // Алтайский край, 2008 г.: календарь знаменат. и памят. дат. Барнаул, 2007. С. 42.

«В просторах Сибири». На средства барнаульского мецената В.М. Вершинина издал в Санкт-Петербурге «Алтайский альманах», посвященный истории, природе и быту Алтая¹. Георгий Дмитриевич Гребенщиков был знаком со многими выдающимися личностями своего времени Л.Н. Толстым, М. Горьким, Ф.И. Шаляпиным, Н.К. Рерихом, С.А. Есениным, И.А. Буниным.

В августе 1914 г. началась Первая мировая война. Воспоминание о начале войны Георгий Дмитриевич отразил в очерке «Грань», опубликованном в 1916 г. в газете «Русские ведомости». Изложение идет от первого лица. Решив переночевать на берегу Чарыша, герой очерка любовался вечерней природой, его внимание привлекла одинокая ворона, каркающая в дали. Уснув возле костра, герой увидел сон о «царе-сироте» и «царевне в голубом кокошнике», вдруг мимо его палатки неожиданно пронесся всадник на коне. Это разбудило и напугало героя. Он больше не смог уснуть и всю ночь пробродил по луку. Утром, повстречавшиеся казаки, сообщили о начале мобилизации на войну. «Теперь спустя два года, я все ярче и ярче вспоминаю эту грань прошлого и настоящего, и особенно отчетливо – мирную и важную ворону на стогу... О царевне же мне вспоминать немножко совестно... Ненастоящая она. Выдуманная...», – завершил очерк писатель².

Как человек неравнодушный к судьбе своей Родины, Георгий Дмитриевич много думал о постигшем страну несчастье. Так, в ноябре 1914 г. в письме к литературоведу Е.А. Ляцкому, Г.Д. Гребенщиков размышлял о войне: «Что она принесет? Какие еще планы начертет (sic!) и разрушит или создаст что-то грандиозное и новое?..»³. Позднее, в январе 1915 г. Георгий Дмитриевич писал М. Горькому: «Что бы там ни ожидали в будущем, как бы не оправдывали войну – будь проклято все на свете, что в ней нуждается!.. Не находя в вести своей ни одного мотива в ее пользу, хотя житейские истины и преподносят рассудку сотни выкладок: и то, что до войны все мы были какие-то дремотные и менее отважные, и более эгоистичные, и менее сплоченные...»⁴.

В 1915 г. Г.Д. Гребенщиков много работал: написал для газеты «Жизнь Алтая» серию очерков «По горам Алтая»; подготовил к изданию второй том сборника «В просторах Алтая»; начал работу

---

¹Черняева Т.Г. Первый сибирский альманах и его создатели // Алтайский альманах. Барнаул, 2007. С. 6.

²Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений в шести томах. Барнаул, 2013. Т. 2. С. 377.

³Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков: письма в Петербург (1912–1916) // Алтайский текст в русской культуре: Материалы третьей региональной научно-практической конференции. Барнаул, 2006. Вып. 3. С. 196.

⁴Горький в зеркале эпохи (неизданная переписка). Серия «М. Горький. Материалы и исследования» основана в 1989 г. Вып. 10. М., 2010. С. 341.

над романом-эпопеей «Чураевы». В конце 1915 г. писатель переехал из Сибири в столицу. В очерке «Из Петроградских настроений» он описывал положение населения столицы. «В глубоком тылу, в Сибири чувствовалось, что ближе к фронту, ближе к центрам, тяжелее живется людям, что тут общественное напряжение в связи с дороговизной особенно сильно и остро»¹. Отмечая рост цен в Петрограде, Г.Д. Гребенщиков указывал, что острой нехватки продуктов в столице нет. Переход населения на денежные марки, спровоцировал «... странное психическое отношение к деньгам: нисколько не жаль их, когда они в марках!»².

В начале февраля 1916 г. Георгий Дмитриевич отправился на фронт добровольцем в качестве старшего санинструктора при 28-м санитарно-транспортном отряде имени служащих Томской железной дороги. Этот отряд был сформирован еще в 1915 г. Всероссийским союзом городов совместно с Сибирским обществом подачи помощи больным и раненым воинам и находился в ведении Второго Сибирского врачебно-питательного отряда. Отряд действовал на Галицийском фронте. Свое положение Гребенщиков так описывал в письме к Г.Н. Потанину: «... горжусь здесь на фронте тем, что принадлежу к числу сибиряков! Всегда и везде к сибирякам: войскам и общественным организациям – вижу здесь удивительное и теплое, благородное и даже восторженное отношение»³.

Помимо выполнения обязанностей санинструктора, Георгий Дмитриевич состоял на фронте корреспондентом одной из крупнейших газет страны – «Русские ведомости». В свободное время он трудился над завершением первой части романа «Чураевы». Впоследствии, работая над продолжением сочинения, события которого развиваются в Первую мировую войну, писатель использовал личный материал, а также привлекал воспоминания участников войны и сведения из документальных источников. Главный герой произведения – Василий Чураев, как и сам автор, ушел в качестве санитаря сибирского отряда на фронт, а также состоял корреспондентом газеты.

Уже 23 февраля 1916 г. в газете «Русские ведомости» появился первый фронтовой очерк писателя «Минуты молчания». В нем шла речь об отправке воинов из Киева на боевые позиции. В марте вышел очерк «Первый день», который затем был перепечатан в томской газете «Сибирская жизнь». Добираясь до своего отряда, герой очерка мысленно задал себе вопрос: «Есть ли в войне хоть доля

---

¹ Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений в шести томах. Барнаул, 2013. Т. 2. С. 329.

² Там же. С. 330.

³ Черняева Т.Г., Корниенко В.К. Письма Г.Д. Гребенщикова Г.Н. Потанину (1911–1917 гг.) // Краеведческие записки. Вып. 3. Барнаул, 1999. С. 177.

поэзии?». На что сам же дал ответ: «Нет, в ней все грубо, оскорбительно, цинично...»¹.

Ряд очерков из цикла «Странички военного быта» повествовал о повседневной жизни на боевых позициях. «На фронте праздников не знают. Там – непрерывные будни, полные хлопот, движений, страданий. И все это блюдет невидимая, но неутомимая и ненасытная Смерть, также не знающая праздников», – так начинался очерк «Прощеное воскресенье»².

В произведении «Банные отряды» освещалась наиболее острая проблема фронтовой жизни – отсутствие бань и прачечных, столь необходимых в полевых условиях. Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинах одним из первых выступило организатором «мытья солдат» вблизи передовых окопов. При банях также действовали «чайные», где желающие могли пить горячие напитки. Всероссийский союз городов совместно с Всероссийским земским союзом специально выделял денежные средства на устройство бань. В своем очерке Гребенщиков писал о том, что работники при банях, так называемые «банные генералы», подвергали себя большому риску, работая в линии обстрела. При этом он отмечал, что «когда знаешь это и читаешь оскорбительные выпады неких господ по адресу "торгующих касторкою" союзов и их членов, делается больно и обидно за эту намеренную слепоту»³. Работа бань упоминается в пятой части романа «Чураевы»: «[...] возле третьей линии окопов, прямо на позициях, открылась баня. Наши же сибиряки ее устроили. Легучку перевязочного отряда прислали и баню выкопали прямо в земле. Теплой и горячей воды сколько хочешь, чистое белье дают, чаем поют, стригут, бреют...»⁴.

Деятельности так называемых «летучих отрядов» – мобильных перевязочно-питательных пунктов и полевых лазаретов, посвящены очерки «Братская могила», «Зазуленька», «Погулянка и Червонка» и т. д. В них описывалась тяжелая работа врачей, братьев и сестер милосердия. Эти люди ежедневно видели десятки смертей, и сама их жизнь подвергалась опасности. Так, в очерке «Братская могила» повествуется о том, что рядом с сестрой милосердия, идущей в перевязочно-питательный пункт, разорвался снаряд, и она чудом осталась жива. Описание попавшего под снаряды походного лазарета можно встретить в шестой части романа «Чураевы»: «Оба больные, тяжело раненные, были выкинуты из повозки вместе с

¹ Первый день // Сибирская жизнь. 1916. № 56. 11 марта. С. 3.

² Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений... С. 341.

³ Там же. С. 348.

⁴ Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Сто племен с единым. Роман. Океан багряный. Роман. Барнаул, 2007. С. 167

носилками, а сестра, убитая на месте, висела вниз головой на дышле ... [...]. Осколками от снаряда и бросившимися в стороны лошадыми, опрокинутыми несколько двуколок, было ранено несколько конюхов и санитаров, некоторые тяжело»¹.

За свою самоотверженную работу некоторые санитары, братья и сестры милосердия удостоивались различных наград, в том числе и Георгиевских крестов. Так, в шестой части романа «Чураевы», Г.Д. Гребенщиков описывал случившееся недоразумение между прибывшей в «летучку» девушкой и старшей сестрой милосердия графиней Буккениг. Обнаружив Георгиевский крест в комнате одной из сестер милосердия, графиня подвергла сомнению законность наличия данной награды, так как ей якобы были известны «... случаи, когда санитары и сестры во время отпусков украшали с себя крестами, снятыми с убитых, истинных героев»². Узнав о наличии соответствующих наградных документов, графиня удивлялась, почему девушка не носила на груди эту почетную награду.

Положение беженцев наиболее ярко описано в очерке «Охвостье». В санитарно-транспортный отряд от Татьянинского комитета (данная организация занималась оказанием помощи пострадавшим от военных действий) прибыли ящики с одеждой. Автор вместе с доктором и братом милосердия направились в ближайшее поселение беженцев. Приехав в деревню, герои очерка увидели кругом грязь и антисанитарные условия жизни. Их встретили больные, голодные, полураздетые люди разного возраста. Один из беженцев в отчаянии обратился к приехавшим с просьбой посодействовать в его возвращении домой, хотя он знал, что его родная деревня захвачена неприятелем. Вся эта картина подействовала на героев удручающе. «Охвостье какое-то, а не люди! – сказал врач, садясь на лошадь. – Знаете, между зерном и плевелами?»³. Следующим пунктом ознакомления являлся старый заброшенный замок, где находились беженцы-евреи. Героев поразила грязь в помещениях, больные старики, живущие в тесных комнатах, и, по сравнению со всем увиденным, чистый и хорошо одетый молодой еврей, работающий здесь. Когда завершилась вся работа по раздаче вещей, люди в новой одежде сразу внешне преобразились, но при этом их тяжелая жизнь осталась без изменений.

История из очерка о беженцах-евреях пересекается с фрагментом из пятой части «Чураевых». Василий Чураев оказался в старой синагоге, переустроенной под общежитие для беженцев.

---

¹ Гребенщиков Г.Д. Чураевы...С. 237

² Там же. С. 375.

³ Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений в шести томах. Барнаул, 2013. Т. 2. С. 352.

Вместе с другими санитарями он приводил в порядок грязное, затхлое помещение, помогал больным сыпным тифом старикам. «Он действовал как на пожаре, не чувствуя ни милосердия, ни жалости ко всем этим никому не нужным людям. Не для них, когда-то бывших с кровью, плотью и разумением, спешил Василий. И не для того чтобы оградить их от сыпняка себя или иных здоровых, но по каким-то более серьезным и не осознанным еще причинам он хотел очистить и переодеть этих людей»¹.

В июне 1917 г. Г.Д. Гребенщиков был назначен на должность уполномоченного Всероссийского союза городов по Третьему Сибирскому Новониколаевскому врачебно-питательному отряду Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам. В августе того же года он стал уполномоченным Всероссийского союза городов при XI армии Юго-Западного фронта. В это же время Георгий Дмитриевич прекратил сотрудничество с «Русскими ведомостями». Всего за период его работы в качестве военного корреспондента на страницах газеты было опубликовано 19 очерков, объединенных в цикл «Странички военного быта», несколько рассказов, наброски будущих книг романа «Чураевы»². Все эти произведения ярко описывали жизненные события на фронте и стали основой для дальнейшего творчества писателя. С декабря 1917 г. и до лета 1918 г. Г.Д. Гребенщиков занимался ликвидацией санитарных учреждений Всероссийского союза городов на Юго-Западном фронте. С 1919 по 1920 г. Георгий Дмитриевич жил в Ялте, работал корреспондентом в местных газетах³. В 1920 г. он выехал из России, жил во Франции, а затем перебрался на постоянное жительство в США. Умер Георгий Дмитриевич Гребенщиков 11 января 1964 года.

К теме Первой мировой войны обращались многие современники Г.Д. Гребенщикова (Н.С. Гумилев, И.С. Шмелев, Л.Н. Андреев и др.), но уникальность произведений писателя – в натуралистичном изложении, простоте повествования. Он подробно описывал повседневную жизнь бойцов и медицинского персонала на Галицийском фронте в последние военные годы, отображал душевные чувства людей – очевидцев и участников событий. Особое место уделял изображению природы, которая выступала фоном

---

¹ *Гребенщиков Г.Д.* Чураевы: Сто племен с единым Роман. Океан багряный. Роман. Барнаул, 2007. С. 171.

² *Черняева Т.* Забытый русский писатель. О собрании сочинений Георгия Гребенщикова // Сибирские огни. 2015. № 1. С. 162.

³ *Корниенко В.К.* Георгий Гребенщиков – беженец из России // Алтайский текст в русской культуре: материалы четвертой межрегиональной (с международным участием) научной конференции. Барнаул, 2008. С. 137.

для восприятия окружающей реальности. Через природу формировалась духовная связь писателя с родным Алтаем.

Произведения Г.Д. Гребенщикова являются ценным источником по истории Первой мировой войны. Писатель в своих произведениях придерживался пацифистских взглядов, развитие которых можно встретить в его письмах последующих лет к различным адресатам¹. В очерках цикла «Странички военного быта» освещалась деятельность различных благотворительных учреждений, действовавших на фронте (Татьянинского комитета, Всероссийского союза городов и др.). Г.Д. Гребенщиков уделял особое внимание описанию инициатив сотрудников Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам. Вся эта информация способствует расширению современных знаний о фронтовых буднях Первой мировой войны. Реконструкция биографии писателя в дальнейшем требует архивных изысканий.

---

¹ Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924–1957) / Сост. Корниенко В.К. Барнаул, 2008. 172 с.

Отечественная история с 1917 по 1945 г.

* * *

А.П. Дементьев

Профессиональные организации и органы власти Енисейской губернии: к вопросу о взаимоотношениях в октябре 1917 – ноябре 1918 года.

Статья посвящена выявлению динамики взаимоотношений профессиональных организаций и властных институтов в Енисейской губернии. Рассматривается политика Советов и Временного сибирского правительства в отношении профсоюзного движения, исследуются формы борьбы профсоюзов за свою самостоятельность, анализируются причины усиления кризисных явления в профсоюзном движении к концу 1918 года.

Ключевые слова: Енисейская губерния, профсоюзы, большевики, умеренные социалисты, Советы, Временное сибирское правительство

К октябрю 1917 г. профессиональные союзы стали самыми массовыми общественными организациями трудящихся. Их поддержка во многом определяла прочность социальной базы Советов, органов местного самоуправления и административной власти. Поэтому изучение характера взаимоотношений профсоюзов и властных структур имеет важное значение для воссоздания объективной картины общественно-политической жизни периода революции и начала гражданской войны в России. Обращение к региональной истории, в частности к истории Енисейской губернии, в свою очередь, позволяет определить конкретно-историческое содержание революционного процесса, исследовать его специфические характеристики.

Изучение профессионального движения Сибири в целом и Енисейской губернии в частности началось с 1920-х годов. Историками Советского периода введен в научный оборот значительный фактический материал: о размещении профессиональных организаций, их структуре и численности, средствах и методах борьбы трудящихся за свои права, политических позициях¹. Однако до

---

¹ Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов (1917–1919 гг.) / Под общ. ред. В. Шемелева. Новосибирск, 1928; *Сафронов В.П.* Октябрь в Сибири. Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 – март 1919 г.). Красноярск, 1962; *Шорников М.М.* Большевики Сибири в борьбе за победу октябрьской социалистической револю-

начала 1990-х годов профессиональное движение рассматривалось не как самостоятельный субъект политического процесса, а как придаток большевистской партии и Советов.

В постсоветский период расширилась проблематика исследований. Роль съездов, конференций и совещаний в определении политических позиций профсоюзов изучил Э.И. Черняк¹. Комплексным исследованием профессионального движения в Сибири в марте 1917 – мае 1918 г. стала монография В.А. Дробченко². Автор подробно рассмотрел структуру, социокультурный и психологический облик профессионального движения, его тактику, практическую деятельность. Тем не менее, общесибирский характер работы не позволил автору подробно остановиться на локальных аспектах взаимодействия профсоюзов и органов власти в Енисейской губернии. В частности, недостаточно изученной оказалась тема подавления Советами оппозиции в профсоюзном движении в период «первой Советской власти». Деятельность профсоюзов по улучшению условий труда рабочих и служащих Сибири в период «демократической революции» изучил В.М. Рынков³. Тем не менее, на современном этапе развития исторической науки отсутствуют работы, посвященные профессиональному движению Енисейской губернии в период мая – ноября 1918 года.

Таким образом, целью настоящей статьи является выявление динамики взаимоотношений профессиональных организаций и властных институтов в Енисейской губернии в период от начала октябрьского переворота до установления диктатуры А.В. Колчака в ноябре 1918 года.

К октябрю 1917 г. в Енисейской губернии действовало не менее 109 профсоюзов. Из них 42 % приходилось на долю губернского центра, 44 % – на все уездные города, 14 % были рассредоточены по приискам и отдельным предприятиям. Интересы рабочих в губернии представляли 56 профессиональных союзов (51 %

ции. Новосибирск, 1963; *Кучеряев В.А.* Борьба большевиков за расширение и укрепление своего влияния в профсоюзах Восточной Сибири в условиях «демократической» контрреволюции (июнь – ноябрь 1918 г.) // *Борьба большевиков Сибири за народные массы в годы революции и гражданской войны.* Красноярск, 1983. С. 83–105; *Красильников С.А., Соскин В.Л.* Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и установление Советской власти: 1917 – лето 1918 гг. Новосибирск, 1985.

¹ *Черняк Э.И.* Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 г.). Томск, 2001.

² *Дробченко В.А.* Профессиональное движение в общественно-политической жизни Сибири (март 1917 – май 1918 г.). Томск, 2006.

³ *Рынков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск, 2008.

от общего числа); интересы служащих – 43 союза (40 %); 10 союзов (9 %) объединяли в себе рабочих и служащих¹.

В губернии преобладали мелкие союзы, численность которых колебалась от 20 до 250 человек. Крупных профсоюзов рабочих в губернии было немного. К ним можно отнести красноярский союз железнодорожников (2300 чел.) и рабочих Знаменского стекольного завода (815 чел.). Наиболее массовыми непролетарскими профсоюзами стали союз канцелярских служащих (до 870 чел.) и союз служащих торгово-промышленных предприятий Красноярска (до 728 чел.). В целом к октябрю 1917 г. профессиональные организации губернии объединяли около половины трудящихся. Так, по оценке историка В. Шемелева, в рабочих профсоюзах Красноярска к октябрю 1917 г. состояло 42 % всех занятых в производстве рабочих².

Действия Советов Енисейской губернии по захвату власти в октябре – ноябре 1917 г. обострили противоречия в профессиональном движении: углубился раскол между союзами рабочих, во главе которых находились большевики и союзами служащих, руководимыми, как правило, умеренными социалистами (эсерами и меньшевиками). Воспринимая новую власть как выразительницу своих интересов, рабочие одобряли мероприятия Советов и оказали им значительную поддержку. Красноярский союз железнодорожников призвал всех работников железной дороги «прийти на помощь всей своей энергией, всем своим трудом установившейся народной власти»³. Общее собрание союза металлистов Красноярска 2 ноября постановило оказать самую решительную поддержку партии большевиков и немедленно вооружить рабочих⁴.

У служащих и интеллигенции, напротив, октябрьские события отождествлялись с узурпацией власти большевиками, развязыванием братоубийственной войны в среде демократии⁵. Поэтому минусинский отдел Всероссийского союза служащих казначейств на своем заседании 2 ноября признал всякий захват власти «покушением на завоеванные демократией свободы». Советы, по мнению собравшихся, не выражали воли большинства населения⁶. Анало-

---

¹ Рышков В.М. Социальная политика... С. 36, 244–251; Дементьев А.П. Общественно-политическая жизнь в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2014. С. 311–320.

² Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов. 1917–1919 г. Новосибирск, 1928. С. 21.

³ Бюллетень губернского соединенного Исполнительного комитета (Красноярск). 1917. 1 ноября. С. 1.

⁴ Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. 1. Красноярск, 1967. С. 285.

⁵ Дробченко В.А. Профессиональное движение... С. 82, 96.

⁶ Архив города Минусинска (МКУ АГМ). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 7. Л. 41.

гичным образом отреагировало правление смешанного профсоюза водников, председателем которого был эсер А.Л. Серебров. В начале ноября 1917 г. оно «выразило порицание» большевикам и левым эсерам, применившим тактику насильственного захвата власти в преддверии выборов в Учредительное собрание¹.

Свой протест против действий Советов профессиональные организации подкрепили участием в забастовке служащих, прокатившейся по городам губернии в ноябре 1917 г. Однако репрессивные меры Советов: увольнение бастующих и заселение их квартир беженцами заставили профсоюзы прекратить саботаж и отойти от политической деятельности. Так, заседание Енисейского губернского союза служащих казначейств в декабре 1917 г. постановило, «не входя в пререкания с властью, стоящей у кормила правления, все внимание обратить на защиту вверенного дела, а также на защиту профинтересов союза»².

Однако стремление Советов вмешиваться во внутреннюю жизнь профессиональных организаций неизбежно вело к усилению противоречий, глубина которых зависела от политической ориентации профсоюза. В Канске в январе 1918 г. разгорелся конфликт между союзом служащих торгово-промышленных предприятий, находящемся под влиянием умеренных социалистов и Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Причиной конфликта стало постановление Совета от 22 января, обязывающее все профессиональные союзы перечислять причитающиеся увольняемым служащим и рабочим вознаграждения не на руки, а в кассу Совета. Таким путем Совет планировал создать кассу помощи безработным³. Однако 24 января общее собрание союза служащих торгово-промышленных предприятий в составе 134 чел. резко осудило данное постановление, признав его «противным демократическим принципам» и пригрозило обратиться с протестом «в трудовые организации всей России»⁴.

В отношении профсоюзов, которые отказывались сотрудничать с Советской властью, были применены определенные санкции. К примеру, в Канском уезде в марте 1918 г. уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил не уплачивать жалования учителям, не признавшим Советскую власть⁵.

Для укрепления своих позиций в профсоюзах служащих большевики провоцировали раскол оппозиционных организаций,

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-232. Оп. 1. Д. 3. Л. 50.

² Там же. Ф. 889. Оп. 1. Д. 2. Л. 267.

³ Канский городской архив. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–21.

⁴ Там же.

⁵ ГАКК. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

создавая внутри них левые группы и течения. В середине мая 1918 г. в Красноярске возникла инициативная группа учителей-интернационалистов, которая призвала учителей-сторонников Советской власти, образовать свой, отдельный профсоюз «учителей-интернационалистов Енисейской губернии»¹.

В мае – июне 1918 г. Советская власть перешла к более решительным действиям по борьбе с оппозицией: «неугодные» профсоюзы подвергались закрытию. 30 мая после отказа признать Советскую власть, силами Красной гвардии был разогнан третий Ачинский уездный съезд учителей². Большевистская газета «Рабочее дело» сообщала в июне 1918 г., что в Ачинске Советская власть закрыла профсоюз торгово-промышленных служащих. Право на организацию нового союза было дано только служащим, признавшим новую власть³.

Переход власти к Советам привел к значительному изменению функций профсоюзов. Перед ними уже не ставились задачи защиты экономических интересов трудящихся, так как эти функции взяло на себя государство. Все требования рабочих проводились через Советы, оказывавшие прямое давление на предпринимателей. В ряде случаев функции профсоюзов полностью передавались Советам. Так, собрание рабочих Южно-Енисейского горного округа постановило упразднить профессиональный союз и передать его функции Совету⁴. В результате профсоюзы теряли самостоятельность и способность эффективно бороться за свои профессиональные интересы.

В этих условиях у рабочих и служащих не было стимулов заботиться о развитии своих профессиональных организаций. Рост численности профсоюзов замедлился. В период с ноября 1917 г. по май 1918 г. в губернии возникло всего 17 союзов (14 % от появившихся с марта 1917 г. по май 1918 г.)⁵. В то же время, минусинское центральное бюро профсоюзов в июне 1918 г. извещало рабочих и служащих, о том, что профсоюзы в городе «малоразвиты, а местами их совсем не существует»⁶. Усилился абсентеизм членов профсоюзов. В феврале 1918 г. в «Красноярском рабочем» была размещена

---

¹ Известия Минусинского объединенного исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов (Минусинск). 1918. 19 мая

² Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) Томск, 1991. С. 182.

³ Корреспонденция из Ачинска // Рабочее дело (Красноярск). 1918. 17 июня

⁴ Дробченко В.А. Профессиональное движение... С. 103.

⁵ Дементьев А.П. Общественно-политическая жизнь... С. 311–320.

⁶ Ко всем рабочим и работницам Минусинского уезда // Известия Минусинского объединенного исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов. 1918. 18 июня

информация, согласно которой на одно из собраний союза рабочих Знаменского завода явилось только 15 человек из 500. Авторы газеты, вопрошая «Что же это такое?», призывали рабочих «бросить спячку»¹. Пассивным оказалось отношение рабочих к перевыборам Красноярского Совета в апреле 1918 г. Так, в союзе металлистов из 400 членов в перевыборах участвовало только 86 человек².

Политика большевиков в отношении профсоюзов способствовала разочарованию масс в Советской власти. Выступление чехословаков в мае 1918 г. не встретило серьезного сопротивления со стороны рабочих и служащих. Поддержка большевиков носила единичный характер. Отдельные профсоюзы открыто встали на сторону антибольшевистских сил. По сообщению газеты «Труд», в июне 1918 г., когда в Минусинске уездный крестьянский съезд вступил в противостояние с местным Советом и призвал для своей защиты вооруженные крестьянские отряды, правление уездного учительского союза организовало в городе питательный пункт для обеспечения участников отрядов продовольствием³.

С надеждой встретили провозглашение новой власти союзы учителей и служащих, связывая с ней перспективы развития демократии. Съезд учителей Минусинского уезда, открывшийся 20 июля 1918 г., приветствовал освобождение Сибири от большевизма, обещая оказать Временному Сибирскому правительству «всемерную поддержку в его работе»⁴. Основой истинного народовластия съезд назвал органы местного самоуправления и Учредительное собрание⁵. 5 августа 1918 г. общее собрание служащих Енисейского казначейства постановило поддерживать правительство «во всех его начинаниях, клонящихся к проведению в жизнь и укреплению народовластия, а также к воссозданию независимости Сибири и России от внешнего влияния...»⁶.

Однако уже вскоре политическая деятельность профессиональных организаций стала ограничиваться со стороны новой власти. Параллельно с запретом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Временное Сибирское правительство стремилось поставить деятельность профсоюзов под свой контроль и свести их функции исключительно к защите профессиональных интересов. С этой целью был произведен пересмотр всех уставов союзов «в соответствии с законом»⁷. На заседании Енисейского

---

¹ Знаменский завод // Красноярский рабочий (Красноярск). 1918. 26 февраля

² К перевыборам в Совет // Дело рабочего (Красноярск). 1918. 16 апреля

³ Учительский съезд. 2 день // Труд (Минусинск). 1918. 6 августа

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ ГАКК. Ф. 889. Оп. 1. Д. 2. Л. 309.

⁷ Там же. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

губернского комиссариата 27 июня оговаривалось, что «союзы, претендующие осуществлять противозаконные цели или цели законные, но противозаконным путем, должны быть в судебном порядке закрыты»¹. Так, в октябре 1918 г. регистрационным отделом красноярского окружного суда было отказано в регистрации союзу служащих земских и продовольственных учреждений губернии. Отказ аргументировался тем, что в уставе союза содержалась публичная критика действий отдельных «начальствующих лиц» и правительственных учреждений, а также обозначалась возможность организации локальных и губернских стачек. Все это, по мнению регистрационного отдела, было недопустимо для служащих органов государственного управления².

Под контроль власти ставилось проведение профсоюзных собраний: теперь союзы должны были первоначально испрашивать разрешение у правительственных комиссаров и военных властей. Обсуждение вопросов политического характера на собраниях строго запрещалось. Нередко власти отменяли собрания союзов. Например, 10 июля собрание служащих продовольственного отдела города Канска было запрещено начальником гарнизона³.

В тяжелом положении летом 1918 г. оказались профсоюзы, ранее возглавляемые большевиками. Их лидеры И.И. Белопольский, Н.В. Мазурин, А.Д. Топоров, И. Боков и другие были арестованы. Подверглись тюремному заключению и рядовые члены союзов: в частности, на станции Красноярск в течение июня – июля 1918 г. было арестовано 398 человек⁴. Под репрессии попали не только большевики. Например, военными властями был арестован член правления союза водников, эсер А.Л. Серебров⁵.

Повальные аресты лидеров профсоюзного движения в июне 1918 г. вызывали негодование со стороны умеренных социалистов, стремившихся к соблюдению демократической законности. Экстренное собрание Совета профессиональных союзов Красноярска 21 июня приняло резолюцию, в которой провозглашалась необходимость восстановления гражданских свобод, освобождения всех политических арестованных, неприкосновенность профсоюзов и рабочих организаций. Особо члены собрания оговарива-

---

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-149. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

² ГАРФ. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

³ ГАРФ. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

⁴ *Кучеряев В.А.* Борьба большевиков за расширение и укрепление своего влияния... С. 84.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-232. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

ли необходимость возвращения арестованного большевика А.С. Гендлина к профсоюзной работе¹.

Характеризуя создавшееся положение, состоявшаяся 2 июля 1918 г. общегородская конференция служащих Красноярска констатировала, что новая власть «вместо укрепления своего положения, словно нарочно делает все, чтобы себя дискредитировать в глазах демократии, чтобы убить всякое доверие к себе и вызвать возмущение тех, на кого она должна опираться, и делается это без всякого разумного основания»².

Условия, в которых оказалось профсоюзное движение в июне – ноябре 1918 г., способствовали новому росту большевистских настроений среди рабочих. Так, собрание красноярских железнодорожников 1 июля 1918 г. проходило целиком под идейным влиянием большевиков и анархистов. Рабочие поддержали призывы леворадикалов начать забастовку в случае, если заключенные большевики не будут освобождены. Оценивая данный факт, меньшевистская газета «Дело рабочего» констатировала, что большинство рабочих остались верны или сочувственно относятся к большевикам³.

Это еще раз подтвердил открывшийся 2 сентября первый губернский съезд профессиональных союзов, на котором присутствовало около 40 делегатов. Председателем съезда был избран выпущенный из-под ареста большевик А.С. Гендлин⁴. Большинство голосов была принята резолюция, в которой Советы рабочих депутатов характеризовались как единственная форма классовой организации, способная стоять на «страже интересов всех трудящихся»⁵.

Однако не следует относить защиту Советов трудящимися исключительно к результатам агитации большевиков, как это делали советские авторы⁶. Постановления о сохранении Советов принимали и союзы, никогда не находившиеся под большевистским влиянием. К примеру, общее собрание служащих Енисейского казначейства 5 августа 1918 г. также требовало отмены постановления правительства о запрещении Советов, отмечая, что рабочий класс не может оставить без протеста данный акт власти⁷.

---

¹ Заседание совета профессиональных союзов // Дело рабочего. 1918. 30 июня

² ГАКК. Ф. 889. Оп. 1. Д. 2. Л. 297–298.

³ Провокация или глупость // Дело рабочего. 1918. 4 июля

⁴ Там же. 5 сент.

⁵ Съезды, конференции и совещания... С. 200–202.

⁶ *Кучеряев В.А.* Борьба большевиков за расширение и укрепление своего влияния... С. 92.

⁷ ГАКК. Ф. 889. Оп. 1. Д. 2. Л. 309.

Это означало, что в глазах трудящихся, вне зависимости от политической ориентации, Советы воспринимались как адекватная форма политической организации, способная защитить их классовые интересы в условиях слабости профессионального движения и кризиса партийной системы.

Тем не менее, потеря профсоюзами опытных руководителей и разочарование в политике Временного Сибирского правительства способствовали усилению кризисных явлений в профессиональном движении. В первую очередь это выражалось в усилении апатии членов союзов, отходе их от участия в жизни организаций. Еще в конце июля 1918 г. общее собрание членов союза курьеров, сторожей и низших служащих в Красноярске, ввиду безучастного отношения его членов к работе союза, постановило считать организацию временно распущенной¹. Из 380 членов союза канцелярских служащих Красноярска осенью 1918 г. собрания посещало всего 10 человек². Наметилась тенденция к сокращению численности рабочих профсоюзов. Если Красноярский союз металлистов в январе 1918 г. насчитывал 600 человек, то к сентябрю 1918 г. его численность сократилась до 126. Ачинский союз строителей за тот же период сократился на 700 человек³. Ряд союзов прекратил работу. В Минусинске, например, к сентябрю 1918 г. перестали существовать 10 союзов⁴.

Вместе с тем, усиление кризисных явлений в профсоюзном движении не означало его полной ликвидации. Многие союзы, сохраняя крепкое ядро, продолжали вести активную деятельность, становились организаторами протестного движения рабочих и служащих за улучшение условий труда. Как отмечает В.М. Рышков, ряд крупных профсоюзов находился в состоянии хотя и весьма жесткой, но конструктивной оппозиции к власти до весны 1919 года⁵. Отдельные союзы стали центрами организации подпольной работы большевиков. Так, летом 1918 г. красноярские большевики проводили свои нелегальные собрания в помещении союза металлистов⁶.

В октябре 1917 – мае 1918 г. политика Советов характеризовалась вмешательством во внутреннюю жизнь профсоюзов, огра-

¹ Знамя труда (Красноярск). 1918. 2 сентября

² На губернском съезде профессиональных союзов // Дело рабочего. 1918. 5 сент.

³ К итогам первого губернского съезда профессиональных союзов // Дело рабочего. 1918. 12 сент.

⁴ Там же.

⁵ Рышков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов... С. 74, 238–239.

⁶ Кучеряев В.А. Борьба большевиков за расширение и укрепление своего влияния... С. 93.

ничением их экономической деятельности, репрессивными мерами по отношению к оппозиционным организациям. К лету 1918 г. профсоюзы лишились массовой поддержки трудящихся и вступили в полосу организационного кризиса, который усилился в период «демократической контрреволюции». Дальнейшая регламентация жизни профсоюзов и усиление контроля за их деятельностью со стороны Временного Сибирского правительства привели к противоречивым последствиям. С одной стороны, среди членов союзов усиливались оппозиционные настроения, с другой – росли апатия и абсентеизм. Несмотря на явный спад, наметившийся к ноябрю 1918 г. в работе профсоюзов по сравнению с 1917 – первой половиной 1918 г., профессиональное движение оставалось, однако, важным фактором общественно-политической жизни Енисейской губернии.

«Партийные недели» в Сибири в период военного коммунизма: особенности проведения и итоги*

Данная статья посвящена такой форме вовлечения в Российскую коммунистическую партию (большевиков) новых членов как «партийная неделя». Изучение организации, проведения и результатов «партийных недель» в Сибири позволяет оценить их эффективность как средства увеличения численности РКП(б), метода регулирования ее качественного состава и инструмента социальной мобильности. В статье рассмотрены история возникновения «партийных недель», практика их применения в центральной части России, проанализировано проведение и выяснены итоги таких кампаний в Сибири, сделан вывод о том, что благодаря вступлению в РКП(б) в ходе «партийных недель» часть рабочих и красноармейцев Сибири смогла исключительно быстро повысить свой социальный статус.

Ключевые слова: Сибирь, Российская коммунистическая партия (большевиков), военный коммунизм, социальная мобильность, «партийная неделя», численность РКП(б).

Взятие власти большевиками в октябре 1917 г. коренным образом изменило государственный строй России. Ядром ее новой политической системы стала Российская коммунистическая партия (большевиков). В силу этого обстоятельства РКП(б) стала в Советской республике важнейшим лифтом социальной мобильности, который позволял ее членам быстро продвигаться по социальной лестнице и занимать преимущественное, по отношению к беспартийным, положение в социальном пространстве.

Для упрочения своего руководящего положения в Советской республике РКП(б) необходимо было укреплять собственные позиции среди населения путем вовлечения в свои ряды новых членов, главным образом, из рядов пролетариата и трудящегося крестьянства. В марте 1919 г. VIII съезд РКП(б) в резолюции по организационному вопросу призвал широко открыть двери в партию рабочим, рабочей и крестьянской молодежи, признав, что «численный рост партии прогрессивен лишь постольку, поскольку в ряды партии вливаются здоровые пролетарские элементы»¹.

По мере освобождения Сибири от так называемых белогвардейцев и установления в крае Советской власти поставленная VIII

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725)

¹ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959. С. 423.

съездом РКП(б) задача по вовлечению в партию «здоровых пролетарских элементов» приобретала все большую актуальность для местных партийных организаций. Сначала численность большевистских организаций была незначительной и едва ли превышала в начале 1920 г. всего семь – восемь тысяч человек¹, тогда как РКП(б) в целом насчитывала в своем составе уже около 320 тыс. членов². На тысячу жителей Сибири в это время приходилось 1,04 члена партии, тогда как по РСФСР этот показатель был равен 1,68, на Кавказе – 1,95, на Украине – 1,10 членов РКП(б)³. Таким образом, в конце 1919 – начале 1920 г. Сибирская партийная организация являлась одной из самых малочисленных в РСФСР, что придавало первостепенное значение работе по регулированию ее численности и состава. Одним из способов решения этой проблемы, использовавшимся партийным руководством разных уровней, стали «партийные недели» – короткие кампании по массовому приему в РКП(б) рабочих, красноармейцев и крестьян по упрощенной схеме.

В историографии проблема «партийных недель» изучается в рамках исследований, посвященных партийному строительству в России в целом и в Сибири в частности⁴. «Партийные недели» получили высокую оценку советских историков как эффективная мера улучшения качественного состава партии⁵, особая форма вовлечения в партию активных участников борьбы за Советскую власть⁶, а также «лучших элементов массы рабочих и крестьян»⁷. В исследованиях, рассматривающих историю создания и укрепления организаций РКП(б) в Сибири, «партийные недели» упоминаются лишь как одна из форм работы местных парткомов по регулированию численности и состава партии⁸. Однако методы про-

---

¹ *Китаев М.А.* Партийное строительство в годы гражданской войны. М., 1975. С. 230.

² Девятый съезд РКП(б). Март – апрель 1920 г. Протоколы. М., 1960. С. 574.

³ *Наймушин В.И.* История создания и укрепления партийных организаций Сибири на завершающем этапе гражданской войны: дис... канд. ист. наук. М., 1984. С. 94.

⁴ См., например: *Мельников А.П.* Областные бюро ЦК РКП(б): Из опыта КПСС по идейному и организационному укреплению местных партийных организаций (1920–1925 гг.). М., 1981; *Гузаров В.Н., Кузнецова Т.А.* Организационно-партийная работа в Сибири 1920–1930 гг. Томск, 1985. Деп. в ИНИОН РАН, 30.08.1985, № 22678.

⁵ *Андрухов Н.Р.* Партийное строительство после Октября. 1917–1924 гг. М., 1973. С. 63.

⁶ *Наймушин В.И.* История создания и укрепления партийных организаций Сибири... С. 113.

⁷ *Китаев М.А.* Партийное строительство в годы гражданской войны... С. 183.

⁸ Славное сорокалетие: Из истории Красноярской партийной организации (1917–1957 гг.). Красноярск, 1957; Очерки истории партийной организации Тю-

ведения «партийных недель» в Сибири и их результаты освещены в этих публикациях попутно и фрагментарно. Единственным исключением является диссертационное исследование В.И. Наймушина, в котором «партийным неделям» посвящен отдельный параграф. Особое внимание автор уделит агитационной работе местных партийных комитетов по подготовке «партийных недель», рассмотрел некоторые методы их проведения¹. Автор пришел к выводу, что «партийные недели» в Сибири были важнейшей формой собирания коммунистических сил, способствовали укреплению местных организаций РКП(б) и повышению их роли в руководстве восстановлением Советской власти в Сибири.

В целом к настоящему времени исследователями были введены в научный оборот базовые исторические источники, позволяющие рассмотреть подготовку и проведение «партийных недель», оценить их итоги в различных краях и областях Советской России. В то же время выявленные в архивах документы свидетельствуют о возможности дополнения, углубления, а в отдельных случаях даже пересмотра уже известных фактов и суждений. В настоящей статье предпринята попытка на основе как ранее опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот источников выявить специфику и результаты проведения «партийных недель» в Сибири.

«Партийные недели» стали впервые проводиться организациями Петрограда, Москвы и Астрахани с середины 1919 года². Во время таких «недель» изменялись условия приема в ряды РКП(б). Рабочие и крестьяне освобождались от необходимости предоставлять рекомендации для вступления в партию. Это существенно облегчало их прием. Более того, на предприятиях допускалась коллективная «запись» в РКП(б) с последующим утверждением списков райкомом партии. Правда, вступление в партию новых членов сопровождалось обсуждением их кандидатур в беспартийной среде.

Несмотря на численный рост партии, проведение «партийных недель» имело и негативную сторону, так как массовый при-

---

менской области. Свердловск, 1965; Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. 1. Большевики во главе трех революций и гражданской войны за власть Советов (с 90-х годов XIX века до 1921 г.). Красноярск, 1967; Очерки истории Иркутской организации КПСС (1920–1945 гг.) Ч. II. кн.1. Иркутск, 1976; Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС (1895–1980). Красноярск, 1982; Очерки истории Алтайской организации КПСС. Барнаул, 1985; Очерки истории Омской областной организации КПСС. Омск, 1987.

¹ Наймушин В.И. История создания и укрепления партийных организаций Сибири...

² См. подробнее: Андрухов Н.Р. Партийное строительство после Октября... С. 71–72; Кутаев М.А. Партийное строительство в годы гражданской войны... С. 183–184.

ем в партию затруднял осуществление качественного отбора. Партийное руководство разных уровней, вероятно, опасалось, что часть пролетариев и крестьян подавала заявление на вступление в РКП(б) не из идейных соображений, а из расчета повысить свой социальный статус. Однако В.И. Ленин одобрил местную инициативу. Пленум ЦК РКП(б) 26 сентября 1919 г. постановил провести «партийные недели» во всероссийском масштабе в сроки, определенные партийными организациями самостоятельно с учетом местных условий. Согласно циркулярному письму Центрального комитета «О партийной неделе», в партию в ходе данной кампании принимались «исключительно рабочие и работницы, красноармейцы и матросы, крестьяне и крестьянки»¹. Все формальные ограничения для рабочих, красноармейцев и крестьян отменялись. Для остальных категорий населения на это время прием в партию был закрыт. Во время «партийной недели» на предприятиях и в казармах рекомендовалось проводить лекции, собрания и митинги, после которых желающие могли «записаться» в партию – внести свое имя в список на вступление в Коммунистическую партию. Эти списки оглашались на предприятиях или в казармах для ознакомления, а затем поступали на утверждение партийной ячейки, районного и местного комитета партии. Примечательно, что ЦК РКП(б) в своем циркулярном письме давал возможность партийным организациям не только самостоятельно определять сроки проведения «партийных недель», но и корректировать методы проведения этой кампании исходя из местных условий.

«Партийные недели» в Сибири проводились с начала 1920 г. под руководством Сибирского бюро ЦК РКП(б). В Омске «партийная неделя» прошла с 15 по 20 февраля 1920 г.², в Анжеро-Судженске она началась 21 февраля³. В Новониколаевске были организованы раздельные «партийные недели» для рабочих и красноармейцев со второго по девятое апреля и с 14 по 20 апреля 1920 г. соответственно⁴. В Иркутске «партийная неделя» была проведена с 6 по 12 июня 1920 г.⁵, а в Якутске – только в январе 1921 года⁶.

Президиум Иркутского губкома 1 июня 1920 г. постановил провести «партийную неделю» среди рабочих, «добывающих сред-

---

¹ Известия ЦК РКП(б). М., 1919. № 6.

² Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 2. Л. 16.

³ Там же. Д. 1а. Л. 63.

⁴ Новониколаевск, 1 апреля // Красное знамя. (Новониколаевск). 1920. 1 апр.

⁵ ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 15.

⁶ В Якутской области // Правда. (Москва). 1921. 1 апр.

ства к жизни физическим трудом», и военнослужащих. Вступить в РКП(б) указанные категории населения могли, всего лишь, заполнив анкету¹. Для всех остальных на это время в партию закрывался. Списки вновь вступивших членов оглашались на собраниях в казармах или на предприятиях для всеобщего сведения. Затем списки поступали на утверждение партийной ячейки или районного комитета партии².

21 октября 1920 г. Енисейский губком принял решение о проведении «партийной недели» в крупных пролетарских центрах губернии: в Красноярске, Ачинске, Енисейске, Каинске и на Знаменском заводе. Енисейский губком постановил принимать рабочих, постоянно проживающих в месте проведения «недели», кандидатами РКП(б) без необходимых рекомендаций. В отличие от Иркутского губкома, приостановившего на время проведения «партийной недели» прием в партию всех, кроме рабочих и красноармейцев, Енисейский губком считал возможным вступление в РКП(б) во время «недели» приезжих из деревень и интеллигенции по обычным правилам. Таким образом, партийные комитеты в Сибири использовали данную ЦК РКП(б) возможность регулировать проведение «партийных недель». Принятые кандидатами во время «партийных недель» получали обычный кандидатский билет. Порядок перевода в действительные члены во время «партийной недели» не менялся³, что дает основание предполагать, что в Сибири «записавшихся» в партию принимали преимущественно кандидатами, а не членами, как было принято в центральной части России. Вероятно, такой порядок приема «записавшихся» во время «партийной недели» был вызван необходимостью более тщательно проверять вступающих в Коммунистическую партию сибиряков.

«Запись» в партию проходила через местные ячейки: желающий стать членом РКП(б) должен был указать свою фамилию, имя, отчество, место службы, профессию и адрес. В местах, где не было коммунистических ячеек, желающие заполняли анкеты в секретариате местного комитета партии. Президиум местного парткома утверждал списки кандидатов в члены партии. Эти списки поступали на утверждение общего собрания местной партийной организации. В.И. Наймушин считает, что если в центральной части России окончательное решение о принятии в Коммунистическую партию «записавшихся» во время «партийной недели» принималось местным комитетом партии, то в Сибири окончательное

---

¹ См. ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 15.

² *Ржанов Г.* Надо удвоить наши ряды // Власть труда (Иркутск). 1920. 9 июня.

³ ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 272. Л. 37–37 об.

утверждение проводилось общим собранием местной партийной организации¹.

На всей территории Сибири «партийные недели» были призваны обеспечить льготные условия вступления в РКП(б) исключительно рабочим и красноармейцам. Нераспространение партийной недели на крестьянство, в отличие от центральной части России, было связано, по-видимому, с возможностью вступления в партию неблагонадежных крестьян (в Сибири преобладало среднее и зажиточное крестьянство). Процедура приема в партию во время «партийных недель» существенно упрощалась, следовательно, попасть в партию крестьянам, преследующим корыстные цели, становилось бы проще. Ввиду этого Сибирское бюро ЦК РКП(б) в июне 1920 г. признало недопустимыми действия Барабинской уездной организации РКП(б) по приему в партию во время «партийной недели» бывших партизан². Таким образом, «партийные недели» в Сибири были призваны не только увеличить численный состав Коммунистической партии, но и улучшить ее качественный состав за счет вовлечения рабочих и военнослужащих.

Проведение «партийных недель» в Сибири сопровождалось широкой агитационно-просветительной работой в массах: в местных газетах публиковались обращения к беспартийным рабочим с призывом вступать в партию, были напечатаны Устав РКП(б), очерки по истории партии и другие материалы, носящие информационный и разъяснительный характер³. Задача «партийных недель» заключалась не только в увеличении численности партии за счет рабочих и красноармейцев, но и в вовлечении новых членов в партийную работу.

Под руководством местных партийных комитетов проводились лекции, собрания и митинги, на которых желающим вступить в РКП(б) разъяснялась Программа партии, обсуждались политическая обстановка в стране и задачи, стоящие перед Коммунистической партией⁴. В Новониколаевске в первый день «недели» устраивался митинг под названием «Что такое Российская коммунистическая партия (большевиков)»⁵. На митингах и лекциях руководители партийных органов рассказывали об истории Комму-

---

¹ *Наймушин В.И.* История создания и укрепления партийных организаций Сибири... С. 126.

² ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 4. Л. 81.

³ См. например: Коммунистический интернационал // Власть труда. (Иркутск). 1920. 10 июня; *Ломский И.* Времени мало – рабочий, торопись! // Красное знамя. (Новониколаевск). 1920. 4 апр.

⁴ См. ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 15.

⁵ Партийная неделя. Митинги // Красное знамя. (Новониколаевск). 1920. 2 апр.

нистической партии, диктатуре пролетариата, Коммунистическом Интернационале и т. д. В Анжеро-Судженске за время партийной недели было проведено 12 таких митингов, в Якутске – 15, в Иркутске ежедневно проводилось по два – три городских митинга¹. Местные партийные ячейки во время «недель» устраивали собрания своих членов и сочувствующих, чтобы разъяснить важность агитационной работы среди беспартийных, после чего проводили собрания в рабочих коллективах, на которых члены РКП(б) выступали с призывом вступать в Коммунистическую партию. Во время «партийных недель» проводилось по два – три собрания рабочих коллективов в городах, для рабочих также устраивались культурные мероприятия, в ходе которых проводились митинги-концерты, митинги-спектакли и «живые картины»².

Выявить численность РКП(б) в Сибири до проведения «партийных недель» и после них можно довольно условно, так как «недели» проходили в разное время. В.И. Наймушин приводит данные о 6296 членах и сочувствующих в губернских городах Сибири перед проведением в них «партийных недель» и 25 812 человек после. При этом в губернских городах Сибири во время «партийных недель» в партию «записалось» свыше восьми тысяч человек: в Омске – 4156 человек, в Иркутске – 1315, в Новониколаевске – 1292, в Томске – приблизительно одна тысяча, в Красноярске – 290, в Якутске – 253 человек³. Всего, по приблизительным подсчетам, благодаря «партийным неделям» численность сибирской организации РКП(б) увеличилась не менее чем на десять тысяч рабочих и военнослужащих⁴.

«Партийные недели» явились способом решения важной проблемы Коммунистической партии в Сибири – недостатка членов партии, имеющих право давать рекомендации для принятия кандидатами желающих вступить в партию. Для вступления в РКП(б) во время «партийных недель» рабочим и красноармейцам вовсе не требовались рекомендации, что открывало перед ними двери партии, а вместе с тем давало большие перспективы для повышения собственного социального статуса в обществе. К тому же, проведение «партийных недель» сопровождалось широкой агитационно-просветительной работой среди беспартийных, что позволяло дать желающим вступить в ряды в РКП(б) некоторую политическую подготовку.

---

¹ Наймушин В.И. История создания и укрепления партийных организаций Сибири... С. 121.

² См. подробнее: Там же. С. 121–124.

³ Там же. С. 127–128.

⁴ Сибирское бюро ЦК РКП(б). 1918–1920 гг.: Сб. док-ов. Ч. 1. Новосибирск, 1978. С. 239.

Организация в Сибири «партийных недель» в условиях военного коммунизма отличалась рядом особенностей по сравнению с проведением этой кампании в центральной части России. Во-первых, в Сибири их проведение началось только с февраля 1920 г., в то время как в общероссийском масштабе «партийные недели» проводились уже с августа 1919 г. Причины более позднего использования «партийных недель» в Сибири объясняются тем, что здесь Советская власть была восстановлена позднее, чем в центре Советской России. Во-вторых, «партийные недели» в Сибири проводились исключительно среди рабочих и красноармейцев и не допускались для крестьян. Такое ограничение было обусловлено необходимостью укрепить ряды Коммунистической партии в Сибири за счет вступления в нее элементов, доказавших свою преданность Советской власти. Возможно, сказывалось также недоверие руководства РКП(б) к сибирским крестьянам как более зажиточным и склонным к продолжению политических колебаний. В-третьих, «записавшихся» в партию во время «партийных недель» в Сибири принимали преимущественно кандидатами, и только после дополнительной проверки их переводили в полноценные члены РКП(б).

В результате осуществленных Коммунистической партией мероприятий по увеличению собственных рядов, в том числе путем проведения «партийных недель», численность РКП(б) в Сибири в сентябре 1921 г. достигла почти 80 тыс. человек¹, что составляло примерно 11,0 % от общей численности Коммунистической партии, насчитывавшей к тому времени 730 тыс. человек². Таким образом, доля сибирских коммунистов в составе РКП(б) по сравнению с началом 1920 г. увеличилась примерно на 8,5–9,0 %.

Изменение численности сибирской партийной организации является одним из ключевых показателей социальной мобильности населения Сибири, который дает представление о методах и масштабах перемещения различных категорий населения в социальном пространстве. Результаты «партийных недель», проведенных в Сибири в период военного коммунизма, свидетельствуют о том, что благодаря их проведению часть рабочих и красноармейцев смогла исключительно быстро повысить свой социальный статус путем вступления в Российскую коммунистическую партию (большевиков).

---

¹ См. *Гузаров В.Н., Кузнецова Т.А.* Организационно-партийная работа в Сибири 1920–1930 гг. С. 218.

² Десятый съезд РКП(б). 8 марта – 16 марта 1921 г. М., 1933. С. 555.

Арендно-концессионная политика на Бериккульском руднике (1923–1926 гг.)

В данной статье рассмотрены проблемы функционирования концессионных предприятий в СССР в первой половине 1920-х гг. на примере Бериккульского рудника. Показаны недоработки в области регулирования концессионных отношений между высшими хозяйственными органами страны и краевыми структурами. Анализируются социально-политические, экономические и правовые аспекты функционирования арендно-концессионного предприятия, объективные и субъективные причины появления своеобразного «симбиоза» отечественного и иностранного капитала. Раскрываются причины социально-трудовых конфликтов, дается оценка деятельности и роли профсоюзов в рамках влияния на экономическую жизнь страны в целом и функционирования концессионного предприятия в частности.

Ключевые слова: аренда, концессия, Бериккульский рудник, профсоюзы, социально-трудовые конфликты.

Развитие арендно-концессионных¹ отношений, частным случаем которого явился договор об эксплуатации Бериккульского золотопромышленного рудника, выступало отражением экономической политики СССР первой половины 1920-х гг. в области передачи ранее национализированных предприятий в руки частных предпринимателей. Это отражение характеризуется очевидными недоработками в сфере правового регулирования отношений государства и арендаторов/концессионеров. СНК, ВСНХ, Главный Концессионный Комитет СССР (Главконцеском), принимая решение о заключении договора, руководствовались общими положениями о концессионной политике СССР. В то время как «насыщение» конкретного договора, его переработка, то есть практика реализации возлагались на региональные/краевые и местные структуры.

Говоря об историографии проблематики концессионных отношений в СССР, следует выделить несколько периодов. В 1920-х – начале 1930-х годов проблематика концессионных отношений стала

---

¹ Главное отличие аренды от концессии заключается в том, что арендатор получает от государства имущество в пользование, которое, по окончании срока аренды он обязан вернуть в исправном состоянии. Концессия же предполагает полное восстановление предприятия и дальнейшее его расширение, подъем производства на новый уровень. Концессия, как правило, принадлежит иностранному капиталу. См.: *Райзберг Б.А.* Словарь современных экономических терминов / 4-е изд. М., 2008.

объектом внимания в работах практиков концессионного дела, работников государственного и профсоюзного аппаратов, в которых разъяснялась необходимость сдачи предприятий в концессию, рекомендации по содержанию и их дальнейшему использованию¹. 1930-е – 1950-е годы характеризуются практически полным отсутствием работ по концессионным отношениям². В 1960-е – 1980-е годы появились работы, в которых рассматривались вопросы теории и практики государственного капитализма, более или менее подробно освещались вопросы истории торгово-экономических и политических отношений СССР со странами Запада, раскрывался хозяйственный механизм условиях нэпа и индустриализации³. В постсоветский период исследователи отходят от идеологизации, которая ранее особенно была характерной для проблематики концессионных отношений. Эти публикации построены на значительных массивах эмпирического материала архивов, материалы которых подверглись процессу рассекречивания⁴.

Целью данного исследования является выявление социально-политических, экономических и правовых аспектов функционирования арендно-концессионного предприятия в сфере золотопромышленности в условиях смешанной экономики в контексте государственной политики и практики ее реализации на примере Бериккульского рудника. Исследование выполнено на основе анализа делопроизводственной документации, хранящейся в фондах Государственного архива Новосибирской области (ГАНО), позволяющей выявить механизм принятия и практического воплощения управленческих решений в сфере государственного контроля над частным сектором экономики.

23 марта 1923 г. государственный золотой рудник Бериккуль Мариинского уезда Томской губернии был сдан в аренду гражданину Н.Г. Яковлеву посредством подписания договора между упомянутым арендатором и ВСНХ СССР⁵. Н.Г. Яковлев являлся быв-

---

¹ *Богданов Н.П.* Профсоюзы и концессионные предприятия. М., 1928; *Бернштейн И.Н.* Очерк концессионного права СССР. М.-Л., 1930.

² *Булатов В.В.* Концессионные отношения в СССР: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Волгоград, 2012.

³ *Бергин И.Б.* Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М., 1970. 239 с.; *Касьяненко В.И.* Об экономических и технических связях между Советским Союзом и США в 20–30-х гг. // Новая и новейшая история. 1964. № 6. С. 80–86.

⁴ *Юмашев Ю.М.* Иностранные концессии в России и СССР (20–30-е годы) // Государство и право. № 10. 1993. С. 100–111; *Юдина Т.В.* Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы нэпа. Волгоград, 2009; *Лисовская Е.Г.* Концессии и формирование советской экономики. М., 2006.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 918. Оп. 1. Д. 188. Л. 130.

шим владельцем рудника, и факт руководства им (а с установлением нэпа и арендаторства) для первой половины 1920-х гг. не было из ряда вон выходящим явлением¹. Рудник сдавался на ближайшие 12 лет со дня утверждения договора ВСНХ. Согласно договору, арендатор обязан был добыть в первый год аренды не менее двух пудов чистого золота, а в дальнейшем ежегодно – не менее четырех пудов².

Для непосредственной передачи рудника арендатору была создана Комиссия, завершившая свою работу 18 августа 1923 года. Комиссия по передаче Бериккульского рудника имела целью зафиксировать техническое состояние рудника и составить описи имеющегося на руднике оборудования, материалов и продуктов. После окончания работы, Комиссия передала информацию об итогах своей деятельности в Сибирское Бюро ВСНХ. Непосредственная деятельность арендатора по управлению рудником началась в конце августа 1923 года³.

Низовые экономические структуры указывали на значительные недоработки в проекте арендного соглашения от 23 марта 1923 г. Горный инженер при Сибирском главном промышленном управлении (СГПУ) Н.Д. Горковенко обосновывал невыгодность условий для государства. Согласно его отчету «К договору на сдачу в аренду Бериккульского золотого рудника», указывалось, что арендатору уже не нужно производить капитальный ремонт значительной части горного оборудования для того, чтобы добывать установленные по договору минимальные нормы выработки золота⁴. С учетом указаний на очевидные просчеты при составлении первоначального арендного соглашения, уже подписанного ВСНХ в марте 1923 г., по предписанию Экономического совета Сибирского бюро ВСНХ начальник Сибирского горного надзора Л.С. Губарев окончательно сформулировал условия договора по месту нахождения Бериккульского рудника⁵.

По истечении первого года работы арендного предприятия произошли трагические события. 14 сентября 1924 г., по дороге от станции Тисуль, арендатор Н.Г. Яковлев и его работник Чернышев были убиты в результате нападения группы местных тисульских крестьян, знавших, что Яковлев вез на рудник деньги для выплаты заработной платы горнорабочим. Правопреемником Н.Г. Яковлева на руднике стал его сын Г.Н. Яковлев, проживав-

---

¹ Борисова Л. В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М., 2006. С. 215–216.

² ГАНУ. Ф. 918. Оп. 1. Д. 188. Л. 110.

³ Там же. Л. 61–61 об.

⁴ Там же. Л. 115–115 об.

⁵ Там же. Л. 130–131.

ший в Москве. На руднике делами в это время управлял инженер А.И. Пащенко¹.

Не имея в достаточном объеме собственных средств, Г.Н. Яковлев привлек на производство немецкую фирму «Штольценберг»², которая, по сведению местной профсоюзной организации (рудкома), незамедлительно вложила около 50 тыс. руб. в производство. Приход немецкой фирмы требовал новых договорных оснований. На фоне данных перемен назрел конфликт с профсоюзом, потребовавшим от управления рудником новых условий коллективного договора³. Для оказания воздействия на администрацию в ноябре – начале декабря 1924 г. рудком организовал забастовку работников предприятия.

Ввиду заявленного арендатором несогласия удовлетворить требования райкома Всероссийского союза горнорабочих (ВСГ) по Кузбассу, последний объявил Бериккульский рудник «на положение конфликта на срок до 20 ноября с/г»⁴. Крайком ВСГ по Сибири своим решением от 15 ноября 1924 г. поддержал требования райкома⁵. Понимая всю сложность сложившейся ситуации, представители арендного управления в лице В.А. Гильгенгофа и А.И. Пащенко на совместных заседаниях с представителями райкома ВСГ Кузбасса и рудкома Бериккульского рудника в начале декабря 1924 г. пришли к компромиссному решению по всем основным вопросам⁶. Конфликт не потребовал вмешательства вышестоящих инстанций. Но, несмотря на подписание нового коллективного договора, фактических позитивных сдвигов в виде своевременной выплаты заработной платы и улучшения условий труда в деятельности рудоуправления райкомом ВСГ не наблюдалось. Об этом профсоюз незамедлительно сообщал в сибирские хозяйственные органы⁷.

В апреле 1925 г. горный отдел Сибпромбюро ВСНХ провел обследование Бериккульского рудника на предмет состояния производства⁸. Его представителем был предоставлен доклад, характеризовавший положение дел на руднике: «Государственный золотой рудник Бериккуль арендован с конца 1923 г. гражданином Н.Г. Яковлевым, который в сентябре м[инувшего] г[ода] при проезде из п. Тисуль на рудник был убит и ограблен. Наследник

---

¹ ГАНО. Ф. 918. Оп. 1. Д. 188. Л. 231.

² ГАНО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 578. Л. 2.

³ Там же. Л. 15.

⁴ Там же. Л. 16–16 об.

⁵ Там же. Л. 17–17 об.

⁶ Там же. Л. 24–35.

⁷ Там же. Л. 59–59 об.

⁸ ГАНО. Ф. 918. Оп. 1. Д. 726. Л. 92–99 об.

Н. Г. Яковлева – его сын – поставил условием вступления права аренды допущение в качестве компаньонов германской фирмы «Акц[ионерное] общ[еств]о хим[ических] заводов д-ра Штольценберга и Гамбурга». По сведениям, полученным мною от рудоуправления, ВСНХ и Главконцесском настоящий договор уже утвердили, и договор находится на рассмотрении в СНК, который полагал утвердить таковой не позднее 17/II с/г. но с настоящего времени этого утверждения не последовало. Тем не менее, фирма Штольценберга нашла для себя возможным вложить в дело уже в настоящее время до 60.000 (шестидесяти тысяч) рублей, и представитель последней гр. Гильгенгоф все время находится на руднике, имея общее руководство работами. Инженер Пащенко, заведывавший рудником при жизни Н.Г. Яковлева, теперь является заведывающ[им] горными работами, так как сроки его доверенностей истекли, фактически же вступления наследника в права не последовало. [...] Таким образом на руднике создано ненормальное положение отсутствие владельцев» (здесь и далее подчеркнута в документе – А.Р.)¹.

Представитель Сибпромбюро, лишь на основании бесед с рудоуправлением и «беглым» (за три дня пребывания на руднике) осмотром рудника, сделал достаточно оптимистичное заключение: «...рудник должен жить нормальной жизнью большинства Американских и Южно-американских предприятий. *Все это намечено к осуществлению фирмой д-ра Штольценберга»*² (курсив мой – А.Р.). Далее в докладе говорилось: «В настоящее время рудник существует исключительно на деньги фирмы. [...] Возникшие шероховатости практически изжиты. Утверждение договора СНК успокоит [...] умы на руднике, т.к. появится законный арендатор, отвечающий за свое дело. [...] Общие отношения рабочих к управлению благоприятные...»³.

Основываясь на указанном выше источнике, можно сделать вывод о том, что представитель Сибпромбюро не обоснованно дал столь положительную оценку «намерениям» будущего концессионера, способного действовать в ином русле, в отличие от старого арендатора (концессионер «намеревался» увеличить производительность рудника за счет улучшения его материально-технической базы). А также, оценивает отношение рабочих рудника к арендному управлению как «благоприятное», хотя по данным протоколов общих собраний рабочих государственного золотого

---

¹ ГАНО. Ф. 918. Оп. 1. Д. 726. Л. 92 об. – 93.

² Там же. Л. 95.

³ Там же. Л. 99.

рудника «Берикуль» Мариинского уезда Томской губернии¹, материалов профсоюзной газеты Берикульского рудника «Красный рудокоп»², положение трудящихся оставалось незавидным. Можно предположить, что рабочие рудника ждали улучшения ситуации так же, как и в августе 1923 г., когда начались работы при арендаторе Н.Г. Яковлеве.

В исполнение постановления СНК СССР от 6 октября 1925 г. 17 октября того же года представителями Правительства СССР был подписан концессионный договор с Товариществом «Г. Штольценберг и Насл[едники]ки Яковлева». Постановлением Президиума ВСНХ СССР от 10 ноября 1925 г. за № 2/428 наблюдение за исполнением этого договора возлагается на горный отдел Главного экономического управления³. Последний уведомил концессионера о том, что непосредственный надзор за выполнением последним обязательств договора будет осуществляться горным отделом Сибпромбюро⁴. Концессионный договор⁵ от имени товарищества был подписан представителем фирмы «Штольценберг» Ю.К. Настом, от имени наследников Н.Г. Яковлева (Г.Н. Яковлева и М.Н. Яковлевой) – Г.Н. Яковлевым. По уполномочию СНК СССР, договор скрепил своей подписью заместитель наркома по иностранным делам М.М. Литвинов⁶. Документ представлял собой, по сути, переработанную версию арендного договора с Н.Г. Яковлевым от 23 марта 1923 г. с учетом некоторых (не всех) замечаний со стороны ГЭУ при ВСНХ СССР и горного отдела Сибпромбюро. Эти замечания были взяты из отчетов комиссии по передаче рудника в 1923 г. и докладов обследования Сибпромбюро в апреле 1924 года.

При перезаключении коллективного договора в конце 1925 г. между концессионером и крайкомом Союза горнорабочих, необходимость в котором появилась после утверждения концессионного соглашения, возник конфликт, касавшийся расценок по заработанной плате и стоимости золотника золота при артельно-сдельных работах. Дело разбиралось третейским судом в Новосибирске 25 ноября 1925 года. Данная ситуация несколько отличалась от разрешения конфликтной ситуации между региональным профсоюзом и арендатором в конце 1924 года. Конфликт не был разрешен сторонами самостоятельно. Появилась необходимость привлечения третьей стороны – суперарбитра, которым являлся

---

¹ ГАНО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 578. Л. 14–18, 23–26 об., 28–35.

² Там же. Л. 58.

³ ГАНО. Ф. 918. Оп. 3. Д. 16. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 5–17.

⁶ Там же. Л. 17.

выбравшийся с согласия конфликтующих сторон председатель третейского суда и принимавший беспорное решение¹. Решение суперарбитра носило компромиссный характер, что можно проследить на примере разрешения конфликта рудоуправления и рудкома по вопросу о расценках стоимости золотника золота при артельно-сдельных работах. Профсоюз предлагал определить ее в размере 2 руб. 25 коп., концессионер – 2 руб. ровно. Исходя из предложений профсоюза и концессионера, суперарбитр вынес решение определить размер стоимости в 2 руб. 10 копеек². Аналогичной была ситуация и по решению определения ставки первого разряда, где учитывались интересы и нанимателя, и профсоюза.

По истечении полугодового срока со времени подписания концессионного договора (весна 1926 г.), начальник Томско-Алтайского горного округа (ТАГО) получил распоряжение от горного отдела СибкрайСНХ об обследовании Берикульского рудника³. Доклад по его итогам показал, что концессионерами не было принято достаточных мер по восстановительным работам на руднике и развитию дела до размеров, обеспечивавших выполнение договорного минимума добычи золота в первый год за льготным шестимесячным подготовительным периодом. Фабрика находилась в том же ветхом состоянии, как и в 1920 году. Горные работы велись в старых штольнях и при полном отсутствии производственного руководства. В целом восстановительные мероприятия ограничились лишь ремонтом нескольких помещений⁴. В результате начальник ТАГО сделал вывод о том, что по целому ряду пунктов концессионного договора работа не будет выполнена в срок по причинам практически полной дезорганизации производства на руднике.

Тридцатого июня 1926 г. в горный отдел Сибкрайсовнархоза поступило письменное заявление управляющего рудником инженера А.И. Пащенко о получении им распоряжения от управляющего немецкой фирмы «Штольценберг» о прекращении работ 29 мая 1926 года⁵. Оставшийся в качестве фактического руководителя на руднике инженер А.И. Пащенко просил Сибкрайсовнархоз о создании Комиссии по передаче рудника государству и его охране, так как в обороте Рудоуправления денег не оставалось даже на обеспечение безопасности предприятия. Для непосред-

---

¹ Борисова Л.В. Трудовые отношения... С. 234–236.

² ГАНО. Ф. 532. Оп. 1. Д. 971. Л. 3.

³ ГАНО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 53. Л. 55.

⁴ ГАНО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 53. Л. 55 об.

⁵ Там же. Л. 93 об.

ственного выяснения причин остановки работ на рудник выехал инженер Н.Д. Горковенко¹.

На основании информации инженера Н.Д. Горковенко президиум Тисульского райисполкома во избежание разграбления имущества рудника принял решение о взятии на себя обязательств по охране рудника. Кроме того, он ходатайствовал перед Сибсовнархозом о зачислении в госфонд имущества рудника как пришедшего в полную негодность и не поддающегося реализации². 25 сентября 1926 г. управляющий А.И. Пащенко уведомил управление округа об окончании работ по ликвидации рудника и передаче последнего на хранение Тисульскому райисполкому³.

Бывший управляющий Бериккульского рудника В.А. Гильгенгоф 5 мая 1927 г. направил в Сибкрайсовнархоз обширнейшую докладную записку о причинах неудачи концессии, связанных со скоропостижной смертью Н.Г. Яковлева и финансовыми трудностями доктора Штольценберга в 1925 году⁴. Автор документа указывал также на наличие у него развернутого плана по продолжению эксплуатации Бериккульского рудника. В.А. Гильгенгоф предлагал правительству дальнейшее сотрудничество на этой основе при условии оплаты проделанной работы по подготовке плана развития рудника Бериккуль и близлежащих золотопромышленных объектов края, а также принятия его на руководящую должность. 1 июня 1927 г., принимая во внимание доклад горного инженера Н.Д. Горковенко⁵, в котором обосновывалось отсутствие «респектабельности» заявленного предложения, горный отдел Сибкрайсовнархоза принял решение об отказе принятия плана В.А. Гильгенгофа⁶. В дальнейшем работы на руднике велись акционерным обществом «Союззолото», а после его ликвидации в ноябре 1930 г. – государственным трестом золотой промышленности «Запсибзолото».

Характерной особенностью «Бериккульского примера» является тот факт, что на руднике был представлен частный капитал как советского, так и иностранных предпринимателей. Этот своеобразный «симбиоз» сложился в результате ряда причин, среди которых можно выделить как субъективные, так и объективные. К первым следует отнести смерть арендатора Н.Г. Яковлева, которая повлекла за собой привлечение его наследником Г.Н. Яковлевым, не имевшим возможности самостоятельного использования руд-

---

¹ ГАНО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 53. Л. 106.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 12–23.

⁵ Там же. Л. 24–25.

⁶ Там же. Л. 26.

ника, иностранного капитала. Исходя из анализа производственной документации по Бериккульскому руднику, можно сделать вывод о том, что ни арендатор, ни концессионеры не выполняли условий договора по реставрации рудника. Предприниматели использовали труд старательских артелей путем максимальной выработки недр имеющихся забоев и штолен. Понимая шаткость своего положения, они старались получить прибыль для покрытия производственных расходов.

Объективные причины возникновения Бериккульской концессии заключались в том, что правительство рассчитывало получить от соглашения с иностранным предпринимателем существенно больше выгоды. При этом план, намеченный немецкой фирмой, при его реализации сулил полный «расцвет» рудника. По указанным выше обстоятельствам этому плану не было суждено сбыться. Многочисленные бюрократические «затяжки» и рассогласования, складывавшиеся на уровне взаимодействия государственных структур с представителями рудоуправления, в сочетании с дефицитом средств на развитие основного производства, а также периодически проявлявшиеся социально-трудовые конфликты между профсоюзами и арендаторами, не позволяли предпринимателям в полной мере наладить производство на руднике.

Не «отшлифованная» в полной мере совместная работа центральных и региональных госструктур с профсоюзами и между собой, но при этом и достаточно лояльное отношение к выполнению договора арендаторами, позволяют говорить о том, что первая половина 1920-х гг. в арендно-концессионных отношениях СССР характеризуется как этап поиска оптимальных путей развития данной политики. Отсутствие государственных капиталовложений на фоне необходимости минимального поддержания работы промышленности, вынуждало высшее руководство соглашаться на не самые выгодные условия, чем в достаточной мере воспользовались арендаторы Бериккульского рудника. Другой характерной особенностью рассматриваемой ситуации является позиция профсоюзов, которые в то время еще не были полностью подконтрольны партийным и государственным органам и выступали в качестве достаточно самостоятельного субъекта социально-трудовых отношений, предпочитая конфликты компромиссам и согласованиям, что зачастую шло вразрез с государственной политикой привлечения в производство частного капитала.

Л.В. Кромер

Ленинский призыв молодежи в комсомол Сибири (январь – ноябрь 1924 г.)*

В статье рассматривается участие Сибирской комсомольской организации в кампании так называемого ленинского призыва молодежи в комсомол. Автором были выявлены основные статистические сведения, характеризующие динамику численности и состава Сибирской комсомольской организации в январе – ноябре 1924 г., показаны трудности, с которыми столкнулось Сиббюро ЦК РКСМ в ходе проведения ленинского призыва, а также предпринята попытка оценить результаты проведенной кампании. Сделан вывод, что главным итогом ленинского призыва в комсомол на территории Сибири оказалось не увеличение его «рабочего ядра», на что во многом рассчитывало руководство РКП(б) и РКСМ, а прежде всего количественный рост Сибирской организации, ставший важнейшей предпосылкой для дальнейшей адаптации почти двух десятков тысяч юношей и девушек к советской политической системе.

Ключевые слова: Молодежь, комсомол, РКСМ, РЛКСМ, ленинский призыв, динамика численности, политическая адаптация, Сибирь.

Коммунистическая партия, начиная еще с самых ранних этапов своего существования, рассматривала молодежную политику как одно из важных направлений своей деятельности. Подростающее поколение мыслилось как опора коммунистического движения. В.И. Ленин писал в 1906 г., ссылаясь на Ф. Энгельса: «Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. [...] Предоставим лучше кадетам подбирать "уставших" старцев в 30 лет, "поумневших" революционеров и ренегатов социал-демократии. Мы всегда будем партией молодежи передового класса!»¹. Участие молодежных масс в коммунистическом строительстве представлялось В.И. Ленину необходимым условием победы коммунистического строя. Выступая на состоявшемся 2–10 октября 1920 г. III съезде РКСМ, он недвусмысленно указал на необходимость поголовного вовлечения молодежи в дело строительства коммунизма: «Без привлечения всей массы рабочей и крестьян-

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00313а.

¹ Ленин В.И. Кризис меньшевизма // Полное собрание сочинений. М., 1972. Т. 14. С. 162–163.

ской молодежи к этому строительству коммунизма вы коммунистического общества не постройте»¹.

Решению поставленной большевиками задачи по поднятию политической активности молодого поколения способствовала кампания так называемого ленинского призыва. Необходимость вовлечения в РКП(б) не менее 100 тысяч рабочих от станка впервые была провозглашена состоявшейся 16–18 января 1924 г. XIII партийной конференции РКП(б)². Смерть В.И. Ленина 21 января 1924 г. послужила формальным поводом, позволившим партийному руководству придать этой кампании по-настоящему массовый характер. Состоявшийся 29 и 31 января пленум ЦК РКП(б) принял постановление «О приеме рабочих от станка в партию», согласно которому на три месяца прием в РКП(б) всех «непролетарских элементов» был приостановлен. Вместе с тем, в постановлении говорилось, что «особое внимание следует обратить на усиление вовлечения в ряды партии комсомольского рабочего юношества, работающего у станка, тем более что это должно повести к усилению партийного ядра Коммунистического союза молодежи, а равно и к усилению чисто пролетарской его части»³.

5 февраля 1924 г. ЦК РКСМ принял свое собственное постановление, которым обязал местные комсомольские организации способствовать поступлению рабочего юношества в партию, а также объявил кампанию ленинского призыва в комсомол⁴. Фактически эта кампания была уже начата молодежными массами самостоятельно; увеличение количества желающих вступить в комсомол было зафиксировано уже в январе комсомольскими комитетами.

Известность и масштаб ленинского призыва, а также его связь с именем вождя большевистской партии предопределили высокий интерес к изучению этой кампании со стороны советских историков⁵. Исследователи декларировали наличие искреннего и

---

¹ Ленин В.И. Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.) // Полное собрание сочинений. М., 1981. Т. 41. С. 308.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3. 1922–1925. С. 157–158.

³ Там же. С. 184–185.

⁴ Товарищ комсомол. М., 1969. Т. 1. 1918–1941. С. 128; Динес В.А. Партийное руководство комсомолом в восстановительный период (1921–1925 гг.). Дисс. ... д-ра. ист. наук, 1984. С. 369.

⁵ Костыгова З.П. Ленинский призыв в партию (1924 г.). М., 1949; Соколова Е.К. Ленинский призыв в партию и его историческое значение // Великие идеи Ленина претворяются в жизнь. М., 1961. С. 20–42; Горлов П.М. Ленинский призыв. М., 1962; Потапов П.А. Некоторые вопросы партийного строительства в Сибири в 1924–1925 гг. (по материалам ленинского призыва) // Из истории партийных и советских организаций Сибири. Новосибирск, 1962. С. 56–117; Он же. Ленинский призыв и вопросы партийного строительства в Сибири (1924–

стихийного желания рабочих вступить в РКП(б), установили примерную численность рабочих, принятых в результате этой кампании, охарактеризовали успехи партийных организаций по вовлечению коммунистов ленинского призыва в общественную работу, сделали вывод об организационном и идейном укреплении большевистской партии. Опираясь на достижения советской историографии, современные российские исследователи пересмотрели ряд принципиальных положений, а именно: выявили широкий спектр мотивов, которыми руководствовались рабочие при вступлении в РКП(б)¹, доказали, что истинной причиной, побудившей сталинское большинство ЦК к проведению кампании ленинского призыва в РКП(б) явилась политическая борьба против Л.Д.Троцкого², впервые оценили деятельность партийного руководства по просвещению коммунистов ленинского призыва как попытку адаптации к новым для них политическим условиям³.

На фоне столького детального исследования ленинского призыва в РКП(б) степень изученности аналогичной кампании, проводившейся комсомольскими организациями, выглядит на сегодняшний день весьма скромно. В центре внимания советских историков, так или иначе рассматривавших эту проблему, находились, прежде всего, вопросы организационного укрепления отдельных комсомольских организаций⁴. Специалистами были

1925 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1963. 19 с.; *Родионов С.И.* Ленинский призыв в партию в Сибири (1924 г.) // Из истории партийной организации Кузбасса. Новокузнецк, 1962. С. 30–49; *Макаева А.Т.* Ленинский призыв в партию в Томской губернии // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1963. Вып. 2. С. 39–49; *Левашев Ю.С.* Из истории ленинского призыва в партию на Алтае // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1964. Вып. 3. С. 3–13; *Галкина Т.И.* Ленинский призыв в партию в Омской губернии // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1965. Вып. 4. С. 44–58; *Миловидов В.Л.* Ленинский призыв в РКП(б) и его роль в формировании партийно-советских кадров (1924–1925 гг.). Доклад на семинаре преподавателей общественных наук вузов и техникумов. Кострома, 1971; *Верховцев И.П., Соколова Е.К.* Коммунисты двадцать четвертого. О ленинском призыве в партию. М., 1973; и др.

¹ *Тяжелыникова В.С.* Ленинский призыв 1924–1925 гг.: новые люди, новые модели политического поведения. Социальная история. Ежегодник 2008. СПб., 2009. С. 113–136.

² *Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев»: партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. С. 331–335.

³ *Морозова Т.И.* Деятельность партийного руководства Сибири по политической адаптации коммунистов ленинского призыва (1924–1925 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке / Отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2013. Вып. 4. С. 173–199.

⁴ *Хамидходжаев А.* Из истории ленинского призыва молодежи Средней Азии в комсомол // Общественные науки в Узбекистане. 1964. № 4. С. 54–55; *Кругло-*

выявлены основные решения ЦК и местных руководящих комитетов комсомола, касающиеся проведения кампании ленинского призыва в комсомол, а также статистические данные, характеризующие ее результаты, рассмотрена деятельность комитетов РКСМ – РЛКСМ по созданию системы политического просвещения среди комсомольцев.

И тем не менее, как в специальных публикациях о ленинском призыве, так и в исследованиях посвященных комсомолу в целом¹ обнаруживается наличие ряда принципиальных расхождений. Одним из наиболее ярких примеров является определение хронологических рамок ленинского призыва в комсомол. В качестве окончания сроков этой кампании одни историки называют конец мая², другие – июль³, а третьи – ноябрь 1924 года⁴. Таким образом, можно утверждать, что тема ленинского призыва в

ва Т.А. Ленинский призыв в комсомол и усиление идейно-воспитательной работы комсомольской организации Урала (1924–1927 гг.) // Ученые записки Пермского университета. 1966. № 151. С. 91–112; *Тереник М. [С.]*. По ленинскому призыву // Блокнот агитатора. Алма-Ата, 1964. № 18. С. 55–59; *Она же*. Ленинский призыв в комсомол Казахстана // Вопросы истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1966. Вып. 4. С. 41–52; № 18. *Жуков А. [Е.]*. С именем Ленина // Молодой коммунист. 1967. № 8. С. 48–50; *Коротков Ф.С.* Ленинский призыв // История комсомола Прикамья. Пермь, 1968. С. 59–65; *Золотарев В.А.* Ленинский призыв в комсомольских организациях Сибири // Все-союзная научная конференция «Ленин и молодежь», посвященная 50-летию присвоения комсомолу имени В.И. Ленина. Доклады и тезисы выступлений. М., 1974. Секция 17. История ВЛКСМ – героический путь борьбы комсомола за осуществление великих ленинских заветов. С. 110–112; *Сыроватский А.Д.* Ленинский призыв в комсомольских организациях Якутской АССР // Там же. С. 113–114.

¹ *Пугачев А.* Первые годы комсомола в Сибири: материалы в помощь лектору. Томск, 1947; Из истории Томской комсомольской организации: материалы к 40-летию ВЛКСМ. Томск, 1958; *Дылыков Ю.* Славный путь комсомола Бурятии. Краткий очерк. Улан-Удэ, 1964; В строю поколений. Очерки истории Красноярской организации ВЛКСМ. Красноярск, 1978; *Золотарев В.А.* Ленин. Сибирь. Комсомол. Новосибирск, 1978. Кн. 2. В борьбе за претворение в жизнь заветов великого вождя, 1920–1925 гг.; *Уткин В.* Страницы истории Новосибирской комсомольской организации. Новосибирск, 1979. Ч. 1. 1920–1945 гг.; *Сыроватский А.Д.* Очерки истории Якутской организации ВЛКСМ. Якутск, 1988; Очерки истории Алтайской организации ВЛКСМ. Барнаул, 1988; и др.

² *Динес В.А.* Партийное руководство комсомолом ... С. 375.

³ Из истории Томской комсомольской организации: материалы к 40-летию ВЛКСМ. Томск, 1958. С. 65; *Михайлюк В.С.* Стан досліджень ленинського призову молоді в комсомол у 1924 р. // Український історичний журнал. 1974. № 7. С. 143;

⁴ *Жуков А. [Е.]*. С именем Ленина // Молодой коммунист. 1967. № 8. С. 49; История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. Т. 4. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР, 1921–1937 гг. М., 1970. Кн. 1. 1921–1929 гг. С. 319; В строю поколений. Очерки истории Красноярской организации ВЛКСМ. Красноярск, 1978. С. 80.

комсомол до настоящего времени далеко не исчерпана и нуждается в дальнейшем изучении как во Всесоюзном, так и в региональном масштабе.

Целью настоящего исследования является освещение участия Сибирской комсомольской организации в кампании ленинского призыва в комсомол. Для достижения этой цели необходимо выявить роль Сибирской комсомольской организации в пополнении численности РКСМ – РЛКСМ во время кампании, определить специфику проведения и показать результаты кампании ленинского призыва в комсомол на территории Сибири.

В начале января 1924 г. численность Сибирской комсомольской организации составляла 22 747 членов и 2407 кандидатов¹, что составляло примерно пять процентов от общей численности РКСМ, насчитывавшего тогда около 500 700 человек². По гендерному признаку организация являлась преимущественно мужской. На 1 января 1924 г. 81,2 % из числа членов Сибирской организации РКСМ были юношами. Доля рабочих по социальному положению³ среди членов комсомола в Сибири составляла 30,7 %, крестьян – 56 %, а служащих – 8,4 % и так называемых «прочих» – 4,9 процента⁴. Это позволяло в целом характеризовать состав сибирского комсомола как рабоче-крестьянский, но в, то же время, свидетельствовало о необходимости более активного привлечения в ряды комсомола рабочей молодежи.

Критерии приема, прописанные в действовавшем тогда Уставе РКСМ были гораздо менее жесткими, чем аналогичные критерии для приема в РКП(б). Если для вступления в члены партии рабочим и крестьянам требовалось предъявление соответствующих рекомендаций, а также прохождение шестимесячного (или годового для крестьян) кандидатского стажа, то пролетарская и крестьянская молодежь (от 14 до 23 лет) принималась в

---

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-187. Оп. 1. Д. 296. Л. 2.

² Динес В.А. Партийное руководство комсомолом... С. 375; ГАНО. Ф. П-188. Оп. 1. Д. 28. Л. 24.

³ Здесь и далее под рабочими и крестьянами по «социальному положению» понимаются не только лица, непосредственно занятые рабочим или крестьянским трудом, но и «оторвавшиеся» от своего класса. «Социальное положение определяется следующими признаками: рабочая молодежь: а) занимающаяся наемным физическим трудом в производстве, б) занимающаяся наемным физическим трудом в производстве, но оторванная от него на общественную работу или учение. Крестьянская молодежь: а) занимающаяся крестьянским хозяйством, в котором не применяется наемный труд, б) занимающаяся крестьянским хозяйством, в котором не применяется наемный труд, но оторванная от него на общественную работу» [Инструкция о приеме и исключении членов Российского Коммунистического Союза Молодежи // Программа и Устав РКСМ. Чита, 1923. С. 34].

⁴ ГАНО. Ф. П-187. Оп. 1. Д. 293. Л. 7. Сводка составлена на 21 348 членов.

комсомол без каких-либо формальных ограничений. Учащиеся непролетарского прохождения и служащие становились членами РКСМ после прохождения годового кандидатского стажа. Их зачисление в кандидаты происходило по рекомендации двух членов РКСМ или РКП(б), состоящих в этих организациях не менее двух лет¹. Порядок вступления в комсомол для красноармейцев полностью определялся их социальным положением до прохождения воинской службы².

После объявления ЦК РКСМ 5 февраля 1924 г. кампании ленинского призыва в комсомол порядок приема в его ряды был временно изменен. Основным источником для роста комсомольских рядов руководство РКСМ считало молодых рабочих «от станка», не запрещая, тем не менее, прием в комсомольские организации крестьян, занятых в сельском хозяйстве. Прием остальных категорий населения в комсомол, согласно постановлению ЦК РКСМ, был приостановлен на два месяца³.

Во многом благодаря этим условиям за январь – апрель 1924 г. в Сибирскую организацию РКСМ вступило, по неполным данным, 6724 рабочих и крестьянина⁴, из которых, как следует из сопоставления статистических сводок, рабочая молодежь составляла 3182 чел.⁵, то есть только 47,3 % принятых. Широкое участие представителей крестьянства в кампании не вызывало беспокойства Сиббюро ЦК РКСМ. Напротив, в обращении к местным организациям комсомола оно отмечало: «Своеобразная в Сибири крестьянобоязнь должна была уступить и уступает место широкому вовлечению в наш союз рвущейся к сознательной жизни в первую очередь беднейшей, батрацкой и лучшей части середняцкой молодежи. Первые сведения, которые идут с мест, говорят с очевидностью, что новый призыв крестьянской молодежи дает прекрасные активные кадры нашей комсомольской деревне. К таким же выводам, по имеющимся сведениям пришли ряд других организаций Центральной России (Москва, Тверь, Ив[аново-]Вознесенск), а также и партия...»⁶.

---

¹ Устав РКСМ (секция К.И.М.) // Календарь коммуниста на 1924 г. М., 1924. С. 227–228.

² Инструкция о приеме и исключении... С. 36.

³ Товарищ комсомол... С. 128; Динес В.А. Партийное руководство комсомолом... С. 369.

⁴ ГАНУ. Ф. П-187. Оп. 1. Д. 372. Л. 37. Данные приводятся без сведений по Ойротской области (февраль – апрель) и Якутии (полностью), Енисейской и Иркутской губерниям за апрель. По-видимому, к данному числу были причислены и 1393 красноармейца, 200 из которых являлись курсантами военных учебных заведений. ГАНУ. Ф. П-187. Оп. 1. Д. 335. Л. 127; Д. 372. Л. 39.

⁵ ГАНУ. Ф. П-187. Оп. 1. Д. 372. Л. 39.

⁶ Шире двери комсомола передовой крестьянской молодежи (Письмо Сиббюро ЦК РКСМ местным организациям союза) // Советская Сибирь. 1924. 27 апреля.

Однако признавая собственные недоработки в деле вовлечения в РКСМ молодых рабочих и опасаясь, вследствие этого, «оставления лучшей части молодежи – рабочего юношества за бортом общественно-политической жизни», в апреле 1924 г. Сиббюро ЦК РКСМ приняло решение о продлении запрета на вступление в комсомол служащих и «прочих» до 1 июля того же года. Представителям нерабочей и некрестьянской молодежи разрешалось вступление в комсомол лишь в исключительных случаях, с утверждением каждой кандидатуры губернским комитетом РКСМ¹.

Ко времени формального завершения ленинского призыва в партию, объявленного в конце мая 1924 г. XIII съездом РКП(б), численность РКСМ по СССР выросла примерно на 250 тыс. чел.², а в Сибирской комсомольской организации достигла 30 814 членов и 3 710 кандидатов³. Посчитав, что результаты кампании призыва недостаточны, 20 мая 1924 г. ЦК РКСМ утвердил циркулярное письмо, продлившее кампанию по вербовке рабочего и крестьянского юношества в комсомол до седьмой годовщины Октябрьской революции, то есть до 7 ноября 1924 г., поставив задачу принять к этому времени в комсомол еще около 150 тыс. рабочих и 200 тыс. крестьян⁴.

Примечательным является увеличение в составе Сибирской комсомольской организации в ходе кампании ленинского призыва численности кандидатов в члены комсомола, поскольку кандидатский стаж, согласно Уставу РКСМ, проходили преимущественно служащие и «прочие», прием которых во время ленинского призыва официально был на некоторое время приостановлен. Возможны по меньшей мере два объяснения этого противоречия. Во-первых, увеличение категории кандидатов могло осуществляться за счет приема в нее молодых людей, ранее успевших побывать в некоммунистических организациях молодежи. Такие молодые люди, вне зависимости от своего происхождения должны были проходить кандидатский стаж⁵. Во-вторых, на местах, по всей видимости, имели место отдельные нарушения директивы о приостановке приема в комсомол служащих и «прочих», или случаи присвоения крестьянам кандидатского стажа.

---

¹ ГАНО. Ф. П-187. Оп. 1. Д. 341. Л. 35–36.

² Динес В.А. Партийное руководство комсомолом... С. 375.

³ ГАНО. Ф. П-187. Оп. 1. Д. 372. Л. 43. Исправлена ошибка, допущенная статистиком: 3412 кандидатов, допущенная в результате неверного сложения данных по губерниям и областям.

⁴ Товарищ комсомол... С. 135–136; Динес В.А. Партийное руководство комсомолом... С. 374.

⁵ Инструкция о приеме и исключении... С. 35.

Продолжал во время кампании ленинского призыва производиться также и перевод ранее принятых кандидатами служащих и «прочих» в члены РКСМ. В результате с 1 января по 1 июля 1924 г. численность служащих среди членов комсомола выросла с 1758 до 2276 чел., а «прочих» – с 955 до 1301 человек¹.

Сибирская комсомольская организация могла бы показать бооольший количественный рост, если бы не имевшие место время от времени попытки комсомольских комитетов на местах ограничить приток молодежи в РКСМ – РЛКСМ. Необходимость проведения просветительской и воспитательной работы среди нового пополнения являлась необходимым условием политической адаптации рабочей и крестьянской молодежи, оказавшейся в непривычной для себя среде. Но эта работа требовала дополнительных усилий со стороны комсомольских организаций и, следовательно, объективно ограничивала их возможности по приему все новых и новых членов.

Пытаясь лавировать между директивами вышестоящих организаций и реальной ситуацией на местах, 27 февраля 1924 г. президиум Омского губкома РКСМ принял решение о невозможности приема в партию и комсомол красноармейцев, которые до поступления в Красную армию не работали на производстве². Спустя несколько месяцев, в мае 1924 г., Сиббюро ЦК РКСМ осудило это решение Омского губкома и приняло решение о снятии с должности его секретаря Н.Г. Колмакова³. Аналогичные отклонения от директив областного и высшего руководства проявлялись и в других губерниях. Так, например, в г. Киренске Киренского уезда Иркутской губернии местное руководство РКСМ, не справляясь с притоком новых членов, приостановило практику утверждения новых комсомольских организаций, не лишая, однако, их своего руководства и назвав это «испытанием». В Тулунском уезде Иркутской губернии также, опасаясь, что уездная организация потеряет управляемость, уком приостановил утверждение новых организаций. Однако уже вскоре, под давлением непрекращающегося роста от своего постановления был вынужден отступить⁴.

Несмотря на предпринимавшихся некоторыми местными комитетами попытки ограничить темпы приема новых членов, к 1 ноября 1924 г. численность Сибирской организации РЛКСМ⁵

---

¹ ГАНО. Ф. П-187. Оп. 1. Д. 372. Л. 36. Исправлена ошибка, допущенная статистиком: 2281 служащих.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Д. 335. Л. 127, 132; Там же. Д. 347. Л. 47.

⁴ Там же. Д. 358. Л. 2 об.

⁵ Шестой Всероссийский съезд комсомола (12–18 июля 1924 г.) утвердил переименование РКСМ в РЛКСМ.

достигла 46 962 чел., в том числе 42 340 членов и 4 622 кандидатов в члены⁶. Как ни парадоксально, этот почти двукратный рост численности сибирского комсомола, достигнутый в условиях ограничения приема в его ряды служащих и «прочих», не привел к заметным изменениям социального состава. По данным на 1 ноября 1924 г., удельный вес рабочих по социальному положению среди членов организации составлял 34,1 %, крестьян – 54,4 %, служащих и «прочих», соответственно – 6,6 и 4,9 процентов⁷. Стабильной оставалась и доля юношей, составлявших к концу кампании 81,1 % всей комсомольской организации.

В качестве причин сложившейся ситуации можно выделить два важных фактора. Первый заключался в том, что в ходе ленинского призыва в РКСМ – РЛКСМ, в отличие от аналогичной кампании по приему в РКП(б), не был приостановлен прием крестьян, занятых в сельском хозяйстве. Вторым фактором, по всей вероятности, являлась отмена с 1 июля 1924 г. запрета на вступление в комсомол служащих и «прочих», что закономерно должно было привести к некому «компенсаторному росту» этих категорий населения в составе комсомольской организации.

Таким образом, главным итогом кампании ленинского призыва в комсомол на территории Сибири оказалось не увеличение его «рабочего ядра», на что во многом рассчитывало руководство РКП(б) и РКСМ, а, прежде всего, количественный рост Сибирской организации. Вступление в ходе ленинского призыва в комсомол не менее чем 20 тысяч юношей и девушек стало важнейшей предпосылкой их дальнейшей адаптации к советской политической системе и одновременно создало дополнительный резерв для пополнения рядов Сибирской партийной организации.

---

⁶ ГАНО. Ф. П-188. Оп. 1. Д. 28. Л. 70.

⁷ ГАНО. Ф. П-187. Оп. 1. Д. 372. Л. 41. Сводка составлена на 42 294 члена.

Кинохроника как источник по изучению судебного процесса «Промпартии» 1930 г.*

Целью данного исследования является выявление информационного потенциала аудиовизуальных источников для изучения судебного процесса «Промпартии» 1930 года. На основании выбранных источников рассматривается, насколько последовательно отражался ход суда в кинохронике в зависимости от целевой аудитории. В статье затрагивается проблематика механизмов (средств, методов) подготовки и проведения судебных процессов на рубеже 1920-х – 1930-х годов, а также их пропагандистского обеспечения. Введение в научный оборот источников аудиовизуального характера позволяет говорить о новом подходе к осмыслению данной проблематики.

Ключевые слова: судебные политические процессы, советская пропаганда, аудиовизуальные источники.

Состоявшийся 25 ноября – 7 декабря 1930 г. судебный процесс «Промпартии» стал первым из открытых политических процессов своего времени, сопровождавшийся столь широко и разнообразно поставленной пропагандистской кампанией. Кроме трансляции процесса на территории СССР, предпринимались весьма значительные усилия для распространения пропагандистских материалов на зарубежную аудиторию. Подготовка и проведение суда обеспечивались соответствующими административными ресурсами и затратой немалых усилий, целью которых было достижение максимально возможной степени синхронизации при освещении процесса в средствах массовой информации. Во время проведения судебного процесса велась ежедневная радиотрансляция из зала суда, процесс широко освещался центральной печатью внутри страны и зарубежными коммунистическими изданиями, а также сопровождался не только немой, но и впервые озвученной кинохроникой.

Использование кино как мощнейшего инструмента в арсенале пропагандистского воздействия большевистского режима на население Советской России, а позднее – СССР, общеизвестно. Однако именно этот априорно признаваемый факт достаточно слабо представлен в работах профессиональных историков, изучающих проблематику судебных политических процессов 1920-х – 1930-х годов. Известна только одна публикация казанского иссле-

---

* *Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00101а.*

дователя истории эсеровской партии А.Ю. Сулова, в которой автор в качестве одного из ярких сюжетов применения документального и игрового кино для дискредитации эсеров и меньшевиков в глазах широких масс анализирует снятый в 1922 г. и пущенный в массовый прокат документальный фильм Дзиги Вертова «Процесс эсеров». По мнению А.Ю. Сулова, талантливый режиссер путем использования кинематографических средств сумел придать кинохронике требуемый власти политический смысл – развенчание ореола героизма лидеров эсеровской партии и показа их «врагами революции»¹. Цель данного исследования состоит в раскрытии возможностей документальной кинохроники, снятой в связи с процессом «Промпартии», как исторического источника.

Обращение к новым способам трансляции судебных процессов рубежа 1920-х – 1930-х годов указывает, с одной стороны, на возросшую степень их отрежессированности, постановочности. Данное явление свидетельствует о новом уровне проведения судебных процессов с точки зрения применяемых пропагандой технологий. По сравнению, например, с Шахтинским процессом 1928 г. наблюдается значительная эволюция приемов и средств в сопровождении и освещении открытых политических процессов. С другой стороны, не менее важным полем для анализа становится содержание пропаганды, логика подачи информации о процессе. На первый взгляд, логика подобного рода кажется предельно ясной: существует официальная версия судебного процесса, которая задается «сверху» и максимально широко распространяется, находя свое отражение во всевозможных средствах массовой информации. В то же время наличие единого установленного сценария пропагандистской кампании позволяет сформулировать вопрос о его целеполагании: почему из всего объективного многообразия происходившего в судебных слушаниях читателю или зрителю подается именно данная информация и именно в данном формате.

Из всего имеющегося корпуса источников для анализа нами взяты источники аудиовизуального характера, в частности материалы звуковой и немой кинохроники. Кино, как и любой жанр литературы, носит характер художественного произведения. Поэтому обращение к нему как к историческому источнику расширяет рамки исторического исследования, открывая возможности для междисциплинарного подхода². Однако, привлекая кинохронику и кинодокументалистику в качестве исторического ис-

---

¹ Сулов А.Ю. Эволюция образа российских социалистов в историческом сознании советского общества // Судьбы демократического социализма в России. М., 2014. С. 222–223.

² Секиринский С.С. Кинематографичность истории, историзм кинематографа // Отечественная история. 2003. № 6. С. 3.

точника, следует учитывать, что функцией кино в конце 1920-х – 1930-х годах была реализация государственной политики, проведение идеологически выдержанной пропаганды. Советское кино тех лет носило отпечаток влияния генерального секретаря ЦК И.В. Сталина, придававшего ему исключительно пропагандистское значение. Тем не менее, кинодокументалистика не лишена и определенной художественности. На ее основе возможно осуществить реконструкцию не только политических установок, но и социально-психологической атмосферы эпохи, отличительных характерных черт времени и места, что отличает кинохронику от судебно-следственных документов и газетной прессы. Кроме того, звуковое кинохроникальное сопровождение стало новой формой трансляции открытых политических процессов, примененной в 1930 году. Впервые в практике отечественной кинодокументалистики режиссером Я.М. Посельским был снят озвученный документальный фильм под названием «13 дней. Процесс "Промпартии"». Соответственно, возникает возможность сопоставления его содержания с двумя немymi выпусками кинохроники, оперативно выпущенными в то же время в широкий прокат. Оба немых фильма по временной протяженности являются короткометражными. Первая часть немой ленты длится восемь минут, вторая часть – занимает одиннадцать минут. Озвученный сорокаминутный фильм, по сравнению с немой кинохроникой, является полнометражной лентой.

Немую кинохронику и озвученный фильм следует оценивать как сегменты, не только дополняющие друг друга, но и имевшие самостоятельное целевое назначение. Сопоставление их структуры и содержания при наличии, единой цели пропаганды («разоблачить вредительство», «разоружить интервентов») показывает различную расстановку в них смысловых акцентов. Так, при съемке первого короткометражного фильма – «Процесс "Промпартии"». Экстренный выпуск Союзкинохроники. 27 ноября 1930 г. № 1» – основной акцент был сделан на якобы готовившемся руководством мифической «Промпартии» «государственном контрреволюционном перевороте». Главный обвиняемый профессор Леонид Рамзин представлен как «кандидат в премьер-министры». Как «кандидаты в министры» представлены также и другие обвиняемые: В.А. Ларичев, Н.Ф. Чарновский, И.А. Калинин. Примечательно, что ко всем перечисленным не применялся в этом эпизоде ключевой для Шахтинского процесса 1928 г. эпитет «вредители». Обвиняемые были квалифицированы в субтитрах как «государственные изменники», что являлось, несомненно, тяг-

чайшим преступлением. Затем следует сцена, где государственный секретарь зачитывает приговор.

Описываемый немой фильм делится на две части, которые определяются двумя разными сюжетами. В основу первого положена работа суда с освещением выступлений обвиняемых, обвинителей, работы стенографистов и прочее. Вторая часть кинофильма содержит включенные в него кадры с записью проходившей в дни процесса демонстрации в Москве, где колонны демонстрантов несут многочисленные лозунги с протестами против «вредителей и интервентов», вынося, таким образом, «общественный приговор». Причем эпизод с демонстрацией занимает около половины от временной протяженности данного фильма. В заключении кинохроники помещены субтитры с основными лозунгами, под которыми проходило массовое шествие в Москве.

Второй короткометражный фильм – «Процесс "Промпартии"». Экстренный выпуск Союзкинохроники. 1 декабря 1930 г. № 2» – уже более детально останавливается на двух других взаимосвязанных аспектах предмета обвинения, а именно «вредительстве» и «интервенционизме», с акцентом на последнем. Например, Л.К. Рамзин представлен здесь как «идейный руководитель "Промпартии" и активный работник по подготовке интервенции». В данном кинохроникальном фрагменте путем субтитров, содержавших цитаты из выступлений в судебном заседании, подсудимые иллюстрируют несколько основных линий обвинения. Во-первых, подсудимыми многократно указывается на содействие возможному военному вторжению в СССР. Немая кинохроника буквально насыщена прямыми категоричными формулировками. В частности, устами подсудимого И.А. Калинникова провозглашается: «Промпартия поставила себе целью во что бы то ни стало провести интервенцию». Во-вторых, подробно (насколько это возможно, учитывая формат короткометражной съемки) описывается «связь» подсудимых с эмигрантским «Торгпромом», «французскими агентами» и таким образом достигается требуемый эффект конкретизации военной угрозы, необходимой для поддержания мифологемы «интервенционизма». В-третьих, все это дополняется кратким перечнем «вредительских преступлений» подсудимых.

Центральное место в описываемом немом фильме сосредоточено на обвиняемых. Эпизоды с выступлениями Л.К. Рамзина, В.А. Ларичева, И.А. Калиникова, Н.Ф. Чарновского вместе с перекрестными допросами, проводимыми государственным обвинителем Н.В. Крыленко, занимают шесть минут, то есть более половины от всей протяженности фильма. При этом кадры с выступлениями обвиняемых соразмерно переключаются с кадрами, отра-

жающими внимание зала, публики. Реакция зала становится важной составляющей, по сравнению с первой частью немой хроники, где практически нельзя наблюдать ее. Второй фильм построен на взаимодополняющих эпизодах хода суда и реакции зала. Сочетание крупного плана, где отчетливо видны лица присутствующих, и общего фона, демонстрирующего многочисленность аудитории, становится основным приемом съемки кинохроники. С его помощью достигается важный психологический мотив, который диктуется необходимостью показать то, что суд над «вредителями» проходит при широкой поддержке населения Советского Союза, и, таким образом, действия и решения власти не оторваны от общества, а поддерживаются им. Кроме того, судебный процесс проходил с участием в нем представителей обществственности, в том числе и зарубежной, что также находит свое отражение в немой хронике. На заседаниях суда присутствовали редактор газеты «L'Humanite» Марсель Кашен, советский публицист и общественный деятель Михаил Кольцов и другие.

Заканчивается данный фильм, также как и предыдущий, эпизодом, посвященным другой массовой, проведенной уже в Ленинграде демонстрации, которой отведено несколько меньше места, по сравнению с первым выпуском (не более двух с половиной минут). В самом конце второй части немой кинохроники также помещены субтитры с основными лозунгами демонстрации.

Следовательно, при съемке немой ленты воспроизводится официальная версия суда, зафиксированная в «Обвинительном заключении». Основной акцент сделан на разоблачении якобы планируемой «интервенции» и «вредительстве» как инструменте ее достижения. В целом, немая кинохроника носит агитационно-осведомительный характер. Короткометражный формат кинохроники позволяет обозначить главных фигурантов судебного процесса и донести до киноаудитории основную суть обвинения. Наряду с этим содержание немых фильмов наполнено многочисленными агитационными лозунгами. Важным сегментом описанных кинофильмов являются эпизоды с кадрами столичных демонстраций, носивших массовый характер. По официальной версии, демонстрация в Ленинграде насчитывала до 700 тысяч участников¹. Одновременно эпизоды с демонстрациями, включенные в фильм, также как и кадры, фиксирующие присутствие отечественной и иностранной прессы, защиты, многочисленной аудитории советских граждан на суде, призваны подчеркнуть его открытость, а не изолированность. Они должны были показать, что приговор «вре-

---

¹ Правда. 1930. 26 нояб.

дителям» выносятся самим обществом, тем самым решая вопрос о его справедливости.

Иную структурную и содержательную логику при расстановке акцентов демонстрирует озвученный документальный фильм, снятый по процессу «Промпартии». Документальный фильм полностью основан на событиях судебного процесса. В нем отсутствуют специальные постановочные сцены. Сопоставление аудиовизуальных фрагментов с соответствующими местами стенограммы судебных слушаний показывает полную их идентичность. Отсюда логичен вопрос о том, почему в основу озвученной кинохроники были положены именно данные фрагменты процесса, а не какие-либо другие, то есть вопрос о логике заданности, о целеполагании данного фильма.

В сопоставлении с немymi короткометражными фильмами, где прямым, «лобовым» путем пропагандируется угроза «контрреволюционного переворота» и «военной интервенции», закрепляя за «буржуазной» интеллигенцией социальный образ «спеца / врага-интервенциониста / вредителя», документальный фильм носит более умеренный характер. Ключевым моментом в фильме являются эпизоды «признания собственной вины» подсудимыми. Каждый из восьми подсудимых начинал свою речь именно с признания вины перед советской властью и рабочим классом, разоблачая собственные «преступления». Эпизоды, где обвиняемые произносят «признательные речи» и раскаяния в своей вине перед судом составляют 14 минут, то есть более трети всего фильма. Акцент «раскаяния и разоружения» не случайно оказался здесь приоритетным. Фактом «саморазоблачительных признаний» Л.К. Рамзина и других фигурантов утверждался тезис о том, что «внутренней контрреволюции» нанесено решительное поражение, а разоблачением «планов интервенции» осуществлялось предотвращение последней в текущих условиях. Тем самым достигалась цель нивелировки военной угрозы в сознании широких масс. Обращает на себя внимание и тот факт, что об угрозе интервенции, о той якобы подготовляемой войне, которая должна начаться против Советского Союза, говорил прямо только Л.К. Рамзин. То есть упоминания об интервенции в озвученной кинохронике сведены к минимуму. В то время как в немой кинохронике постоянно указывалось на угрозу интервенции, хотя и «раскрытой» сейчас, но, тем не менее, продолжавшей оставаться потенциально опасной.

Подобное изменение тона пропаганды при освещении судебного процесса посредством озвученной кинохроники предположительно объясняется тем, что документальный фильм «13 дней» подготавливался из расчета не только на отечественную, но и на

зарубежную аудиторию. Советская пропаганда вокруг судебного процесса «Промпартии» активно проводилась за границей, главным образом, коммунистическими партиями и их изданиями – в частности, французским «L'Humanite», немецким «Rote Fahne» и другими газетами. Сам ход зарубежной пропагандистской кампании контролировался из Москвы. Однако при проведении данной кампании в иностранной печати «левыми» изданиями был допущен ряд просчетов. Главный акцент оказался сделан на возмездии, наказании «вредителей». Например, германская «Rote Fahne» и некоторые другие издания чрезмерное внимание уделяли теме «гнева и возмездия», требованиям вынесения высшей меры наказания подсудимым, выпуская из виду другие вопросы, такие, как «интервенционизм» западных правящих кругов. На состоявшемся 20 января 1931 г. заседании агитационно-пропагандистского отдела исполкома Коминтерна, на этом «перегибе» германской кампании заострила внимание заведующая агитпропотделом Серафима Гопнер: «Все внимание было сконцентрировано вокруг смертной казни: расстрелять, расстрелять, расстрелять. [...] И только после директив отсюда это было выправлено»¹. Между тем, стержень пропаганды, рассчитанной на зарубежные рабочие и левые интеллигентские круги, должен был выстраиваться вокруг антивоенной идеи, протестов против возможной интервенции в отношении СССР и выражений солидарности с советскими трудящимися.

В контексте вышесказанного, звуковое кино давало возможность в какой-то мере исправить эту ошибку в расстановке акцентов «по горячим следам». Как отмечалось выше, основная сюжетная линия документального фильма была завязана на эпизодах признания вины подсудимыми перед советской властью, и, главное, их «разоружения» перед пролетариатом, а не на приговоре о высшей мере наказания. В данном контексте подобная логика освещения суда отнюдь не случайна, а продиктована целью «верной» интерпретации событий, поскольку судебный приговор, предусматривавший высшую меру наказания для «главарей», был заменен решением ЦИК СССР различными сроками заключения².

Разница в освещении судебного процесса в озвученной кинохронике и в короткометражных немых фильмах можно объяснить также и следующим. При съемке немой кинохроники учитывалась, прежде всего, аудитория, на которую она распространялась. В отличие от звукового документального фильма, носившего экспериментальный характер и не получившего в то время значительного распространения из-за дефицита оборудования, немые

---

¹ РГАСНИ. Ф. 465. Оп. 30. Д. 706. Л. 12.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 356. Л. 52.

короткометражки рассчитывались на широкую внутреннюю, советскую аудиторию. Это означало, что в рамках фильма нужно было не только обозначить «внутреннего и внешнего врага», но и дать объяснение, кто виноват в экономических неудачах. То есть запустить мобилизационный механизм, когда советский народ должен сплотиться, объединить усилия для противостояния «вредителям» и «интервентам». В рамках этой логики фактор внешней угрозы был призван стимулировать консолидацию общества для решения внутренних экономических, производственных задач. В этом видится основной смысл открытого судебного процесса, имеющего прямую внутреннюю мобилизационную направленность. Когда же речь заходит о зарубежном зрителе, то здесь возникала необходимо наполнить данный судебный процесс новым позитивным смыслом, рассчитанным на сознание и мировоззрение рабочего класса и левых кругов. Так, например, включенный в фильм эпизод с речью профессора, специалиста в области текстильной промышленности А.А. Федотова на вечернем заседании суда 27 ноября¹, где подсудимый воздает похвалу советской власти в ее отношении к науке, следует оценивать как нетипичный в контексте всего судебного процесса, и данного кинофильма, в частности. Однако, учитывая целевую аудиторию, становится понятным стремление советской стороны представить себя в более выгодном свете (лозунг «союза науки и труда») перед зарубежной аудиторией. С этой же точки зрения интересен и фрагмент выступления В.А. Ларичева, когда он в своей речи превозносит установку советской власти о новой роли инженерства, которое «должно слиться с рабочим классом», разделять его мировоззрение и быть политически активным. Такая задача, действительно, провозглашалась актуальной для советского общества и проходила пропагандистским рефреном в ходе всего судебного процесса. Одновременно этими словами афишировался лозунг равенства между инженерством и рабочими в СССР, что не могло не импонировать трудящимся Германии, Франции и других капиталистических стран.

Вместе с тем усилия советской стороны по распространению пропаганды вокруг процесса «Промпартии» за рубежом сталкивались с серьезными трудностями. Реакция большинства европейской общественности на процесс была предсказуемо негативной. Суд над «вредителями» считался провокацией. Преобладала позиция его игнорирования или разоблачения просчетов, допущенных в ходе судебного слушания. В частности, речь идет о том, что в документах следствия и в «Обвинительном заключении» одним из главных дей-

---

¹ Процесс «Промпартии». Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М., 1931. С. 506.

ствующих лиц в эмигрантском «Торгпроме», с которым Рамзин и другие якобы вели переговоры и получали средства объявлялся П.П. Рябушинский, который скончался еще в 1924 году¹. Поэтому попытки распространения в Европе массовой просоветской пропаганды по возможности пресекались, что нашло отражение в запрете показа рассматриваемого нами фильма. Известно, что фильм «13 дней. Процесс "Промпартии"» был запрещен к прокату в Германии на формальных основаниях (из-за значительной длительности фильма). Советское руководство увидело в данном решении политическую подоплеку, поскольку «фильм мог бы разъяснить все недомумения [германской печати], возникшие на его почве»².

Следовательно, вошедшие в звуковой фильм фрагменты позволяют говорить об иной расстановке акцентов по сравнению с немой кинохроникой, рассчитанной для пропаганды внутри страны. Документальный фильм в расчете на зарубежного зрителя был подан в более умеренном варианте, в котором отсутствует нагнетание военной угрозы также, как и разоблачение многочисленных «преступлений», в чем «вредители» уличали сами себя. Для советской аудитории основной акцент делается на изображении «врага» и масштабов опасности его действий, что требовало от трудящихся максимальной мобилизации. Для зарубежной аудитории – на справедливости социального устройства советского государства, на преимуществах социализма, перед которыми бессильны происки «врагов».

Организация кампании вокруг суда «Промпартии» для зарубежных кругов проводилась не только по линии Коминтерна, но и Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей (ВОКС). В деятельности последнего среди всех мероприятий, разрабатывавшихся им в связи с судебным процессом, важное место уделялось не только печатным изданиям, но также организации выставок, радиовещанию и кинохронике, в расчете на западные общественные круги.

Таким образом, кинохроника служит ценным источником для изучения проблематики судебных политических процессов под углом зрения адаптации пропаганды для различных целевых групп. Усовершенствование технических средств и постепенный переход к звуковому кино в начале 1930-х гг. ускорили использование отечественного кинематографа в политико-пропагандистских целях.

---

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 355. Л. 4.

² ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 181. Л. 71, 72.

**Деадаптивное поведение спецпереселенцев в
Западной Сибири первой половины 1930-х гг.:
формы, динамика, последствия**

Целью статьи является изучение деадаптивного поведения спецпереселенцев Западной Сибири первой половины 1930-х годов. В статье рассматривается проблема противодействия властям групп сформированного насильственным путем спецпоселенческого социума в контексте общего вопроса о поведенческих реакциях крестьянства на государственную репрессивную политику. Автор на основе документальных и нарративных источников выявляет причины и последствия подобных протестных действий, способы и масштабы их проявления.

Ключевые слова: социальная адаптация, социальная деадаптация, протестное поведение, спецпереселенцы, тоталитарный режим, маргинализация, Западная Сибирь.

В результате проведения в начале 1930-х гг. принудительных и форсированных аграрных преобразований «сверху» свыше 400 тыс. крестьянских семей оказались высланы в необжитые районы СССР и поставлены на грань выживания. Спецпереселенцы (с 1933 по 1944 гг. – трудпоселенцы) были вынуждены адаптироваться к экстраординарным режимным условиям спецпоселения. Одним из доминировавших поведенческих практик для значительной их части стало протестное поведение, нежелание принять новый дискриминационный социальный статус.

Вопросу поведения спецпереселенцев в постсоветской отечественной историографии уделялось меньшее внимание в сравнении проблематикой, связанной с реконструкцией основ государственной репрессивной политики в отношении крестьянства и практик ее реализации (директивы, динамика депортаций, численность спецпереселенцев, районы дислокации сети спецпоселений, условия труда и жизни ссыльных). Это нашло отражение в структуре фундаментальной работы Н.А. Ивницкого по истории крестьянской ссылки в СССР в 1930-е годы¹. Феномен разнонаправленного поведения (адаптации и деадаптации) ссыльных крестьян автор рассматривает при анализе процессов расселения, освоения новых территорий, но не выделяет в качестве значимого предмета исследования. В другом фундаментальном труде, подготовленном В.Н. Земсковым², адаптационные процессы рассмат-

¹ *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004.

² *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003.

риваются через призму статистики движения спецконтингентов (рождаемость и смертность, побеги и задержания, материально-бытовое положение ссыльных). Автор приходит к выводу, что «все категории депортированных в экстремальной для себя ситуации продемонстрировали высокие адаптационные способности»¹. В целом исследователи констатируют, что целью репрессивной политики было достижение максимально возможного «оседания» ссыльных крестьян в местах спецпоселений. Однако специальной попытки исследования механизмов осуществления принудительной адаптации ссыльных в контексте сопротивления и протеста, которые оказали данной политике сами депортанты, до сих пор предпринято не было.

Территория Западной Сибири в первой половине 1930-х годов являлась вторым регионом после Урала по концентрации в нем спецпереселенцев. На начало 1934 г. здесь находилось около 290 тысяч человек, что составляло 27 % от общей численности депортантов в СССР². Это позволяет путем изучения поведения депортантов делать обоснованные оценки поведения внутри ссыльного контингента.

Проблема дезадаптивного поведения спецпереселенцев нашла свое отражение в обширном источниковом массиве, представленном комплексом делопроизводственной документации партийно-государственных и карательных органов 1930-х годов. В нем с позиций интересов власти представлены процессы высылки, режим и экономика спецпоселений и другие аспекты функционирования крестьянской ссылки (докладные записки, справки, инструкции, директивы, рапорты, отчеты и т. д.).

Наряду с этим, исследователи располагают комплексами нарративных источников, фиксирующих более позднюю рефлексию самих бывших спецпереселенцев в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов. Эти документы можно разделить на две группы. Первую составляют около шести десятков писем, написанных бывшими спецпереселенцами. Они были направлены в редакцию газеты «Советская Сибирь» в 1988–1989 гг. как реакция на две статьи профессора С.А. Красильникова о крестьянах, депортированных в 1930–1931 гг. в Нарымский край³. Переданные редакцией автору статьи письма хранятся в его личном архиве⁴. Авторы писем – члены крестьянских семей, попавшие в ссылку подростками (в сред-

---

¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 282.

² Там же. С. 27.

³ См.: Красильников С.А. Корни или щепки? // Советская Сибирь. 1988. 14 окт.; *Он же*. Дислокация памяти // Советская Сибирь. 1988. 20 дек.

⁴ При цитировании нами далее этих документов указывается автор письма и время его депортации в Нарымский край.

нем в возрасте 10–15 лет). В основе писем – эмоциональная реакция на открывшуюся в период «перестройки» возможность переоценки событий, связанных с депортацией.

Ко второй группе относится массив документов, связанный с процедурой правовой реабилитации спецпоселенцев, начавшейся в постсоветскую эпоху. Для каждого из обратившихся в государственные органы, формировалось реабилитационное дело, в состав которого входили заявление о реабилитации и сопутствующие документы (справки о снятии с учета спецпоселения, запросы управления внутренних дел в различные службы, результаты судебного рассмотрения заявления). Ключевым интересом представляются заявления непосредственного участника событий в управлении внутренних дел о реабилитации. Данный источник не носил строго формализованного характера. В нем авторы повествуют об истории своей семьи, выносят оценочные суждения о правомерности репрессий. Нами рассмотрены документы 100 реабилитационных дел из общего массива почти 2,5 тыс. единиц хранения, доступ к которым был получен в ходе работы над областной Книгой памяти жертв политических репрессий. Указанные группы нарративных источников не подпадают под строгие критерии репрезентативности. Но в силу обстоятельств и времени их появления они, безусловно, заслуживают внимания в качестве ценных источников, дополняющих официальное делопроизводство и носящих альтернативный ему характер.

Причины дезадаптивного поведения достаточно разнообразны. С одной стороны, они связаны с неудовлетворенностью «базовых потребностей» депортантов: необходимостью выживания в экстраординарных условиях, голодом, болезнями, резким ухудшением материального положения, потерей родственников, произволом комендантов, поражением в правах. С другой стороны, дезадаптивное поведение вызвано психологической реакцией спецпоселенцев на новый социальный статус маргинала и отторжение их остальной, «правовой» частью общества. Так, в нарративных источниках бывшие спецпереселенцы уделяют большое внимание тому, как и почему они оказались в положении социальных изгоев, пытаются доказать, что их родители не были «кулаками», и никаких реальных оснований для подобного отторжения не было. Типичными в этом плане являются следующие высказывания: «Меня нечем было поить[,] не было дойной коровы, вот какие

попадали «кулаки»¹, «Имели [доход] ниже среднего крест[ь]янства [...], сослали лиш[ь] потому что не заходили в колхоз»².

Вышеперечисленные причины были характерны для всего периода пребывания депортантов в спецпоселке. Однако наиболее негативное воздействие на крестьян оказывалось в начальный период ссылки. Это связано с трудностями переезда, который обычно занимал две – три недели в условиях болезней, высокой смертности, особенно младенческой, детской и старческой, сильного голода. Доказательством этого служит структура изученных нарративных источников. Так, наибольшее внимание авторы писем уделяют процессу так называемого раскулачивания, высылки и лишения в дороге, первого года или двух лет проживания в спецпоселке. Об этом сообщается в 95 % источников, причем 50 % материалов не содержат информации о каких-либо других событиях. В 20 % писем – период, охватывающий вторую половину 1930-х годов, опускается, повествование возобновляется с началом Великой Отечественной войны. Описание всего периода ссылки встречается в 30 % изученных нами нарративных источников. В этом случае внимание уделяется событиям, связанным со сменой социального статуса: побег, реабилитация, переезд в новый поселок. События всесоюзного масштаба практически не упоминаются. Только в одном письме описано влияние Большого террора. Следовательно, именно начальный период наилучшим образом отложился в исторической памяти прошедших крестьянскую ссылку людей.

Деадаптивное поведение депортантов проявлялось в большом количестве форм, которые отличаются присущим им уровнем радикальности: от простых антисоветских высказываний до вооруженных выступлений и побегов. Наиболее радикальным действием, характерным для деадаптивных практик, является социальная агрессия, подразумевающая применение силы, активный протест. В спецпоселениях она не достигла большого размаха, протестные выступления были разрознены, малочисленны, достаточно легко подавлялись. Не только самым значительным выступлением в Западной Сибири, но и единственным в истории спецпоселений, стало восстание спецпереселенцев в конце июля – начале августа 1931 г. в Парбигской комендатуре (Нарымский край), в котором активное участие приняли полторы – две тысячи человек. Однако оно проходило стихийно, имело только зачатки организованности, было быстро локализовано, а затем подавлено чуть больше чем за одну неделю. Активная форма протеста во многом порождалась самой репрессивной практикой. Для удоб-

---

¹ Из письма А.И. Неделкина, высланного в Нарымский край в начале 1930-х гг.

² Из письма С.Е. Кондратенко, высланного в Нарымский край в 1931 г.

ства управления спецпереселенцев селили компактно, с учетом прежнего места жительства, сохраняя земляческие и родственные связи. На этой основе сформировалась некая организационная структура. После подавления выступления силами подразделения ОГПУ и мобилизованных партактивистов аресту подверглись 135 «активных участников повстанческой организации». Постановлением Особой тройки ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю от 21 октября 1931 г. они были осуждены на сроки от двух лет ссылки в штрафную Александро-Ваховскую комендатуру до десяти лет лагерей¹. Постепенно активные вспышки протеста угасти, что связано с осуществлением первичной адаптации, относительным улучшением жилищного и продовольственного положения ссыльных в сочетании с жестким подавлением любых протестных проявлений.

Другой формой протестного поведения спецпоселенцев явилось социальное сопротивление и противодействие требованиям режимных органов, в частности, неподчинение и скрытый саботаж. Чаще всего репрессированные отказывались исполнять конкретные распоряжения работников комендатур до тех пор, пока не будут выполнены требования по предоставлению минимальных условий существования. Примечательно, что данные протестные действия проявлялись чаще всего на начальной фазе депортации. Например, карательными органами фиксировались факты отказа сходить с баржи в намеченных для поселков пунктах в силу их малопригодности или вовсе непригодности для жизни. Типичный пример подобного рода протестов описан начальником комендантского управления полпредства ОГПУ по Запсибкраю И.И. Долгих в донесении полпреду ОГПУ Л.М. Заковскому от 22 июня 1931 г. об инцидентах по пути высылки: «Выступлений, неисполнений распоряжений не было, за исключением нескольких случаев протеста покинуть баржу (плохие земли) – на Кети, Васюгане. Благодаря немедленно принятым мерам начальниками экспедиций и комендантами разгрузочных пунктов эти вспышки были подавлены сразу, зачинщики изъяты, направлены в Тройку ОГПУ, второстепенные лица – в [штрафную] Александро-Ваховскую комендатуру»².

В течение всего изучаемого периода устойчивый характер носила и другая пассивная форма протестного поведения – различного рода жалобы спецпереселенцев на условия своего существования в вышестоящие инстанции. Типичной представляется

---

¹ Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. – 2-е изд. М., 2009. С. 192–193.

² Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение 1930–1940 / Под ред. Н.Н. Покровского, В.П. Данилова, С.А. Красильникова, Л. Виолы. М., 2006. Т. 2. С. 381.

жалоба жителей спецпоселка Ампалык Анжеро-Судженской районной комендатуры в Западно-Сибирскую краевую рабоче-крестьянскую инспекцию от 2 августа 1933 г. В ней рабочие-спецпереселенцы выражали недовольство несвоевременной выдачей пайка, просили урегулировать выдачу заработной платы и указать виновных в задержке ссуды на покупку коров¹. На ординарность ситуации было указано в циркуляре ГУЛАГа НКВД от 3 сентября 1934 г. «Об ускорении разбора жалоб и заявлений трудпоселенцев». В документе говорилось, что рассмотрение жалоб проходило медленно, а некоторая их часть оставалась без ответа². Однако примечательным в реакции властей всех уровней, куда направляли свои заявления ссыльные, являлось то, что жалобы на действия сотрудников комендатур рассматривались их же представителями, что и предопределяло в большинстве случаев исход разбирательства³. Следовательно, социальное противодействие в таких формах не влекло за собой улучшения жизни спецпоселенцев, так как обычной реакцией властей было наказание конкретных «зачинщиков» и лишь в редких случаях приводило к наказанию представителей власти за явно допущенные злоупотребления.

В связи с невозможностью форм активного протеста у ссыльных крестьян широко распространяются различные варианты пассивного дезадаптивного поведения. Среди них можно выделить социальную мимикрию, то есть внешнее «подстраивание» под социальную среду при внутреннем ее отторжении, и социальное вымещение – переориентацию отрицательного импульса с одного объекта на другой, более достижимый. Свидетельством распространенности социальной мимикрии в условиях спецпоселения является процесс бурной рефлексии в позднесоветский и постсоветский период у ряда лиц, переживших спецпоселение, когда они в своих письмах и обращениях по поводу реабилитации описывают внутреннее неприятие своего ссыльного положения.

В рамках социального вымещения наблюдается несколько направлений конфликтов внутри спецпоселенческого социума: 1) между представителями различных национальностей и конфессий; 2) между старшим и младшим поколениями; 3) между лицами, сотрудничавшими с руководством комендатур, и отрицавшими его. Так, в «Спецсводке о политнастроении и контрреволюционной активности спецпереселенцев» Секретно-политического отдела ОГПУ, составленной не ранее лета 1933 г., указаны следу-

---

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири 1933–1938 гг. / Под ред. С.А. Красильникова, В.П. Данилова. Новосибирск, 1994. С. 136–139.

² Там же. С. 58.

³ Красильников С.А. Маргиналы в советском обществе (1920–1930-е гг.): учебное пособие. Новосибирск, 2012. С. 180.

ющие высказывание неизвестного спецпоселенца из Александровской комендатуры: «Нам восстановления не дожидаться, лучше весной убежать на пароходе, но прежде я кое с кем посчитаюсь здесь, довольно будет активничать»¹.

В рамках социального вымещения следует учитывать наличие конфликтов между спецпереселенцами и «внешним миром», коренным и старожильческим населением регионов размещения спецпоселков. Так, первые годы существования спецпоселений (1930–1933 гг.) взаимоотношения спецпереселенцев с местными жителями отмечены особо острыми конфликтами. Зачастую они носили вынужденный характер, так как массовое бегство спецпереселенцев, хозяйственная неустроенность влекли за собой бродяжничество и воровство имущества старожилков.

Представители власти стремились с выгодой для себя использовать антагонизмы внутри спецпоселенческого социума, а также между ссыльными и местным населением. Представители власти проводили политику, направленную на стимулирование раскола между молодежью и старшим поколением депортантов. Так, для улучшения работы по борьбе с побегами и их предотвращению предписывалось привлекать к подобной деятельности спецпоселенческую молодежь, «порвавшую связь с контрреволюционной частью кулачества и проявившую себя с положительной стороны»². С этой целью использовались различные виды мотиваций, включающие как моральные (учет при выработке критериев для досрочного восстановления в гражданских правах), так и материальные (премирование) поощрительные методы.

Практически единственно возможной формой реального, но при этом пассивного массового протеста оставались побеги. Процесс побега отражен в письме конца 1988 г. М.И. Габова: «Старший брат [...] с товарищем из соседнего барака, при второй попытке, прорвались через заслон комендатуры, проплыли до с. Каргаска[,] где и устроились на работу. Плыли ночами, чтобы не заметила охрана комендатуры. Перед постами сушили весла. Днем вытаскивали обласок на берег реки, маскировали, и ожидали следующей ночи. Первая попытка к бегству окончилась неудачей, на первом же посту были задержаны, и [их] вернули обратно в поселок»³.

Численность побегов менялась в течение всего исследуемого периода. Так, согласно данным ОГПУ на 1 февраля 1932 г. из комендатур Западной Сибири, начиная с лета 1931 г., то есть примерно за полгода, бежало почти 11 тыс. человек. Из них около

---

¹ Политбюро и крестьянство. Т. 2. С. 996.

² Там же. С. 528.

³ Из письма М.И. Габова, высланного в Нарымский край в мае 1930 г.

четырёх тысяч были в дальнейшем задержаны и водворено обратно в поселки¹. Затем наблюдается рост численности бежавших из спецпоселка вплоть до 1933 г. (примерно до 45 тыс. в год)². При этом доля водворенных (пойманных или добровольно вернувшихся) сохранялся на уровне примерно 40–50 % от общего числа бежавших. Постепенно, особенно с 1935 г., наблюдается резкое уменьшение не только количества побегов (около 18 тыс. в 1935 г.), но и количества завершившихся удачей. Обратно в поселки возвращались или были пойманы почти все беглецы. Побег перестали носить массовый характер. Данная тенденция продолжалась до войны. Единственным исключением являлось небольшое увеличение количества побегов в 1937 году. Это объясняется наличием завышенных ожиданий ссыльных крестьян, связанных с кампанией массового восстановления в избирательных правах спецпереселенцев 1936 году. Многие ссыльные надеялись, что в рамках данной кампании они получают право свободного выезда из спецпоселка. Однако этого не произошло, что привело к некоторому всплеску побегов.

О массовости побегов в период формирования комендатур свидетельствуют и директивные документы, нацеленные на ужесточение борьбы с ними. Так, руководству местных органов ОГПУ 30 мая 1930 г. для предотвращения побегов рекомендовалось усилить агентурное обслуживание, привлечь местное население к поимке беглых, выявить пути получения поддельных документов, а также ввести систему «десятидворок». Это система круговой поруки, подразумевающая деление «дворов» в спецпоселке на десятки, выделение ответственного от каждого десятка, который должен был сообщать обо всех происшествиях, отклонениях от режимных требований, в том числе о попытках побега в своей группе семейств³. В итоге была создана система, в которой сами спецпереселенцы несли ответственность за соблюдение режима. Так, глава семьи наказывался за побег членов семьи арестом на срок до 30 суток. Параллельно был запущен и механизм поощрений. За активную борьбу с побегими спецпоселенцам-активистам объявляли благодарность, информаторы премировались. Таким образом, постепенно в функционирование режима спецпоселения вовлекались отдельные группы самих ссыльных в виде групп содействия по предотвращению побегов, игравших роль негласных осведомителей.

---

¹ Политбюро и крестьянство. Т. 2. С. 552.

² Здесь и далее приводятся данные по: Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2004. С. 329–331.

³ Там же. Т. 2. С. 467.

Рассмотренные выше пассивные и активные формы дезадаптивного, протестного поведения ссыльных, позволили выявить тенденцию неуклонного уменьшения их масштабов. Постепенно, примерно через пять – шесть лет они сменялись различными адаптивными практиками. Пятилетний цикл адаптации просматривается и на демографическом уровне. Именно в 1935 г. произошло выравнивание показателей рождаемости и смертности в спецпоселках по стране в целом и в западносибирских комендатурах, в частности. При этом данное выравнивание происходило за счет уменьшения уровня смертности. Уровень рождаемости в течение 1932–1940 гг. в спецпоселках региона был относительно стабилен и колебался в пределах от четырех до семи тысяч человек ежегодно. Уровень смертности же достиг своего пика в 1933 г. (около 25 тыс. чел.), затем резко снизился и стал сопоставим с уровнем рождаемости в 1935 г. С 1936 году, в спецпоселках Западной Сибири начался естественный прирост населения. Это свидетельствовало о прохождении спецпоселенцами примерно пятилетнего цикла физиологической, а с ней и социальной адаптации. Данный вывод коррелирует с оценками В.Н. Земскова, который отмечает, что у депортантов-крестьян и этнодепортантов периода войны и послевоенной эпохи положительное сальдо между рождаемостью и смертностью достигалось «обычно через 5–6 лет»¹.

Таким образом, для ссыльных крестьян в западносибирском регионе были характерны различные модели социальной дезадаптации, среди которых преобладали пассивные формы. Активные формы протеста, носившие групповой, но при этом слабо организованный характер, присущи в основном начальному периоду ссылки, что связано с экстремальными трудностями первичного этапа освоения мест нового расселения. Наиболее устойчивой формой реального протеста оставались побеги, численность которых резко возрастала в первые год или два года ссылки, но по достижении пятилетнего срока резко снижалась (усиление борьбы с побегами, уменьшение количества людей, способных на побеги и т. д.). Обратной стороной протестных практик становилось усиление режима спецпоселения, в функционирование которого вовлекались отдельные группы самих ссыльных. Спецпереселенцы проходили пяти – шестилетний цикл адаптации, что доказывается резким снижением дезадаптивных форм поведения, выравниванием показателей рождаемости и смертности, достижением определенной устойчивости форм и результатов хозяйственной деятельности в спецпоселках.

---

¹ *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР... С. 281.

**Роль рыночной торговли и товарообмена
в жизнеобеспечении колхозного крестьянства
Алтайского края в годы Великой Отечественной войны***

Статья посвящена рассмотрению основных факторов, способствовавших увеличению роли рыночной торговли и товарообмена в жизнеобеспечении колхозного крестьянства Алтайского края в годы войны. Показаны основные изменения, произошедшие в колхозной торговле и товарообмене под влиянием военного времени. Автор приходит к выводу о том, что колхозная торговля и натуральный товарообмен стали одними из важнейших инструментов для жизнеобеспечения колхозников в первой половине 1940-х годов.

Ключевые слова: рыночная торговля, товарообмен, жизнеобеспечение, крестьянство, Алтайский край, Великая Отечественная война.

В годы Великой Отечественной войны колхозное крестьянство Алтайского края находилось в тяжелом материальном положении. Т.К. Щеглова определяет условия жизни сельского населения Алтая в военное время как трудные и экстремальные¹. Проблема механизмов выживания колхозников в этих условиях представляется очень важной, но имеющиеся публикации раскрывают ее недостаточно. Одними из таких механизмов в годы войны являлись рыночная торговля и товарообмен. Если изучить историографию данной проблемы на уровне Сибири², то можно прийти к выводу, что в территориальных рамках Алтайского края она разработана фрагментарно, а ряд ее аспектов (в частности, товарообмен) оставались вне поля зрения историков.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации».

¹ Щеглова Т.К. Система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в годы Великой Отечественной войны: повседневные адаптационные практики, заместительные технологии и жизненные стратегии (в программе Центра устной истории и этнографии, посвященной 70-летию Победы) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10: материалы X междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2015. С. 250.

² Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни: Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993. Демина Е.В. Торговля и снабжение населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Красноярск, 2007. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985.

Одним из подходов, позволяющих шире раскрыть проблему рыночной торговли и товарообмена, как механизма выживания колхозников, является рассмотрение ее через призму культуры жизнеобеспечения в экстремальных условиях войны. Данный подход разрабатывается в работах Т.К. Щегловой¹. По ее мнению, «в исторических реконструкциях сформировался разрыв между историками и этнографами». Первые опираются преимущественно на архивные документы (в чем видится ими принцип объективности), вторые – на авторские полевые материалы. Это приводит с той и другой стороны к «неполной реконструкции прошлого, а зачастую к формированию противоположных оценок одних и тех же явлений – от негативных до идеализации». Поэтому, по ее мнению, необходимо «вводить этнокультурный материал в исторические повествования»².

В частности, к таким проблемам относится и роль рыночной торговли и натурального товарообмена в жизнеобеспечении колхозников в годы войны. В это время данные экономические процессы стали важнейшими условиями выживания жителей колхозной деревни. В связи с этим, представляется важным выявление факторов, способствовавших увеличению значения торговых и бартерных операций в повседневной жизни селян Алтайского края в первой половине 1940-х годов. Кроме того, необходимо показать то, как изменялись данные факторы и как эти изменения отразились на повседневности колхозного крестьянства в рассматриваемый период.

Начало Великой Отечественной войны оказало большое влияние на изменение системы государственной торговли и распределения товаров в СССР. Прежде всего, это связано с тем, что в начале войны из-за переориентации предприятий легкой промышленности на выпуск продукции для фронта произошло значительное сниже-

---

¹ *Щеглова Т.К.* Культура жизнеобеспечения алтайского сельского общества в годы Великой отечественной войны и возможности устной истории: повседневные практики борьбы с голодом и холодом (к вопросу о сохранении нематериального историко-культурного наследия села) // Международный продовольственный форум «Сибирское поле: от освоения целины до продовольственной безопасности страны, Сборник материалов. Барнаул, 2014. С. 171–174.; *Щеглова Т.К.* Система жизнеобеспечения... С. 248–262.; *Щеглова Т.К.* Собирачество как стратегия выживания и элемент системы жизнеобеспечения сибирской тыловой деревни в повседневных практиках военного времени 1941–1945 годов по устным историческим источникам // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 35. С. 174–184.

² *Щеглова Т.К.* Культура славянских сообществ Сибири в XX веке: новые подходы и перспективы в научно-исследовательском проекте «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3.

ние производства продукции для нужд населения. По данным А.В. Любимова, если в 1940 г. в стране было произведено 4,0 млрд м² хлопчатобумажных тканей, то в 1942 г. – лишь 1,6 млрд м², кожаной обуви – соответственно 212 млн и 52,7 млн пар, сахарного песка – 2165 тыс. и 114 тыс. т¹. В этих условиях для нужд тыла выделялась весьма ограниченная товарная масса. Данное явление можно проследить по динамике снижения централизованных рыночных фондов потребительских товаров. В 1942 г. по сравнению с 1940 г. эти фонды сократились по мясным продуктам в 2,8 раза, рыбопродуктам – 3,1, сахару – 6,6, чаю – 2,3, хлопчатобумажным тканям – 12, швейным изделиям – 8,5, ниткам – 5,9, кожаной обуви – 11,1, чулочно-носочным изделиям – 6, трикотажу – 4,1 раза². В частности, значительное снижение продовольственных ресурсов в начальный период войны произошло и в Алтайском крае. К 1944 г. объем фондового обеспечения региона продуктами питания вырос, но, по-прежнему, оставался существенно ниже довоенного уровня (Таблица 1).

Таблица 1

Фонды продовольственных товаров по Алтайскому краю
(1939–1944 гг.) (в тоннах)³

	Мясо	Рыба	Жиры животн.	Жиры растит.	Сахар
1939	5245	22900	1400	1240	16770
1942	1215	1716	480	520	1625
1944	4200	2300	1290	885	1670

Снабжение сельского населения непродовольственными товарами возлагалось в основном на потребительскую кооперацию. Нормы и периодичность продажи определялись местными советскими и кооперативными органами в зависимости от наличия розничного товарного фонда⁴. Но во время войны она лишь частично удовлетворяла материально-бытовые запросы селян. Произшедший в это время рост розничного товарооборота кооперации был относительным. В абсолютном выражении количество товаров, выделяемых для личного

¹ Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968, С. 14.

² История советского крестьянства: В 5-ти т. М., 1987. Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945. С. 354.

³ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

⁴ Крестьянство Сибири... С. 172.

подсобного хозяйства колхозников, являлось незначительным. Так, по данным В.Т. Анискова, за один месяц первого полугодия 1943 г. на каждое из обследованных 10 323 личных подсобных хозяйств страны, в число которых были включены также хозяйства Алтайского края и Новосибирской области, по линии кооперации (вместе с незначительными государственными поступлениями) было приобретено 8,6 кг. зерновых (включая овес бобовые, кукурузу и пр.), 0,4 кг. картофеля и овощей, 0,02 кг. масла растительного, 2,7 кг мяса и сала (включая сбой), 0,56 кг молочных продуктов (включая пахту и сыворотку), 0,03 кг сахара, 0,05 кг кондитерских изделий, 26 г. чая, 1,4 кг соли, 2,8 коробки спичек, 0,5 л водки. Если иметь в виду месячную норму одного человека, то эти данные нужно уменьшить примерно в пять раз⁵. В связи с резким сокращением централизованных рыночных фондов и недостаточной работой потребительской кооперации произошло увеличение роли рынка как источника получения дефицитных продовольственных и промышленных товаров.

Недостаток промтоваров нашел свое отражение и в воспоминаниях колхозного крестьянства. Столкнувшись с острым дефицитом, колхозники были вынуждены замещать отсутствующие вещи. Например, для того, чтобы бороться с нехваткой спичек в годы войны у ряда селян появилась специальная соседская обязанность. В частности, в одном из нескольких дворов обязательно поддерживали огонь, чтобы соседи от него могли взять уголек или кусок кизяка и затопить у себя печь.

Важность рынка для колхозного крестьянства в годы войны была обусловлена изменившейся налоговой политикой государства. В это время произошло увеличение денежного налогового бремени, что вынуждало колхозников более активно продавать продукцию с личных подсобных хозяйств и полученную от собирательства и промыслов. Изменения в натуральном налогообложении также вынуждали селян активнее участвовать в рыночной торговле. Поскольку сельское население сдавало ряд продуктов государству, рынок стал одним из источников погашения обязательных натуральных поставок.

Одной из главных тенденций в рыночной торговле в годы войны стало существенное изменение цен. Несмотря на попытки государственного регулирования цен на колхозных рынках, ценообразование происходило преимущественно за счет рыночных механизмов. В результате при увеличении разрыва между денежными доходами и товарным обеспечением населения в сфере государственной и кооперативной торговли, рыночные цены значи-

---

⁵ Анисков В.Т. Жертвенный подвиг... С. 133–134.

тельно возрастали. В частности, в 1943 г. по сравнению с 1942 г. в Алтайском крае цены на мясо выросли в 6,7 раз, на масло животное – 9,2 раза, на молоко – в 6,4 раза¹. С середины 1943 г. началось снижение цен на рынках. К 1945 г. по сравнению с 1943 г. стоимость мяса снизилась в 3,3 раза, животного масла – 3,1 раза, картофеля – 3,3 раза². Прежде всего, данное явление следует связать с ростом объема продовольствия на колхозном рынке. Например, на колхозные рынки Барнаула, Бийска и Рубцовска с 1942 по 1945 гг. поступление мяса увеличилось в 4,5 раза, картофеля – 1,7, меда – 10 раз³. После 1943 г. улучшилась ситуация в сельском хозяйстве, уменьшилось налоговое бремя колхозов и личных подсобных хозяйств. Помимо этого, М.С. Зинич выделяет такие важные факторы, повлиявшие на снижение цен, как укрепление огородничества и подсобных хозяйств у горожан, а также начало организации государственной коммерческой торговли⁴.

Еще одной важной тенденцией развития колхозной торговли являлось налаживание товарного обмена между городом и деревней, который стремилось стимулировать государство. В частности, в июне 1942 г. управления железных дорог получили приказ, в соответствии с которым во всех местных и пригородных поездах, курсирующих на расстоянии 100–150 км., следовало выделять один вагон специально для проезда колхозников, везущих сельскохозяйственные продукты для продажи на городских рынках⁵. Колхозники активно пользовались данной возможностью реализации своей продукции. Г.И. Кузьмичева (1935 г.р.) вспоминала: «Денег в семье всегда не хватало. Была хорошим подспорьем клюква, которую мама зимой продавала в Барнауле [...] Зимой до Гордеева пешком на санках три – четыре ведра клюквы везли, а потом мама с такой поклажей забиралась в поезд и ехала в Барнаул, продать клюкву по рублю стакан. Денег на проезд не было, и ездили, чтобы не платить, на подножках, иногда на крыше»⁶.

Несмотря на такие поездки, в целом торговые связи между городом и деревней в годы войны являлись очень слабыми. В то же время горожане и селяне были заинтересованы во взаимном товарообороте продовольственными и промышленными товарами. В результате на этой почве развивались такие явления как спекулянтство и самозаготовки.

---

¹ ГААК. Ф. Р-926. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Л. 19.

⁴ Зинич М.С. Будни военного лихолетья 1941–1945 гг. М., 1994. Вып. 1. С. 51–52.

⁵ Любимов А.В. Торговля и снабжение... С. 160.

⁶ Алтайская деревня в рассказах ее жителей. Барнаул, 2012. С. 145.

Особое распространение спекуляции получили в 1942 г., когда возникли наибольшие затруднения в товарообмене между городом и деревней. Об этом явлении свидетельствовали спецсообщения НКВД. В частности, по их данным милицией Барнаула была арестована спекулянтка табаком В.И. Метьковская. Продолжительное время она нигде не работала, разъезжала по селам и скупала табак по 3–5 руб. за стакан, а в Барнауле перепродавала его за 10 рублей. При аресте у спекулянтки было изъято более 200 стаканов табака¹. Также в данное время шла спекуляция и рядом других сельскохозяйственных продуктов. В связи с этим государство стало предпринимать меры по борьбе со спекуляциями. В частности, 25 сентября 1942 г. вышло постановление ГКО № 2342 «О борьбе с мешочничеством», предполагавшее «изъятие продовольственных товаров, превышающих установленную норму провоза ручной клади (16 кгр.)»².

Нередкими в годы войны были случаи проведения самозаготовок. Причем занимались ими как население, так и предприятия, сталкивавшиеся с нехваткой продовольствия для организации питания своих работников. Последние выделяли несколько человек, которые посылались в сельскую местность края для приобретения необходимых продуктов питания. В частности, 16 марта 1942 г. начальник стройуправления «Стройгаз» Черепов и главный бухгалтер Епишкин командировали в Шарчинский и Мамонтовский районы картотетчицу управления Копейкину и возчика Федорова для закупки сельскохозяйственных продуктов. Они нелегально скупили в Мамонтовском районе 59 кг мяса, но «были задержаны работниками РО НКВД. Дальнейшая закупка продуктов им была запрещена. Копейкина и Федоров затратили на это 10 дней рабочего времени»³.

Большое значение в годы Великой Отечественной войны приобрела и меновая торговля (бартер). Ее широкое распространение было, прежде всего, связано с тем, что существенное повышение цен приводило к резкому снижению покупательной способности денег. В результате, продавать и покупать товары за деньги становилось невыгодно⁴. Несмотря на то, что натуральный товарообмен преследовалась по закону фактически она проходила свободно и открыто. Данный вопрос, вследствие его «теневого» характера, очень слабо отражен в архивных источниках, но свиде-

---

¹ ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 155. Л. 389–389об.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 58. Л. 11.

³ ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 155. Л. 220.

⁴ *Зинич М.С.* Будни военного лихолетья... С. 50.

ния из устных источников, позволяют восстановить ряд основных тенденций меновой торговли.

В сельской местности бартерные операции были очень широко распространены. Соседние села осуществляли обмен товарами между собой на предметы, которые отсутствовали друг у друга. Н.С. Изотов (1930 г.р.) вспоминал: «Посуда была из глины, вот и деревянная. Всякая. Ездили продавали такую посуду. Горшки тоже глиняные были. Под молоко, между прочем в таких горшках молоко было вкусное. [Посуду]... делали и привозили и меняли на хлеб, на картошку. И рыбу возили, не надо было ловить. Привезут и соленую, с Гуселетово, с Казанцево. Они (т.е. жители других сел) наловят, а хлеба у них нет или там картошку. И сюда везут, а тут мы значит вымениваем, там или зерна сколько надо, все уже знали, что чего надо»¹.

Натуральный товарообмен развивался и внутри села. В частности, в начале войны часто имел место обмен товарами между местным и эвакуированным населением и спецпереселенцами. Данные категории населения находились в чрезвычайных условиях, оказавшись на первых порах после переселения без средств к существованию и даже крыши над головой. В этих условиях, чтобы обеспечить свое выживание переселенцы (немцы, ленинградцы и др.) были вынуждены обменивать свои вещи на продукты питания у местного населения. Н.Е. Сухорукова (1926 г.р.,) отмечала: «А сестра дома управлялась. Коровку мы держали. Это наша кормилица была. Сестра молоко сдавала на молоканку и получала масло. Отпросившись с работы, я шла на базар в село Мамонтово продавать масло. За вырученные деньги покупала что-нибудь из вещей. Один раз купила валенки подшитые, в другой раз – шаль, помню, у ленинградки пальто купила. Вот радости-то было! Одевались ведь кое-как, платья сами шили, штанов не было, босяком ходили до самых холодов. Зимой в валенках, подшитых тряпками. На выход валенки одни на двоих»². М.Ф. Беккер (1938 г.р.) вспоминала: «У нас от дома что осталось [привезенные вещи], приходилось менять – отнесешь платья товар какой получишь»³. А.Н. Машинцева (1932 г.р.) вспоминала: «[...] Кто прие-

---

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2014. Романовский район, пос. Майский, Изотов Николай Семенович, 1930 г.р.

² Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны: рукопись // Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.

³ Алтайская деревня... С. 159.

хали голые, а кто с имуществом конечно. Меняли на хлеб и на картошку»⁴.

Подводя итог, следует отметить, что колхозная торговля и натуральный товарообмен стали одними из важнейших инструментов для жизнеобеспечения колхозного крестьянства в годы войны. Увеличение роли колхозной торговли, прежде всего, связано с ухудшением работы традиционных источников снабжения, в частности таких как потребительская кооперация, преимущественно непродовольственными товарами. Также большую роль в этом сыграла налоговая политика государства в отношении колхозных дворов. Рыночная торговля в крае представляла большое значение как для колхозного, так и городского населения. Об этом свидетельствует укрепление торговых связей между городом и деревней, как посредством официального, так и незаконных форм товарообмена, таких как спекулянтство и самозаготовки.

Не менее важную роль для колхозного крестьянства края в годы войны стал играть натуральный товарообмен. Он был обусловлен, прежде всего, большой инфляцией, а также их нехваткой или отсутствием необходимых товаров. Товарообмен осуществлялся как внутри сел, так между различными селами и позволял получать необходимые товары, не используя денежный расчет.

В результате благодаря торговли и товарообмену, колхозное крестьянство имело возможность получать необходимые для себя прежде всего недостающие промышленные товары. Также данные механизмы позволяли реализовывать имевшуюся сельскохозяйственную продукцию и получать недостающую.

---

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ Материалы ИЭЭ 2013. Егорьевский район, с. Новоегорьевское. Машинцева Анна Наумовна, 1932 г. р.

Медицинское обслуживание членов семей военнослужащих в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

В статье рассмотрен вопрос организации и осуществления медицинского обслуживания членов семей военнослужащих. Приведены основные распорядительные документы по этому вопросу, на основании которых делается вывод об фактическом отсутствии в годы войны специализированного медицинского обслуживания членов семей военнослужащих. В тоже время, отмечается ориентация ряда направлений деятельности органов здравоохранения, прежде всего в сфере обслуживания детей, на указанную категорию лиц.

Ключевые слова: здравоохранение, семьи военнослужащих, социальная политика, Великая Отечественная война, Западная Сибирь.

Развертывание массовой армии для ведения масштабных боевых действий привело к серьезным изменениям структуры советского общества. За 1941–1945 гг. военную службу проходило 34 477 тыс. чел.¹, но объемом призыва влияние мобилизации на социум не исчерпывалось. Подавляющее большинство мобилизованных, в том или ином качестве, являлись важной частью первичной ячейки общества – семьи. Призыв на военную службу приводил к ее серьезной деформации, вызывавшей значительные, и почти всегда негативные, изменения положения (материально-го, морального, бытового и т. д.) семей военнослужащих.

Семья стремилась нейтрализовать негативные изменения и вернуться тем или иным способом в устойчивое состояние. При этом интересы семьи, в большей или меньшей степени, вступали в противоречие с интересами общества, увеличивая социальную нестабильность. Общество, в свою очередь, стремилось с помощью осуществления целенаправленных действий снять остроту этого конфликта. При оценке политики государства к семьям военнослужащих следует учитывать, что ключевая основа противостояния семьи и общества фактически неразрешима (общество не может вернуть военнослужащего семье), но можно значительно ослабить остроту конфликта, решая материальные, бытовые и другие проблемы семей военнослужащих. Значимость этой

---

¹ Великая отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андронников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. М., 2010. С. 40, 42. Данные приведены с учетом военнослужащих состоящих в армии на 22.06.41 г., за вычетом повторно призванных.

проблемы в сороковые годы ясно осознавалось – опыт Первой мировой войны, в ходе которой это противостояние приняло крайние формы (братания, как результат неуверенности солдат в устойчивом положении своих семей; марши «пустых кастрюль», чьими активными участниками были члены семей военнослужащих, борющихся против ухудшения материального положения) еще не был забыт.

Политика проводимая государством по отношению к семьям военнослужащих была многогранна, преследовала различные цели и решала их с помощью самых разных инструментов. Одним из таких инструментов в годы Великой Отечественной войны была осуществлявшаяся государством политика в отношении семей военнослужащих в сфере медицинского обслуживания. Уже 25 июня 1941 г. в директивном письме ЦК профсоюза работников Медсантруд Центра о перестройке работы профсоюзных организаций в соответствии с требованиями войны указывалось: «Профсоюзные организации должны помочь семьям мобилизованных в ряды Красной Армии и Флота: устроить их на работу, детей – в ясли, детсады, оказать им в необходимых случаях материальную помощь»¹. Продолжили действовать принятые еще в довоенные годы законы о льготной оплате семьями военнослужащими мест в детских садах и яслях, льгота о бесплатном проезде к месту лечения членов семей командного состава и сверхсрочного состава². Тем не менее, в 1941–1942 гг. работа с семьями военнослужащих не находилась в центре внимания медицинских органов.

В 1943 г. государство резко активизировало свою политику по отношению к семьям военнослужащих: согласно постановлению СНК СССР «О мерах по улучшению работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» от 22 января 1943 г. было образованно управление по государственному обеспечению семей военнослужащих, издан ряд ведомственных приказов. 4 февраля 1943 г. вышел приказ народного комиссара РСФСР № 33 «О работе органов здравоохранения по оказанию помощи семьям военнослужащих»³. В приказе впервые были сформулированы основные

---

¹ Директивное письмо ЦК профсоюза работников Медсантруд Центра о перестройке работы профсоюзных организаций в соответствии с требованиями войны. 25 июня 1941 г. // Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сборник документов и материалов. М., 1977. С. 27.

² Пособия, пенсии и льготы семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава. Сборник законов, указов и постановлений. / Ред. А.П. Усков. М., 1941. С. 39, 41.

³ Государственный архив новосибирской области (ГАО) Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 309. Л. 8–40 об.

направления работы системы здравоохранения по отношению к семьям военнослужащих:

- своевременное и квалифицированное лечение, помощь в уходе за больными, обеспечение безотказной госпитализации больных членов семей военнослужащих, в особенности в тех случаях, когда трудоспособные члены семьи работают на предприятиях и в учреждениях;

- создание в аптеках специального фонда дефицитных медикаментов и предметов ухода за больными для обеспечения, по рецептам лечебных учреждений, членов семей военнослужащих;

- обеспечение широкого охвата детей фронтовиков детскими яслями, садами, молочными кухнями. «От расширения существующей сети детских яслей и садов и улучшения их работы зависит дальнейшее вовлечение жен фронтовиков в работу промышленности»;

- улучшение взаимодействия персонала эвакогоспиталей с членами семей военнослужащих: организация своевременных ответов на запросы родных, чуткий прием их при посещении раненых, помощь семьям раненых в разрешении правовых вопросов и так далее;

- помощь в деле улучшения материально-бытового положения членам семей военнослужащих работающих в учреждениях здравоохранения;

- особое внимание к рассмотрению жалоб семей военнослужащих¹.

Как видим, работа семьями военнослужащих, даже согласно этому приказу, выстраивалась в рамках уже существующей системы здравоохранения. Создания каких-либо специальных учреждений и органов по работе с семьями военнослужащих не предусматривалось. Не были прописаны в приказе и механизмы контроля и отчетности по проделанной в отношении семей военнослужащих работе. Это привело к тому, что в отчетных документах учреждений здравоохранения военного времени работа с семьями военнослужащих никак не выделялась. Отсутствие контроля вело к формальному исполнению этого приказа, что вынуждало органы здравоохранения вновь и вновь возвращаться к этой проблеме. Так уже в послевоенном распоряжении Новосибирского облздравотдела от 26 июня 1945 г. в Новосибирске значилось: «дать указание всем медработникам о первоочередном и безотказном обслуживании семей военнослужащих лечебными и детскими учреждениями»².

---

¹ ГАНО Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 309. Л. 8–10 об.

² Там же. Д. 404. Л. 5.

Таким образом, медицинское обслуживание семей военнослужащих, по сути, не выделялось в структуре работы органов здравоохранения. Тем не менее, члены семей военнослужащих фактически служили целевой категорией населения для ряда направлений работы органов здравоохранения – прежде всего, для обслуживания детства. Государство нуждалось в рабочих руках, и трудоустройство семей военнослужащих решало две задачи: находило трудовые ресурсы и улучшало материальное положение семей военнослужащих. Серьезным препятствием в деле трудоустройства членов семей военнослужащих была необходимость заботы о детях и государство стремилось максимально облегчить ее осуществление.

В годы войны эта проблема решалась системой здравоохранения с помощью учреждений обеспечивавших лечебное обслуживание детских больниц, консультаций и т. д.; а также с помощью входивших в систему Наркомздрава яслей, обеспечивавших повседневный присмотр за маленькими детьми. Кроме этого, органы здравоохранения обеспечивали медицинское обслуживание детей в учреждениях и организациях непосредственно не подчинявшихся наркомату здравоохранения детских домах, детских садах; активно участвовали в организации летней оздоровительной кампании.

Количество коек в детских больницах в годы войны значительно выросло. Если по территории современной Новосибирской области в 1940 г. насчитывалось 114 детских коек, то в 1945 г. – 152 койки. При этом значительно изменилась структура детского коечного фонда: если в 1940 году насчитывалось 106 неинфекционных детских койки и всего 8 инфекционных, то в 1945 году – 59 и 93 соответственно¹. В Алтайском крае количество детских больниц осталось неизменным, но за счет уплотнения количество коек выросло со 190 в 1940 г., до 280 в 1945 году².

Возросло и количество детских консультаций, если в 1941 году по территории современных Новосибирской, Кемеровской и Томской областей насчитывалось 26 детских и 68 совмещенных женско-детских консультаций, то в 1942 году – 38 и 70; а в 1944 г. – 45 и 78 соответственно³.

---

¹ ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 1179. Л. 1. Койки приведены фактические на 31 декабря соответствующего года.

² Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-726. Оп. 3. Д. 35. Л. 12.

³ ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 611. Л. 4; Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 293. Л. 4–6 об.; Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 390. Л. 14–18 об.; Там же. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 998. Л. 45–49 об.; Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 293. Л. 52–54 об.; Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 162. Л. 30–34 об.; ГАТО. Ф. Р-1005. Оп. 1. Д. 56. Л. 5–9 об.; Новосибирский городской архив (НГА). Ф. Р-33. Оп. 1.

В Омской области в старых границах с начала войны до января 1944 г. количество детских больничных коек выросло на 55 %, количество консультаций на 40 %, ясельной сети на 20 %¹.

За годы войны расширилась и сеть яслей. Уже в начале войны произошел резкий рост их мощности, что было связано с широким внедрением женского труда в производство. Так, в Новосибирской области в старых границах в 1941 г. произошло ее увеличение по сравнению с запланированными в мирное время показателями на 5 146 мест². Количество яслей по территории современных Новосибирской, Кемеровской и Томской областей с 202 городских и 214 сельских постоянных яслей в 1941 г., выросло к концу 1944 г. до 215 и 262 соответственно³.

Ясли стремились соответствовать требованиям времени в них образовывались карантинные группы, которые фактически выполняли роль заместителя детских врачебных стационаров, вводилось круглосуточное обслуживание детей, в связи с работой заводов в три смены и так далее⁴.

Организация качественного присмотра за детьми позволило уменьшить отвлечение матерей от работы по уходу за ребенком. Если по территории современных Новосибирской и Томской областей в 4 кв. 1941 г. было выдано больничных по уходу за ребенком на 28 148 дней, то в 4 кв. 1942 г. – на 10 721, а в 1 кв. 1943 г. – на 7 624 дня. То есть снижение за этот период составило около 70 %⁵.

Помимо постоянных учреждений ясельного типа огромную роль играли сезонные детские ясли, развертываемые в сельской местности на период основных сельскохозяйственных работ. Об их мощности и направлении развития в военные годы свидетельствует факт развертывания в 1941 году на территории современных Новосибирской и Томской областей сезонных яслей на 58 534 мест, а в 1943 г. – на 66 748 мест⁶.

К сожалению, несмотря на значительные усилия по расширению сети детских яслей, ее развитие все же отставало от роста потребностей в ясельной помощи в силу ограниченности ресурсов органов здравоохранения.

Д. 630. Л. 2. Данные только по самостоятельным консультациям.

¹ Исторический архив омской области (ИсАОО). Ф. Р-2100. Оп. 1. Д. 4. Л. 57.

² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 35. Л. 136.

³ ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 611. Л. 4; Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 390. Л. 14–18 об.; Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 998. Л. 45–49 об.; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 162. Л. 30–34 об.; Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1005. Оп. 1. Д. 56. Л. 5–9 об.; НГА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 630. Л. 2.

⁴ ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 306. Л. 23.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 42а. Л. 117.

⁶ Там же. Л. 117об.

Органы здравоохранения обеспечивали также медицинское обслуживание детских домов и детских садов. Следует отметить, что в основном эти должности занимались врачами по совместительству и зачастую данная работа не привлекала их должного внимания. Врачи не принимали участия в составлении меню, не боролись за использование в питании витаминов, употребление в пищу полезных дикорастущих растений и так далее¹, что приводило к случаям неудовлетворительного медицинского обслуживания².

Важная роль в оказании помощи семьям военнослужащих отводилась организации летнего отдыха подрастающего поколения. Для этого создавались различные детские учреждения.

Организацией летнего отдыха и оздоровления детей решалось несколько взаимосвязанных важных задач: 1) улучшение здоровья; 2) их воспитание; 3) приобщение к труду в среде коллектива; 4) снижение безнадзорности и беспризорности; 5) возможность трудоустройства матерей на летний период, пока дети находились под присмотром в детских учреждениях.

Одним из основных контингентов летне-оздоровительной компании являлись дети фронтовиков, которым государство стремилось помочь в первую очередь. Так, по Кемеровской области в 1943 г. летне-оздоровительной компанией было охвачено свыше 17 тыс. детей фронтовиков³. В это же время в Новосибирской области из 27 440 городских детей, отдохавших в пионерских лагерях и на школьных площадках, 16 464 чел. (60 %) составляли дети фронтовиков и инвалидов Великой Отечественной войны. Среди сельских детей этот показатель был еще выше. Из 15 640 отдыхающих ребят, 13 976 чел. (90 %) были дети фронтовиков⁴. В одном только г. Барнауле Алтайского края в 1944 г. было охвачено оздоровительными мероприятиями около 9 тыс. детей фронтовиков и инвалидов Отечественной войны⁵. По Омской области в 1943 г. оздоровительными мероприятиями было охвачено 65 тыс. детей фронтовиков⁶.

Семьи военнослужащих в большинстве случаев не могли полностью оплатить путевку. Для облегчения положения семьям фронтовиков на приобретение путевок предоставлялись льготы, а иногда они давались бесплатно. Только по г. Кемерово в оздорови-

---

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 292. Л. 29.

² ГАНО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 403. Л. 1.

³ Военкоматы в дни Отечественной войны // Кузбасс. 1943. 17 ноября.

⁴ Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах. В 3 т. Т. 3. Спасенное детство. / Сост. и отв. ред. Л.И. Снегирева. Томск, 2005. С. 194–195.

⁵ ГААК. Ф. Р-312. Оп. 1а. Д. 98. Л. 20об.

⁶ ИсаОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 4040. Л. 38.

тельную компанию 1943 г. было направленно детей фронтовиков в пионерлагеря и на детплощадки 2 865 человек. Из них за счет средств отделов гособеспечения – 372 чел. на сумму 60 919 рублей. За счет средств предприятий (дотации к стоимости путевок) 2 100 чел. на сумму 203 000 рублей¹.

Помимо временных учреждений существовали и специализированные санатории постоянного характера. Например, в г. Томске находился областной костно-туберкулезный детский санаторий, где лечилось от туберкулеза большое количество детей разного возраста, преимущественно детей фронтовиков².

Таким образом, реализацию медицинского обслуживания членов семей военнослужащих можно оценить двояко. С одной стороны, обслуживание семей военнослужащих, как лиц с определенным социальным и правовым статусом, было фактически не выделенным и осуществлялась сетью учреждений здравоохранения в общем порядке. С другой стороны, работа органов здравоохранения с семьями военнослужащих, как с частью населения региона, была значительной и даже определяла развитие некоторых направлений медицинского обслуживания, прежде всего детской медицины.

---

¹ Во имя Победы... С. 182–183.

² ГАНО. Ф. П-4. ОП. 34. Д. 173. Л. 4.

Работы по поиску останков воинов, погибших на территории Орловской области

В статье центральное место отводится анализу развития в России и, в частности, в Орловской области движения по поиску останков погибших воинов и их перезахоронений. Рассказывается о создании в последнюю четверть века нормативной базы для проведения раскопок на местах боев. Приводятся конкретные результаты работы научного центра «Десантник», в работе которого участвовал автор настоящей публикации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Орловская область, поиск останков погибших воинов, поисковый отряд «Десантник».

Великая Отечественная война по своим масштабам, напряженности, жертвам, потерям и разрушениям в прошлом не имела себе равных. Десятки миллионов советских людей прошли через эти испытания, из них 27 миллионов погибло. 8,7 млн воинов Красной армии, не вернулись с войны, 1,8 млн солдат пропали без вести¹. В России в общей сложности не установлены имена около двух миллионов захороненных воинов, около полумиллиона, умерли в лагерях для военнопленных. Огромное количество людей числятся пропавшими без вести. В Российской Федерации по настоящее время не решен вопрос о захоронении сотен тысяч останков военнослужащих, погибших при защите Отечества в годы Великой Отечественной войны. До сих пор много красноармейцев, павших в боях, лежат на местах сражений, и прежде всего в районах, где проводились крупные стратегические операции. Одной из таких территорий стала Орловщина, в территориальных границах которой проведено настоящее исследование.

Первые сражения развернулись на ее территории в начале войны – летом 1941 г. По преимуществу они были неудачными для Красной Армии. Под натиском немецких войск она отступала. Из 66 районов, входивших в состав Орловской области, не подвергались оккупации полностью только два района – Краснинский и Задонский².

Уже осенью сопротивление противнику возросло. Ему был нанесен значительный урон, что сказалось на ходе дальнейших

---

¹ Потери в Великой Отечественной войне // www.encyclopaedia-russia.ru/ (Дата обращения: 05.05.2015).

² *Чекмарева В.* Память священная // Сельская новь. 2013. 26 марта.

боевых действий. Советские воины мужественно сражались за каждый рубеж, ценою своих жизней тормозили наступление врага. Широкою известность получили героизм и подвиги танкистов из бригады полковника Катукова, проявленные в ожесточенных боях осенью 1941 г. в районе Орла и Мценска. Советские воины преградили путь танковой армаде Гудериана, который стремился прорваться к самой Москве. Именно здесь и родилась танковая гвардия¹.

В декабре 1941 г. и январе 1942 г. советские войска перешли в контрнаступление под Москвой, а затем под Ельцом (тогда входил в Орловскую область). Были освобождены 16 районов области. Ожесточенные бои шли в Ливенском, Должанском, Новосильском, Верховском, Новодеревеньковском и ряде других районов. Особенно тяжелыми они были на территории Болховского района. Во многих районах Орловщины активно действовали партизаны и подпольщики. Еще летом 1941 г. в области было сформировано 72 партизанских отряда, 91 партизанская группа, 330 групп подрывников-диверсантов. Партизанское движение стало ярким проявлением патриотизма и внесло огромный вклад в победу советского народа над фашистскими захватчиками².

На территориях Орловской и Курской областей летом 1943 г. разыгралось невиданное в истории сражение, ставшее по своему размаху, привлекаемым силам, средствам, результатам и военно-политическим последствиям одним из крупнейших в ходе Великой Отечественной и Второй Мировой войн. А. Гитлер рассчитывал в реализации стратегической операции под кодовым наименованием «Цитадель» взять реванш за поражение под Москвой и Сталинградом. В ожесточенные сражения с обеих сторон было вовлечено более четырех миллионов человек, свыше 69 тысяч орудий и минометов, более 13 тысяч танков и самоходных орудий, до 12 тысяч боевых самолетов. Количество войск Красной армии превышало по численности группировки войск, действующие в разное время под Москвой (1,02 млн чел.) и Сталинградом (1,14 млн чел.). Концентрация войск также не имела аналогов. Так, если в начале наступления на 1 км фронта приходилось условно 3325 человек, то к финалу операции эта цифра составила около 7000 человек на 1 км фронта³.

Великая битва на Орловско-Курской дуге продолжалась 50 неимоверно трудных дней и ночей – с 5 июля по 23 августа 1943

---

¹ Жуков Д., Ковтун И. Дальше Мценска не пускать // Совершенно секретно, № 09/338. 2015. 19 марта.

² Потери в Великой Отечественной войне. URL: [//www.encyclopaedia-russia.ru/](http://www.encyclopaedia-russia.ru/) (Дата обращения: 05.05.2015).

³ Там же.

года. Она включала в себя три крупные стратегические операции советских войск: Курскую оборонительную (5–23 июля), Орловскую (12 июля – 18 августа) и Белгородско-Харьковскую (3–23 августа) наступательные операции. Две трети немецких войск было сосредоточено на Орловском выступе. Но наступательной инициативы хорошо вооруженного врага хватило лишь на неделю, в течение которой гитлеровские войска были остановлены и обескровлены. Орловская наступательная операция, носившая кодовое наименование «Кутузов», привела к полному разгрому противника¹.

В ходе Орловской наступательной операции, начавшейся рано утром 5 августа 1943 г., войска Брянского фронта при содействии Западного и Центрального фронтов в результате ожесточенных боев овладели городом Орлом. Разведчиками 380-й стрелковой дивизии ефрейтором Василием Ивановичем Образцовым и рядовым Иваном Дмитриевичем Санько было водружено Красное знамя на единственном уцелевшем крупном здании – доме № 11 по улице Московской. В тот же день, в 24 часа, Москва впервые за годы войны салютовала доблестным войскам, освободившим города Орел и Белгород двенадцатью залпами из 120 орудий.

Образцы воинской доблести и бесстрашия в боях под Орлом показали тысячи воинов. В ходе Орловско-Курской битвы было разгромлено 30 гитлеровских дивизий, в том числе семь танковых, вермахт потерял около 500 тысяч человек. Победа под Орлом оплачена огромной ценой: в ходе боев было убито и ранено почти 430 тысяч солдат и командиров Красной Армии. Среднесуточно наши войска теряли больше 11 тысяч солдат и офицеров – полторы дивизии. На каждом квадратном километре освобожденной земли 20 человек остались лежать навечно, 50 бойцов получили ранения.

Разгром немецко-фашистских войск на Орловско-Курской дуге имел далеко идущие военные, политические и дипломатические последствия, оказал решающее влияние на дальнейший ход не только Великой Отечественной, но и всей Второй Мировой войны. Вооруженные силы Германии и ее союзники были вынуждены перейти к обороне на всех театрах военных действий – задолго до открытия Второго фронта.

В целом, за годы Великой Отечественной войны по территории Орловской области линия фронта проходила в течении 22 месяцев. Отступая под ударами частей Красной Армии из Орловской

---

¹ Букейханов П.Е. Курская битва. Оборона. Планирование и подготовка операции «Цитадель». Сражение на северном фланге Курской дуги. Июль 1943 г. М., 2011.

области, гитлеровцы практически уничтожили все ее промышленные предприятия, транспортные сооружения, взорвали электростанции, разрушили школы, больницы, учреждения культуры. Местным жителям предстояло заново поднимать экономику области, восстанавливать ее культуру¹. Еще одной важной задачей стало благоустройство воинских захоронений. Сотни тысяч красноармейцев погибли в Орловской области. Во время и после окончания войны стали создаваться воинские мемориалы, облагораживаться братские могилы. Всего их в этом регионе около 900. Однако очень многие воины, павшие в боях, продолжают лежать в земле на местах сражений.

Уже давно восстановлены из послевоенных руин и пожарищ города и села Орловщины. И, тем не менее, у современных людей есть возможность соприкоснуться с событиями, имевшими место более 70 лет тому назад, проявить свои патриотические чувства, поучаствовать в большой работе по сохранению памяти о простых бойцов, независимо от их званий, должностей и времени участия в войне. Такую возможность дают раскопки на местах боев с целью розыска останков советских солдат, по возможности восстановления их имен и перезахоронения с оказанием полагающихся воинских почестей.

К настоящему времени вышло немного публикаций, освещающих результаты раскопок, ведущихся в Орловской области. Преимущественно это были газетные публикации Н. Андреева, А. Зимарева, И. Почиталиной, К. Якушева². В научных публикациях этой темы очень кратко касался краевед А.Д. Будков³.

В нашей стране процесс увековечения памяти погибших в Великой Отечественной войне в послевоенные годы развивался последовательно, хотя в этом деле в деятельности государства и его институтов имелось немало недостатков. После войны руководству страны в полной мере не была отдана дань памяти тем, кто отдал жизнь за Отечество. В силу ряда объективных и субъективных причин они не были поименно увековечены. Медленно развивалось и поисковое движение.

---

¹ Будков А.Д. Народное хозяйство Орловской области в предвоенные годы // Орловская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Орел, 1999. С. 4.

² Андреев Н. Когда же кончится война? // Орловский вестник. 2010. 18 августа; Его же. Вахта памяти «Безымянного солдата» // Орловский вестник, № 44. 2013. 27 ноября.; Зимарев А. Случайная находка // Время орловское. 2011. 28 авг.; Почиталина И. Не пропавшие без вести // Орловская правда. 2013. 5 февр.; Открывая солдатский медальон // Время орловское. 2013. 5 февр.; Якушева К. Солдаты памяти // Орловская правда 2015. 18 марта.

³ Будков А.Д. Орловской области в годы Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 9 мая 1945 г.). Орел, 1999.

Первыми поисковиками можно назвать самих граждан нашей страны, которые разыскивали своих родных и близких погибших или пропавших без вести во время войны. К ним также можно отнести работников государственных структур и различные общественные организации, которые помогали гражданам в этом сложном деле. Другой вопрос, что эти акции в ряде случаев были проведены формально, без должного и подобающего при этом внимания и без проведения профессиональной подготовки поисковиков. Но такая работа все же велась.

История поискового движения началась с людей, которым была не безразлична судьба тех, кто отдал свою жизнь за нашу родину. На свой страх и риск, отдельные граждане и небольшие разрозненные отряды, ходили в «проклятые места» и хоронили бойцов и командиров.

Постепенно неорганизованные поисковые группы объединялись, и 15 марта 1988 г., в Калуге на Первом Всесоюзном собрании представителей поисковых отрядов СССР было принято решение о создании Всесоюзного координационного Совета поисковых отрядов, при ЦК ВЛКСМ. 6–10 октября 1988 г. прошел второй сбор ВЛКСМ в Волоколамске. В мае 1989 г. под Новгородом, на месте гибели 2-й Ударной Армии прошла первая общесоюзная Вахта Памяти. За ней в 1990 г. последовала еще одна Всесоюзная Вахта – в Смоленской области, а затем аналогичные Вахты стали проводиться в общегосударственном масштабе, т.е. во многих областях¹.

Таким образом, только к концу 1980-х гг., то есть к 45-летию празднованию Победы в Великой Отечественной войне, было официально разрешено массовое участие граждан в работах по поиску останков погибших солдат и командиров армии-победительницы. А несколько позднее – в январе 1993 г. в законодательстве РФ появился закон «Об увековечении памяти погибших солдат при защите Отечества». Позднее на его основе в 1994, 2006, 2007 гг. появилось еще несколько нормативных актов, окончательно узаконивших раскопки на местах сражений².

В 1990-е – 2000-е годы поисковое движение охватывало все большее количество людей заинтересованных в увековечении памяти погибших в годы Великой Отечественной войны. Одни из них участвовали в работе больших сводных экспедиций в течение всего поискового сезона (май – октябрь), другие отряды выходили в поле лишь при наличии средств, некоторые проводили самосто-

---

¹ Воинская слава Забайкалья. Поисковый отряд «Звонца». URL: <http://halh.ingol.ru/poiskoviy-otryad-zvonica.html> (Дата обращения: 05.05.2015).

² Закон РФ от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал «Гарант».

тельные небольшие раскопки. Подобная практика работы и мелкими, и крупными экспедициями оправдала себя и способствует укреплению связей между отрядами, накоплению поискового опыта, достижению хороших результатов поиска.

В общей сложности, за период активных поисковых работ (с 1989 года) найдены и захоронены с соответствующими воинскими почестями останки более 120 тыс. погибших воинов, установлены тысячи имен тех из них, кто считался пропавшими без вести, уничтожено в ходе поисковых работ более ста тысяч взрывоопасных предметов¹.

В поисковое движение активно включились представители Орловской области. Оно приняло особенно широкий размах с конца 1990-х гг., когда в этом регионе развернулась массовая работа по созданию и организации деятельности поисковых центров и отрядов. Один из них – поисковый центр «Десантник», был организован 21 января 1998 г. по инициативе ветеранов боевых действий в Афганистане, Чечне и в других «горячих точках», ветеранов ВДВ и войск специального назначения. С 2010 по 2014 г. включительно в этом центре состоял и принимал активное участие в поисковых работах автор настоящей статьи.

Основной задачей деятельности поискового центра «Десантник», относительно небольшой организации, являлось создание оптимальных условий для совершенствования системы гражданского, военно-патриотического и духовно-нравственного воспитания детей и молодежи. Вся подготовка молодых людей была ориентирована на прохождение ими военной службы в войсках специального назначения и ВДВ.

Поисковые работы «Десантник» вел параллельно с другими отрядами. Они ежегодно приезжали в Орловскую область. В их составе находилось свыше 350 поисковиков из разных регионов страны: Чувашии, Ханты-Мансийского автономного округа, Красноярского края, Москвы, Курганской, Воронежской, Курской, Архангельской и других областей.

Первая Вахта Памяти, в которой участвовал «Десантник», проходила в 2002 г. в Болховском районе Орловской области, недалеко от бывшей деревни Карагашинки. Тогда при участии поискового отряда были найдены останки 46 бойцов Красной Армии, погибших в июле 1943 года. В единственном обнаруженном смертном медальоне значилось: «Низамутдинов Гемальгедин, рядовой, 1905 г.р., Куйбышевская область...».

В 2014 г. акция стартовала 25 апреля в этом же районе. В этот год общими усилиями в Орловской области разыскали и

---

¹ *Мирошеченко И.* Вечный поиск Руси. // Старицкий Вестник. 2014. 21 янв.

подняли из земли останки 102 солдат Красной Армии. Удалось установить личности четырех бойцов: Степана Ивановича Разепина, 1915 года рождения, уроженца Кунгурского района; Ивана Тихоновича Горлина, 1924 года рождения, уроженца Мценского района Орловской области; Кирилла Петровича Красноперова, 1905 года рождения; красноармейца Белова. Более того, удалось отыскать родственников Ивана Горлина. Они принимали участие в траурной церемонии и выразили огромную благодарность поисковикам. Им были переданы личные вещи бойца, найденные в ходе раскопок.

Следует отметить, что извлекать останки – это очень кропотливый, изнуряющий труд. Не все так легко и захватывающе, как кажется на первый взгляд. Например, распорядок дня отряда, в состав которого входил автор настоящей работы, был таким: в 7:00 – подъем, зарядка, быстрый завтрак, экипировка, обработка от клещей. Далее, выезд на место (с вечера оговаривается руководителем поиска, где будут происходить раскопки на следующий день). С собой берется все необходимое для раскопок – это вода, сухой поек, саперские лопаты, а так же щупы, металлоискатели, т.к. помимо останков в земле остается большое количество снарядов времен Великой Отечественной войны. В 14:00 – обед. После него снова все принимаются за работу. За день обычно приходится пройти от 5 до 10 км. Останки извлекаются членами отрядов, снаряды – специально подготовленным военным саперам. В 20:00 обычно ужинали. После ужина необходимо было всем привести в порядок свою форму, подготовиться к следующему дню. Заканчивался день отбоем в 23 часа.

Автору довелось участвовать в извлечении из земли бойца, у которого был обнаружен медальон. Практически все были охвачены волнением – удастся ли обнаружить запись? К сожалению, ее не оказалось. Все объяснялось просто. У красноармейцев существовала примета – «заполнишь записку – погибнешь». Поэтому, большинство этого не делали. К тому же, у многих их попросту не было. По опыту проведения раскопок, на 100 бойцов Красной Армии, поднятых из-под земли, удастся опознать 4 человека, тогда как на 100 немецких солдат приходится около 70 опознанных.

Орловская земля обильно полита кровью советских и немецких солдат. В ней до сих пор погребены тела тысяч неизвестных бойцов Красной армии. Поэтому не было такого дня, чтобы поисковики из «Десантника» возвращались в лагерь безрезультатно: находились останки воинов, предметы экипировки, оружие и снаряды.

В 2015 г. наша страна с большим размахом торжественно отметили 70-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне.

Современники отдали дань всем непосредственным участникам боевых действий и труженикам тыла. Жители Орловской области с горечью и гордостью вспоминали о событиях, имевших место на их земле, о вкладе местных жителей в достижение Победы. Не забыли они и о том, что еще огромное количество солдат лежат в земле, не перезахороненными. Патриотический долг современной молодежи – активно участвовать в решении этой задачи. Павшие за Родину красноармейцы должны найти свой последний приют на официальных воинских кладбищах или на кладбищах в населенных пунктах, откуда они были призваны в действующую армию. Все россияне должны осознавать, что десятки лет назад эти люди отстояли свободу и независимость нашей страны, заплатив за это своими жизнями. Следует также знать и помнить такое высказывание нашего великого полководца А.В. Суворова: «Война не закончена, пока не похоронен последний солдат».

Отечественная история с середины XX до начала XXI века

* * *

Е.В. Долгополова

Воспоминания судьи Ленинградского городского суда Г.А. Левицкого как источник для изучения судопроизводства в Ленинграде в послевоенный период (1945 – начало 1950-х гг.)

В статье анализируются воспоминания Г.А. Левицкого как источник по малоизученной теме – функционированию советских региональных судов в послевоенный период. Воспоминания содержат важные сведения о работе Ленинградского городского суда в 1945 – начале 1950-х годов. Они детализируют сведения других источников о материально-технической обеспечении судов, бытовых условиях деятельности судебных работников, резонансных делах, общем характере работы. Однако ряд важных проблем работы судебной системы – взаимодействие разных звеньев правоохранительных органов, давление партийных органов на работу суда, раскрытых в историографии и других источниках, автор воспоминаний оставляет без внимания.

Ключевые слова: советская судебная система, Ленинградский городской суд, судопроизводство, источники личного происхождения, воспоминания.

В ходе исследования историк сталкивается с необходимостью привлечения разнообразных видов источников. Изучение опыта функционирования региональных судебных органов не составляет исключение. Помимо законодательных и нормативных актов, делопроизводственных документов и материалов периодической печати, для всестороннего изучения этой темы необходимо привлечение в том числе источников личного происхождения.

В рамках статьи анализируется источник личного происхождения об организации судопроизводства в послевоенном Ленинграде с целью выявления объективности и ценности приведенных в нем фактов и возможностей их использования при изучении судопроизводства в Ленинграде в 1945 – начале 1950-х годов.

Опыт изучения источников личного происхождения показывает, что воспоминания позволяют увидеть, как на практике работали законы, как их трактовали и реализовывали государственные органы, какое отношение к ним складывалось у граждан и

какие факторы, не закрепленные в законодательстве, могли оказывать влияние на работу этой системы¹.

В ряду общих работ по истории советских судебных органов на сегодняшний день наиболее актуальны работы П. Соломона² и А.Я. Кодинцева³. В них впервые, после формально-юридического подхода к освещению темы в советской историографии, с точки зрения историка и юриста, представлены достаточно «живые» и динамичные картины того, что из себя представляла советская юстиция и суды, в частности.

Изучение истории советской судебной системы на региональном уровне – новое направление в отечественной историографии, поскольку архивные фонды судов стали доступны для исследователей сравнительно недавно. Работ по данной теме мало и, как правило, они приурочены к юбилею того или иного суда⁴, отличаются не высоким научно-исследовательским уровнем. История Ленгорсуда также получила освещение в рамках труда, приуроченного к 150-летию судебной реформы в России⁵.

Отдельные сюжеты по истории Ленгорсуда в ряде статей рассмотрел В.А. Иванова⁶. Обзорный характер носит статья, посвященная Ленгорсуду во второй половине XX века⁷. О работе суда Ленинграда дают ценные сведения и исследования, посвя-

---

¹Труфанов С.В. Воспоминания заслуженного юриста России В.А. Брюховецкого как источник изучения истории советской судебной системы второй половины XX в. // Воспоминания и дневники как историко-психологический источник. Материалы 29 Международной научной конференции. СПб., 2011. С. 178.

²Соломон П. Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. Л. Максименкова. – 2-е изд. М., 2008.

³Кодинцев А.Я. Государственная политика в сфере юстиции СССР. 30–50-е годы XX века. Куртамыш, 2008.

⁴Болотина Н.Ю., Павлов Д.Б., Егорова О.А. Московский городской суд: исторические очерки. М., 2007; Абрамовский А.П., Кобзов В.С., Вериго Е.А. Челябинский областной суд. 70 лет. Люди события, факты. Изд. 2-е испр. и доп. Челябинск, 2004; Встать! Суд идет! (История Самарской Фемиды). Самара, 2005; Суды Саратовской области: из прошлого в настоящее. Саратов, 2011. Сарбунова Н.И. Параллели истории. (к 140-летию Ярославского областного суда). Ярославль, 2006; Пензенский областной суд: 65 лет. Пенза, 2005.

⁵История судебных органов в Санкт-Петербурге: лица, события, факты / Е.В. Долгополова, А.А. Дорская, С.К. Дряхлов и др. СПб., 2014.

⁶Иванов В.А. Правда, ничего кроме правды о военном трибунале г. Ленинграда в период блокады // Россия. Век двадцатый: сб. ст. к 95-летию доктора исторических наук В.М. Ковальчука. СПб., 2011. С. 20–37; *Он же*. Газетная статья «Об одном судебном деле» как искривленное зеркало взаимоотношений ленинградского ОК и ГК ВКП (б) и Горсуда накануне «Ленинградского дела» // Триста лет печати Санкт-Петербурга: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург. 11–13 мая 2011 года. СПб., 2011. С. 501–506.

⁷Иванов В.А., Долгополова Е.В. Ленинградский городской суд во второй половине 1940-х – начале 1990-х годов // Россия в XX веке: человек и власть: Сб. статей / Отв. ред. М.В. Ходяков. СПб., 2013. С. 224–259.

щенные истории правоохранительных органов и анализу криминальной обстановки в городе¹.

Для исследователей процессов, связанных с организацией работы судебных органов, безусловный интерес представляют источники личного происхождения. Однако, на сегодняшний день, в разрезе данного вопроса, они оказались малоизученными. Не стали исключением и воспоминания Г.А. Левицкого². Георгий Алексеевич Левицкий, кандидат юридических наук, доцент, полковник внутренней службы в отставке, в 2008 г. издал воспоминания о своей работе в должности народного судьи, члена Ленгорсуда и председательствующего судебной коллегией по уголовным делам по первой инстанции этого суда.

Левицкий окончил в 1945 г. Свердловский филиал Всесоюзного юридического Заочного института, в декабре 1945 г., в возрасте 26 лет, поступил на работу народным судьей в суд Смольнинского района г. Ленинграда. В 1947 г. был избран членом Ленгорсуда. С 1948 по 1952 гг. – избирался членом партбюро первой парторганизации суда. В 1950 г. окончил Университет марксизма-ленинизма. В 1952 г. он сдал кандидатский минимум по кафедре уголовного права при юридическом институте³. Но, несмотря на столь высокий, по меркам того времени, уровень образования и активность по «партийной линии», он не оказался в числе переизбранных членов Ленгорсуда на выборах 1953 года. В своих воспоминаниях Георгий Алексеевич обходит причину того, почему он не получил рекомендацию для переизбрания на новый срок.

Как справедливо отмечает А.Г. Тартаковский, «в мемуаристике находят отражение переломные этапы умственного развития личности»⁴, что справедливо и для судьи, который после войны начинает свою трудовую деятельность в органах юстиции. Если судить о мотивах, побудивших написать воспоминания спустя полвека, то здесь, вероятно, на первый план вышла «потребность в изучении уроков прошлых лет»⁵.

Воспоминания несут на себе отпечаток индивидуального восприятия. В частности, когда Георгий Алексеевич говорит о лю-

---

¹ *Говоров И.В.* Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде (1945–1955 гг.): опыт исторического анализа. СПб., 2004; *Самарин В.А.* Борьба с бандитизмом в Ленинграде во 2-й половине 1940-х гг.: исторический аспект. Автореф. ... дисс. д-ра. ист. наук. СПб., 2001.

² *Левицкий Г.А.* Закон и суд после войны. (Воспоминания ленинградского судьи). СПб., 2008.

³ Центральный государственный архив историко-политических документов СПб (ЦГАИПД СПб). Ф. 1711. Оп. 4. Д. 13.

⁴ *Тартаковский А.Г.* Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 35.

⁵ *Тартаковский А.Г.* Мемуаристика... С. 36.

дах, с которыми был лично знаком, о делах, на которых он председательствовал, оценке себя, как судьи в различных обстоятельствах. Прослеживается и такой важный признак мемюаристики, как ретроспективность¹. Например, когда автор сравнивает материальное положение судей послевоенного времени с современным или говорит об условиях работы и объеме производственной нагрузки.

Левицкий пишет о людях, задействованных в работе суда. Это народные заседатели, секретари судебного заседания, прокуроры и адвокаты. В воспоминаниях отражается то, что ни единожды звучало на производственных совещаниях в суде, например, критика работы технического персонала. От качества работы секретарей судебного заседания могла зависеть судьба вынесенного решения или приговора. Согласно процессуальным требованиям советского законодательства приговор мог быть признан недействительным, если в нем не получило полное отражение происшедшее во время разбирательства или отсутствуют неотъемлемые составляющие протокола судебного заседания (часто ограничивались резолюционной частью, опуская описательную). Судья упоминает об одном таком основании для отмены приговора в кассационном порядке: «если в протоколе не указано на разъяснение подсудимому и сторонам их прав в процессе или если в нем не говорится о предоставлении подсудимому последнего слова»².

В нескольких абзацах, без острых углов и достаточно лаконично оценивается работа городской прокуратуры. Судья называет «выдающихся прокуроров», с которыми ему довелось работать: В.И. Теребилова, ставшего в 1970 г. Министром юстиции СССР, а в 1984 г. – председателем Верховного суда СССР³. Это при том, что на время работы Левицкого в суде приходится, пожалуй, самый острый период в конфронтации между этими звеньями правоохранительной системы – прокуратурой и судебными органами. Только с середины 1950-х гг., когда в практику входят межведомственные совещания работников прокуратуры, милиции и суда, начинает прослеживаться положительная тенденции во взаимодействии данных структур⁴. Однако и в 1957 г. работники юстиции «сетовали», что взаимоотношения между сотрудниками прокуратуры, милиции и суда неправильно строятся. П. Соломон – подробно говорит о причинах такого положения – прежде всего о кампании 1948–1951 гг. по совершенствованию работы прокурорских и судебных работников, получив-

---

¹ Там же. С. 38.

² *Левицкий Г.А.* Закон и суд после войны... С. 32.

³ Там же. С. 33.

⁴ *Кудрявцев В.Н., Трусов А.И.* Политическая юстиция в СССР. Изд 2-е, испр. и доп. СПб., 2002. С. 293

шей в речах создателей, а впоследствии и в соответствующих инструкциях и разъяснениях, название «необоснованное привлечение к ответственности» и «необоснованное осуждение»¹. Левицкий же не считает необходимым хотя бы упомянуть о сложных взаимоотношениях между судом и прокуратурой в указанные годы.

Настолько же скупы и корректны его замечания относительно адвокатского сообщества. Левицкий подчеркивает лишь достоинства и профессионализм некоторых адвокатов, выступавших на заседаниях, где он председательствовал: В.А. Успенского, Я.С. Киселева, А.Н. Лейбзона².

Воспоминания судьи касаются также условий работы советских судей в послевоенное время. Такое описание народного суда 5-го участка Смольнинского района находим у Левицкого: «Помещение суда состояло из крохотной совещательной комнаты. В нее можно было попасть, пройдя зал судебного заседания, вмещавшего несколько десятков человек. [...] Обеспечение суда законодательными материалами выразилось в выдаче мне двух кодексов: Уголовного и Уголовно-процессуального. [...] Техническое оснащение суда включало старую пишущую машинку, установленный в совещательной комнате и канцелярии и электрический звонок»³.

В этом небольшом отрывке обозначены и проблема вместительности зала судебного заседания, характерная для подавляющего числа народных судов Ленинграда. Даже залы судебного заседания в Ленгорсуде не всегда вмещали всех желающих. В воспоминаниях находит отражение и другая насущная проблема – слабая законодательная оснащенность судебных участков. В условиях общего низкого уровня юридической грамотности судебных работников, когда в самом Ленгорсуде в штате числились члены суда без среднего и высшего образования⁴, важность организации хорошей библиотеки нормативно-правовых актов при суде была крайне высока. Дело было не только в уровне образования судебных работников того времени. Сам характер нормотворческого процесса в СССР и позитивного права, получившего должное кодификационное оформление только в начале 1960-х гг., требовал регулярного пополнения судебной библиотеки. На практике же судьи Ленгорсуда сталкивались с отменами Верховного Суда РСФСР по отдельным делам на основании инструкций к применению нормативно-правовых актов, о которых им ничего не

---

¹ *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине... С. 51–62.

² *Левицкий Г.А.* Закон и суд после войны... С. 34–35

³ Там же. С. 5.

⁴ *Иванов В.А., Долгополова Е.В.* Ленинградский городской суд во второй половине 1940-х – начале 1990-х годов... С. 224.

было известно, так как инструкция не была прислана в суд или вовремя разъяснена руководством¹.

Левицкий не обходит стороной процессуальную сторону судебной работы², и в общем виде перечисляет обязанности судьи – от поступления дела до рассмотрения в судебном заседании; подсудность народного суда. Здесь нить повествования не отходит от норм, закрепленных в законе³. Однако архивные материалы свидетельствуют о том, что на деле не все происходило так «гладко» – распорядительные заседания порой проводились без участия народных заседателей и сказанное относительно оповещения участников процесса о вызове в суд: будто «отрывная часть повестки с подписью получателя исправно доставлялась в суд»⁴ – часто расходилось с реальным положением дел⁵.

В воспоминаниях судьи упоминается курьезная ситуация, связанная с неприспособленностью здания суда для работы. В совещательных комнатах отсутствовали туалеты, поэтому в случае необходимости секретарь судебного заседания по распоряжению судьи вызывал начальника конвоя: «...по стуку в дверь совещательной комнаты народные заседатели и я выходили в коридор. Начальник конвоя шествовал перед нами, а вооруженные винтовками солдаты шагали по бокам. В таком почти полном окружении мы достигали нужного помещения и возвращались обратно в совещательную комнату». Примечательна реакция обывателей: «За что арестовали судей, куда их ведут?» – недоуменно спрашивали невольные свидетели этого действия⁶.

Основной объем воспоминаний составляют рассказы о тенденциозных и резонансных делах того времени. Так, для первых послевоенных лет был характерен стремительный рост поступления гражданских дел по жилищным спорам⁷, разрешение которых подчас вызывало большой «шум» в печати⁸. Левицкий вспоминает дело, по которому ответчиком выступал артист А.И. Райкин, сумевший доказать, что «квартиру истца он занял на законном основа-

---

¹Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 8134. Оп. 1. Д. 58. Л. 4.

²Левицкий Г.А. Закон и суд после войны... С. 6

³Ст. 234, 236, 238, 242, 247 //Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. М., 1957. С. 56–59.

⁴Левицкий Г.А. Закон и суд после войны... С. 6, 10.

⁵ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 37. Л. 104.; Там же. Оп. 3. Д. 17. Л. 7.

⁶Левицкий Г.А. Закон и суд после войны. С. 42, 43.

⁷Левицкий Г.А. Закон и суд после войны... С. 24, 25; ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 30. Л. 4 об.

⁸Иванов В.А. Газетная статья «Об одном судебном деле» как искривленное зеркало взаимоотношений ленинградского ОК и ГК ВКП (б) и Горсуда накануне «Ленинградского дела». С. 501–506.

нии»¹. В данном случае истец в ходе досудебной подготовки дела к нужному сроку не предоставил дополнительные сведения, подтверждавшие его притязания на квартиру, не явился на суд и его исковое заявление было отправлено в архив, по крайней мере, так описывает этот эпизод судья.

В воспоминаниях дано общее описание дела частного обвинения и дела о нарушении паспортного режима с характерным «почерком» для такого рода рецидивистов, которые, как правило, после отбытия наказания «снова возвращались в Ленинград и вели прежний образ жизни»².

Левицкий пишет о такой важной категории преступлений против жизни и здоровья, как криминальный аборт³, который хотя и не превосходил остальные категории в количественном отношении, но по значимости «стоял на контроле» в отчетах руководящих органов юстиции и занимал важное место при анализе криминальной обстановки в городе⁴. Вопросы повышения рождаемости в 1930-е г. становятся частью государственной политики, что в совокупности с усиливающимися в середине 1940-х гг. вниманием к главной «ячейке общества» – семье, объясняет подобное внимание. Как отмечает судья, «чаще всего незаконные аборты производились самими беременными женщинами, но иногда за ними просматривалась рука неразоблаченной бабки-повитухи. Самой беременной женщине суд назначал наказание в виде общественного порицания. [...] ... повторное совершение данного правонарушения влекло наказание в виде штрафа до 300 руб.»⁵.

Удостаивается внимания в воспоминаниях и самая обширная категория гражданских дел (для конца 1940-х – начала 1950-х гг.) – бракоразводные дела⁶. По этой теме Левицкий пишет об указе 1944 г.⁷, который повлек коренной перелом в процедуре рассмотре-

---

¹ Левицкий Г.А. Закон и суд... С. 13.

² Там же. С. 16–20.

³ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовной ответственности за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4081.htm

⁴ ЦГА СПб. Ф. 8134. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.

⁵ Левицкий Г.А. Закон и суд... С. 21–22.

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 4. Д. 2. Л. 50.

⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-Героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль Материнства». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=507&req=doc>

ния и разрешения данной категории дел¹, и отмечает, что по его «личным впечатлениям», основными мотивами для развода являлись несходство характеров, утрата чувства любви, нарушение супружеской верности и создание другой семьи². Эти наблюдения находят подтверждение в материалах обобщения судебной практики Ленгорсуда по бракоразводным делам в рассматриваемый период³.

Далее свои воспоминания Левицкий, строит исключительно на описании конкретных, наиболее запомнившихся дел. Говоря о разгуле бандитизма в послевоенном Ленинграде, судья избрал наиболее резонансный случай – дело братьев Глас⁴, получившее освещение, как в художественной литературе, так и в историографии⁵.

На годы его службы приходится и наиболее резонансные уголовные дела в «хищении социалистической собственности» – так называемые дело «ЛОНИТОМАШ» и дело «ИНСКУП-ПРОМ»⁶. Оба дела нашли достаточно подробное отражение в историографии⁷, но Левицкий, как непосредственный свидетель выносит и собственные впечатления от процесса. Он вспоминает, что «работа председателствующего по таким крупным делам, как дела «ЛОНИТОМАШа» и «ИНСКУППРОМа», после окончания прений сторон требовала соблюдения следующего правила: между словом последнего из подсудимых и удалением суда в совещательную комнату для вынесения приговора перерыв не допускался. Поэтому, оставляя на утро заслушивание последних слов двух подсудимых и выслушав их, суд удалялся в совещательную комнату для вынесения приговора». Обсуждение и написание приговора от руки занимало длительное время. Так копии приговоров по этим делам были отпечатаны на 37 и 38 страницах соответственно плотного машинописного текста, «поэтому уйдя на совещание часов в 11 утра, суд выходил из совещательной комнаты около 4–5 часов утра следующего дня»⁸.

При этом судья отмечает, что «после рассмотрения дел бандитов, разбойников и других преступников или после выхода ночью

---

¹ *Левицкий Г.А.* Закон и суд после войны. С. 23.

² Там же. С. 24–25.

³ ЦГА СПб. Ф. 8134. Оп. 1. Д. 77. Л. 104, 105, 106.

⁴ *Левицкий Г.А.* Закон и суд после войны. С. 49.

⁵ *Иванов В.А.* «Скорпионы»: коррупция в послевоенном Ленинграде // Политический сыск в России: история и современность. Спб., 1997. С. 238–250; Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. М., 1999. С. 90.; Говоров И.В. Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде. С. 28.

⁶ *Левицкий Г.А.* Закон и суд после войны. С. 84–90, 91–93.

⁷ *Говоров И.В.* Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде. С. 131, 132, 134, 135.

⁸ *Левицкий Г.А.* Закон и суд после войны. С. 94

или ранним утром из здания суда, ни у меня, ни у моих коллег слабого пола не возникало беспокойства за свою безопасность. Равным образом не возникала проблема организации охраны свидетелей»¹.

Подводя итоги своей работы в суде, Георгий Алексеевич считает нужным отметить что авторитет Ленгорсуда был весьма высок, и что главной задачей его работы было показать «что представляли «труды и дни» ленинградского суда после войны»².

Воспоминания ленинградского судьи Георгия Алексеевича Левицкого, как источник для изучения истории судопроизводства в Ленинграде в послевоенный период, представляет достаточно высокую ценность. Его главное достоинство – источник в общем виде отвечает своей функциональной задаче – отображать образ прошлого, в котором выступают на передний план и сохраняют большее постоянство наиболее существенные черты, характеризующие избранный предмет для повествования³. Это справедливо, например, для подчеркнутых Левицким кадровых проблем – низкий уровень образования судебных работников; проблем в организации работы – неприспособленные для работы суда помещения, низкая оснащенность законодательным материалом. В воспоминаниях нашли отражение именно те категории дел, рассматриваемые уголовной и гражданской коллегией, которые были наиболее актуальны и подвергались особому контролю со стороны ведомственного и партийного руководства в послевоенные годы (1945 – нач. 1950-х годов).

Воспоминания Левицкого дополняют ценными сведениями картину трудовых будней судебного работника Ленинграда. Левицкий рассказывает о наиболее интересных, на его взгляд, уголовных делах, рассмотренных под его председательством в Ленгорсуде. Не лишенный категоричности в оценке личного вклада, который оценивается исключительно позитивно, без допущения ошибок в работе, автор, в качестве непосредственного свидетеля событий, привносит некоторые эмоционально окрашенные суждения, побуждающие исследователя более критично посмотреть на некоторые устоявшиеся стереотипы в восприятии сталинской юстиции, которые изображают судебных работников как безвольных марионеток, послушно ведомых рукой главного кукловода. Однако, автор уходит от обсуждения ряда важных проблем. Левицкий не говорит о сложном характере взаимоотношений суда и прокуратуры, несмотря на то, что на рассматриваемый хронологи-

---

¹ Там же. С. 94.

² Там же. С. 101.

³ *Соколова Н.Л.* Роль воспоминаний в формировании позитивного социального опыта человечества // Воспоминания и дневники как историко-психологический источник. С. 5.

ческий период приходится кампания по борьбе с «необоснованным привлечением к ответственности» и «необоснованным осуждением»¹, поставившая эти звенья правоохранительных органов в условия взаимной вражды и подозрительности. Непростыми были взаимоотношения с партийными органами и другими звеньями правоохранительной системы, например, с адвокатурой, но все это не находит отражение в источнике. Воспоминания вносят ясность в материалы формального характера и позволяют составить более подробную картину быта суда: состояние помещений, характер поступающих дел, резонансные процессы. Но ясность эта избирательная. Например, Левицкий не говорит о рычагах давления партийных органов на суд, как происходило выдвижение кандидатов в судьи, а это важная характеристика судебного аппарата того времени. Оценка качества работы суда дается в приукрашенном виде, тогда как проверки работы суда в эти годы дают гораздо больший список нареканий, кроме как упомянутые автором ошибки в работе технического персонала². Все это позволяет рассматривать воспоминания Левицкого как источник по истории организации судопроизводства в советских региональных судах лишь в комплексе с другими видами источников.

---

¹ *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. С. 9.

² ЦГА СПб. Ф. 8134. Оп. 1. Д. 129. Л. 35.

Детская смертность в Западной Сибири в 1946–1950 гг.*

В статье анализируются тенденции детской смертности в Западной Сибири в послевоенные годы. Установлены ее основные причины, а также значение в структуре смертности населения. Отражены социальные факторы смертности, в частности материально-бытовые условия жизни населения и развитие системы здравоохранения. Сделан вывод о первоочередности снижения детской смертности для уменьшения ее общих показателей. Данная задача осознавалась как работниками сферы здравоохранения, так и представителями партийных и государственных органов.

Ключевые слова: демография, детская смертность, половозрастной состав умерших, структура смертности, Западная Сибирь.

Снижение доли детских возрастов в структуре смертности постепенно происходило на протяжении первой половины XX в., однако после окончания Великой Отечественной войны проблема детской смертности обострилась. Высокая смертность новорожденных отрицательно воздействовала на показатели эффективной рождаемости¹, не способной компенсировать военные потери. Одним из условий стабилизации демографической подсистемы общества и выхода ее из послевоенного кризиса, было снижение смертности среди детей. Цель данной статьи – показать значение и основные тенденции динамики детской смертности в 1946–1950 гг. При этом под младенческой смертностью в демографических исследованиях традиционно понимается смертность детей в возрасте до одного года. Под детской смертностью – в возрастах до четырех лет.

Основным источником для написания статьи послужили документы текущего учета населения. В послевоенное время регистрация естественного движения населения на местах осуществлялась сетью загсов, а в сельской местности – сельсоветами. Затем их данные поступали в региональные статистические учреждения, после чего направлялись в отдел демографии ЦСУ СССР. Сегодня эти документы хранятся в региональных и центральных архивах. В документах текущего учета зафиксированы такие демографические события, как рождения, браки, разводы, смерти, а также структурные показатели смертности, в частности их причи-

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-01-00109а)

¹ Эффективная рождаемость – это рождаемость, рассчитанная с учетом детской смертности.

ны и половозрастной состав умерших. Это позволяет выявить основные характеристики смертности. Кроме того, в статье использовалась делопроизводственная документация областных органов власти, в частности крайкомов ВКП(б).

На показатели детской смертности приходилась самая большая доля в возрастной структуре смертности, что подтверждают данные таблицы 1. Самые высокие показатели приходились на возрастную группу до четырех лет. В когорте 10–14 лет они снижались, а затем вновь поднимались в группах старше 15 лет. В средних возрастах смертность увеличивалась, что было связано с усилением негативного воздействия социальных причин – активная жизнь отрицательно сказывалась на здоровье. В старших возрастах рост смертности продолжался по причине старческого ослабления организма.

Таблица 1

Половозрастной состав умерших в Западной Сибири
в 1946–1947 гг. (%)

Возраст (лет)	1946			1947		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
моложе 1 года	19,9	18,4	19,2	28,7	27,9	28,3
0–4	28,8	27,6	28,2	40,8	40,7	40,7
5–9	5,1	4,8	4,9	3,8	3,8	3,8
10–14	2,4	2,3	2,3	2,1	1,8	2,0
15–19	4,0	3,8	3,9	3,1	2,9	3,0
20–24	4,1	4,4	4,3	3,8	3,7	3,7
25–29	3,2	3,1	3,1	2,6	2,6	2,6
30–34	4,2	4,2	4,1	3,3	3,0	3,2
35–39	4,9	4,1	4,5	3,9	3,2	3,5
40–44	5,2	3,8	4,7	4,4	3,3	3,9
45–49	4,8	3,9	4,3	3,9	3,1	3,5
50–54	5,2	3,2	4,3	4,4	2,9	3,8

55–59	5,1	4,2	4,8	4,3	3,3	3,8
160	21,9	29,5	25,5	18,9	25,2	21,9
Неизвестного возраста	1,1	1,1	1,1	0,7	0,5	0,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Составлена по: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А–374. Оп. 11. Д. 461. Л. 1–1 об., 26–26 об., 47–47 об., 67–68 об.; Д. 567. Л. 1–1 об., 22–22 об., 45–46 об., 66–66 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401. Л. 24–24 об.; Д. 7406 А. Л. 15–15 об.; Д. 7412 А. Л. 23–23 об., 83–83 об.

Особенностью послевоенного периода был резкий рост численности умерших детей. Если в 1946 г. младенческая смертность составляла 19,2 % от общего числа умерших, то в 1947 г. – 28,3 %. Смертность детей до четырех лет повысилась с 28,2 до 40,7 %. Следует отметить, что в последующие годы половозрастная структура смертности оставалась практически неизменной. Так, в 1950 г. в городских поселениях Новосибирской области 42,5 % умерших не достигли четырех лет, в сельской местности их доля составляла 42,7 %¹. Подобный рост объясняется несколькими причинами. Во-первых, в послевоенные годы произошло резкое увеличение рождаемости. Вместе с ростом численности новорожденных в половозрастной структуре населения изменились характеристики смертности. Во-вторых, повысилась роль экзогенных причин. Медицинские организации и детские учреждения (дома ребенка, ясли) были не способны эффективно справляться с усилившейся нагрузкой. Как следствие – увеличение заболеваемости и смертности в наиболее уязвимых детских возрастах.

Данные таблицы 2 демонстрируют влияние младенческой смертности на общие ее показатели. Вместе с ростом числа умерших детей происходило увеличение коэффициента смертности. Как видно из таблицы, в 1947 г. в городах и сельской местности Западной Сибири показатели смертности увеличились с 10,3 до 14,1 ‰. Одновременно с этим младенческая смертность повысилась с 71 до 121 умершего ребенка на 1000 родившихся. В первую очередь, это связано с негативным влиянием голода 1946–1947 годов. В 1948–1949 гг. как младенческая, так и общая смертность уменьшались, однако в 1950 г. произошел их незначительный рост. Впрочем, он оказался непродолжительным. С начала 1950-х гг. наблюдалась устойчивая тенденция к снижению смертности. Младенческая

¹ Подсчитано по: Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 11. Оп. 2. Д. 7446. Л. 82–82 об.; Д. 7464. Л. 55–55 об., 82–82 об.

смертность в городских поселениях превышала показатели сельской местности, что связано с их слабой благоустроенностью, скученностью населения и высокой миграционной подвижностью. Социальные факторы обуславливали сложную эпидемическую обстановку и высокую заболеваемость желудочно-кишечными болезнями, от которых в первую очередь страдали дети.

Смертность новорожденных имела летние и зимние пики, приходившиеся в основном на июль – август и февраль – март. В зимний период численность умерших росла по причине простудных заболеваний, а в летний – желудочно-кишечных инфекций. Зависимость смертности от времени года характерна для обществ с традиционной структурой смертности, определяющейся экзогенными причинами. По мере развития медицины и установления контроля над смертностью, сезонная выраженность причин смерти становится менее заметной. В РСФСР высота летнего пика детской смертности в послевоенные годы уменьшилась по сравнению с довоенными показателями. Но полностью устранить его удалось только к середине 1960-х годов¹.

Таблица 2

Динамика смертности населения Западной Сибири
в 1946–1950 гг.

	Коэффициент смертности населения**			Коэффициент младенческой смертности***		
	Гор. поселения	Сельская местность	Все население	Гор. поселения	Сельская местность	Все население
1946	11,3	9,6	10,3	88	56	71
1947	15,6	12,9	14,1	152	104	121
1948	13,2	12,2	12,6	124	101	110
1949	11,2	11,7	11,5	111	89	98
1950	11,1	12,6	11,9	121	104	111

*Составлена по: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49–50, 106–107, 150–152, 194–195; Д. 696. Л. 52–53, 110–111, 157–159, 198–199; Д. 758. Л. 18, 40, 58–59, 75; Д. 841. Л. 18, 40, 58–59, 77; Д. 909. Л. 18, 41, 60–61, 77; ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 А. Л. 10–10 об., 30–30 об.; Д. 7406 А. Л. 8–8 об.; Д. 7412 А. Л. 15а–15а об.; Д. 7429 Л. 91–91 об., 99–99 об.; Д. 7430 Л. 3–3 об, 28–28 об., 70–70 об.; Д. 7448 Л. 39–39 об., 52–52 об., 81–81 об.; Д. 7464 Л. 115–115 об.

**Число умерших на 1000 человек населения.

***Число умерших детей до 4 года на 1000 родившихся.

¹ Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006. С. 284–286.

В послевоенные годы дети умирали в первую очередь от болезней экзогенного характера, как правило, инфекционных. Болезни эндогенного характера, связанные со старением организма, не оказывали влияния на детскую смертность. В 1947 г. в городах Западно-Сибирского края 99 % скончавшихся от токсической диспепсии были детьми до четырех лет, от дизентерии – 97 %, гастроэнтероколита – 82 %, воспаления легких – 86 %¹. В то же время были инфекционные болезни, основная доля смертей от которых приходилась на старшие возрастные группы. Так, туберкулез легких наиболее остро проявлялся в старших возрастах. Дети до четырех лет составляли 16 % умерших от данной болезни. Данные таблицы 3 показывают, что новорожденные в основном умирали от воспаления легких (31,5 %) и желудочно-кишечных болезней (29,8 %). Только эти две группы заболеваний дали порядка 60 % смертей. В послевоенные годы большое количество детей умерло от причин, связанных с ослаблением организма матери (врожденная слабость, преждевременное рождение и т. д.). Физический труд, недоедание, высокая заболеваемость инфекционными болезнями и тяжелые материально-бытовые условия существования женщин в период Великой Отечественной войны и послевоенных лет, привели к ослаблению их здоровья. Такие матери не могли произвести на свет здоровое потомство, что стало одной из причин повышения детской смертности. К 1950 г. соотношение причин смертности значительно не изменилось, так как подобные структурные сдвиги происходят в течение продолжительного времени. Росло поколение ослабленных недоеданием и болезнями детей, что хотя и было компенсировано по мере улучшения условий существования в 1950-е гг., но все же имело долгосрочные последствия, отразившиеся на состоянии здоровья жителей страны.

Причины повышения показателей детской смертности заключались не только в неспособности медицины справиться со многими болезнями, но и в ряде других социальных факторов. Во второй половине 1940-х гг. эпидемическая обстановка осложнялась тем, что в результате войны и голода произошло ухудшение здоровья населения. Дети рождались ослабленными, недоношенными, с врожденными болезнями. Неокрепший организм не способен эффективно справляться с негативным воздействием внешней среды, поэтому новорожденному ребенку требуется особый уход, а в случае заболевания своевременная медицинская

---

¹ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 569. Л. 3–4 об.; Д. 570. Л. 7–8 об.; Д. 571. Л. 9–10 об., Л. 11–12 об.; Д. 572. Л. 5–5 об., 8–8 об.; Л. 6–7 об.; ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7412. Л. 40–41 об.; Д. 7429. Л. 116–117 об.

помощь. В послевоенные годы возможности медицины в борьбе с детской смертностью были ограниченными, хотя появление новейших препаратов позволило снизить к 1946 г. ее уровень в 1,75 раза, по сравнению с 1940 года¹

Таблица 3

Структура смертности детей до одного года по причинам смерти в городах Западной Сибири в 1947 г. (%)

Причина смерти	Удельный вес умерших	Причина смерти	Удельный вес умерших
Дизентерия	6,7	Дифтерия	0,7
Токсическая диспепсия	18,5	Смерть от внешних причин	0,7
Острый гастроэнтероколит	4,6	Врожденная слабость	2,7
Воспаление легких	31,5	Преждевременное рождение	4,9
		Врожденные пороки развития	1,5
Туберкулез органов дыхания	4,6	Болезни новорожденных	0,7
Прочие формы туберкулеза	2,2	Дистрофия	0,5
Коклюш	1,3	Неопределенные и неуказанные болезни	13,3
Корь	2,2	Итого от всех причин	100,0

*Составлено по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 569. Л. 3-4 об.; Д. 570. Л. 7-8 об.; Д. 571. Л. 9-10 об., Л. 11-12 об.; Д. 572. Л. 5-5 об., 8-8 об.; Л. 6-7 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7412. Л. 40-41 об.; Д. 7429. Л. 116-117 об.

Медицинские работники были обеспокоены высокой смертностью среди новорожденных детей, в связи с чем проводились исследования, выявлявшие их причины. Одной из причин являлась поздняя госпитализация больных. Часто матери обращались за помощью, когда болезнь уже приобретала необратимый характер. Высокая детская смертность наблюдалась в наименее обеспеченных социальных группах, в частности матерей-одиночек. Демографы полагают, что смертность среди внебрачных детей выше². В 1947 г. в Новосибирске смертность детей у одиноких матерей до-

¹ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России: 1926-1959 гг. М., 1998. // Демоскоп weekly. URL: www.demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk.html (дата обращения: 11.08.2015)

² Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 120.

ходила до 29 %¹. Тут следует отметить, что примерно каждый пятый новорожденный в послевоенные годы на территории Западной Сибири появлялся на свет вне зарегистрированного брака. Оказываемая государством помощь матерям была ограниченной и зачастую оставалась только на бумаге, поэтому не могла исправить положение. Закон 1947 г. «О размере государственного пособия многодетным и одиноким матерям»², уменьшал и без того незначительные размеры государственной помощи таким социально уязвимым группам населения, как многодетные семьи и матери-одиночки. Новосибирский облздрав констатировал: «Воспитание детей для матерей-одиночек представляет значительные трудности. Торгующие организации не обеспечивают своевременное снабжение беременных и кормящих матерей дополнительными продуктами питания. Получаемые матерями дополнительные продукты часто распределяются ими другим членам семьи, а сама мать таким образом не получает необходимого ей питания. В результате, в первые же месяцы грудное молоко мать теряет, а ребенок переводится на искусственное вскармливание»³. Высокую детскую смертность во второй половине 1940-х гг. определяло не только несовершенство медицины, но и тяжелые бытовые условия существования детей, что особенно остро отражалось на их заболеваемости и смертности в первые годы жизни. Ситуация осложнялась отсутствием необходимых продуктов в детских учреждениях. Заведующий Омским областным отделом здравоохранения отмечал летом 1947 г. возросшую детскую смертность, одна из причин которой заключалась в нехватке диетических продуктов, необходимых для лечения желудочно-кишечных заболеваний. Это послужило причиной закрытия молочных кухонь в отдельных районах области⁴.

Осознание проблемы высокой смертности среди детей происходило не только у борющихся с ней медицинских работников, но и у представителей власти. В областные и краевые комитеты партии регулярно поступали донесения от медицинских учреждений и статистическая информация из статуправлений. Так, начальник статистического управления Томской области М. Логинова в своей аналитической записке, посвященной проблеме борьбы с детской смертностью в 1949 г., приводила не только статистические данные о смертности, но и описывала конкретные случаи. У матери родившей четырех близнецов, по вине халатного от-

¹ ГАНО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 375. Л. 232–233.

² Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР 1938–1961 гг. М., 1961. С. 722–723.

³ ГАНО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 375. Л. 232–233.

⁴ ГИАОО. Ф. 437. Оп. 24. Д. 20. Л. 110.

ношения со стороны медицинских работников, трое из новорожденных умерли в течение двух недель от воспаления легких¹. Органы власти реагировали на поступавшую информацию. Конкретные меры по борьбе с детской смертностью в основном сводились к улучшению условий работы детских учреждений и органов здравоохранения, а также развитию их сети. Число поликлиник в городах Западной Сибири с 1946 по 1948 год. увеличилась с 601 до 647, больниц – с 286 до 309, а общее количество больничных коек с 28 619 до 29 425². Численность врачей возросло с 1946 г. по 1950 г. на 200 %, среднего медицинского персонала – на 165 %³.

В заключении необходимо отметить, что борьба с высокими показателями смертности в послевоенные годы должна была идти в первую очередь по пути ее снижения в детских возрастах, особенно среди новорожденных. И хотя смертность требовалось снижать во всех возрастных группах, основное внимание должно было уделяться детям до четырех лет. В тяжелой социально-экономической обстановке второй половины 1940-х гг. невозможно было добиться эффективного снижения детской смертности. Однако ее необходимость осознавалась как работниками сферы здравоохранения, так и властями. Хотя четкой демографической политики в сталинский период не существовало, проблема детской смертности обсуждалась представителями органов государственного управления. Определенные предпосылки для ее решения возникли в 1940-е гг., когда ускорило развитие системы здравоохранения. В 1950-е гг. к ним добавилось улучшение материально-бытовых условий жизни населения. Вместе с этим показатели смертности заметно уменьшились благодаря их снижению в возрастах до четырех лет, особенно среди новорожденных.

---

¹ГАТО. Ф. 1085. Оп. 3. Л. 189.

²Дудкина М.П. Развитие здравоохранения в городах Западной Сибири (1946–1960 гг.): Дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. С. 241.

³Там же. С. 244.

Наказы избирателей кандидатам в депутаты Советов Челябинской области в 1960–1970-е годы*

В статье проанализированы указы избирателей кандидатам в депутаты местных Советов, как механизм взаимодействия власти и общества в 1960-е – 1970-е годы. Указы показаны, не только как один из ритуалов советских выборов, но и как способ изучения общественного мнения. Избранные депутаты вынуждены были исполнять полученные указы, но зачастую не обладали необходимыми ресурсами и вынуждены были их постоянно «выискивать», что отражало невысокое положение Советов в системе органов власти.

Ключевые слова: Советы депутатов трудящихся, выборы, указы избирателей, взаимоотношения власти и общества.

Изучение практик политической повседневности жителей СССР, к которым относится сбор и выполнение указов избирателей, является важной проблемой в изучении советской истории. Исследование этого вопроса выявляет новые стороны выборного процесса, проблемы и особенности функционирования институтов «советской демократии».

Как показывают публикации последних 15 лет, исследовали слабо интересуются историей советских выборов. Большинство историков воспринимают выборы как своеобразный театр власти и обращают внимание только на финальный этап избирательной кампании, т.е. анализируют непосредственно результаты выборов и состав депутатского корпуса¹. Однако в постсталинский период

---

* Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект МК-1509.2014.6) «Взаимоотношение власти и общества в СССР 1960–1970 гг.»

¹ Меликова Н.М. Исторический опыт функционирования советской избирательной системы, 1936–1985 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001.; Мотревич В.П. Выборы в Верховный Совет СССР 1946 г. // Документ. Архив. История. Современность. 2009. Т. 10. С. 372–381.; Салагузов Д.Ю. Советская избирательная система конца 1930-х годов: конституционный фасад и правоприменительная практика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 2. С. 78–80; Voting for Hitler and Stalin: Elections Under 20th Century Dictatorships. Campus Verlag, 2011; Бушева А.А., Слезин А.А. Представление современников о механизме выборов в Верховный Совет СССР после Великой Отечественной войны // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2011. Т. 17. № 4. С. 1126–1130; Подосинников А.Ю., Коровин В.В. Опыт проведения избирательных кампаний в СССР во второй половине XX века (на примере организации выборов

роль выборов в советской политической системе изменяется, выборный процесс и деятельность депутатов обрастают новыми атрибутами, которые свидетельствовали о попытках партии повысить доверие граждан к советской системе.

В конце 1950-х гг. партия предприняла шаги, направленные на повышение роли Советов в политической системе. В 1957 г. ЦК КПСС принимает постановление «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связи с массами»,. Одной из основных мер было установление требований регулярных собраний Советов и отчетов депутатов перед избирателями. Одним из важнейших механизмов активизации деятельности Советов было включение в них, через процедуру выборов наиболее достойных граждан, готовых принимать активное участие в общественно-политической жизни. В партийных документах отмечалось: «Избиратели хотели видеть в депутате не только передового труженика, но и активного общественника, способного наиболее полно решать задачи, стоящие перед Советами»¹. Предполагалось, что человек не будет просто отсиживать срок своих полномочий в Совете, он должен активно работать на благо граждан. Низовые структуры Советов, формально не обладая широкими полномочиями, имели более тесный контакт с населением и поэтому несли большую ответственность за свои решения.

Высшим органом государственной власти в СССР согласно Конституции 1936 г. и 1977 г. выступал Верховный Совет СССР, который состоял из двух палат: Совета Союзов и Совета Национальностей. В реальности власть была сосредоточена в руках узкой группы – Политбюро ЦК КПСС. Верховный Совет СССР скорее исполнял представительные функции и был призван продемонстрировать всенародный характер советской власти. Вот как описывала свои впечатления о работе Верховного Совета один из депутатов – агроном М. Полукарова: «И вот иду я по Кремлю. Вижу среди незнакомых лиц такое знакомое. Конечно же, Леонид Ильич Брежнев. Слегка улыбается. Поздоровался. Не сразу отошел, поинтересовался, откуда приехала. Вернусь в село, будет о чем рассказать. Впечатлений много! Ведь вот как получается, там, в нашей Алексеевке, за делами да за работой я и представить себе

депутатов Верховного Совета от Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 1–2. С. 236–240; *Кимерлинг А.* «Кто портит бюллетени, тот в союзе недовольных» // Отечественные записки. 2013 № 1(52). С. 326–334.; *Журавлев В.П., Фортунатов В.В.* Избирательное законодательство и выборы в 1937–1987 гг. URL: http://www.r-coit.ru/elect_history/detail.php?ID=17084 (дата обращения 06.09.2015)

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 61. Д. 22. Л. 99.

не могла, как высоко ценят в Москве наш труд. А тут всем сердцем своим ощутила. Выходят на трибуну члены нашего правительства, поднимаются простые люди, о счастье говорят. А у меня слезы по щекам. Это от радости плачу я. Да разве ж только я?»¹.

В Союзных республиках были свои Верховные Советы, дублирующие функции общесоюзного органа власти. Далее шли местные Советы, выстраивающие иерархию в зависимости от статуса административно-территориальной единицы. Советы делились на поселковые, сельские, райсоветы в городах, горсоветы областного подчинения, райсоветы областного подчинения и областные Советы. Так, в Челябинской области в 1967 г. функционировало 267 советов разного уровня, в которые были выбраны 18500 депутатов, а в 1969 г. было 280 советов и 18263 депутатов, и с каждым выборами, в связи с ростом населения, количество депутатов увеличивалось.

Ответственными за проведение выборов выступали областные, городские и районные комитеты КПСС и исполнительные комитеты областных Советов депутатов трудящихся. После принятия решения о проведении выборов на союзном уровне в регионах принимались постановления о подготовке и проведении выборов. На основании Положения о выборах в Верховный Совет СССР районные, городские, поселковые и сельские Советы должны были разработать и утвердить планы организационно-технических мероприятий по подготовке к выборам. Далее необходимо было составить списки избирателей, образовать и опубликовать избирательные участки, утвердить состав избирательных комиссий и провести с ними инструктивные совещания. Избирательный процесс охватывал значительное количество населения. Так, на выборах в местные Советы в 1969 г. было образовано 985 967 окружных избирательных комиссий, в составе которых насчитывалось 3 660 959 человек².

Во время собраний по утверждению кандидатов проходила важная процедура советских выборов – получение наказов избирателей. В рамках конкурентной борьбы в либеральной демократии претенденты на пост депутата предлагают свои программы, а избиратель должен выбрать, какая из них, на его взгляд, лучше. Советская демократия шла по иному пути. Поскольку политической конкуренции на выборах не было, а программой всех кандидатов была Программа КПСС, кандидаты в депутаты должны были не говорить, а слушать.

---

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 591. Оп. 1. Д. 110. Л. 26.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 14. Л. 6.

Процедура сбора наказов избирателей может быть рассмотрена как механизм выявления настроений на местах, поскольку все наказы протоколировались, обобщались и передавались вверх по инстанциям. В результате партийно-государственный аппарат как на местах, так и в центре получал некий срез проблем и ожиданий общества. Если долгое время функция отслеживания общественных настроений возлагалась на органы госбезопасности, то с приходом к власти Н.С. Хрущева происходит процесс лишения органов государственной безопасности части полномочий и подчинение их ЦК КПСС. В результате возникла потребность в системе сбора информации о населении, не связанной с КГБ. Стоит отметить, что следствием этого процесса было не только формирование системы наказов, но появление советской социологии как отрасли знания. В 1957 г. была создана Советская социологическая ассоциация, а в 1968 г. ЦК КПСС признает целесообразным организовать Институт конкретных социальных исследований АН СССР. Основным направлением деятельности ИКСИ было изучение развития общества и помощь партии и государству в управлении социальными процессами, повышении эффективности производства, росте культуры и совершенствовании идеологической работы¹.

Бытовые условия, в совокупности с питанием и потреблением, воспринимались населением как индикатор продвижения к намеченной цели – коммунизму. Поскольку никто не мог увидеть миллионы тон выплавленной стали или миллиарды киловатт электроэнергии, гораздо ближе для простого человека была позиция «чем лучше быт, тем ближе коммунизм». Линия противостояния между старым и новым пролегла в области быта. Это не могли не осознавать партийные руководители. Заботу Н.С. Хрущева о повышении уровня жизни советских граждан можно продемонстрировать высказыванием: «Коммунизм – это вполне реальные и конкретные условия жизни народа: это короткий рабочий день, хорошее жилье, самая низкая в мире квартирная плата, хорошая одежда, накормленные и напоенные дети, бесплатное обучение для них, государственные стипендии для студентов, бесплатная медицинская помощь, пенсионное обеспечение, отмена налогов с населения, которых у нас через пять лет не будет совсем, – вот что такое элементы коммунизма на деле, в жизни»². Видя улучшения в своем быту, труженик гораздо охотнее должен был выполнять поставленные руководством плановые показатели, что в сочетании с энтузиазмом позволит добиться нужных результатов.

---

¹ *Фирсов Б.М.* История советской социологии: 1950–1980-е годы: очерки. СПб., 2012. С. 27.

² Коммунизм входит в нашу жизнь. М., 1961. С. 4–5.

Старый быт представлялся одним из самых неуступчивых врагов «светлого» будущего. Советский гражданин был вынужден тратить усилия и время на бытовые потребности, когда мог бы использовать их для реализации первоочередных задач «строительства коммунизма». Человека стимулировали новым бытом, одновременно спасая его от старого. Личный быт советского человека тесным образом переплетался с общественным. Коммунистический быт должен был способствовать облегчению жизни и развитию человека. Партия брала на себя задачу предоставить человеку такой быт, или по крайней мере дать описание того, к чему необходимо стремиться.

Присутствующие на предвыборных собраниях люди указывали или на проблемы, которые необходимо решить, или на аспекты дальнейшего развития. В основном это касалось улучшения бытового положения жителей, и основная задача депутата виделась именно в исполнении этих наказов. Так, жители одного из районов Челябинска обращались через депутата к горисполкому со следующими просьбами: «Наладить троллейбусное движение по ул. Гагарина в ночное время. Проверить работу 19-го почтового отделения. Поступают жалобы на несвоевременную и неполную доставку корреспонденции. Санчасть ЧЭМКа перегружена, необходимо расширить больницу. При застройке микрорайона Кирса-раи предусмотреть создание общественного туалета. В настоящее время в подъездах домов 17, 19, 21, 23 и других творятся безобразия»¹. А избиратели Аргаяшского района давали такие наказания своему депутату: «Решить вопрос о строительстве здания Губернской 8-летней школы на 192 места в 1976–1977 гг.; Добиться включения автодороги по селу Кузнецкое в ведение облдоруправления и ее асфальтирования в 1976 г.; Решить вопрос о строительстве дома культуры в селе Кузнецкое в 1976–1977 гг.; Решить вопрос выделения 2-х автобусов совхозу «Кузнецкий» для подвоза учащихся в школу; Решить вопрос строительства 8-летней школы на 192 места в дер. Биккулова в 1976–1977 гг.; Решить вопрос телефонизации и радиофикации населенных пунктов Яраткуловского сельского Совета в 1976–1977 гг.; Решить вопрос строительства средней школы на 540 мест в дер. Яраткулова в 1976–1977 гг.; Решить вопрос водоснабжения в деревне Яраткулова; Решить вопрос окончания строительства 42-квартирного дома для медицинских работников санатория Увильды в 1976 г.; Решить вопрос о строительстве двух 16-квартирных домов в селе Байрамгулова в 1976–

---

¹ Объединенный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 1822. Л. 74.

1977 г.; Решить вопрос о строительстве комплекса крупного рогатого скота на 1200 голов в совхозе Аргазинский в 1976 г.»¹.

В процессе реализации наказов избирателей наиболее ярко проявляется одна из ключевых проблем советской демократии. Формально депутаты Советов разного уровня представляли органы государственной власти и обладали довольно внушительным перечнем прав, но в реальности депутат был встроен в сложную схему взаимоотношений между партийными и хозяйственными органами. Большинство реальных рычагов власти было сосредоточено в руках обкомов и горкомов КПСС, а материальные ресурсы – в производственно-хозяйствующих структурах, руководство которых не выбиралось, а назначалось и зачастую подчинялось различным министерствам. В результате депутат был лишен действенных способов повлиять на ситуацию. Обычно после вступления в должность депутат искал возможность выполнить тот или иной наказ, отправляя запрос в соответствующее ведомство. Наиболее типичным ответом на эти обращения было указание на отсутствие средств и предложение внести расходы в план на следующую пятилетку. При этом депутат должен был донести до сведения избирателей, почему их наказ не может быть осуществлен в ближайшее время. Вот выдержка из отчета оргинструкторского отдела Челябинского облисполкома: «По остальным предложениям и замечаниям избирателей депутатам даны разъяснения, почему они не могут быть выполнены. Например, вопрос о строительстве цирка в г. Златоусте решает не облисполком, а Госцирк СССР; из-за ограниченности капиталовложений нет пока возможности построить путепровод в г. Карталы; Госбанк СССР не разрешает оплачивать концерты по безналичному расчету (предложение шахтеров г. Копейска); письмом облисполкома от 20.06.1972 №05-50 установлен порядок продажи ковров и ковровых изделий: продажа производится в порядке живой очереди в магазинах и изменять порядок нет необходимости. Трудящиеся фабрики индпошива в г. Магнитогорске просили увеличить количество отпускных дней. Через депутата Трунову им разъяснено, что дополнительный отпуск предоставляется на основании Перечня должностей работников системы Министерства бытового обслуживания. Даны разъяснения по вопросам о строительстве драматического театра и цирка, проверена правильность оплаты в автобусах маршрута № 136 в г. Челябинске. Прокуратурой и РОВД Красноармейского района вновь проверен факт хищения овец пастухом Булатовым. Всем заинтересованным лицам предло-

---

¹ Там же. Д. 1821. Л. 8.

жено обратиться в народный суд, иск будет представлен в интересах граждан прокурором района»¹.

Несмотря на то что все наказания невозможно было выполнить, система пыталась повысить эффективность деятельности депутатского корпуса, чтобы не создавать существенного разрыва между ожиданием и реальностью граждан. Одной из таких мер была организация накануне сессий областного Совета «Дня депутата», в рамках которого проходили приемы руководителей областных отделов и управлений по вопросам депутатской деятельности. Такие встречи должны были наладить контакт между участниками политического процесса на местах. Также облисполком регулярно запрашивал у депутатов информацию о том, как «рассматриваются государственными и общественными организациями, руководителями предприятий, учреждений и организаций Ваши к ним обращения по вопросам, связанным с депутатской деятельностью. В частности: своевременно ли даются Вам ответы на поставленные вопросы; внесенные предложения и высказанные критические замечания; обоснованные ли эти ответы; приведите примеры положительного рассмотрения поставленных Вами вопросов и своевременных на них ответов, и, наоборот, факты волокиты, бюрократизма, если такие имели место; правильно и своевременно ли принимаются меры по разрешению предложений, заявлений и жалоб граждан, направленных Вами в соответствующие органы; безотлагательно ли принимают Вас руководители и другие должностные лица государственных органов, предприятий, учреждений и организаций по вопросам депутатской деятельности и как решаются поставленные Вами вопросы»². Помимо этого на отдельных территориях создавались депутатские группы, целью которых было объединение усилий для комплексного решения вопросов. Исполнению наказов мешали и организационные моменты. Так, один из депутатов отмечал: «для улучшения осуществления депутатских обязанностей и депутатской деятельности, на мой взгляд, работающие депутаты, должны иметь какое-то свободное от основной работы время. С тем, чтобы тот или иной депутат мог иметь возможность личного общения и встреч с руководителями нужных предприятий и организаций именно в то время, когда они находятся на службе. Поскольку депутат такого свободного времени не имеет, он порой не в состоянии разрешать возникающие споры»³. Время работы депутатов и время приема в разных организациях часто совпадали и не было возможности осуществлять

---

¹ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 1700. Л. 4.

² ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 1820. Л. 123.

³ Там же. Л. 127.

шаги по выполнению наказов, поэтому некоторые депутаты в итоге оказывались не способны оправдать оказанное им доверие.

Таким образом, с помощью наказов население получало возможность напрямую обратиться к власти со своими жалобами и просьбами, а власть получала регулярный срез проблем, которые волновали людей. Исполнение наказов ярко отражало подчиненное положение народных избранников перед партийными и хозяйственными органами, так как депутаты вынуждены были «выпрашивать» ресурсы для реализации просьб и предложений граждан. Четкой, законодательно закрепленной системы исполнения наказов не было. Советские выборы можно сравнить со сделкой, где общество готово было выражать поддержку власти в обмен на сохранение стабильности в стране. Как верно отмечал А. Юрчак в своей книге¹, что людям было не важно за кого они голосуют, поскольку они голосовали не за конкретного человека, а за политическую систему в целом.

---

¹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение М., 2014. С. 56.

Советская мультипликация как исторический источник: историография и подходы к изучению

В статье выявляются подходы к изучению советских мультфильмов как источника, отражающего социокультурные аспекты жизни общества. Автором рассматриваются вопросы о степени изученности мультипликационных фильмов, методах их анализа, ценности как исторического источника. На основе проведенного исследования в статье предлагается алгоритм анализа анимационного фильма как исторического источника, а также формулируются аспекты жизни общества, которые может раскрыть анализ советских мультфильмов.

Ключевые слова: советская мультипликация, анализ визуальных источников, советское общество, искусство СССР.

Современные исследователи в области истории все чаще прибегают не только к традиционным письменным источникам, но также к визуальным образам, постепенно совершенствуя методы работы с ними. Картины, иллюстрации, фотографии, фильмы и т. д. выступают не только в качестве дополнительного иллюстративного материала, но и как предмет специального исследования. История XX в. получила широкое и разнообразное отражение в визуальных источниках, поэтому их изучение имеет большое значение. Можно согласиться с мнением В.Н. Сырова, что «профессионализм исследователя, его способность получать нетривиальные результаты во многом определяются широтой его горизонта, а именно умением вовлечь в оборот самые разнообразные, порой даже неожиданные, виды источников»¹.

В культурной жизни советского общества большое место занимал кинематограф. Поэтому многие исследователи, которые изучают социокультурный аспект истории СССР, применяют документальные и художественные фильмы в качестве источника изучения. Объектом данного исследования являются советские анимационные фильмы. Как отмечает М.В. Ромашова, «за «несерьезным» жанром, рассчитанном казалось бы на конкретную возрастную аудиторию, стоит не только специфический художественный образ и эстетика, но и система воспитания, механизм интеграции детей в общество, наконец, образ жизни и повседневные практики взрос-

---

¹*Сыров В.Н.* Кино как исторический источник или некоторые размышления по поводу статьи О.Г. Усенко. URL: <http://xn--90agtfjot8f.xn--p1ai/index.php/stati/149-kino-kak-istoricheskij-istochnik-ili-nekotorye-razмышleniya-po-povodu-stati-o-g-usenko> (дата обращения 26.02.2015).

лых и детей»¹. В настоящей статье рассматривается ряд вопросов. Во-первых, проанализировано проблемное поля истории советской мультипликации. Во-вторых, на основании предпринятого историографического обзора, сформулированы методы изучения мультипликационных фильмов как исторического источника.

В последнее время советская мультипликация становится объектом исследования представителей различных гуманитарных дисциплин. Первые публикации были написаны самими мультипликаторами. В 1960-е – 1980-е гг. вышел ряд работ ведущих режиссеров-мультипликаторов, в которых они пытались подвести некоторые итоги достижений отечественной школы анимации, а также рассматривали проблемы места мультипликации в современной культуре, ее задачи и возможности².

С 1970-х гг., в период расцвета советской анимационной школы, появляются также исследования отечественных киноведов. В центре их внимания оказался дидактический потенциал советской мультипликации как канала передачи целой системы моральных социалистических ценностей как детской, так и молодежной аудитории. Среди этих исследований выделяется монография С.В. Асенина, который сумел раскрыть и показать особенности национальных мультипликационных школ, как в социалистических, так и капиталистических странах³.

С начала 2000-х гг. начинают появляться публикации киноведов, посвященные советской анимации. Большой вклад в изучение отечественной мультипликации внесли С.В. Капков, Е.В. Сальникова, Г.Н. Бородин, Н.Г. Кривуля⁴ Е.В. Сальникова и Н.Г. Кривуля одни из первых предприняли анализ анимационных текстов через характеристику социокультурного пространства, в контексте которого они создавались. Г.Н. Бородин на данный момент является ведущим историком советской анимации. В своей работе «Подневольная анимация...» он рассматривает проблемы взаимодействия авторов с цензурой, на основе воспо-

---

¹ Ромашова М.В. От истории анимации к истории детства в СССР: постановка проблемы // Вестник Пермского университета. 2011. № 3–17. С. 118.

² Бабиченко Д.Н. Довольно мультштампов! // Искусство кино. 1961. № 10. С. 33–34; Иванов-Вано И.П. Кадр за кадром. М.: Искусство, 1980.

³ Асенин С.В. Волшебники экрана. Эстетические проблемы современной мультипликации. М.: Искусство, 1974.

⁴ Капков С.В. Энциклопедия отечественной мультипликации. М., 2006; Сальникова Е.В. Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х. Визуальные образы, герои, сюжеты. Изд. 2-е. М., 2010; Бородин Г.Н. «Мультфильм в рамке или Подневольная анимация». Фрагменты из книги. URL: http://www.pilot-film.com/show_article.php?aid=47 (дата обращения 26.02.2015); Кривуля Н.Г. Лабиринты анимации: Исслед. художеств. образа рос. анимац. фильмов второй пол. XX в. М., 2002.

минаний мультипликаторов выявляет идеологические рамки, которыми ограничивали творческую свободу создателей фильмов.

В этот же период советская анимация оказалась объектом научного интереса историков. Например, М.В. Ромашова и В.В. Притуленко рассматривают анимацию в качестве одного из элементов формирования мировоззрения советского ребенка. В.В. Притуленко, считает, что в детский театр, кино, художественную литературу закладывалась «особая риторика, делающая идеологически правильное говорение неосознанным», превращающая его в «родную речь», в обязательное идеологическое знание¹. Тем не менее, широкий круг вопросов, касательно анимационных картин в качестве элемента ценностной системы так и остался за пределами исследовательского интереса.

Единственной работой, выполненной не в рамках искусствоведческого исследования, а с позиций социокультурной истории, на данный момент является сборник «Веселые человечки: культурные герои советского детства» под редакцией И.В. Кукулина². Авторы сборника ставят перед собой задачу нового прочтения образов популярных героев мультфильмов. Как отмечает С.А. Ушакин: «В ходе такого анализа самодостаточные художественные образы, изначально предназначенные в основном для детей, трансформируются в образчики культуры, дающие представление о типе и качестве материала, из которого формировалось советское общество в целом»³. Авторы отмечают, что целевой аудиторией позднесоветской анимации были не только дети. Так, по мнению А. Прохорова, «в «оттепельной» культуре анимационное кино стало не только киноформой для детей, но еще и своеобразным вариантом авторского кино, антимионументализм которого оказался удивительно адекватен происходившим тогда процессам десталинизации»⁴.

При анализе анимационных картин могут быть задействованы методы из разных гуманитарных дисциплин: искусствоведения, истории, филологии и др. Например, М.В. Ромашова предлагает использовать анализ визуальных источников: «анализ изображения, текста, сопровождающего мультфильм; интерпретация мультфильмов с культурно-исторической точки зрения (какие идеи и каким образом воплощены в мультфильме; кого или что символизирует герой и / или антигерой; каковы социальные, эсте-

---

¹ Притуленко В.В. Адресовано детям // Кино, политика и люди: 30-е годы. / Отв. ред. Л.Х. Маматова. М., 1995. С. 105.

² Веселые человечки: культурные герои советского детства: сб. ст. / Под ред. И.В. Кукулина. М., 2008.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 166.

тические, визуальные конвенции времени, в котором создавались мультфильмы, атрибуты и символы эпохи)»¹. Н.Г. Кривуля в своей работе использует методы семиотических концепций С. Лангер, Э. Кассирера, Ч. Пирса и текстуальных теорий М.М. Бахтина, Ю. Кристевой, Ж. Дерриды, Ю.М. Лотмана. Согласно данным теориям, «произведение наделяется относительностью и множественностью значений, так как в структуре текста взаимодействуют несколько культурных кодов. Фильм в процессе создания и интерпретации (прочтения) детерминирован историко-социальными процессами и философско-эстетическими системами автора и интерпретатора, создающими контекстуальные значения»². В ее исследовании впервые выявляются культурные символы и коды эпохи в мультфильмах как репрезентации картины мира современного им общества в их эволюции. Анализируя мультфильмы разных десятилетий, Н.Г. Кривуля отмечает, что с ужесточением цензуры в конце 1960-х гг. язык анимации становится все более иносказательным, что приводит к развитию притчевых тенденций. Риторика притчи позволяла выразить авторскую позицию в отношении проблем современности. «В фильмах 70-х гг. появляются отдельные люди, они в большинстве своем представляются положительными героями, героями-идеалистами, ищущими смысл жизни и рассуждающими о вечных проблемах – смерти и бессмертия, истине и лжи. В течение всего периода «застоя» анимация, прежде нацеленная на социальную пользу, выходила на позиции, где человек и мир этого человека, как внешний, так и внутренний, возвышались над всем. Углубление в духовный мир личности сопровождается конфликты, обнаруживающие жизненную позицию героя, борьбу идейных убеждений. [...] Человек и среда, личность и общественная позиция (нравы) – вот основной круг конфликтов, нашедших отражение в мультипликационных фильмах семидесятых («Бабочка», «Шкаф», «Охота», «Икар и мудрецы», «Остров», «В мире басен» и т. д.)»³. Кроме того, как справедливо замечает А.Р. Усманова, историк при работе с фильмами должен владеть основами кинотеории и знать историю кино (в нашем случае анимационного)⁴.

Таким образом, на основе проведенного нами историкографического обзора, становится очевидным, что изучение советской

---

¹ Ромашова М.В. От истории анимации к истории детства в СССР: постановка проблемы // Вестник Пермского университета. 2011. № 3–17. С. 117.

² Кривуля Н.Г. Лабиринты анимации: Исследования художественного образа российских анимационных фильмов второй половины XX в. М., 2002. С. 9.

³ Там же. С. 68.

⁴ Усманова А.Р. «Визуальный поворот» и гендерная история. URL: <http://refdb.ru/look/4985374.html> (дата обращения 26.06.2015).

мультипликации в качестве исторического источника невозможно без контентного анализа. Изучив опыт построения различных подходов к интерпретации содержания советских мультипликационных фильмов, мы предлагаем свой метод, основанный на принципах историзма.

1. *Причины, мотивы создания фильма.* На первой стадии важно выявить предпосылки создания фильма: создавался ли он по государственному заказу, или же это была оригинальная авторская идея. Также важно выявить культурные и политические факторы повлияли на создание картины.

2. *Выявление образа автора (-ов).* Анимационные фильмы, как и всякое художественное произведение, являются эмоционально насыщенными и транслируют зрителю идеи и мировоззренческие установки своих авторов. Для их выявления в художественном произведении исследователь должен изучить биографии его создателей (автора сценария, режиссера, художника-постановщика и т. д.); их личные воспоминания, воспоминания современников о них; по возможности – источники личного происхождения того периода времени, когда велась работа над мультфильмом (письма, записные книжки и т. п.). В роли автора может выступать и заказчик (в случае с советской мультипликацией – это различные государственные структуры).

3. *Кому адресован фильм, его целевая аудитория.* Несмотря на то, что, как говорят сами аниматоры, их фильмы создаются для детей от пяти до девяти-десяти лет, каждая картина рассчитана на определенную целевую аудиторию. Картина может быть рассчитана на взрослую аудиторию, детей дошкольного или школьного возраста; на отечественного или зарубежного зрителя (такие картины пропагандистского характера были призваны демонстрировать высокий уровень жизни или пацифизм жителей СССР и редко демонстрировались внутри страны); на широкую аудиторию или преимущественно на круг профессионалов (аниматоров, киноведов, кинематографистов), что характерно для части авторской мультипликации.

4. *История создания (первоначальная задумка, ход работы, конечный результат, цензура).* Здесь имеется в виду подробное изучение рабочих материалов мультфильма: сценария в его первоначальном виде, а также с правками, эскизов, раскадровки, рабочих и личной переписки участников рабочего процесса, их воспоминаний о создании картины, выписок с заседаний художественных советов, рецензий вышестоящего руководства и органов цензуры и т. д. Цель реконструкции истории создания картины – выявить изменения, вносимые в первоначальный вариант в ходе

работы; проблемы, возникавшие у авторов в процессе создания фильма; а также их причины.

5. *Реакция зрителей, критики, властей на момент выхода мультфильма.* Здесь важно выявить не только реакцию зрителей и представителей ответственных государственных структур, но и, например, отличалась ли официальная оценка фильма от мнения массового зрителя и почему, как влияла оценка критики на восприятие широкой зрительской аудитории и т. д.

6. *Дальнейшая судьба фильма,* то есть как воспринимался мультфильм последующими поколениями зрителей.

7. *Характеристика анимационного текста в рамках своего исследования:* применение полученных в ходе анализа мультипликационных картин результатов к объекту своего научного исследования. Например, Е.В. Сальникова в своей работе «Советская культура в движении...» рассматривает отражение социокультурных аспектов жизни советского общества в популярных мультфильмах: «Ну, погоди!», сериях о Простоквашино, Крокодиле Гене и Чебурашке, «Котенке по имени Гав». Автор считает, что в сериях анимационного фильма «Котенок по имени Гав» по сценарию Григория Остера (реж. Л. Атаманов, 1976–1982 гг.) набрасывается общий эскиз перехода от консервативного, патриархального и иерархического общества к более свободному, основанному на идее дружеского партнерства, свободы и равенства возможностей. «Своим именем котенок Гав уже бросает вызов всему косному и банальному. Ему нравится называться «собачьим» именем. Большого пса это шокирует и злит. А черный кот наставительно объясняет, что подходящее имя для котенка – это Мурзик или Пушок. То есть взрослый, умудренный жизненным опытом, кот требует, чтобы котенка звали так, как обычно называют котят. Это равносильно требованию стать, как все. Но Гав – не той породы»¹. Отражение постепенного ухода общества от социалистических ценностей она видит и в трилогии о Простоквашино. «Столь радикальная лаконичность в обрисовке как бы современного и как бы реального советского социума не окрашена у Эдуарда Успенского никакими осязаемыми рефлексиями. Свобода отдельно взятого индивида позднего советского периода от каких-либо общественных сообществ, официальных инстанций и учреждений подается как гармоничная данность, не подлежащая обсуждению и уж тем более критике»². Культуролог Е.В. Барабан в идиллии Простоквашино видит отражение «великолепного ма-

---

¹ Сальникова Е.В. Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х. Визуальные образы, герои, сюжеты. Изд. 2-е. М., 2010. С. 261.

² Там же. С. 246.

невра, совершенного советской интеллигенцией в конце 1960-х и начале 1970-х: вместо того чтобы томиться от клаустрофобии в душевой, как стало принято говорить несколько позже, атмосфере «застоя» и страдать от участия в надоевшем проекте строительства светлого будущего, она отгородилась от социума, насколько это было возможно, и с головой погрузилась в частную жизнь, в которой хватало места только семье и друзьям. [...] Особой ценностью наделялись романтика дружбы, гармоничная жизнь на природе, отдых в деревне и творчество «в стол»»¹.

Таким образом, в ходе исследования мы выявили, что анимационные фильмы позволяют делать выводы о механизмах формирования социального и исторического сознания. Мультипликация, как и другие виды искусства, направлена на моделирование и развитие ценностных установок. Исходя из проведенного нами обзора, мы предполагаем, что контентный анализ мультипликационных фильмов советского периода невозможен не только без оценки роли автора, но также объективных условий, в которых непосредственно создавалась сюжетная линия и формировались изобразительные образы картины. Перспективы дальнейших исследований заключаются в изучении мультипликационных фильмов как источника для реконструкции образа жизни советского человека в условиях своего времени. Сформулированные в статье направления анализа позволят проводить комплексное историческое изучение мультипликации с целью выявления влияния конкретно-исторических условий на ее создание, демонстрацию и реакцию органов власти и зрителей. Таким образом, мультипликация органично вписывается в исторический контекст, определяется ее место и роль в культурных и общественно-политических процессах общества.

---

¹ *Барабан Е.В.* Фигвам утилитариста // Веселые человечки: культурные герои советского детства: сб. ст. / под ред. И.В. Кукулина. М., 2008. С. 443.

Развитие католических общин в Алтайском крае в 1980-е гг.

В статье исследуется проблема развития католических общин Алтайского края в период изменения государственной политики в области религии. Выявлена реакция органов государственной власти на деятельность католических общин в указанный период, установлена роль других христианских конфессий в легализации деятельности католических общин. Дана характеристика составов общин и их социальной активности. В статье формулируется и обосновывается вывод о том, что большая часть населения исповедующего католицизм, в данный период не проявляла свой религиозности публично.

Ключевые слова: католицизм, Алтайский край, конфессиональная политика, антирелигиозная политика, ЕХБ, антирелигиозное законодательство, религиозное объединение.

Одним из важных аспектов в изучении региональной истории является исследование конфессиональных отношений. 1980-е гг. в свете данной проблематики представляют собой поворотный период, в течение которого происходило возрождение религиозных структур. В Алтайском крае в указанный период начинается восстановление легальной деятельности традиционных для данной территории конфессий, среди которых был представлен и католицизм. Несмотря на общий для любых религиозных структур социальный, ментальный, политический контекст, возрождение католицизма в регионе имело ряд особенностей, которые нуждаются в изучении. Региональная специфика развития определила собой логику локального развития конфессии.

Изучение католической конфессии в Алтайском крае, в основном, захватывает период с XVIII по первую половину XX в. К наиболее значимым исследованиям этой темы относятся монографии: И.Н. Никулина «Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е первая половина 70-х гг.)», П.П. Вибе «Религиозная жизнь немецкого населения Сибири во второй половине XX в.» (коллективная монография «История и этнография немцев в Сибири»), А.В. Горбатова «Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е годы», Л.И. Сосковец «Антирелигиозная политика советской власти в Сибири», а также статьи: Т.Г. Титова, В.А. Зверева «Католическая община в Барнауле 1860–1930-х гг.», Т.Г. Титова «Этапы формирования католического населения Западной Сибири в конце XIX – начале

XX в.»; М. Мачуги «Католическая церковь в Сибири и мировоззрение поляков». В этих исследованиях отображено формирование католических общин на территории Алтайского края и Сибири в целом, дается характеристика их составов и взаимоотношений с органами власти. Таким образом, 1980-е гг. не попали в хронологические рамки исследований. Причем именно эти годы представляют интерес в изучении истории конфессии, поскольку они знаменуют важный этап в истории взаимоотношений советской власти и религиозных организаций. В 1980-е гг. происходит либерализация государственной политики в отношении религиозных объединений и, как следствие, происходит постепенное возрождение религиозной деятельности.

Основными источниками для изучения темы послужили документы, хранящиеся в Государственном архиве Алтайского края в фонде Уполномоченного Совета по делам религий при Совете министров СССР по Алтайскому краю (1943–1991 гг.). Совет по делам религий при Совете министров СССР выполнял функцию контроля за исполнением религиозного законодательства, принимал решения о регистрации религиозных объединений, осуществлял связь между религиозными организациями и существующей властью, контролировал религиозные процессы на территории государства. Связь совета с организациями осуществлялась через уполномоченных на местах. В указанном фонде можно найти списки верующих, автобиографии служителей культа, характеристики активистов, отчеты о деятельности религиозных организаций, документы о регистрации и снятии с регистрации религиозных организаций, прошения и жалобы, поданные верующими, и так далее¹. Поэтому материалы, собранные в данном фонде, представляют большую ценность при изучении конфессиональных отношений.

Католические общины появились на территории Алтайского края вместе с первыми переселенцами из европейской части страны. Общины формировались по национальному признаку. На Алтае католицизм традиционно исповедовали в основном немцы, поляки и литовцы. Такими специфическими чертами, как национальный принцип формирования общины и тем, что католическому духовенству было запрещено вести миссионерскую деятельность, объясняется малочисленность католиков по сравнению с другими христианскими конфессиями.

С установлением советской власти на Алтае, как и по всей стране, после обрушившихся репрессий, католическая община потеряла свой легальный статус. Во второй половине XX в. като-

---

¹ Краевое государственное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГУ ГААК) Ф. 1692. Оп. 1. Д. 153, 227, 242, 264, 274, 278, 279, 280.

лицизм в регионе, как и в целом в Сибири, переживает глубокий «организационный кризис, вызванный невозможностью совершать религиозные обряды в привычных условиях костела»¹. По всей стране были закрыты практически все костелы. Верующие были вынуждены проводить богослужения у себя в домах. В годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время, государственная власть в целях поднятия патриотизма и сплочения народа предоставила разрешение на возрождение религиозных общин и открытие храмов. Были открыты храмы РПЦ, церкви старообрядцев, мусульманские мечети, синагоги, но не было открыто, ни одного католического костела². Ситуация отягощалась и отсутствием священнослужителей. Во главе католической общины обязательно должен был находиться человек со специальным религиозным образованием – падер³. Однако, католицизм в крае продолжал существовать, общины действовали в Славгороде и Славгородском районе, в Первомайском и Кулундинском районах, в рабочем поселке Волчиха. Они были малочисленны и разрознены, у них не было единого руководства, но при этом им удавалось сохранить свои религиозные и национальные традиции.

В целом же на протяжении всего периода советской истории политика государственной власти в отношении культов носила во многом запретительный характер. Основным законом, регулирующим положение религиозных организаций, был закон «О религиозных объединениях» 1929 г., согласно которому «религиозным организациям запрещалось создавать кассы взаимопомощи, общества по обучению религии, оказывать материальную помощь своим членам, выполнять обряды вне стен молитвенных зданий. Вводилась обязательная регистрация религиозных организаций, их молитвенных помещений, священнослужителей и религиозного актива». Все последующие законодательные акты в области религии составлялись на основе данного закона. По всей стране велась усиленная антирелигиозная пропаганда, верующие подвергались дискриминации в различных областях общественной жизни. В Уголовном кодексе РСФСР от 27 октября 1960 г. содержалось три статьи предусматривающих уголовную ответственность за нарушения религиозного законодательства. Для осуществления

---

¹ *Вибе П.П.* Религиозная жизнь немецкого населения Сибири во второй половине XX в. // История и этнография немцев в Сибири: коллективная монография. Омск, 2009. С. 524.

² *Горбатов А.В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е годы. Томск, 2008. С. 18.

³ *Вибе П.П.* Религиозная жизнь немецкого населения Сибири во второй половине XX в. // История и этнография немцев в Сибири: коллективная монография. Омск, 2009. С. 524.

контроля за организациями были созданы Совет по делам Русской православной церкви (1943 г.) и Совет по делам религиозных культов (1944 г.), впоследствии объединенные в Совет по делам религий при Совете министров СССР (1966 г.).

Лишь в конце 1970-х гг. началась правовая либерализация в отношении церквей и культов. После принятия Конституции 1977 г., в 52-й статье, которой была закреплена свобода совести под которой понималось «право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду»¹. С этого момента религиозные общества начинают усиленно добиваться своей регистрации, чтобы легально вести религиозную деятельность. Подтверждением этому служат отчеты о религиозной обстановке в Алтайском крае за 1980-е гг. «...намерения верующих в осуществлении своих прав заметно обострились, их активность усилилась»². В качестве примера приводится тот факт, что если в 1960-е гг. властям удавалось «под разными предлогами» сдерживать настоятельные просьбы верующих о регистрации, то после 1977 г. местные органы власти вынуждены были давать разрешения. Усиливается давление на власть со стороны религиозных активистов. В этот период наибольшую активность проявляют представители православия и различные протестантские направления христианства, католические же общины, как следует из официальных документов, такой активности не проявляли. Например, в Государственном архиве Алтайского края, в фонде «Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Алтайскому краю (1943–1991 гг.)» хранится дело № 274 «Письма, жалобы, заявления и переписка с Советом по делам религий при Совете Министров СССР за 6 апреля 1979 – 20 июня 1990 г.»³. В данном деле представлена информация о деятельности религиозных организаций, их активистов, многочисленные прошения и жалобы верующих. При анализе этих материалов не обнаружено никакого упоминания или информации, исходившей от представителей католического населения. Возможно, это связано с тем, что католическая община была слишком малочисленна. За 1980–1989 гг. в крае было зарегистрировано 39 религиозных организаций и только две из них представляли римско-католическую церковь. Одна из них находилась в г. Славгороде и включала 16 верующих, вторая нахо-

---

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#7> (дата обращения 27.08.2015).

² КГУ ГААК Ф. 1692. Оп. 1. Д. 153. Л. 1.

³ Там же. Д. 274.

дилась в рабочем поселке Волчиха и имела 24 верующего¹. Среди незарегистрированных религиозных объединений, в других городах и поселках Алтайского края за указанный период, организаций римско-католической церкви не обнаружено.

Проанализировав списки верующих, поданных при прошении о регистрации религиозного объединения римско-католической церкви в г. Славгороде и в рабочем поселке Волчиха², можно сделать вывод, что общины были малочисленны и состояли из людей пожилого возраста. Важно отметить, что в течение 1950-х – 1970-х гг. количество католиков сокращалось. В 1956 г. насчитывалось 650 человек верующих католиков, в 1958 г. католическая община снята с регистрации и количество верующих, «которые не скрывают религиозности» сократилось до 70–90 человек. В 1974 г. католики Славгорода обращаются в горисполком о регистрации религиозного общества в количестве до 30 человек. В этом году они получили отказ, и только в 1982 г. общество было зарегистрировано, при количестве верующих в 16 человек³. В заключении о разрешении регистрации отмечено, что «все верующие в группе престарелые, пенсионеры, склонности к количественному росту не предполагается»⁴. При этом, в описании деятельности группы за 1974 г. говорится, что «группы собираются на молитвы, проводят обряды над новорожденными («погружения»)»⁵. Обряд «погружения», как и другие религиозные обряды, проводимые в отсутствие священнослужителя, самими верующими, считается предварительным. В данном случае, «погружение» предварительный обряд таинства крещения. То есть официально «погруженный» человек не является членом Церкви, но при этом идентифицирует себя с ней. Поэтому, логично будет предположить, что среди католиков имеются молодые семьи, дети которых, пройдя обряд «погружения», в будущем также должны принять католичество – следовательно, предполагается количественный рост общины. Но в официальных документах данная информация отсутствует. В деле так же отмечается, что служения ведутся на немецком языке, исходя из этого, мы можем определить национальный состав общины.

В рабочем поселке Волчиха началом деятельности католической общины в документах значится 1960 год⁶. В 1973 г. «выявлена группа лиц немецкого происхождения исповедующая католичество», община составляла до 20 человек, «проводят молитвен-

---

¹ КГУ ГААК Ф. 1692. Оп. 1. Д. 279.

² Там же. Д. 227. Л. 1; КГУ Там же. Д. 242. Л. 1.

³ Там же. Д. 279.

⁴ Там же. Д. 242. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 279.

ные собрания, отмечают католические праздники, организуют религиозные похороны. Для проведения конфирмации приезжал католический священник из Либавы...с этой же целью из Ташкента приезжал отец Иосиф»¹. Эти факты говорят о том, что католическая община, несмотря на свою малочисленность, поддерживала связь с другими католическими организациями далеко за пределами Алтайского края. Официально община зарегистрирована, так же как и в Славгороде, в 1982 г. В состав общины входило 24 человека, все пенсионеры, прибывшие в Волчиху из с. Ново-Колония Зельманского района Саратовской области.

При изучении документов о регистрации религиозных объединений римско-католической церкви можно сделать вывод о том, что при принятии положительного решения о регистрации объединения немалую роль сыграла социальная активность других христианских конфессий. В рабочем поселке Волчиха долгое время действовала, как отмечается, лояльная группа евангельских христиан баптистов. Но вследствие того, что им было отказано в регистрации, группа в результате действий «экстремистских элементов», перешла на позиции «совета церквей» и «стала открыто и грубо нарушать советские законы в отношении религии и церкви»². Под «экстремистскими элементами» и «советом церквей» здесь подразумевается группа евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) отделившихся от Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) вследствие проправительственной ориентации последнего. Она заключалась в принятие ВСЕХБ в 1959 г., под давлением органов государственной власти Положения о союзе ЕХБ в СССР и Инструктивного письма старшим пресвитерам ВСЕХБ, в которых значительно ограничивалась деятельность церкви. Перед пресвитерами ставилась задача не привлекать новых членов в организацию, то есть фактически запрещалось вести миссионерскую деятельность, которая является одним из основополагающих аспектов в жизни ЕХБ. «Предписывалось не допускать на молитвенные собрания детей, новообращенным устанавливался испытательный срок не менее 2–3 лет; запрещалось крестить студентов, военнослужащих, учащихся, допускать к проповеди членов других общин и др. [...] Таким образом, принятые ВСЕХБ документы по своему содержанию противоречили основным каноническим положениям баптизма и послужили поводом к расколу ЕХБ»³. Отколовшаяся группа, члены

---

¹ КГУ ГААК Ф. 1692. Оп. 1. Д. 227. Л. 1.

² Там же.

³ Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е годы. Томск, 2008. С. 297.

которой отказались выполнять новые требования, получила название «инициативников». Движение, которое впоследствии оформилось в Совет церковей ЕХБ и считавшееся органами государственной власти экстремистским. Данное движение довольно активно действовало на территории Алтайского края¹. Учитывая сложившуюся неблагоприятную ситуацию с ЕХБ и во избежание перехода, и католиков на радикальные позиции, общине в рабочем поселке Волчиха было дано разрешение на регистрацию. Похожая ситуация наблюдалась и в городе Славгороде, как уже отмечалось, в группе католиков не видели склонности к увеличению, но «учитывая обостренную религиозную обстановку в г. Славгороде разрешение дали»².

В состав имеющихся в Алтайском крае религиозных организаций, существовавших в 1980-е гг. и изначально пришедших на территорию России из западных стран, входили представители различных национальностей, в том числе не малое количество русских, так же и среди служителей культа. В Алтайском крае это были адвентисты седьмого дня, евангельские христиане баптисты и другие протестантские деноминации. Католические же общины сохраняли свою национальную обособленность.

К моменту восстановления структур католической церкви в Алтайском крае, общины католиков были крайне малочисленны, но при этом после легализации их число увеличилось. Католические приходы были открыты в Барнауле, Бийске, Тальменке и некоторых селах, то есть в тех местах, в которых католических общин официально в 1980-е гг. не существовало. Из этого следует, что на протяжении исследуемого периода большинство католиков скрывали свою религиозность и принадлежность к католической церкви. Этим можно объяснить пассивность католиков по сравнению с представителями других христианских конфессий, например, православных, которые активно отстаивали свои позиции. При этом, активность других конфессий сыграла положительную роль в процессе легализации католических общин. Несмотря на кажущуюся внешнюю пассивность, внутри общин шло интенсивное развитие, поддерживались отношения с организациями католической церкви находящимися за пределами края, что позволило в будущем довольно быстро восстановить структуры церкви и обеспечить ее дальнейшее развитие.

---

¹ Волохов С.П. Протестное движение евангельских христиан-баптистов в 1960–1980-х гг. / С.П. Волохов // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2002. № 2–2. С. 131–137.

² КГУ ГААК Ф. 1692. Оп. 1. Д. 242. Л. 1.

**Место Белоруссии в рейтинге «друзей» и «врагов»
России (по материалам социологических опросов
1991–2014 гг.)**

В статье выявлено изменение восприятия Белоруссии в российском общественном мнении после распада СССР (1991–2014 гг.). Проанализированы социологические опросы за период 1991–2014 гг., проведенные среди российских граждан. Восприятие Белоруссии в российском обществе рассматривается в динамике, в конкретных исторических условиях, в контексте развития российско-белорусских отношений. В заключении автор делает вывод о том, что динамика изменения восприятия Белоруссии в российском общественном мнении определяется инерцией советского периода, а также развитием российско-белорусских государственных отношений, в которых постоянно возникают напряжения, выражающиеся в различных информационных кампаниях, которые влияют на мнение граждан.

Ключевые слова: российско-белорусские отношения, российское общественное мнение, восприятие Белоруссии.

Актуальность исследования восприятия Белоруссии в российском обществе после распада СССР неразрывно связана с изучением истории стран постсоветского пространства и их отношений с Россией после 1991 года. Изучение восприятия Белоруссии в России не только позволяет определить возможности дальнейшего развития отношений государств и их сближения в рамках евразийской интеграции, но и выявить основные проблемы в российско-белорусских отношениях 1991–2014 гг., а также проследить уход российского общества от коллективной советской идентичности в сторону обретения национальной идеи и идентичности.

Кризис на Украине и введение Евросоюзом и США политических и экономических санкций в отношении России послужили толчком для изменения вектора российской внешней политики. С одной стороны, Россия была вынуждена переориентировать свои торгово-экономические потоки и озаботиться поиском новых рынков сбыта, преимущественно обратив свой взор на Восток, к странам Азии, и здесь приоритетным партнером стал Китай. С другой стороны, для России возросло значение реализации проекта Евразийского Союза, как по политическим, так и по экономическим мотивам. Кроме того, в России на повестку дня встал вопрос о необходимости обеспечения энергетической безопасности газовых поставок в Европу, проходящих через территорию Украины. И в этом контексте, также как и в планах реализации

Евразийского Союза, ключевым партнером для России является Белоруссия.

На протяжении двух последних десятилетий отношение к Белоруссии в российском обществе менялось в зависимости от изменения и корректировки внешнеполитических курсов России и Белоруссии, кризисов в российско-белорусских отношениях, международной обстановки в целом. Основными источниками для изучения эволюции восприятия Белоруссии в российском общественном мнении после распада СССР стали опросы общественного мнения, проведенные двумя крупнейшими российскими социологическими центрами – Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Фондом «Общественное мнение» (ФОМ). Опросы этих организаций отличаются широкой репрезентативностью исследований (максимальный охват регионов России и незначительная статистическая погрешность, которая составляет около 3,6 %), глубокой ретроспективностью, которая позволяет проследить восприятие Белоруссии в российском общественном мнении в динамике в период с 1991 по 2014 год. Кроме того, различная тематика опросов (категории «друзья и враги» России, российско-белорусские отношения, Белоруссия) позволила сопоставить данные с помощью метода перекрестной проверки.

Несмотря на то, что эти социологические источники в целом являются достоверными, необходимо учитывать степень их «политизированности» и возможность получения недостоверных данных путем корректировки полученных данных (завышения или занижения, получения «нужного» результата) или в результате специальных «формирующих» вопросов. Стоит отметить, что 100 % акций ВЦИОМ принадлежит государству, и центр испытывает определенное давление с его стороны¹. В тоже время, Фонд «Общественное мнение», имея статус некоммерческой общественной организации, неоднократно являлся базовой социологической организацией предвыборного штаба Б.Н. Ельцина в 1996 г. и В.В. Путина в 1999–2000 гг. и 2004 году. Таким образом, только комплексное использование данных опросов упоминавшихся фондов может дать нам относительно объективную картину.

Российские граждане, как и российское правительство, после распада СССР во многом были ориентированы на поддержание отношений с бывшими советскими республиками не только с точки зрения экономических связей: интерес к постсоветскому пространству также определялся тем, что в ближнем зарубежье

---

¹ *Макеев П.* Директор ВЦИОМ Валерий Федоров: наш основной заказчик – Кремль и «Единая Россия». Интервью // Сноб. 20.08.2013. [электронная версия]. URL: <http://snob.ru/selected/entry/64052> (дата обращения 21.06.2015).

остались проживать многие россияне, образовав там российские диаспоры.

Вскоре после распада СССР и создания СНГ, президентских выборов в новых независимых государствах постсоветского пространства, установления дипломатических связей с новыми государственными образованиями, в российском обществе в 1994–1996 гг. наступает понимание, что восстановления СССР уже не случится и мир живет в новых геополитических условиях. В российском общественном мнении все больше преобладает представление о том, что Россия и Белоруссия – разные государства (7 % – «да», 17 – «нет»)¹, однако, Белоруссия не воспринимается как за-граница, также как это было в период существования Советского Союза по отношению к Польше («Курица – не птица, Польша не за-граница»). Это объясняется следующими причинами: во-первых, сохраняется коллективная память о длительной истории взаимодействия народов России и Белоруссии, о длительном проживании в одном государстве, а во-вторых, Республика Беларусь, возникшая на политической карте мира в 1991 году, во многом сохранила традиции советской государственности, что отразилось в государственной символике (герб и флаг Республики Беларусь) и в структуре управления государством.

Старт интеграционным тенденциям был дан в период президентства Б.Н. Ельцина в 1994 г., а интеграционные настроения россиян стали активно набирать обороты в 1997 г.² и вплоть до 2004 г. процент россиян, выступающих за российско-белорусское объединение, оставался стабильно высоким³. В то же время, эксперты склонны считать, что стремление к интеграции с Белоруссией – своеобразный «безусловный рефлекс»⁴, «выбор сердца, а не рассудка» и демонстрирует лишь ностальгию населения России по эпохе СССР⁵. В частности, об этом свидетельствуют и данные со-

---

¹ Скажите пожалуйста, с вашей точки зрения, Россия и Белоруссия сегодня представляют собой два независимых государства или это единое государство? Опрос от 31.03.1999 // Фонд «Общественное мнение». URL: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/count_/Belarus/t904116 (дата обращения 08.05.2014).

² *Кертман Г.Л.* Россия и Белоруссия: перспективы объединения. 17.01.1999 // Фонд «Общественное мнение». URL: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/count_/Belarus/o901001 (дата обращения 08.05.2014).

³ *Преснякова Л.* Что мешает объединению России и Белоруссии? 26.08.2004 // Фонд «Общественное мнение». URL: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/count_/Belarus/of043303 (дата обращения 08.05.2014).

⁴ *Кертман Г.Л.* Безусловный рефлекс (о союзе с Белоруссией) // Фонд «Общественное мнение». 22.12.1999. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/count_/Belarus/o907901 (дата обращения 19.04.2015).

⁵ *Петрова А., Климова С.* Большинство россиян голосуют за союз с Белоруссией сердцем, а не рассудком // Фонд «Общественное мнение». URL: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/count_/Belarus/of19971601 (дата обращения

циологических опросов: большая часть россиян, а именно 56 % опрошенных, воспринимали союз России и Белоруссии как первый шаг на пути к восстановлению СССР¹.

По отношению к Белоруссии и белорусам в России сохраняется дружественное отношение даже после распада СССР. Преобладает представление о братском, союзном народе². Большая часть россиян (89 % по данным опроса ФОМ в январе 1999 г.) полагала, что у русских и белорусов больше общего: истории, культуры, языка – чем различий.

В представлениях россиян – Белоруссия перспективная страна с точки зрения интеграции, и большинство населения России хотело бы видеть ее в новом объединении с Россией. Белоруссии, в отличие от других стран, в том числе Казахстана и Украины, россияне доверяют и в вопросе военно-политического сотрудничества. По итогам социологических опросов 1999 г., Белоруссия выходит на первое место среди друзей России на международной арене (21 % опрошенных), в то время как Украина занимает четвертое место (6 %), а Казахстан замыкает круг друзей России – за него высказались 3 % опрошенных респондентов³.

На протяжении 2000–2006 гг. восприятие Белоруссии в России находилось на стабильно позитивном уровне. Большинство респондентов хорошо относились к стране в целом (65–70 % от всех опрошенных) и воспринимали ее как дружественное государство (75 %). Однако опросы этих лет демонстрируют, что «недружественность» россиян по отношению к Белоруссии возрастает в кризисные периоды межгосударственных взаимоотношений. Например, в феврале 2004 г. дружественным государством по отношению к России Белоруссию называли 65 %, недружественным – 20 %⁴. Следующий опрос, проводившийся в августе 2004 года показал, что количество людей, считающих Бело-

---

19.04.2015).

¹ Петрова А., Климова С. Большинство россиян голосуют...

² Последнее время в средствах массовой информации широко обсуждаются проблемы объединения России и Белоруссии и высказываются разные мнения по этим проблемам. Скажите пожалуйста, вы согласны или не согласны со следующим суждением: «У русских и белорусов общее прошлое, культура, язык. Между ними больше общего, чем различий?» Опрос населения 20.01.1999 // Фонд «Общественное мнение». URL: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/count/Belarus/t8046307 (дата обращения 08.05.2014).

³ Петрова А., Черняков А., Климова С., Ядова Е. О военно-политических союзниках России. 15.04.1999 // Фонд «Общественное мнение». URL: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/fre_an/aliens/of19991502 (дата обращения 12.05.2014).

⁴ Российско-белорусские отношения: спор о ценах на газ // Опрос населения Фонда «Общественное мнение» от 04.03.2004. URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/az/0-9/Belarus/dd040934> (дата обращения 23.04.2015).

руссию дружественной страной возросло на 10 %, а считающих недружественной, соответственно, снизилось на 8 %¹. Разница в данных обуславливается моментом проведения февральского опроса – в этот период возникла конфликтная ситуация между Москвой и Минском из-за разногласий по поводу цен на транспортировку газа, которая нашла отражение в сюжетах СМИ.

Одним из первых кризисов, разразившихся в российско-белорусских отношениях во второй половине 2000-х гг., стал энергетический кризис, длившийся с июня 2006 по январь 2007 г. и состоявший, в свою очередь, из двух этапов – газового и нефтяного². Еще один кризис, получивший название «молочной войны», произошел в июне 2009 года. Основной причиной конфликта стал запрет на импорт молочной продукции из Белоруссии, наложенный главным санитарным врачом РФ Г.Г. Онищенко. Официально было заявлено, что продукция не соответствует санитарно-эпидемиологическим нормам технического регламента РФ на молочную продукцию и представляет угрозу для здоровья населения³.

Энергетический и молочный кризисы не оказали заметного влияния на отношение россиян к Белоруссии. В июле 2009 г. был проведен опрос Фонда «Общественное мнение», в результате которого в качестве самых нужных и ценных партнеров России были названы Белоруссия (18 %), Китай (12 %) и Германия (11 %). Однако в последующие годы проблемы в межгосударственных отношениях стали значительно влиять на общественное мнение.

По результатам социологического опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в 2011 г. и посвященного изучению внешних угроз России, Белоруссия оказалась на пятом месте, после США, Китая, Грузии и Японии⁴. В качестве одной из причин стремительной «рокировки» из дружественной страны в противника можно рассматривать факт информационной войны, разразившейся между Россией и Белоруссией в период с июля по октябрь 2010 г. Информационная война между Россией и Бело-

---

¹ Россия, Белоруссия и А. Лукашенко // Опрос населения Фонда «Общественное мнение» от 26.08.2004. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/polit/pol_alien/lukashenko_a_g_/dd043423 (дата обращения 23.04.2015).

² *Неменский О.* Отношения России и Белоруссии, 1999–2007. URL: <http://www.edrus.org/content/view/9596/71> (копия страницы), (дата обращения: 12.05.2014).

³ *Онищенко Г.Г.* О приостановлении действия санитарно-эпидемиологических заключений на молоко и молочную продукцию. Письмо №01/8091–9–32 от 09.06.2009. URL: http://rosпотребнадзор.ru/c/journal/view_article_content?groupId=10156&articleId=225997&version=1.1 (дата обращения 09.05.2014).

⁴ Старый враг лучше новых двух. Рейтинг внешних угроз: 2000 и 2011 // Фонд «Общественное мнение». URL: <http://fom.ru/globe/10096> (дата обращения 12.05.2014).

русией серьезно ухудшила российско-белорусские отношения. «Очернение» белорусской стороны носило широкомасштабный характер: в кампании против белорусского президента принимали участие первые лица государства, административный аппарат, государственные СМИ¹. Результатом информационной войны стало создание негативного образа Белоруссии и его президента на российском телевидении, что, в свою очередь, привело к ухудшению восприятия россиянами белорусского президента и российско-белорусских отношений в целом².

В настоящее время Республика Беларусь занимает второе место в рейтинге друзей России (32 % опрошенных) – первое место занял Китай, число сторонников которого выросло за последние несколько лет в два раза и составило 51 % в октябре 2014 г. против 23 % в 2008 году³. В число важнейших друзей России вошел и Казахстан, оказавшись на третьем месте (20 % опрошенных). Характерно, что с введением санкций в отношении России граждане не только стали более уверенно отвечать, кто является врагом или другом России, но и гораздо чаще, по сравнению с 2008 годом, называть дружественными странами Белоруссию и Казахстан (в 2008 г. – 14 % и 8 %).

В целом, можно констатировать, что в российско-белорусских отношениях на протяжении 1991–2014 гг. произошли значительные изменения. Проект Союзного государства России и Белоруссии так и не был реализован, но оставил неприятный осадок в российско-белорусских отношениях: вину за его провал каждая сторона пытается возложить на противоположную. Произошла переориентация и во внешнеполитических курсах России и Белоруссии. Белорусский президент вместе с белорусским обществом все больше ориентируется на Европу, а Россия пытается проложить свой собственный путь между Западом и Востоком. Развитие сотрудничества со странами постсоветского пространства перестало носить приоритетный характер в рамках взаимодействия в межгосударственных структурах СНГ и ОДКБ. В настоящее время развитие отношений с бывшими советскими республиками преимущественно выражается в реализации проекта Евра-

---

¹ Горбелева Е.А. Информационная война 2010 г. в российско-белорусских отношениях // Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях): сборник научных статей/ под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2012. С. 89.

² Россия-Белоруссия // Опрос населения Фонда «Общественное мнение» от 14.10.2010. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/count_/Belarus/d104016 (дата обращения 21.06.2015).

³ Главные друзья и враги России (ВЦИОМ опубликовал рейтинг главных «друзей» и «врагов» России). URL: <http://news2.ru/story/426957/> (дата обращения 21.04.2015).

зийского Союза. С другой стороны, можно говорить о том, что, несмотря на кризисы, периодически случающиеся в российско-белорусских отношениях и выражающиеся в торгово-экономических, энергетических и информационных войнах, Белоруссия, также как и Казахстан, по-прежнему находится в списке главных «друзей» и союзников России. В то же время, другие страны не могут похвастаться такой стабильностью: Германия и Украина перешли в разряд главных противников России на международной арене, а Китай, представлявший, по мнению россиян, реальную внешнюю угрозу для России в начале 2000-х гг. стал восприниматься не только как самый нужный и ценный партнер, но и как наиболее дружественное государство.

Проведенное исследование также выявило, что в условиях информационного общества, в котором информация становится главным оружием и средством реализации государственных интересов, общественное мнение все чаще становится объектом манипулирования. Динамика изменения общественного мнения российских граждан относительно Белоруссии демонстрирует, что общественное мнение в определенной степени «управляемо», так как подвержено колебаниям и изменениям в результате целенаправленной пропаганды или информационных атак. В свою очередь, это происходит по двум причинам: с одной стороны, этому способствует ориентация российскими гражданами на получение информации из государственных телеканалов¹, а с другой стороны – по причине заинтересованности государства в контроле над общественным мнением и формированием у населения «нужных» и «правильных» установок, обеспечивающих, в свою очередь, гомогенность общества и его лояльность правительству, а также возможность «переноса» акцента с внутренних проблем на внешние².

---

¹ Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. М., 2003. С. 21.

² *Козырев Г.И.* «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. 2008. Т. 7. № 1 URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/881/626/1219/kozyrev.pdf> (дата обращения 21.06.2015). С. 12–14.

Круглый стол
«Актуальность исторического исследования:
трудности определения и описания»

(игромодельное событие 22 августа 2015 г.)

Одним из элементов четвертой Всероссийской молодежной научной конференции стал круглый стол, состоявшийся в ее заключительный день и собравший наиболее мотивированных участников. Тема круглого стола («Актуальность исторического исследования: трудности определения и описания») была сформулирована с учетом необходимости включения в активное взаимодействие молодых историков, работающих в разных хронологических, тематических и методологических рамках. Круглый стол был организован Советом научной молодежи Института истории совместно с участниками проекта «Гуманитарная экспертная школа» НОЦ Новосибирского государственного университета «Историческое сибиреведение».

Само по себе проведение круглого стола в качестве завершающего этапа конференции не стало для молодых исследователей необычным событием. На протяжении последних лет круглый стол является традиционной составляющей конференции, площадкой, на которой участникам предоставляется возможность высказать свои мнения по вынесенным на обсуждение вопросам. Однако с изменением формата конференции и ее дополнением элементами научной школы возникла необходимость в реформировании и круглого стола, как ее неотъемлемой части.

Традиционный круглый стол, проводящийся на большинстве научных конференций, подразумевает наличие заранее сформулированной темы и ряда вопросов, которые организаторы номинируют в качестве спорных, дискуссионных и актуальных для участников именно этой конференции. Наряду с организаторами и ведущим может также присутствовать докладчик по обозначенной теме и его оппонент, которые выполняют функцию катализатора процесса обсуждения. Подразумевается, что у каждого участника есть возможность высказаться: озвучить свое мнение по теме и вопросам, предложить варианты выхода из имеющихся затруднений. Вместе с тем, активное участие в работе всех присутствующих на заседании не требуется. Более того, сама форма общего заседания часто фактически исключает возможность высказаться всем присутствующим.

Результаты работы круглого стола в рамках научной конференции могут быть разделены на содержательные и организационные. Содержательный результат традиционного круглого стола

выражается, главным образом, в «инвентаризации» точек зрения по заданному вопросу. Организационный результат зависит от времени проведения этой части конференции. Если круглый стол является первым этапом конференции, то его результатом будет знакомство участников друг с другом и их перевод в рабочее пространство конференции. Если круглый стол является последним этапом, то его результат ограничивается формальным завершением конференции – круглый стол становится финалом всего мероприятия.

Однако в данном случае организаторы конференции выразили сомнение в эффективности традиционного круглого стола для достижения намеченных ими целей. Форма конференции с элементами научной школы предполагает сочетание в рамках одного мероприятия двух рабочих процессов: научного и образовательного. Организаторы круглого стола должны были обеспечить выполнение ряда условий: организовать работу так, чтобы научный и образовательный рабочие процессы взаимно дополнили друг друга; вовлечь как можно большее число участников в обсуждение поставленных вопросов; создать условия для перехода участников от выражения индивидуальных мнений к выявлению вопросов, значимых для всех членов временного коллектива и к согласованию имеющихся точек зрения.

Для реализации указанных задач была выбрана форма игромодельного события, подразумевающая в данном случае моделирование в игровой ситуации реальной научно-исследовательской деятельности (разумеется, с изрядной долей условности). В соответствии с такой формой проведения круглый стол включал в себя две части: работу в малых группах и пленарное заседание. Участники были разделены на четыре малые группы, каждой из которых был предложен один и тот же рабочий материал. Перед группами была поставлена задача — выработать общую точку зрения на поставленные вопросы и представить ее на общем заседании круглого стола. Важными условиями являлись совместный характер обсуждения и согласованность выносимых на общее заседание содержательных результатов. Итоговые доклады от групп должны были стать не самоцелью или конечным результатом круглого стола, а материалом для работы на пленарном заседании.

В формулировке вопросов, вынесенных на групповое обсуждение, был изначально заложен элемент интеллектуальной провокации. Эти вопросы не предполагали наличие одного «правильного» ответа. Наоборот, из формулировок следует, что ответить на один и тот же вопрос возможно по-разному, в зависимости от того,

с какой точки смотрит отвечающий, на какой позиции находится в данный момент.

Актуальность. Что есть *актуальность*? Для кого? Для чего?

Историческое исследование. Что есть исследование? Научное исследование. История как наука. Историческое научное исследование.

Трудности. Что за трудности? Источники трудностей.

Определение актуальности. Как фиксируется актуальность (каков механизм)? Кем фиксируется актуальность (исследователем или исторической наукой «вообще»)?

Описание актуальности. Что это такое? Как описывать актуальность? Исходя из чего описывать актуальность?

Точка зрения на данную тему. Смотрим от себя. Смотрим от профессионального исторического сообщества. Смотрим от исторической науки. Смотрим от «общества». Смотрим с какого-либо иного ракурса.

Такая выводящая участников из привычного и комфортного состояния форма постановки вопросов позволяет решить ряд задач:

- уменьшить вероятность выбора участниками одного, лежащего на поверхности варианта ответа;
- снизить вероятность «следования за авторитетами»;
- обеспечить включенность в общую работу каждого из участников;
- создать условия для конструктивной дискуссии;
- создать условия для рассмотрения вопроса с разных позиций;
- поработать материал для действительно согласованного, а не формального компромиссного решения.

Организаторы круглого стола исходили из того, что у каждого молодого исследователя уже есть сформированные представления об актуальности исторического исследования. Эти представления складывались в результате прохождения учебных курсов в высшем учебном заведении, а также практической исследовательской работы и живого общения с научным руководителем и коллегами. Сформированные этим естественным, стихийным путем представления становятся для их носителя очевидными и не подлежащими сомнению. Положение усугубляется тем, что, находясь в рамках каждодневной исследовательской практики и профессионального общения, исследователи крайне редко выводят

подобные вопросы на уровень дискуссии (даже в отдельно взятом научном коллективе). Сформированные в таких условиях представления воспринимаются их носителем как общепризнанные и заведомо верные.

Мнимая очевидность собственных представлений не позволяет исследователю предположить наличие иных точек зрения на сущность объекта. Сложившиеся представления в значительной степени определяют характер исследовательской деятельности историка, накладывают отпечаток на его самоопределение в рамках исторической науки, а также на определение места исторической науки в социальной жизни. В случае с актуальностью каждый историк определяет ее изнутри своего исследования, так же он ее и описывает во время фиксации результатов. Актуальность, таким образом, определяется либо в рамках исторической науки, либо в рамках предметной области, в которой работает ученый. В результате историческая наука «консервируется» в себе, блокируются ее выходы на социум.

Преодоление барьера между исторической наукой и социальной действительностью должно быть сделано, осознано, в первую очередь, самими историками. Для этого необходимо понять, какое место современное общество отводит исторической науке, какими функциями ее наделяет, как оценивает ее результаты. Помимо этого, нужно определить и зафиксировать ее роль в настоящее время, выявить слабые места во взаимодействии с социальной действительностью. Затем необходимо выдвинуть свою версию роли исторической науки в жизни современного общества, обозначить функции, которые она может реализовывать – то есть ответить на вопрос: что может предложить историческая наука обществу? Организаторы круглого стола убеждены в том, что для осуществления этих действий необходимо провести ревизию некоторых своих обыденных представлений.

Таким образом, в содержательной части круглого стола организаторы ставили следующие задачи:

- выявить представления исследователей об актуальности;
- выявить логику формирования представления, его структуру (является ли представление осознанным, или же это «заученная мантра»);
- определить позицию, с которой смотрит на поставленный вопрос исследователь;
- сформулировать иные возможные точки зрения, обозначить, какие из этих точек зрения взаимно исключают друг друга, а какие могут сосуществовать и дополнять;

- вывести исследователя из его сферы научных интересов, позволить ему взглянуть на «очевидность» с позиции исследователя с другими интересами, с позиции гражданина, члена социума – рядового потребителя результатов научных исследований.

Работу в малых группах можно охарактеризовать следующим образом. В той или иной степени все участники внесли свой вклад в обсуждение поставленных перед ними вопросов и построение группового доклада на пленарное заседание. На этом этапе было выявлено, что трактовки актуальности исторических исследований у разных участников во многом аналогичны и основаны на включенности в сообщество историков и исследовательской практике самих участников. Сформулированные отдельными участниками иные, лежащие вне исторической науки трактовки актуальности также не вызвали противоречий. Сложности возникли на этапе понимания чужих точек зрения, их согласования и во время сборки общего для группы результата. Во время подробного разбора выяснилось, что, казалось бы, похожие точки зрения имеют свои особенности и далеко не всегда сводимы друг к другу. За одними и теми же терминами у разных участников стоят разные смыслы, и это не сразу удастся выявить без помощи всей группы. Выявленные противоречия и разночтения были положены в общий результат в качестве возможных вариантов и дополнений. Так или иначе, на пленарное заседание были представлены результаты, номинированные как общегрупповые с допуском отдельных частных мнений и уточнений.

По результатам наблюдений и немногочисленных отзывов самих участников, более сложным в процессуальном и эмоциональном плане стало пленарное заседание. Изначально пленарное заседание было воспринято участниками как место для предъявления результатов работы малых групп, но не как место для конструирования общего результата. Традиционно для игромодельного события наибольшие трудности были у докладчиков от первой группы. Первым докладчикам необходимо было уже в ходе доклада переключиться с предъявления собственного результата (воспринимаемого в качестве окончательного) в режим его анализа и переработки. В дальнейшем переключение с привычного формата на совместную межгрупповую работу, предполагающую быстрое интеллектуальное реагирование, необходимость в сжатый срок понять коллег из другой группы и совместными усилиями создать общий интеллектуальный продукт вызвало затруднения даже у наиболее активных участников круглого стола. Кроме того, на этом этапе работы дали о себе знать противоречия в понимании и согласовании, выявленные на этапе групповой работы.

В целом, с позиции организаторов, результаты проведенного круглого стола можно считать положительными. Затруднения, возникшие в ходе работы, были прогнозируемы. Ценным является то, что во время решения общих задач эти затруднения были вынесены на общее обозрение, актуализированы и была предпринята попытка эти затруднения преодолеть. Разумеется, за четыре часа невозможно переоформить представления об актуальности исторического исследования для науки или для социума, даже работая в тесном взаимодействии с коллегами. Затруднительно и научиться смотреть на результаты своей профессиональной деятельности со стороны, с позиций, находящихся за ее рамками. Однако представленная форма работы помогает создать условия для перестройки мышления и преодоления барьеров в понимании между коллегами-исследователями.

*Введенский Владимир,
Совет научной молодежи Института истории СО РАН,
Гуманитарная экспертная школа*

Сведения об авторах

Афанасьев Павел Алексеевич, канд. ист. наук, старший преподаватель Алтайской государственной педагогической академии.
E-mail: pavel_afanasev@mail.ru

Бикетова Екатерина Андреевна, аспирант Алтайского государственного университета.
E-mail: gorbeleva@yandex.ru

Бобров Денис Сергеевич, аспирант Алтайского государственного университета.
E-mail: BDS-eureka@yandex.ru

Бородина Елена Васильевна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.
E-mail: sosnovi-bor@yandex.ru

Бытко Сергей Станиславович, магистрант Нижневартковского государственного университета.
E-mail: Labarum92@rambler.ru

Васильева Валентина Петровна, аспирант Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: kaktus1945@mail.ru

Вельмакина Мария Сергеевна, аспирант Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: mvelmakina@ya.ru

Дементьев Александр Петрович, канд. ист. наук, учитель Красноярской средней школы № 12.
E-mail: dementjev.ap@yandex.ru

Долгополова Екатерина Владимировна, аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН.
E-mail: Caterina.dolgoplova2011@yandex.ru

Егоров Станислав Олегович, аспирант Новосибирского национального исследовательского государственного университета.
E-mail: segorov752@gmail.com

Илюшин Борис Анатольевич, выпускник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
E-mail: arunta-desert@yandex.ru

Кожухова Алена Казимировна, аспирант Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: Mikshaa@yandex.ru

Козлова Ирина Сергеевна, студент Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: kozlovairina0611@mail.ru

Кромер Лев Викторович, аспирант Института истории СО РАН.
E-mail: levkromer@mail.ru

Лапердин Вячеслав Борисович, канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН.
E-mail: laperdin2011@mail.ru

Лысенко Наталья Алексеевна, специалист по учебно-методической работе первой категории Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: zemtash@yandex.ru

Маслова Анжелика Игоревна, магистрант Новосибирского национального исследовательского государственного университета.
E-mail: maslovaanzhelika@mail.ru

Митрофанова Ксения Николаевна, магистрант Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: sifero00@yandex.ru

Пахтусов Александр Витальевич, курсант Новосибирского института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД Российской Федерации.
E-mail: nilaeva98@mail.ru

Плотников Дмитрий Юрьевич, студент Новосибирского национального исследовательского государственного университета.
E-mail: pkr-va-149@yandex.ru

Рассказимов Александр Александрович, магистрант Новосибирского национального исследовательского государственного университета.
E-mail: alexrasskazimov@gmail.com

Рыков Алексей Викторович, заведующий кабинетом кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета.

E-mail: a_rykov91@rambler.ru

Сафронова Юлия Анатольевна, магистрант Новосибирского национального исследовательского государственного университета, техник Института истории СО РАН.

E-mail: safronova137@yandex.ru

Семенов Михаил Александрович, канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН, доцент Сибирской академии финансов и банковского дела.

E-mail: pihterek@yandex.ru

Семенова Елена Николаевна, соискатель кафедры Отечественной истории и культурологии Томского государственного педагогического университета.

E-mail: lapimoh@yandex.ru

Семерикова Ольга Михайловна, доцент Уральского федерального университета.

E-mail: olgasemerikova@urfu.ru

Сердюк Владимир Александрович, канд. ист. наук, старший преподаватель Омского государственного университета путей сообщения.

E-mail: a.serdyuk@mail.ru

Слугина Виктория Александровна, аспирант Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

E-mail: slugina881@gmail.com

Старышкина Анастасия Андреевна, студент Новосибирского государственного педагогического университета.

E-mail: staryshkina@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Всемирная и отечественная история с V до середины XIX века

<i>С.А. Егоров</i> Представления об истории в картине мира болгарских богомилов (X в.).....	3
<i>Б.А. Илюшин</i> Военное дело служивых татар в XV в.....	12
<i>В.А. Слугина</i> Русская и «иноземская» присяга российскому государю в Сибири в XVII в..	20
<i>С.С. Бытко</i> Традиции составления старообрядческих сборников: историография вопроса...	29
<i>Е.В. Бородина</i> Социальная структура горнозаводского Урала в 1720-е – 1730-е годы: границы и маркеры стратификации.....	35
<i>И.А. Шпилов</i> Этнографические материалы вспомогательного персонала экспедиции Биллингса–Сарычева (1785–1795 гг.) как источник по истории изучения народов крайнего северо-востока Сибири.....	42
<i>Д.С. Бобров</i> Оценка М.И. Венюковым лимогенеза Российской Империи на юге Западной Сибири в XVIII веке.....	51

Отечественная история с середины XIX до начала XX века

<i>Д.Ю. Плотников</i> Война и коммерция в Восточной Анатолии: причины русской политики в отношении британской торговли в 1854–1855 гг.....	60
<i>П.А. Афанасьев</i> Организационные особенности ревизионного контроля в Алтайском округе в конце XIX – начале XX в.....	69
<i>И.С. Козлова</i> Повседневные практики работы сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX века с текстами для периодических изданий.....	78
<i>Н.А. Лысенко</i> Компаративный анализ идеала православного священника-миссионера на территории Российской Империи второй половины XIX – начала XX века..	87
<i>А.К. Кожухова</i> Образ Европейской России в сибирской печати конца XIX – начала XX века: историографические условия для разработки проблемы.....	95
<i>А.А. Старышкина</i> «Это был товарищ, так же страстно, как и я, влюбленный в свободу, в свободную Россию»: восприятие свободы российскими журналистами рубежа XIX–XX веков.....	102

<i>К.Н. Митрофанова</i> Иллюстрированные журналы для детского и семейного чтения как фактор гендерной социализации детей в России второй половины XIX – начала XX века.....	110
<i>М.С. Вельмакина</i> Женский вопрос в газетной публицистике Сибири в конце XIX – начале XX века. (по материалам «Сибирской газеты» и «Сибирской жизни»).....	117
<i>В.А. Сердюк</i> «Женщина – начальник станции»: общественная дискуссия по вопросам женского труда на железных дорогах России в начале XX века...	125
<i>О.М. Семерикова</i> Институт земских участковых начальников как важный элемент успешности в реализации столыпинской аграрной реформы на Урале (на примере Вятской и Пермской губерний).....	134
<i>К.А. Тишкина</i> Тема Первой мировой войны в произведениях Г.Д. Гребенщикова.....	142
<i>Отечественная история с 1917 по 1945 г.</i>	
<i>А.П. Дементьев</i> Профессиональные организации и органы власти Енисейской губернии: к вопросу о взаимоотношениях в октябре 1917 – ноябре 1918 гг.....	151
<i>Ю.А. Сафронова</i> «Партийные недели» в Сибири в период военного коммунизма: особенности проведения и итоги.....	161
<i>А.А. Рассказимов</i> Арендно-концессионная политика на Бериккульском руднике (1923–1926 гг.)....	169
<i>Л.В. Кроммер</i> Ленинский призыв молодежи в комсомол Сибири (январь – ноябрь 1924 г.)...	178
<i>А.И. Маслова</i> Кинохроника как источник по изучению судебного процесса «Промпартии» 1930 г.....	187
<i>О.В. Филиппенко</i> Деадаптивное поведение спецпереселенцев в Западной Сибири первой половины 1930-х гг.: формы, динамика, последствия.....	196
<i>А.В. Рыков</i> Роль рыночной торговли и товарообмена в жизнеобеспечении колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны.....	205
<i>М.А. Семенов, Е.Н. Семенова</i> Медицинское обслуживание членов семей военнослужащих в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны.....	213
<i>А.В. Пахтусов</i> Работы по поиску останков воинов, погибших на территории Орловской области.....	220

Отечественная история с середины XX до начала XXI века

<i>Е.В. Долгополова</i> Воспоминания судьи Ленинградского городского суда Г.А. Левицкого как источник для изучения судопроизводства в Ленинграде в послевоенный период (1945 – начало 1950-х гг.).....	228
<i>В.Б. Лапердин</i> Детская смертность в Западной Сибири в 1946–1950 гг.....	238
<i>А.А. Фокин</i> Наказы избирателей кандидатам в депутаты Советов Челябинской области в 1960–1970-е гг.....	246
<i>В.П. Васильева</i> Советская мультипликация как исторический источник: историография и подходы к изучению.....	254
<i>Ю.Ю. Тарасенко</i> Развитие католических общин в Алтайском крае в 1980-е гг.....	261
<i>Е.А. Бикетова</i> Место Белоруссии в рейтинге «друзей» и «врагов» России (по материалам социологических опросов 1991–2014 гг.).....	268
<i>В.В. Введенский</i> Круглый стол «Актуальность исторического исследования: трудности определения и описания».....	275
Сведения об авторах.....	281

Научное издание

**Актуальные проблемы исторических исследований:
взгляд молодых учёных:**

Сборник материалов Международной молодёжной научной
конференции

Адрес редколлегии: istkonf@gmail.com

Оригинал-макет: В.В. Введенский

Подписано в печать 15.10.2015 г.
Формат: 60x90¹/₁₆. Гарнитура «Обыкновенная новая»
Уч.-изд. л. 16,67. Усл. печ. л. 16,74
Тираж 150 экз. Заказ № 1015

Отпечатано в типографии ООО «Параллель»
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1
тел. (383) 330-26-68